

Б.А.Рыбаков

ПЕТР БОРИСЛАВИЧ

Поиск автора «Слова о полку Игореве»

Б.А.Рыбаков

ПЕТР БОРИСЛАВИЧ

Поиск автора «Слова о полку Игореве»

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

5

Часть I. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Глава 1. Первых времен усобицы

Отречение Автора от Бояна, певца Ольговичей

22

Старый Владимир (Мономах)

27

Князьи крамолы

33

Вещий Всеслав

37

Олег Гориславич

46

Глава 2. Полк Игорев

Поход

53

Победа

79

Битва на Каяле

86

Туга и тоска на Руси

96

Глава 3. Великий и грозный Святослав

Победа над Кобяком

102

Черная весть

113

«Златое слово»

117

«Загородите Полю ворота!»

119

Глава 4. Игорь-князь в Русской земле

Заклинания Ярославны

133

Побег

136

В Русской земле

137

Погоня

138

Концовка

140

Итоги

143

Часть II. ПЕТР БОРИСЛАВИЧ

- Глава 5.* Петр Бориславич — боярин, дипломат, летописец
156
Посольство Петра Бориславича в Галич в 1153 году
163
Схема летописания Петра Бориславича
165
Особенности летописной манеры Петра Бориславича
167
- Глава 6.* Первая летопись
Боярин Петр Бориславич по летописным данным
174
Первая летопись
178
- Глава 7.* Летопись великого князя Изяслава Мстиславича
(1146—1154)
207
- Глава 8.* Киевский тысяцкий
233
Поход Мстислава Изяславича 1168 года и «Слово о полку
Игореве»
235
«В серебряной седине»
241
- Глава 9.* Исторический труд о киевских князьях от «Старого
Владимира»
248
Петр Бориславич и «Слово о полку Игореве»
269
Список литературы
286

Бессмертное, удивительное «Слово о полку Игореве» не требует восхвалений. Достаточно сказать, что это небольшое произведение (которое может быть прочтено вслух за 40—50 минут) уже два столетия занимает умы ученых, поэтов и всех тех, кто стремится познать расцвет культуры русского средневековья. На разных языках мира о нем написано более 5 тысяч книг и статей, сделаны сотни переводов. И все же непревзойденный образец политического красноречия во многом остается еще не разгаданным. «Слово» настолько многогранно, что ученые затрудняются даже определить жанр его.

«Слово» обычно называют поэмой, так как оно соткано из множества поэтических образов, сказочных ситуаций, нежной лирики, обращений к романтике языческой старины, в чем Автор предвосхитил поэтов Ренессанса. Но нельзя упускать из виду того, что «Слово» мужественно говорит о важных политических и военных вопросах, сурово и твердо осуждает того князя, чье имя поставлено в заголовке, и отнюдь не лирично, а в повелительном наклонении призывает современных ему полководцев «вступить в стремя», «стрелять поганого Кончака», «загородить Половецкому Полю ворота».

Многие десятки тончайших намеков, хорошо понятных современникам Автора (и с огромным трудом при помощи летописей XI—XII веков разгадываемых нами), явно свидетельствуют о том, что «Слово» было действительно словом, обращенным впрямую, непосредственно к людям 1185 года. Эта речь-призыв была, разумеется, не экспромтом, а заранее обдуманной и написанной произведением, где россыпь поэтических сокровищ не заслоняла непреклонной воли Автора — политика, оратора и патриота.

Великий Автор поражает нас широтой своего кругозора, охватывающего Русь, Центральную Европу, Адриатику, Балканский полуостров и необъятные степи от Дуная до Волги и Кавказа. Еще более восхищает нас его знание родной истории: он не только подробно, чем летописцы, знает «первые времена» первых половецких нашествий (1068 год), но и углубляется в далекую славянскую старину. Автор «Слова» в отличие от летописцев занимался не констатацией фактов, а их анализом. Его интересовали не поступки отдельных лиц и даже не отдельные события, а выявляющиеся при историческом рассмотрении явления. Его тревожила более чем столетняя устойчивость такого опасного, антинародного явления, как княжеские распри, кровавые усобицы и особенно крайняя, позорная форма усобиц, когда некоторые князья нанимали половцев, расплачиваясь с ними предоставлением половецким ханам возможности грабить русские села и города и уводить в полон для продажи в рабство русских людей.

Автор смел! В присутствии великих князей и Игоря Святославича он во всеуслышание называет имя того русского князя, который первым позволил себе «приводить поганых на Русь». Это родной дед Игоря — Олег Святославич, начавший приводить половецкие орды от Азовского приморья на Русь с 1078 года.

«Слово» было написано не для развлечения пирующих, не как повествование об отдаленных эпических временах (подобно «Песни о Роланде»), оно было обрушено на русских князей и бояр как внезапный набатный звон, не столько извещающий о бесславном разгроме «полка Игорева», сколько

предостерегавший о почти неминуемом новом (шестом за 1180-е годы) нашествии Кончака, временно отступившего со всей своей добычей — оружием убитых воинов Игоря и плененными на огромной территории русскими женщинами и детьми. Своим словесным набатом Автор призывал к военному единству; силой мудрого и страстного слова он стремился привести в движение огромные массы людей из разных княжеств, призывал князей забыть распри и «которы» и совместно выступить против Кончака.

Приступая к историческому осмыслению «Слова», мы должны внимательно взглядеться во все многообразие русской жизни XII века, не пропуская ни перечня исторических лиц, ни причин углубления в историю на сотню (а местами и на 800—1000) лет, ни таких деталей, как состояние обветшавшей рукописи «Слова» с перепутанными и утерянными страницами. Нельзя миновать и обзора международного положения Руси в 1180-е годы, объясняющего нам широту географического диапазона авторской речи.

Судьба рукописи. «Слово о полку Игореве» написано по свежим следам майских и июньских событий 1185 года и, по всей вероятности, было произнесено на съезде князей в Киеве в присутствии самого Игоря Святославича, приехавшего к великим князьям с просьбой о военной помощи против Кончака.

В XIV веке списки «Слова» существовали во Пскове и в Москве, а в XV веке — и в богатой библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря и в Спасском монастыре в Ярославле. На русских людей XIV века, находившихся под тяжелым гнетом татарского ига, «Слово» произвело очень сильное впечатление. Призыв к единству, к прекращению княжеских усобиц и к общему противостоянию степнякам был крайне актуален в эпоху Куликовской битвы, и неудивительно, что сама эта победоносная битва с Мамаем была воспета в поэме «Задонщина», автор которой восторженно, не таясь, подражал «Слову о полку Игореве».

Ярославский список, вывезенный в Москву и опубликованный А. И. Мусиным-Пушкиным в 1800 году, был переписан во второй половине XV века со списка XIV века. Возможно, что именно этот ярославский список видел А. М. Курбский (из ярославских удельных князей), рассуждавший о местоположении реки Каялы; Курбский отождествлял ее с левым притоком Дона — Медведицей.

Ярославская мусин-пушкинская рукопись, обнаруженная около 1792 года, два десятка лет была в поле зрения ученых, но в наполеоновский пожар Москвы 1812 года она сгорела во дворце Мусина-Пушкина на Разгуляе. Анализ рукописи на современном уровне науки стал невозможен. Единственное, что мы можем сделать сейчас, это произвести текстологическое рассмотрение нарушений логической последовательности текста. Исследования А. Ф. Потебни (1878), А. И. Соболевского (1888) и Н. К. Гудзия (1956) установили перепутанность начальных страниц поэмы, в силу чего солнечное затмение 1 мая 1185 года упоминалось в тексте дважды.

Продолжая рассмотрение резких перепадов смысла и тематики, мне удалось установить еще целый ряд нарушений, объясняемых перепутанностью страниц при переплете рукописи.

Филологи возражают против каких-либо сомнений в целостности и ненарушенности текста, объясняя нелогичности «поэтической вольностью» Автора, но мы не можем закрыть глаза на явное механическое нарушение текста.

Приведу примеры:

Начало битвы

11 мая 1185 года

◀ 25 строк, посвященных событиям 1078 года

Продолжение

битвы 11—12 мая

◀ 64 строки о последствиях поражения 1185 года и о событиях 1184 года. Начало речи бояр, обращенной к Святославу Всеволодичу

Окончание

битвы 12 мая

Вклинившиеся куски инородного текста даже косвенно не связаны с описанием битвы. Второй пример не менее убедителен.

◀ Сон Святослава.
Начало речи бояр о поражении Игоря

80 строк.

Последний день битвы

12 мая. «Златое слово»

Святослава

.
.

Начало призыва

к волынским князьям

◀ Окончание речи бояр

Окончание призыва

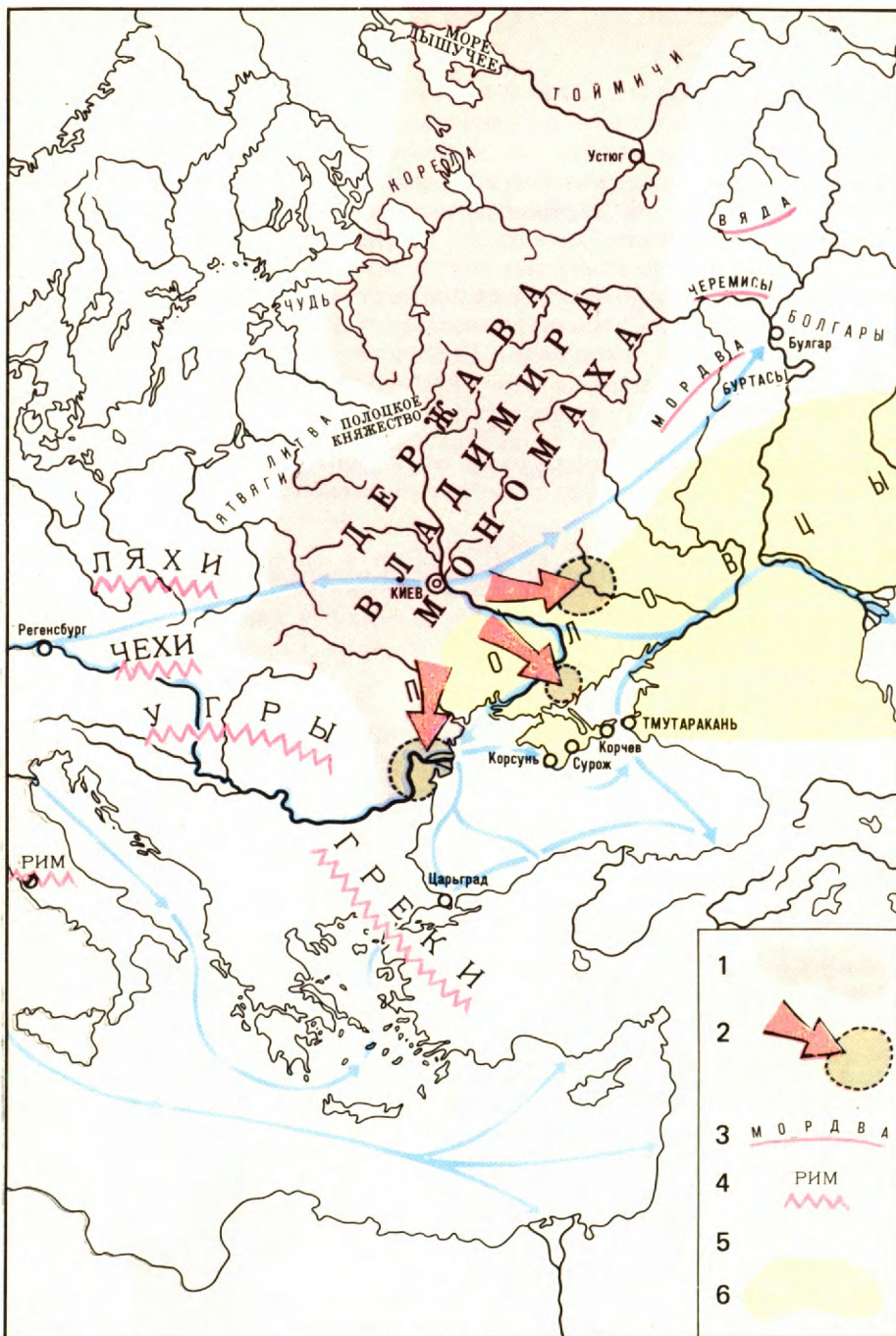
к волынским князьям

Приведенные примеры с непреложностью свидетельствуют о насильственном разрыве целостного текста вставками, которые, в свою очередь, тоже в некоторых случаях подвергаются механической перетасовке, нарушающей даже грамматические формы.

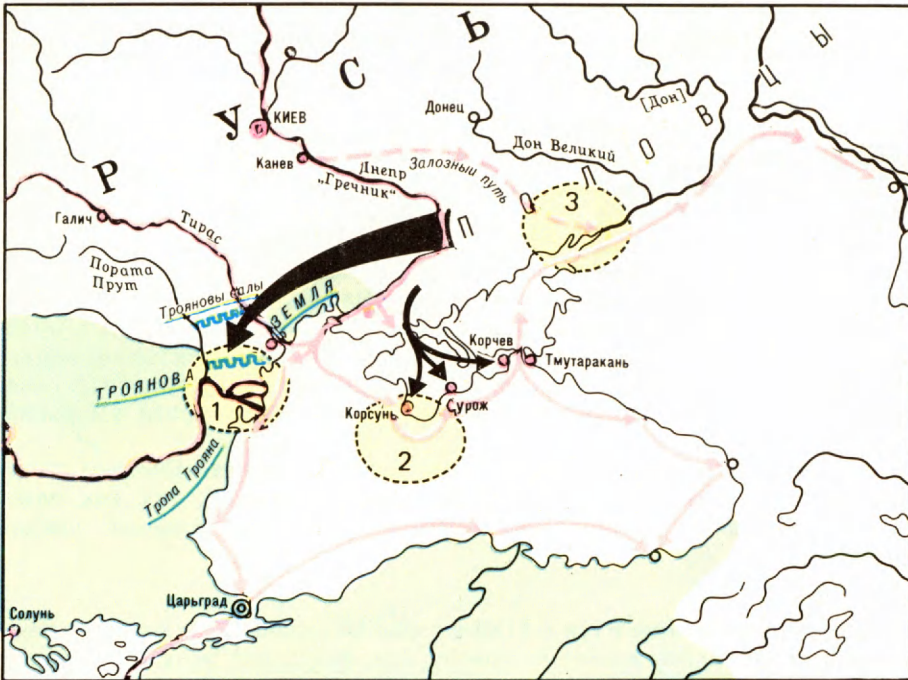
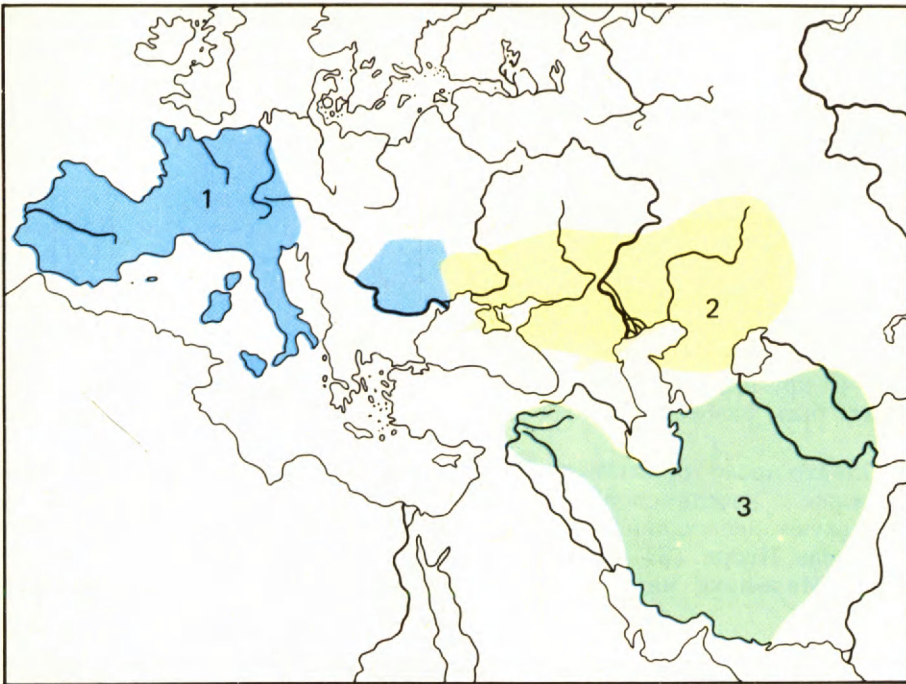
Утерянная страница. Восстановление логической последовательности текста неизбежно поднимает перед исследователями вопрос, поставленный некогда самим автором перед своими слушателями в самой первой фразе: «А не стоит ли, братья, начать нам со старых повествований о трудных (временах)?» И в следующей же фразе раскрывает и дату и сущность этих «трудных повестий» — время Бояна, вторая половина XI столетия, время, действительно оставившее в составе летописей несколько повестей об усобицах и поражениях, о трудных победах Владимира Мономаха.

В «Слове» есть краткие, но красочные и эмоциональные пересказы этих подробных летописных статей, но они почему-то оказались не в начале «Слова», как хотел сам Автор, а далеко в сердцевине поэмы, вклинивающимися то в описание битвы на Каяле 11 мая, то между «златым словом» Святослава и призывами Ярославны. И вклинились они почему-то в обратном хронологическом порядке: сначала события 1078 года, а потом 1066—1068 годов.

Это очень хорошо объяснится, если мы допустим не сознательную порчу текста произвольной и бесцельной путаницей, а всего лишь невнимательность при переплете «ветшаной книги» с рассыпавшимися листами.

Карта № 1. Борьба Владимира Мономаха с половцами:
 1 — русские княжества, подвластные великому князю киевскому Владимиру Мономаху; 2 — районы главных военных ударов Мономаха в начале XII века; 3 — народы, платившие дань Киеву; 4 — государства, прославлявшие победы Мономаха над половцами; 5 — основные направления торговли Европы с Ближним Востоком; 6 — Поле Половецкое.

Карта-схема № 2. Регионы Европы и Азии, где в XII—XIII веках использовался латино-половецко-персидский словарь («Codex samanicus»):

1 — романоязычные земли; 2 — тюркоязычные земли; 3 — ираноязычные земли.

Карта № 3. «Обида в землях Дажьбожа внука» в 1180-е годы.

«Встала Обида в силах Дажьбожа внука: 1 — вступила девою на землю Трояню; 2 — всплескала лебедиными крылы на синем море; 3 — у Дону, плещучи упуди жирная времена». (В 1180-е годы в низовьях у Дуная появились войска Лукоморских половцев, получивших наименование «Подунайцев».)

Вызывает удивление и то, что Автор повторно говорит о том, что он хочет начать свое слово с эпохи дедов и прадедов современных ему князей, с эпохи «Старого Владимира» Мономаха:

«Почнем же, братие, повесть сию от Старого Владимира...»

Дважды автором четко провозглашен принцип исторического подхода к изложению событий. Сепаратный (и в силу этого трагически завершившийся) поход Игоря должен быть оценен, по мысли Автора, в сопоставлении с другими, давними битвами и походами, неудачными, если в князьях был разброд, и победоносными, если возобладало единение сил.

Однако после торжественного обещания начать свою речь с побед Мономаха, «иже... наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Руськую», неожиданно текст «Слова» (не Автор!) переходит к описанию начала похода Игоря (23 апреля 1185 года). От провозглашенного описания побед Мономаха над половцами уцелела только одна завершающая фраза:

*«О, стонати Руской земли, помянувшє первую годину и первых князей!
Того Старого Владимира нельзе бе пригвоздити к горам
Киевским...»*

Местоимение «того» явно показывает, что ему должно было предшествовать описание положительных действий Мономаха в тяжелую годину первых (после единодержавия Ярослава Мудрого) усабиц XI века. Но этого в дошедшем до нас тексте нет.

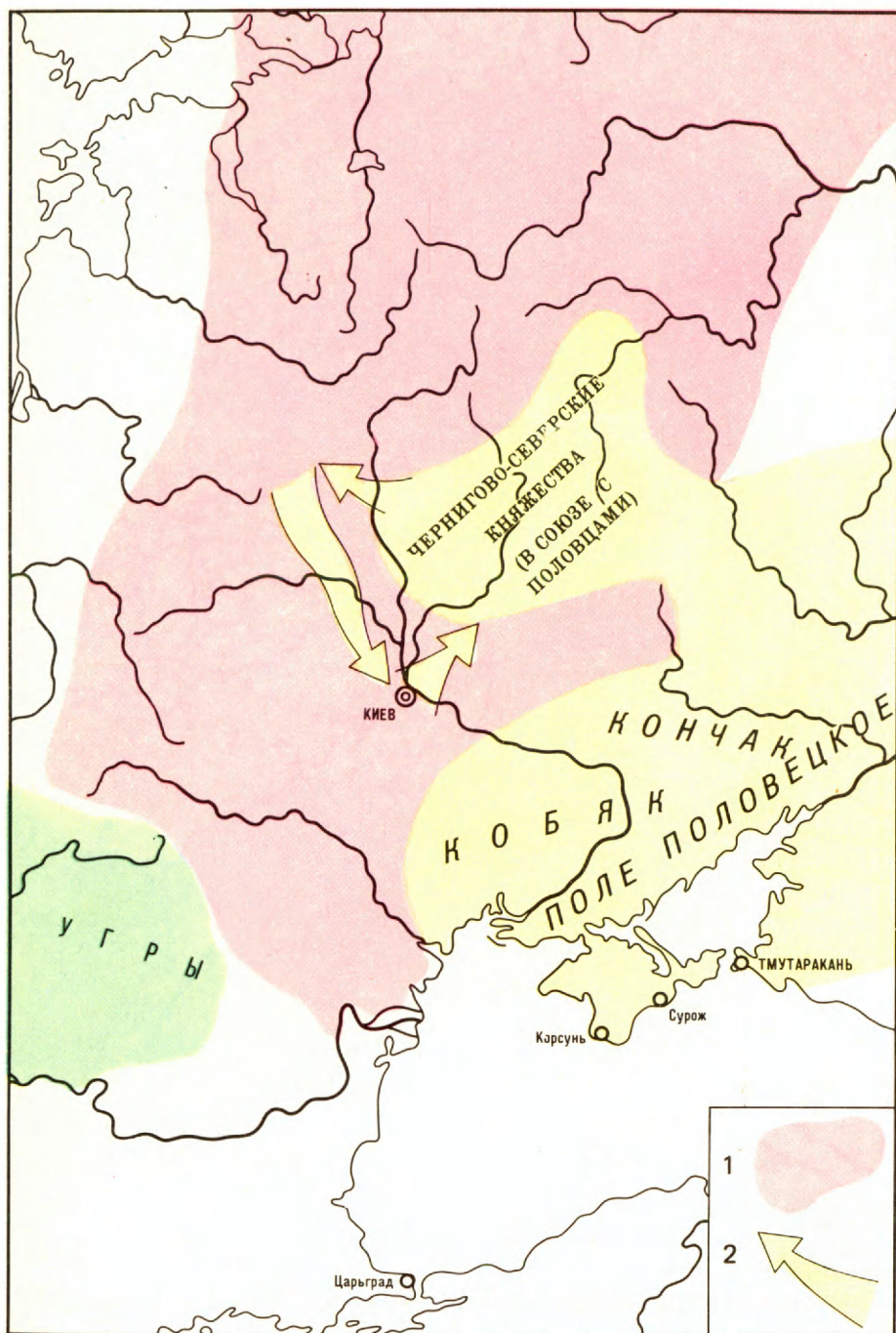
Крупнейший русский историк С. М. Соловьев еще в середине XIX века совершенно справедливо полагал, что первоначально в составе «Слова о полку Игореве» находился какой-то панегирик Владимиру Мономаху, и предлагал обратить внимание на известное место в галицкой летописи, где прославлялся праправнук Мономаха волынский князь Роман Мстиславич, подражавший «Мономаху, погубившему поганяя Измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока (отца Кончака) во Обезы за Железная врата (Дарьяльское ущелье)».

Эта похвала написана через 20 лет после создания «Слова о полку Игореве», но ее никак нельзя связывать с нашей поэмой, так как здесь употреблена церковная терминология («измаильтяне»), совершенно чуждая Автору «Слова».

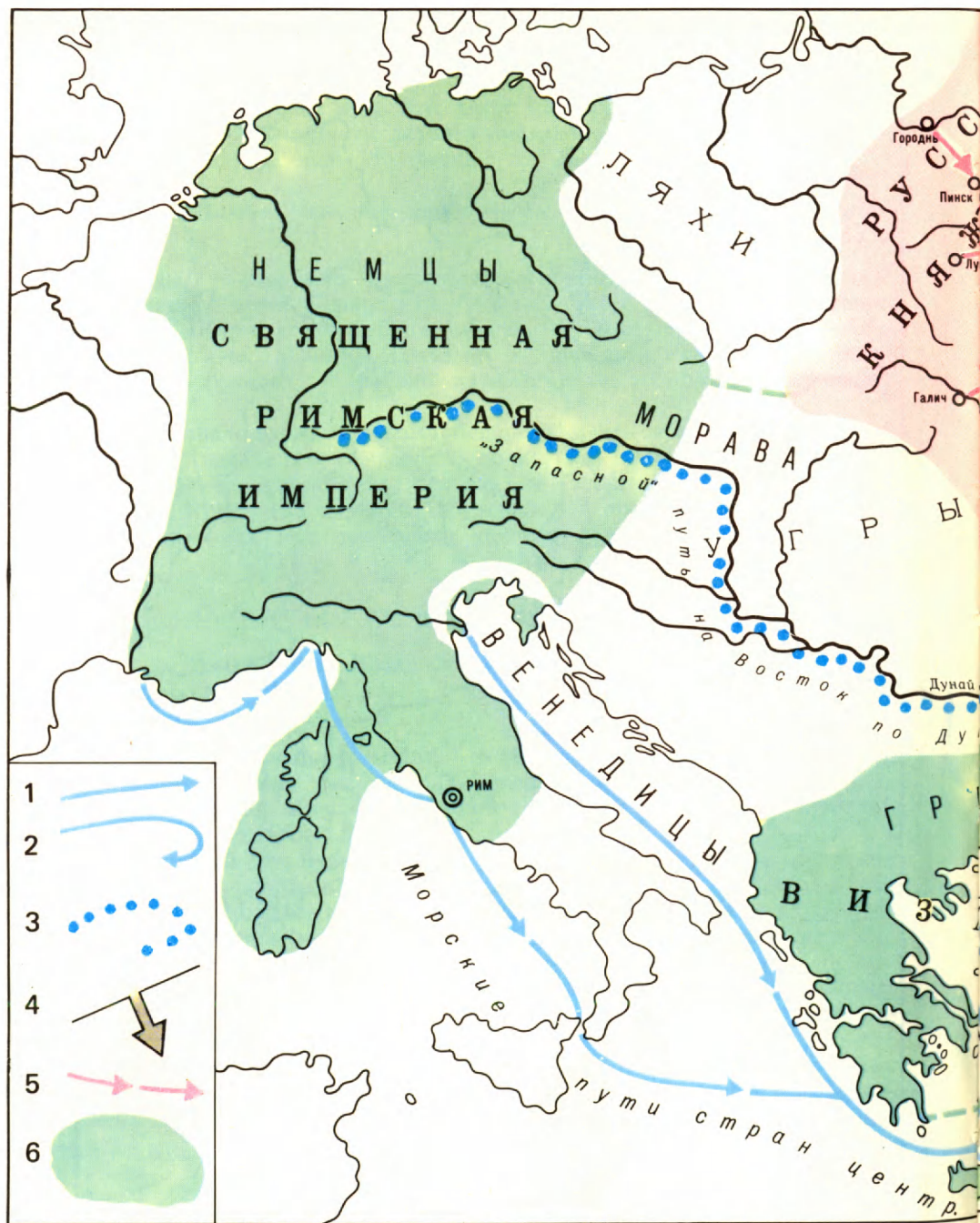
Международное положение Руси в 1180-е годы. Исторически осмыслить речь, произнесенную по такому важному поводу, как сплочение всех русских сил для противостояния огромной половецкой державе Кончака, можно только при условии широкого рассмотрения международной ситуации, приведшей в конце 1180-х годов к третьему крестовому походу Фридриха Барбароссы и Ричарда Львиное Сердце.

Для этой цели можно предложить серию исторических карт, начать которую, следуя историческому методу Автора «Слова», необходимо с эпохи Старого Владимира Мономаха.

К середине XI века торговые связи Западной Европы и Руси приобрели устойчивый трансконтинентальный размах. Заморский Восток прив-

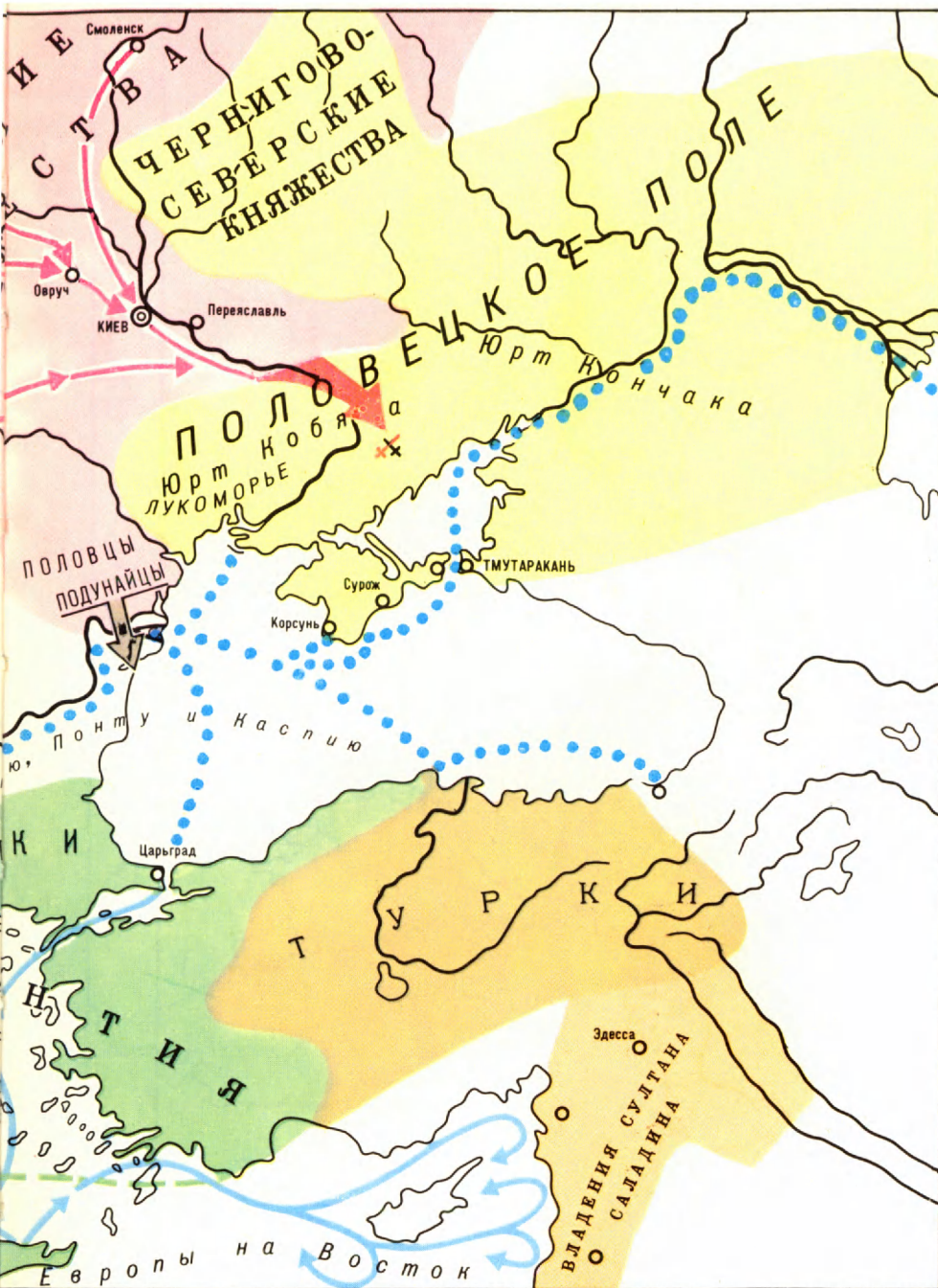

Карта № 4. Союз чернигово-северских княжеств с половцами:
 1 — общие пределы русских суверенных княжеств; 2 — участие Игоря, Кончака и Кобяка в усобице полоцких князей и поход русско-половецких сил на Киев в 1180—1181 годах.

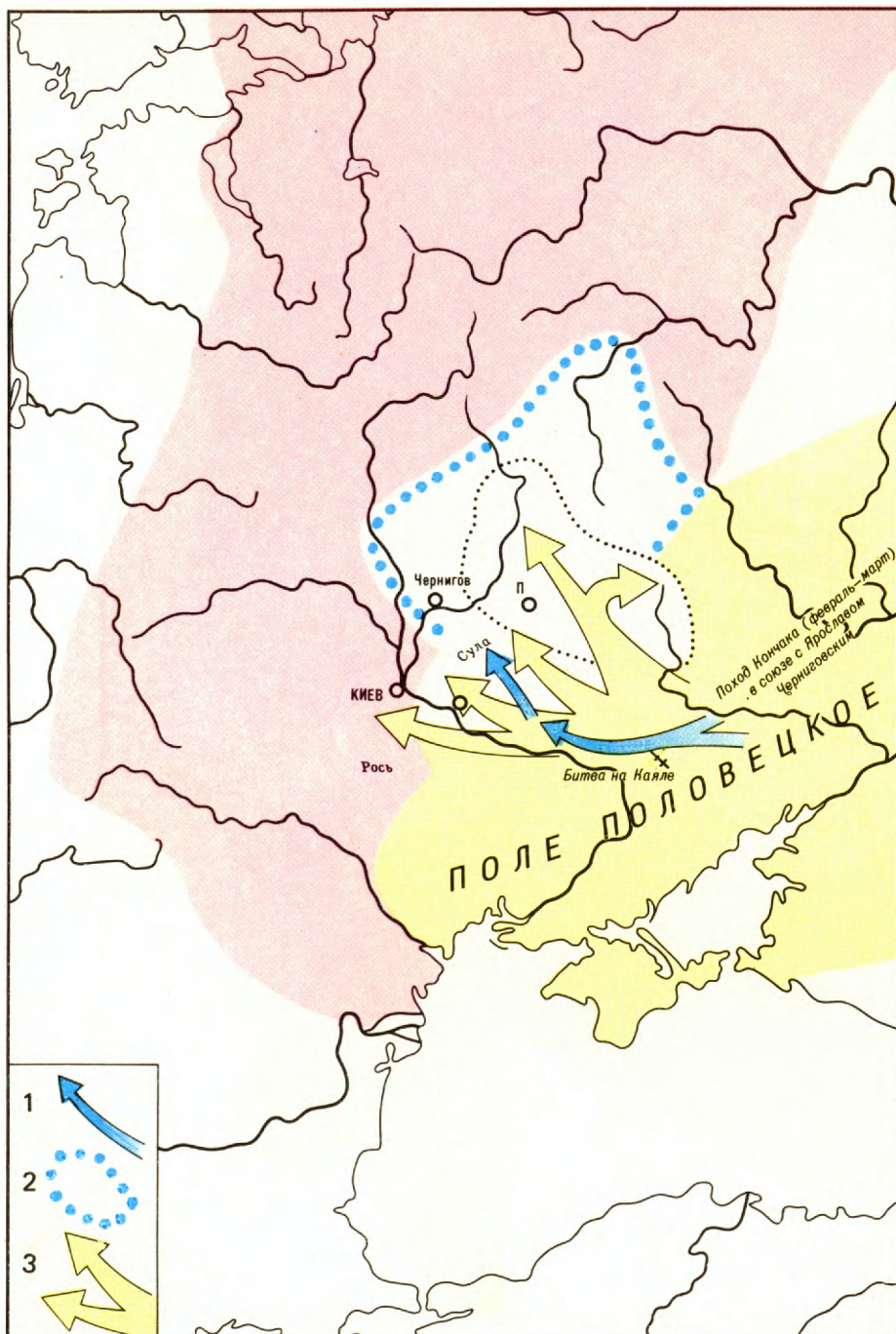

Карта № 5. Европа и Ближний Восток накануне третьего крестового похода:

1 — основные направления европейских морских торговых путей на Восток; 2 — затруднения в проникновении европейцев на Ближний Восток после создания Сельджукского султаната и империи Салюцидов;

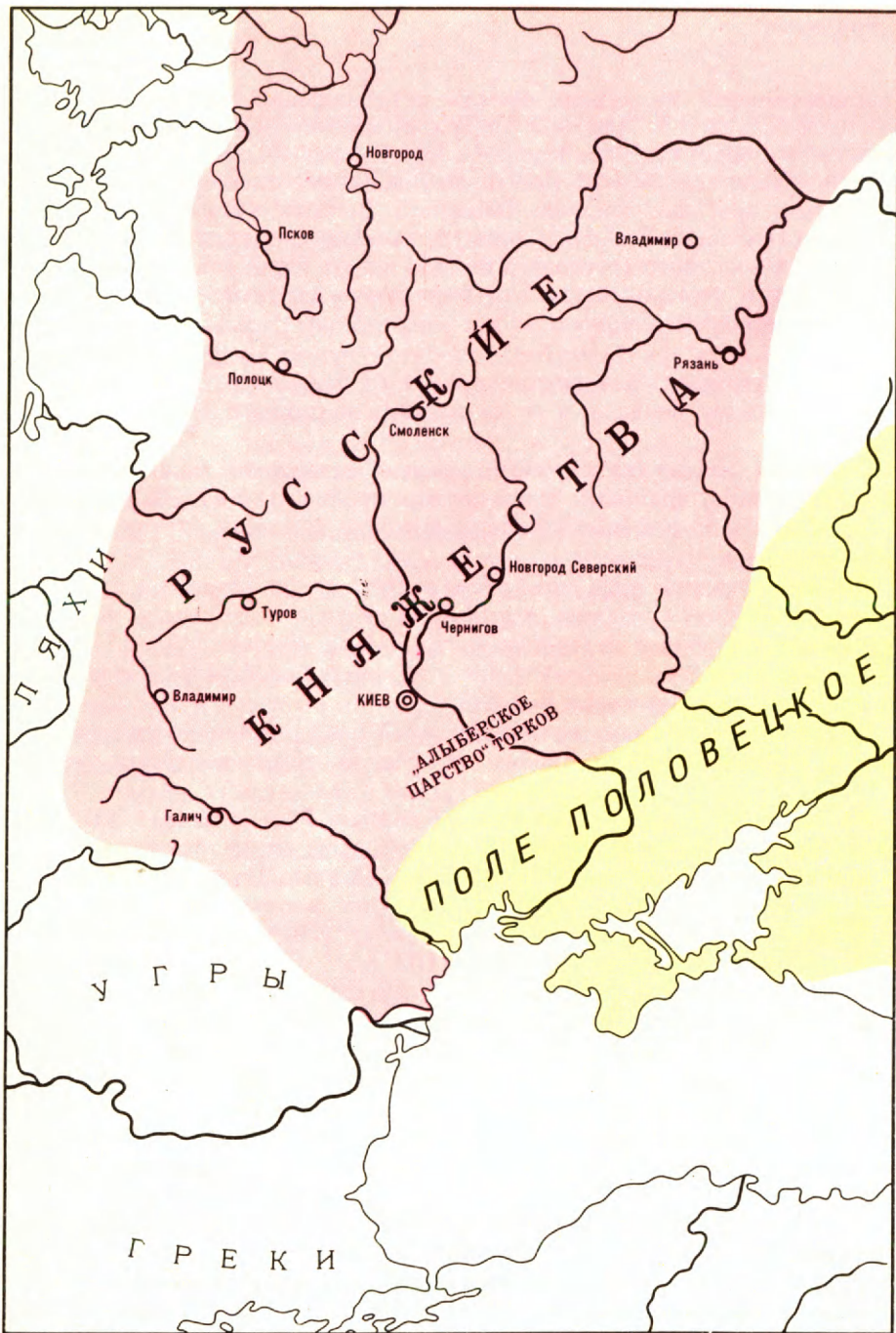

ладина; 3— «Запасной» путь на Восток по Дунаю, Черному морю и Каспию; 4— половецкий заслон близ устья Дуная; 5— общерусский поход (без участия Игоря) на хана Кобяка; 6— европейские государства, благодарные Святославу Всеволодичу за разгром Кобяка — повелителя Лукоморских половец.

Карта № 6. 1185 год. Нашествие половцев на Русь после разгрома войск Игоря:

1 — поход Кончака на Русь в феврале — марте 1185 года; 2 — Черниговское и Северское княжества, ставшие в это время союзниками Кончака; 3 — нашествие Кончака и Гзака на Киевскую (река Рось)? Черниговскую и Северскую земли в мае — июне 1185 года.

Карта № 7. 1185—1190 годы. Воссоединение Черниговского и Северского княжеств с остальными русскими землями.

лекал купцов-рыцарей из разных земель, устремлявшихся сюда как караванными путями, так и по рекам и морям. Появление новых воинственных кочевников — половцев севернее Каспия и Черноморско-Азовского побережья и турок-сельджуков южнее этих морей — существенно повлияло на безопасность. Местные арабские племена Ближнего Востока («сарацины») тоже нередко создавали препятствия на сухопутных магистралях. Русский игумен Даниил, свидетель первого крестового похода и друг короля Балдуина, писал (около 1107 года), что в окрестностях Иерусалима в пустыне

«...есть Асколонь град; выходят бо отгуду срацини и избивают странняя (путешественников) на путех тех. Да ту есть боязнь велика... и ти путь тяжек и страшен зело».

Сарацины, сельджуки и половцы сильно затруднили международную торговлю. Европейцам пришлось силой оружия пробиваться в глубь континента, что было облечено в форму священной войны христиан «за освобождение гроба господня».

Прямой морской путь по Средиземному морю приводил теперь к весьма негостеприимным берегам, и в прямой связи с этим сильно возросло значение обходного, более северного пути: Дунай, Черное море, Азовское море, Дон — Волга и Каспий, откуда уже открывался свободный караванный путь во все халифаты Ближнего Востока.

Но на этом запасном пути к концу XI века стали господствовать половцы, и русско-половецкие войны приобрели общеевропейское значение.

На карте № 1 (стр. 8) показана Киевская Русь в начале XII века. Владимир Мономах начал противоборство половцам почти одновременно с первым крестовым походом (1096—1107 годы). Первые битвы были оборонительными и велись у самых рубежей Руси, но вскоре, объединив силы Руси (еще до того, как он стал великим князем), Владимир начал наносить удары по кочевьям у Азовского моря (1103 год), у низовий Дуная и по стругу половецких ханских ставок в районе современного Харькова. Эти удары расчленили упомянутый обходной северный дунайско-черноморский путь, и нам вполне понятен живой интерес европейских королевств к победоносной деятельности русских войск. Слава о Владимире Мономахе «дондеже и до Рима пройде на славу богу всегда и ныня и присно во веки!», пишет киевский летописец о шаруканском походе 1111 года. Неудивительно, что через два года киевское боярство избрало Мономаха (в обход старшинства) великим князем киевским.

Важность северного, дунайско-черноморского пути для Западной Европы явствует из того, что в XII—XIII веках возникает потребность в создании специального словаря, в котором три его колонки отражают международные связи средневековья: латинский язык был «lingua franco», общим языком многих народов Европы и языком католической церкви. Персидский язык — это язык огромной части населения Ближнего Востока. Отсутствие в словаре арабской колонки убеждает в том, что словарь был рассчитан на европейское купечество, пользовавшееся северным обходным путем. Половецкая, «куманская» колонка подтверждает именно такое назначение словаря («Codex Cumanicus»). Он рассчитан на купеческие экспедиции, которые из глубин Центральной Европы шли Дунаем и через азовско-каспийские степи, занятые половцами. Словарь в XIV веке находился в библиотеке итальянского поэта Петрарки. Как мы знаем, итальянцы из

Венеции живо интересовались черноморским путем и основали ряд колоний на северных берегах Черного моря. Одна из венецианских колоний была в Судаке — Суроже (упомянутом в «Слове»), оккупированном половцами. (См. карту № 2 на стр. 9.)

На географическую основу карты № 3 на стр. 9 положены упоминания Автора «Слова» о той «обиде», о том ущербе и несправедливости, которые нанесены Руси в его время. Призыв Автора к русским князьям содержит три мотива, три причины, побуждающие к организации общих больших походов:

*«Вступита, господина, въ злата стремена
за обиду сего времени
за землю Русскую
за раны Игоревы...!»*

«Обида» со стороны половцев началась еще в 1166 году.

В 1168 году великий князь Мстислав Изяславич созвал князей в поход: «А лепо ны было, братье... поискати отец своих и дед своих пути и своей чести!»

Русским путям и русской чести была нанесена обида, состоявшая в том, что половцы захватывают в плен русских людей и «Гречьский путь изъотимають и Соляный и Залозный». Летописец указал географию «обиды»: путь по Днепру в Византию, путь в Крым (Соляный) и путь к Дону и далее «в жребий Симов» на Восток.

Автор «Слова» тоже указал географию:

*«Въстала обида в силах Дажьбожа внука вступила девою на
землю Трояню...»*

«Земля Трояня» — низовья Дуная, где императором Траяном после завоевания Дакии в начале II века нашей эры были построены три огромных оборонительных вала по обеим сторонам дельты Дуная, вплоть до XIX века сохранявшие имя Траяна. Именно здесь, в этом Лукоморье, стали в 1180-е годы бесчинствовать половцы Кобяка, получившие в эти годы характерное наименование: «дунайцы».

«...въсплескала лебедиными крылы на синем море...»

Очевидно, подразумеваются морские порты Крыма и Тамани: Корсунь, Сурож и Тмутаракань, упомянутые в «Слове» в составе половецкой «Незнаемой земли».

«...у Дону»

В низовьях Дона заканчивался сухопутный «Залозный» маршрут, который далее переходил в каспийское направление. В опозитизированной форме Автор повторил то, что в 1168 году тогдашний великий князь обозначил деловой терминологией.

Во вторую половину 1180-х годов напряжение нарастало на всех межконтинентальных магистралах. На юге султан Салах-ад-дин (Саладин) овладел Египтом и всем восточным побережьем Средиземного моря. Возросло значение северного обходного пути, но здесь усилилась своя, половецкая обида. Ярослава Галицкого Автор похвалил за то, что он «затворил Дунаю ворота», но эта власть над важным пунктом международной торговли была непрочной, а степ-

ные окрестности дунайских гирл, опасные еще со времен Константина Багрянородного (948 год), оказались во владении лукоморских половцев — «дунайцев».

Обращает на себя внимание тот факт, что Автор в своем обращении к Ярославу Галицкому, «судившему суды до Дуная», не упоминал об «обиде» — этот князь, тесть Игоря, уже сделал все, что мог, для охраны дунайского выхода в море.

Обиду терпели и на Дунае, и в приморских портовых городах, и на Дону. Лебединые крылья «девы-Обиды» (очевидно, какой-то римской богини?) символизировали бурное, беспокойное время... Тема «обиды» рассмотрена Автором, глубоким знатоком истории, на широком историческом фоне как давнее противодействие степняков приобщению Руси к мировой цивилизации. В «Слове» даны три хронологических среза:

1. Современность 1180-х годов.

2. Эпоха Мономаха и первого крестового похода.

3. «Трояны века» (II—IV века нашей эры), когда славяне возобновили оживленную торговлю с Римской империей и продвинулись далеко на юг «оли и до моря», «приседяху к Дунаеви». Попутно следует заметить, что автор обращался к высокообразованной аудитории, знавшей и о Траяне, и о готах Германариха, и о нашествии гуннов («хиновы») в конце IV века.

В конце 1180-х годов в странах Западной Европы началась подготовка третьего крестового похода, а Русь стремилась расчистить свои «гостинцы» (торговые магистрали), ведущие из Киева к Дунаю и Царьграду, в Крым и Тмутаракань и на юго-восток через низовья Дона к «морю Хвалынскому».

В январе 1180 года Игорь Святославич стал князем Северной земли. Его первым действием было заключение союза с двумя могущественными половецкими ханами — Кончаком (восточная половина Поля Половецкого) и Кобяком (западная половина). Союзники приняли участие в усобицах полоцких князей и добрались до Друцка. Отсюда Ольговичи двинулись на Киев, но здесь русско-половецкие войска Игоря были разбиты боярами князя Рюрика Ростиславича. Сам Игорь, «видев половецк побежены и тако с Кончаком въскочивша в лодью, бежа на Городец к Чернигову», где княжил другой «Ольгович» — Ярослав Всеволодич. (См. карту № 4 на стр. 11.)

В итоге из состава русских земель (на карте показан только общий массив без границ суверенных княжеств) выпало огромное пространство Черниговского и Северского княжеств, вошедших в контакт с Кончаком.

С этого времени ни Ярослав Черниговский, ни Игорь Северский фактически не участвовали ни в одном общерусском походе против половцев, организуемом великим князем Святославом Всеволодичем, родным братом Ярослава и кузеном Игоря.

В 1184 году летом Святослав и Рюрик, киевские князья-соправители, совершили большой поход 11 князей против хана Кобяка и разбили его близ реки Орели. Сам Кобяк, его сыновья и 16 ханов были взяты в плен, пленено было 7 тысяч половецких всадников. Дунайско-черноморский участок транс-континентальной обходной, запасной магистрали был в значительной мере расчищен. (См. карту № 4 на стр. 11.)

Неудивительно, что победу Святослава приветствовали многие государства Западной Европы: Священная Римская империя («Немцы»), Чешское королевство («Морава»), Византийская империя («Греки»). Эти страны были

прямо связаны с дунайским путем. Может несколько удивлять наличие венецианцев в хоре народов, восхваляющих русскую победу 30 июля 1184 года, но следует учесть, что к этому времени Венецианская республика стала крупной морской державой, имевшей свои колонии не только в Адриатике, но и в Эгейском море (остров Эвбея) и даже на берегах Черного моря. Одной из венецианских колоний стал Сурож (Судак, Soldaja), где «венедицы» вплотную столкнулись с половцами-куманами.

На карте № 6 на стр. 14 показана ситуация весны и лета 1185 года. В феврале Кончак предпринял большой поход на Русь с целью сломить сопротивление южных городов. Союз с Черниговом и Новгородом Северским обеспечивал ему правый фланг. Кончак был отогнан и отошел не в свой юрт у Северского Донца, а на Сулу, в непосредственном соседстве с Русью.

После разгрома Игоря на Каяле (в низовьях реки Быка, притока Самары) Кончак и Гза двинулись на Русь, достигая реки Роси, Переяславля, Сулы и Сейма.

С большим трудом объединенные русские силы вновь, как и в феврале, отогнали, но не разбили Кончака. Угроза нового нашествия оставалась...

Карта № 7 (стр. 15) обрисовывает ситуацию второй половины 1180-х годов, когда Игорь отошел от военного союза с Кончаком и вернулся в обширную систему русских суверенных княжеств, объединенных общими оборонительными задачами («Игорь князь — в Русской земле!»).

В 1185 году чернигово-северские Ольговичи (Игорь и Ярослав) сорвали задуманный великими князьями большой поход на Дон, на Кончака, но в следующий поход, зимой 1187 года, пошли все южнорусские князья, в том числе и бывшие друзья половцев — левобережные Ольговичи. В этом была заслуга той политической силы, которая противостояла княжеским усобицам, дружбе князей с половецкими ханами и заботилась как о защите Русской земли, так и об устранении половецкой «обида» на далеких европейско-азиатских международных путях.

Автор «Слова» был гениальным выразителем этих прогрессивных идей южнорусского боярства, молодого класса, еще не изжившего тогда своей исторической потенции.

Не без участия деятелей, подобных Автору, к 1190 году удалось решить (правда, ненадолго) важнейшие политические задачи тех тяжелых и бурных лет.

«Того же лета (1190) Святослав съ сватом своим с Рюриком утишивша землю Рускую и Половци примиривша в волю свою. И сдумавша и идоста на ловы по Днепру в лодьях на устья Тесмени (почти 300 километров от Киева). И ту ловы деявша и обловишася множеством зверей... и во любви пребыста и во весельи по вся дни и возвратишася восвоеси».

Так завершилось первое пятилетие после провозглашения в Киеве гениальной речи, произнесенной по поводу приезда в Киев строптивного и неумного Игоря Святославича, внука Олегова, с повинной головой к великим князьям киевским.

Пламенное и мудрое, учтивое и строгое, лаконичное и необъятно емкое «Слово о полку Игореве» сыграло, по-видимому, немалую роль в воссоединении в единое воинство русских княжеских дружин в 1185—1190 годы.

ВВЕДЕНИЕ

Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы, учитывая высказанные краткие вводные замечания, рассмотреть строку за строкой гениальное произведение, в котором почти каждая фраза содержит намек, едва прикрытую оценку, напоминание, неожиданное сопоставление, одним словом, это речь, обращенная к современникам, знающим все детали недавних, совместно прожитых событий и понимающих сущность сопоставлений с давними делами дедов и прадедов.

ЧАСТЬ I
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ОТРЕЧЕНИЕ АВТОРА ОТ БОЯНА, ПЕВЦА ОЛЬГОВИЧЕЙ

- 1 *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие,*
- 2 *начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий*
- 3 *о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?*
- 4 *Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени,*
- 5 *а не по замышлению Бояню!*
- 6 *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити,*
- 7 *то растѣкашеться мыслию по древу,*
- 8 *сѣрымъ вѣлкомъ по земли,*
- 9 *шизымъ орломъ подъ облакы.*
- 10 *Помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ.*

- 11 *Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй,*
- 12 *которыи дотечаше,*
- 13 *та преди пѣснь пояше*
- 14 *старому Ярославу,*
- 15 *храброму Мстиславу,*
- 16 *иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими,*
- 17 *красному Романови Святъславличю.*
- 18 *Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше*
- 19 *нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше,*
- 20 *они же сами княземъ славу рокотаху.*

Слова заголовка поэмы: «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова», кажущиеся всего лишь простым по смыслу, почтительным по форме обозначением северского князя, при более внимательном рассмотрении их сокровенной сущности оказываются чуть ли не программой всей речи-призыва. Наше обиходное наименование — «Слово о полку Игореве» — грешит опасным упрощением: обозначив сокращенно великое произведение, отбросив два первых звена генеалогической цепи, мы невольно делаем из Игоря единственного героя поэмы. Тем самым мы лишаем Автора присущего ему широкого правдивого историзма, тонко сочетавшегося у него с дипломатичной учтивостью.

Самому Игорю, присутствовавшему при исполнении «Слова», по всей вероятности, нравился этот несколько торжественный и дружелюбный тон, встречающийся и в других местах «Слова». Однако время и место произведения «Слова» таковы, что мы обязаны учесть их, вдумываясь в кажущийся таким естественным заголовок. Автору внимали собравшиеся в Киеве осенью 1185 года полководцы, только что, два-три месяца тому назад, кровью своих дружин исправлявшие трагический просчет северского князя в разных точках обширного русско-половецкого порубежья, то в разоренном половцами княжестве Игоря на Сейме, то в грандиозном сражении с Кончаком на Днепре, в одном-двух днях пути от самого Киева.

Для восприятия произносимого перед ними слова достаточно было одного Игоря. Упоминание же его отца и деда неизбежно направляло мысль слушателей ко временам «первых усобиц» XI века, когда дед Игоря, Олег, родоначальник воинствовавших «Ольговичей», люто враждовал с киевскими князьями и трижды приводил на Русь половецких ханов себе в помощь. Сыновья Олега почти сразу же после смерти Владимира Мономаха продолжили

отцовские войны, которые тоже шли в союзе с тысячными отрядами половцев. Опустошительные войны велись Ольговичами вокруг Переяславля и Киева (например, в 1136 году); разгрому подвергались Треполь, Белгород, Вышгород...

Ольговичам удалось на шесть лет овладеть Киевом (1140—1146 годы), но киевляне захотели избавиться от них, призвали внука Мономаха Изяслава Мстиславича, а в 1147 году разгневанный народ казнил в центре Киева сына Олега Игоря, прокняжившего в столице всего 13 дней.

В середине XII века отец Игоря, Святослав, продолжал жестокую борьбу за Киев, опять в союзе с половцами.

Бесхитростный как будто бы заголовок «Слова» одним своим перечнем предков невольно воскрешал в памяти киевлян и времена первых усобиц Олега (1078—1096), и пожары окраин Киева, сопровождавшие захват столицы Всеволодом Ольговичем, и последующие наезды его брата Святослава, и недавнее появление Игоря с Кончаком почти у самого Киева. К этому присоединялась память о тяжелейших боях с половцами, ведшимися на фронте в 600 километров этим летом 1185 года.

Описание «полка Игорева» не является главной темой «Слова» — оно занимает со всеми художественными отступлениями лишь $\frac{1}{5}$ всего текста; $\frac{4}{5}$ посвящено другим и очень важным темам. По своему содержанию «Слово о полку Игореве» вполне могло бы быть названо и «Словом о распрях и которах княжьих», и «Словом о первых усобицах и о нынешних», и «Повестью о нахождении Кончака треклятого»...

Думается, что Автор, располагавший большим выбором заголовков для своего слова, сознательно избрал тот, невинный на вид, вариант, который в этих восьми словах давал сгусток исторических припоминаний о трех поколениях Ольговичей. Таково было все «Слово», сотканное из многозначительных, но едва очерченных намеков и иносказаний, напоминаний и не менее красноречивых умолчаний.

Приступая к анализу текста «Слова», мы с самых первых же строк видим продолжение исторической идеи Автора, которая так глубоко упрятана в заголовке. «Старые словеса» обычно толкуются чисто филологически, как стилизация под какую-то старую дружинно-придворную поэзию. Основания для этого как будто бы есть, поскольку рядом упоминается знаменитый, хорошо известный поэт-гуслир Боян, живший в XI веке (дата смерти между 1083—1107 годами). Но дело в том, что никакого архаизма, никакого подделывания под старину в «Слове» нет.

Попытаемся определить, что такое «трудные повести», так как Автор, очевидно, придавал им важное значение, если именно с них начал назидательное обращение к слушателям.

Слово «трудь» в древнерусской письменности означало, кроме труд — работа, еще другое: «подвиг», «страдание», «скорбь», «горе». «Трудовньный» — тяжелый, трудный; «трудоуьник» — воин, боец. Из приведенных примеров явствует, что «трудные повести» нужно перевести как «воинские повести», как повести о тяжелом ратном труде, о походах и битвах, о победах и поражениях. Таких воинских повестей в наших летописях и сборниках очень много, начиная от X века и кончая XVII. К счастью, Автор указал точную хронологическую примету — эпоху Бояна, время первых усобиц, которые связаны (по тексту «Слова») с Олегом Святославичем, с годами «полков Олеговых», выделенных Автором в особый хронологический период — 1078—1096 годов, когда Олег воевал против Владимира Мономаха и других князей.

Обращение к «Повести временных лет» и к народному былинному эпосу открывает перед нами целый ряд «трудных повестей», созданных именно в

сжалиса побратисе шемъ . ѿ собѣнѣ а помышлѣти .
 егда правоботѣ . и авѣрѣ . двѣи . и прелстѣ . стѣпока .
 и нѣста дѣмѣти . ѿвасильцѣ . авасилько сего мѣвѣ
 дѣша . ниволомирѣ . и нѣдѣвѣ глѣти . а щемѣи мѣвѣ вѣ
 силка . то нѣтѣ . кмѣнѣи вѣкнѣшѣ . нѣмѣтѣ шѣ
 лодмирѣ . послѣшасѣго . стѣпоколѣ . и прѣи вѣсѣнѣко
 вѣдѣ . нѣоѣбра . и прѣвѣ зѣ . нѣвѣдѣобѣ . и нѣдѣпоко
 нѣтѣ . стѣпомѣи хѣило . вѣмопастѣрѣ . нѣоѣжн
 етѣ . а товарѣи своѣи посташи народѣици . а етѣрѣ
 жѣ бывшю . прѣидѣи товарѣи своѣи :

лоу прѣи жѣ бывшю . прѣслѣ стѣпополѣ рѣ . нѣхѣ ѿи мѣ
 нѣмѣ мой . вѣснѣко ѿ прѣ рѣ . нѣмого жѣ ати . егда
 дома . и прѣслѣ сѣмѣ дѣвѣ . нѣхѣ брагѣи . и нѣ ѿслѣша
 нѣсѣ брагѣи старѣшего . и нѣоѣди вѣи вѣа . и нѣ вѣосхо
 пѣ вѣснѣко со стѣвори ти пѣако . и нѣ послѣшѣ етѣго .
 и рѣ дѣвѣ . ко стѣпополѣ . вѣидѣши ли нѣ помнѣти тѣ
 вѣ . хѣдѣ вѣрѣко тѣ вѣю . а ещѣи нѣи дѣ тѣ . вѣосвѣю
 вѣоствѣ . глѣоу зрѣши . а щѣи си хѣи мѣтѣ . тѣвоѣ
 горѣ вѣ . помѣнѣшь ма . и прѣзѣ вѣ вѣ етѣго . нѣи тѣ
 и ми . и дѣи етѣго мѣтѣ . и послѣушѣ етѣ гѣстѣпополѣ .

эти тягчайшие десятилетия первого половецкого натиска 1068—1093 годов.

Отложив подробное рассмотрение этих интереснейших повестей до специального раздела, рассмотрим основные принципиальные пункты сближения их со «Словом о полку Игореве».

«Трудные повести» XI века

«Слово о полку Игореве»

1073 год. *«Въздвиге дьявол котору (ссору) в братѣ сей Ярославичах; бывши распри межи ими...»*

«Ярослави и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени... Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую».

1093 год. Внуки Ярослава Мудрого ссорятся с великим князем Всеволодом, отцом Мономаха: *«...начаша ему сътужати, хотяще власти (земель) ов — сея, ов же другья...»*

«Усобица княземъ на поганья погыбе; рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то — мое же!»

1093 год. Бояре («смысленные») говорят князьям: *«Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русскую!»*

«И начѣша князи... сами на себя крамолу ковати, а погании со всѣхъ странъ приходяду съ побѣдами на землю Рускую».

Отрицательным героем и в «трудных повестях», и в «Слове о полку Игореве» одинаково показан дед Игоря Олег Святославич, один из «ярославлих внуков».

Долголетняя борьба Владимира Мономаха с Олегом Гориславичем во имя единства Руси завершилась в 1097 году созывом «на устроение мира» княжеского съезда — «снема» в старинном Любече, куда прибыл по настоянию Мономаха и главный возмутитель спокойствия — Олег.

Соответственное место в «Слове о полку Игореве» звучит почти как цитата из решения Любечского съезда:

Решение Любечского съезда

«Слово о полку Игореве»

1097 год. *«Почто губим Русскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несут розно и ради суть, оже межу нами рати».*

«А князи сами на себе крамолу коваху».

«А погании сами побѣдами нарищуще на Рускую землю».

Политический стержень «трудных повестей» и «Слова о полку Игореве» один: осуждение усобиц и дружбы с половцами и стремление объединить русские военные силы для противостояния Полю Половецкому.

К числу «трудных повестей» о ратных делах столетней давности следует отнести и многочисленные народные былины, сохранившие имена таких половецких ханов, как Шарукан, Атрак, Кончак (целая династия: дед и отец Кончака), Тугоркан (Тугарин Змеевич). Из русских князей, кроме Владимира Мономаха, в былинах упоминается «Волх Всеславьевич» — Всеслав Полоцкий.

1097. Любечский съезд.

С п р а в а: принятие присяги в связи с решением прекратить все усобицы.

С л е в а: князь Давыд Игоревич подговаривает великого князя Святополка действовать против союзников Мономаха.

В ц е н т р е: «...влезе сотона в сердце некоторым мужем», и они начали подстрекать князей к убийству предполагаемого соперника.

Былины могут быть связаны с событиями 1068 года (Шарукан, «Шарк-великан», «Кудреван-царь»), 1095 года (Итларь, «Идолище Поганое»), 1106 года (былина об Иванке Козарине) и др. В некоторых былинах есть такие исторические сведения, которые отсутствуют в дошедших до нас летописях. К ним относится сведение о поездке князя Всеслава в Тмутаракань в 1068 году. Правдивость этого сведения подтверждает Автор «Слова».

Не подлежит сомнению, что слушатели Автора хорошо знали как «трудные повести», внесенные в летописи, так и героические (то есть тоже «трудные») народные былины.

Примечательно, что Автор в самых первых словах своей речи напоминает собравшейся «братии», князьям и боярам, о необходимости в самом начале вспомнить о «старых словесах», о том, что началось еще сотню лет тому назад и никак не может быть пока устранено: о давнем, застарелом государственном зле — крамолах князей.

От «старых словес» «трудных повестей» XI века Автор переводит внимание своих слушателей на современность, на «былины сего времени», то есть на поход Игоря и нашествие Кончака, и тотчас же спешит заверить своих слушателей, что поведет свою речь «не по замыслению Бояню». Что это — различие в форме и манере исполнения, в стиле самого произведения, в его жанровых оттенках или же различие в династических и политических взглядах, в оценке людей, поступков и событий?

Боян был, очевидно, великим придворным поэтом поколения дедов современников Автора. Боян в описании Автора был, несомненно, талантливым поэтом-сказителем, по-придворному высокопарным. Кроме того, этот «соловей старого времени» умел петь «славы» князьям под аккомпанемент больших десятиструнных гуслей... В оценке Бояна Автором мы ощущаем восхищение талантом, широтой хронологического диапазона его творчества, но вместе с тем и тонко обозначенное отмежевание от него, от его куртуазности чисто княжеского певца.

Если запись-граффити в Софийском соборе Киева о покупке Бояновой земли великой княгиней относится к Бояну-певцу, то этого менестреля можно считать знатным вельможей — его владения оценивались в 700 гривен, то есть равнялись стоимости жизни 140 смердов по Русской Правде.

В «Слове» перечислены те князья, дела которых воспевал Боян:

Ярослав Мудрый (умер в 1054 году);

Мстислав Тмутараканский (умер в 1036 году), брат Ярослава;

Святослав Ярославич (умер в 1076 году);

Олег Святославич (умер в 1115 году);

Роман Святославич (умер в 1079 году).

Ни Всеслава Полоцкого, ни Владимира Мономаха нет среди воспетых Бояном князей. За исключением рано умершего Мстислава (с ним Боян был связан, возможно, и по Тмутаракани, и по Чернигову), все воспетые Бояном князья — представители одной, Чернигово-Северской, княжеской ветви, от которой отпочковались потом Ольговичи.

Боян был политическим антиподом, антагонистом Автора «Слова». Он прославлял Олега и Романа, приведших половцев на Русь (1079 год). Отсюда и резкое отмежевание нашего Автора от своего прославленного предшественника, отсюда и четкое определение позиции произносимой речи: она пойдет не по замыслению Бояна. Дело, разумеется, не в манере исполнения, а в самом замысле («замыслении») речи, в ее общественно-политической, а не узкодворцовой, подчиненной интересам одной династии, направленности.

Отречение от Бояна означало призыв к общерусской объективности. Полемика Автора с Бояном пройдет через всю поэму.

СТАРЫЙ ВЛАДИМИР (МОНОМАХ)

- 21 Почнемъ же, братие, повѣсть сию
- 22 отъ Старога Владимира до нынѣшняго Игоря,
- 23 иже истягну умъ крѣпостию своею
- 24 и поостри сердца своего мужествомъ,
- 25 наплѣннися ратнаго духа,
- 26 наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

*Отселѣ до Угоръ и до Ляховъ, до Чаховъ;
От Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Нѣмецъ;
От Нѣмецъ до Корѣлы, от Корѣлы до Устьяга,
гдѣ тамо бяху Тоймици погании и за Дышючимъ моремъ,
От моря до Болгаръ, от Болгаръ до Буртасъ,
От Буртасъ до Черемисъ, от Черемисъ до Морѣдви —
то все покорено было... великому князю... киевському
Володимеру Манамаху,
Которымъ то половци дѣти свои полошаху в колыбѣли,
А Литва из болота на свѣтъ не выникываху,
А Угры твердыху каменные города желѣзными вороты,
Абы на них Великий Володимеръ тамо на вѣхалъ,
А Нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ.
Буртаси, Черемиси, Вяда, Морѣдва — боргничаху
на князя Великого Володимера.*

Этот раздел — наиболее сложный и спорный в «Слове о полку Игореве». Следует сразу же оговорить, что такого раздела в таком его виде в дошедшем до нас списке нет: вся вторая часть его внесена сюда мною во исполнение мысли крупнейшего русского историка С. М. Соловьева (1853 год) о том, что в оригинале «Слова» должен был быть рассказ о Владимире Всеволодиче Мономахе: «Здесь с первого взгляда,— пишет С. М. Соловьев,— очевиден пропуск, ибо сочинитель обещал начать повесть от Старого Владимира; мы необходимо должны предположить здесь рассказы о борьбе Мономаха и последующих князей с половцами и потом естественный переход к походу Игоря на поганах».

Грамматическая нечеткость построения: «...от Старога Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну ум крѣпостию своею...», позволяющая отнести слово «иже» («который») к Игорю, а не к Владимиру, встречается нам и в летописном тексте, синхронном «Слову»:

*«Ныне же (извещает Святослав Киевский других князей)
половци се победиле Игоря и брата его и с сыном...» (в вариантах: «...брата его с сыном»).*

Строго грамматически следовало бы понимать эту фразу так: половцами побежден Игорь, а также и его брат со своим сыном. Но мы знаем, что речь идет о сыне Игоря, княжиче Владимире, а у Игорева брата Буй-Тура Всеволода сына не было.

Современники прекрасно знали истинное положение дел, и подобная небрежность слога проходила неприметно. Можно привести пример и из самого «Слова о полку Игореве»:

*«Чръныя тучя съ моря идут, хотятъ прикрыти четыре солнца,
а в нихъ трепещуть синии млѣнии...»*

Грамматически фразу можно понять так, что молнии трепещут в четырех солнцах, но на самом деле речь идет о молниях в тучах.

То же самое следует сказать и о конструкции с «иже». Совершенно ясно, что, упомянув победоносного Владимира Мономаха и обозначив именем Игоря связь со своей современностью, Автор должен был перейти к обрисовке того главного положительного героя, которого он уже назвал, но еще никак не охарактеризовал.

Относить короткий панегирик к Игорю, только что проявившему отсутствие «крепости ума», только что погубившему свои полки в половецкой степи и приехавшему в Киев просителем, испытавшим позор плена, невозможно.

В пользу такого понимания говорит и екатерининская копия «Слова о полку Игореве»; там интересующая нас фраза разделена на две точкой после упоминания Игоря:

«Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря. Иже истягну умъ крѣпостію своею...»
И т. д.

Такое обособление имени Игоря от похвалы Владимиру в рукописной копии еще не решает вопроса, но, по крайней мере, говорит о том, как писец конца XVIII века понимал копируемый им текст.

Исследователи, относящие похвалу к Игорю, исходят, очевидно, только из своего убеждения, что Игорь — положительный героический персонаж поэмы.

Назвав Старого Владимира, почти полвека воевавшего с половцами, пообещав начать свою повесть с описания его славных дел, Автор, если судить по тексту 1800 года, неоправданно для его обычно безупречной логики, вдруг переходит прямо к Игорю, как бы забыв о своем намерении дать повесть о делах Владимира, на которые он намекнул в одной первой фразе. Обещание не было выполнено. Точно так же как осталось невыполненным и первое обещание или, точнее, призыв начать все «Слово» с более общей темы — с «трудных повестей» эпохи Бояна, но «не по замыслению Бояню». Судя по этим самым первым словам всей поэмы, Автор заявил о серьезности своих намерений, о том, что началом «Слова», произносимого по поводу «нынешнего Игоря», как бы эпиграфом к нему, он, Автор, считает необходимым обращение к тяжким временам дедовских взаимно связанных между собой усобиц и поражений; откровенное отмежевание от прославленного Бояна тут же и пояснено: «Почнем от Старого Владимира», то есть от того князя, который твердой рукой смирял «которы и распри» героев придворных славословий Бояна, певца Ольговичей. И совершенно логично, что здесь же с присущей ему откровенностью Автор переходит к общерусскому положительному герою рубежа XI—XII веков — Старому Владимиру Мономаху, прадеду и прапрадеду князей, действовавших в 1185 году, об отсутствии которого правнуки сожалели в связи с «княжьим непособием» тяжелых 1180-х годов.

Давно было обращено внимание на близкое сходство со «Словом о полку Игореве» замечательного памятника, созданного во Владимиро-Суздальской земле в начале XIII века, при сыновьях Всеволода Большое Гнездо, — «Слова о погибели Рускыя земли».

Автор «Слова о погибели», дошедшего до нас во фрагментарном виде произведения, был, как и Автор «Слова о полку Игореве», убежденным патриотом и горячим противником кровавых усобиц, войн между родными братьями-

1107. Победа русских князей на Суле и Хороле над половецкими ханами Боянком и Шаруканом, который «едва утече, отбегоша же товара своего».

Общерусский поход был организован Владимиром Мономахом, «Старым Владимиром» «Слова о полку Игореве».

кнѣзь мнѡзи . нѣсташа ѿ колѡлюблѣ . стополюкъ . нѣволоди
миръ . нѣилгъ . нѣпѡславъ . мѣстиславъ . вѣчиславъ .
нѣрополкъ . нѣдѡша мѡполовци кѡлюбѡ . вѣзѣтъ днѣ вѡ

днѣшачѣрѣсолѡ . нѣкликѡшамѡнѣ . половци нѡужакоша .
ѡбѣстѣнѣво зѡмогѡшамнѣстѣтѡпѡставаѣнѣ . побѣгоша
хѣбатаючѣикѡнѣ . адрѡзѣнѣтѣшѣнѣпѡбѣгоша .

ашнѣжѣтѡуаша гѡшѣнѣжѣнѡщѣнѣ . адрѡзѣнѣрѡкамнѣнѣмѡнѣ
нѣгѣмѡшѡнѣлѣдохорола . нѡубнѣшѣ . тага . бомако вѡвѣрѣ

лѣогрѣнѣша . нѣвѣрѣтѣлѣ . ашѣрѡкамнѣзѣдѣваоутѣ . ѡбѣго
шѣжѣтѡтовѣрѣлѣвѣѣ . нѣвѣзѣшѣтѡвѣрѡуѣкнѣвоѣнѣ . вѣвѣ
лѣвѣтѡу . нѣвѣзѣрѣлѣнѣшѣ . вѣзѣвоѣнѣсѣнѣ . спѡбѣдоѣвѣлѣнѣкоѡ .
стѡполюкъзѣжѣнѣпрѣнѣдѣвѣпѣчѣрѣскѣнѣмонастырѣ . нага
оутрѣнѣю . наоутрѣнѣвѣстѣлѣвѣцѣ . нѣвѣрѣлѣцѣлѡвѣшѣнѣсрѣ
стѣнѣоѣвѣлѣнѣкоѡ . нѣкоѡвѣрѣзѣнѣлѣшѣнѣвоѣсѣжѣнѣнѣбышѣамнѣтѣвѣ
мнѣстѣлѣвѣцѣ . нѣвѣлѣнѣкѣлѣгоѡцѣлѣнашѣѣфѣѡснѣнѣ . таково
ѡбѣвѣчѣлѣнѣмѡшѣстѡполюкъ . колѣнѣдѣшѣмѡшѡнѣвоѣнѣ . нѣ
лѣнѣлѣмѡ . нѣлѣпѡклолѣнѣвѣсѣоугрѡвѣлѣфѣѡснѣѣвѣ . нѣмѡ
лѣнѣтѣвоѣуѣзѣмѣвоѣнѣгѡуѣмѣнѣ . тѡуѣсѣщѣтѣга . тѡже
нѣдѣшѣнѣатѡуѣтѣсѣвоѣнѣ :

князьями, уносивших тысячи человеческих жизней. Под «погибелью» или «болезнью» здесь подразумевалась не тотальная катастрофа вроде татарского нашествия, а именно общественная болезнь усобиц, разъедавшая «светло-светлую и украсно украшенную землю Русскую». Нельзя без содрогания читать летописные строки об итоге Липицкой битвы 1216 года, в которой сошлись друг против друга сыновья Всеволода, птенцы его «Большого Гнезда»:

«Не 10 бо убито, ни 100, но тысяща тысящами. А всех избитых 9000 и 230 и 3 мужа (9233 человека)».

Мертвецы уже были подобраны и пересчитаны, но на поле битвы еще остались тысячи раненых:

«Бяше бо слышати вопль живых, иже не до смерти убито и вытие прободеных (вой проткнутых копьями) в Юрьеве городе и около Юрьева». (Новгородская IV летопись, с. 24)

Панегирик Мономаху в «Слове о погибели» написан в духе «Слова о полку Игореве» и вполне мог быть цитатой из него, включенной в произведение начала XIII века. При таком включении владимирский автор кое-что добавил, кое-что искадил, но основной очерк огромной державы Мономаха и его могущества дан исторически достоверно (см. карту № 1 на стр. 8).

Косвенным доказательством того, что во Владимирской земле, в ее сокровенном, недоступном татарским наездам углу — на Белоозере — могла храниться полная, без растрепанных листов рукопись «Слова», является то, что ученый монах Кирилло-Белозерского монастыря, старец Ефросин в конце XV века, переписывая «Задонщину», пользовался, как справедливо полагает О. В. Творогов, повторно «Словом о полку Игореве». И очень важно отметить, что именно здесь, в этой поздней копии «Задонщины», есть место, которое явно заимствовано из той характеристики державы Мономаха, которая так удачно могла бы заполнить досадную лакуну в дошедшем до нас списке «Слова о полку Игореве»:

*«Тогда поля костьюмь насеяны, кровью полиано.
Воды возпиша, весть подаваша по рожным (разным) землямъ:
За Волгу, к Железным Вратом,
к Риму, до Черемисы, до Чахов, до Ляхов,
до Устюга поганых татар, за Дышучеем морем*».*

Начитанный старец Ефросин в своем кратком географическом обзоре использовал летописную повесть о походе Мономаха на половцев в 1111 году (слава о победе дошла «к Греком и Угром и Ляхом и Чехом, дондеже и до Рима пройде») и летописную же заметку о подвигах Владимира Мономаха, помещенную под 6709—1201 годами, и, несомненно, тот текст, который мы знаем по «Слову о погибели» (Устюг, Черемсы, Дышучее море). Делать из этого вывод, что Ефросин взял его непосредственно из предполагаемого полного списка «Слова о полку Игореве», а не из владими́ро-суздальского «Слова о погибели», можно только предположительно и при условии, что в копии «Задонщины» Ефросина нет никаких следов пользования «Словом о погибели». Нет даже

1094. Олег Святославич («Гориславич») выгнал из Чернигова Владимира Мономаха и позволил своим союзникам — половцам грабить окрестности.

Художник (очевидно, из скриптория Мстислава, сына Мономаха) изобразил изгнанного Владимира в торжественной царской короне, как бы намекая на то, что в 1113 году этот князь получит ее.

* Ледовитым океаном.

ѣвѣ содѣяхомъ грехы . ꙗко паче всѣхъ просвещени быхше
вѣдѣхомъ волю вѣдоюще презрѣхше . вѣдѣхомъ паче и гдѣ . ка
змимъ еси ми . се бо азъ грѣшныи . много и часто бястроги
вѣлю . и часто согрѣшаю на помѣтнхъ твоихъ гдѣ спсѣхъ мѣ .

сѣлѣхъ то престави . рости слава . сѣмъ и за слава . мѣ и ѿста ѿ .
и поже мѣ бы вѣдѣхши . стѣ и бѣ . десятины и . лѣ

Въ хѣ . сотвори миръ . столполикъ . столпоци . и по тѣмъ со вѣ
же мѣ о щеръ то горканию . и мѣ по вѣщѣ . по тѣмъ лѣ . прииде ѿ
лѣтѣ . стѣ и цѣ . и по тѣмъ горканию . и прииде кѣ рниговѣ . во лѣ мѣ рѣ за
творѣ стѣ рѣ . ѿ лѣ гѣ по жѣ и коло гѣ рѣ . и монастыри . во лѣ мѣ рѣ
сотвори миръ . со шѣ гѣ . и и де и стѣ рѣ . мѣ стѣ и тѣ мѣ . вѣ пере и слава
ѿ лѣ гѣ вѣ мѣ де вѣ гѣ и ѿ лѣ вѣ гѣ :

такого выгодного для тематики 1380 года любования Русью, какое мы находим в «Слове о погибели».

Совершенно независимо от того, откуда белозерский монах почерпнул свой географический перечень, мы должны проверить соответствие обрисовки державы Старого Владимира исторической действительности XII века.

Вставляя текст «Слова о погибели» в «Слово о полку Игореве» на место предположительно утерянного листа, мы должны произвести проверку как достоверности сведений на первую четверть XII века, когда Мономах царствовал в Киеве, так и на 1185 год, когда Автор «Слова о полку Игореве» и его современники оценивали эпоху Старого Владимира с позиций конца XII столетия.

Для проверки возникшей гипотезы нам следует взглянуть на получившуюся реконструкцию с точки зрения исторической действительности 1185 года. Ведь обрисовка эпохи Владимира Мономаха в 1185 году определенными чертами должна быть обусловлена тем или иным изменением этих черт за протекшие десятилетия. Упомянуты четыре народа, четыре страны, относившиеся к Руси при Мономахе иначе, чем в дни написания «Слова о полку Игореве»: Половцы, Литва, Угры и Немцы.

Половцы, естественно, поставлены на первое место. К 1180-м годам они уже вполне оправались от ударов Мономаха и стремились нанести тяжелейший удар русским городам: «Безбожный и треклятый Кончак... похупся, яко пленити хотя грады Руские и пожещи огнем...» (Ипатьевская летопись, весна 1185 года). Со времен Мономаха положение сильно ухудшилось; южнорусские степи вновь наполнились многочисленными и весьма воинственными половецкими ордами.

Литва поставлена сразу после половцев, как вторая враждебная сила, как «поганые» северо-западных рубежей. Это вполне согласуется со всем текстом «Слова о полку Игореве», где северо-западным полоцким делам было уделено очень много внимания: «Уже... Двина болотом течет оным грозным Полочаном под кликом поганых». Один из полоцких князей, Изяслав Василькович, «изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие» — «на кроваве траве притрепан литовскими мечи». Такова печальная действительность 1180-х годов, сильно отличающаяся от времен Старого Владимира.

Угры (Венгрия). Во Владимировы времена отношения с Венгрией были недружественными; в Киеве рос внук Владимира и венгерского короля Коломана, являвшийся претендентом на венгерский престол. Враги Мономаха находили убежище в Венгрии. Ко Владимировым временам относится и страшный разгром венгерских войск под Перемышлем в 1099 году, хотя Мономах и не имел касательства к этой войне. В 1180-е годы венгерский король Бела III начал вести враждебную Руси политику, апогеем которой был переход им Карпат и захват Галича, на который претендовал Святослав Всеволодич, герой «Слова о полку Игореве». Правда, это произошло после написания поэмы, но враждебность Белы, начавшего править в 1173 году, очевидно, проявилась ранее.

В 1186 году Бела III заточил в крепость свою мать, русскую княжну, родную тетку двух других героев «Слова» — Рюрика и Давыда Ростиславичей.

Снова мы видим правильность противопоставления: при Мономахе угров побеждали, а в эпоху «Слова о полку Игореве» угры перешли в наступление.

Немцы. Как уже говорилось, в «Слове о погибели» немцы фигурируют дважды. Одно упоминание, несомненно, связано с существованием в XIII веке Ордена, а другое (в предполагаемой цитате из «Слова о полку Игореве») говорит о немцах в эпоху Мономаха где-то далеко за морем. Верно то, что в начале XII века те западноевропейские народы, которых русские объединяли под именем «немцев», не представляли никакой угрозы Руси. Но почему Автор «Слова

о полку Игореве» в 1185 году вспомнил о немцах, какие события своего времени он противопоставлял давним временам Старого Владимира?

Ответ очень прост: за год до создания поэмы бременский католический архиепископат учредил в устье Западной Двины новую ливонскую епархию (1184 год). Через Полоцкую землю, где княжили шурья Святослава Киевского, в Киеве должны были очень быстро узнать о том, что немецкие крестоносцы уже перестали быть «далече за синим морем». Снова мы видим полную обоснованность противопоставления времен Владимировых временам нынешним.

Предполагаемая цитата из «Слова о полку Игореве» оценивает итоги деятельности Владимира Мономаха, все то положительное, чего русской Киевской державе удалось достигнуть к концу княжения Старого Владимира. В этом смысле пропущенный в мусин-пушкинской рукописи отрывок завершал описание печальной поры Олега (1078—1096) последующим торжеством Владимира (1097—1125), прекратившего княжи крамолы и двадцать лет победоносно воевавшего с погаными половцами. В художественном отношении величественный образ Владимира Мономаха корреспондирован с образом «нынешнего» Святослава Всеволодича Киевского, наступившего своими сильными полками на землю Половецкую.

Так были найдены две опорные точки поэмы-трактата, поэмы-призыва, два образца для «поревнования» (подражания) в прошлом — это Старый Владимир Мономах, а в современности — великий и грозный Святослав, которому поют славу за победу над Кобяком «и Немци и Венедици и Греци и Морава».

КНЯЖЬИ КРАМОЛЫ

- 359 *Ярослави и все внуце Всеслави!*
 360 *Уже понизите стязи свои,*
 361 *вонзите свои мечи верезени,*
 362 *уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.*
 363 *Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья*
 364 *на землю Рускую,*
 365 *на жизнь Всеславу:*
 366 *которою бо бѣше насиліе*
 367 *отъ земли Половецкыи!*
 195 *Усобица княземъ на поганья погыбе,*
 196 *рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же».*
 197 *И начяша князи про малое «се великое» млѣвити,*
 198 *а сами на себѣ крамолу ковати,*

Золотой амулет («Змеевик») Владимира Мономаха.

цимъ его свѣршю . ни чего бо са боитъ въ сеи похмосте
 ста . аще бо бы шлють ѿбессовъ мчтаннѣ . зма мнѣше
 лице крѣпавъ . прогони ми бы шлють въ славу ѿ вкнѣ землѣ 5

Вѣтъ 5. ѿ оу Пондѣнъ славъ . сволеславо мѣ . на всел
 ва . вселавъ и поиде противѣ . и прииде къ белѣ горѣ

вселавъ . и вѣ вше мощноу тайвѣ кнѣмъ . и вѣжа
 и вѣла города . исполотъ сѣкоу . зловѣтражислыша
 вше люе вѣжаша кнѣзѣ . и вѣзратишасѣ кнѣвоу .
 и сотворишавѣ . и послашѣ кѣсто славо . и ко всеволо
 до глаше . мы оуже сло створи нѣсмо . кнѣзѣ своего про
 гнавшѣ . а се вѣде мѣмѣ лѣ сѣкоу ю землю . а поидѣ та
 въ грѣ ѿца своего . аще ли не хо щѣтѣ . намъ не волазе
 жѣ шѣ грѣ свои стѣтѣнѣ въ грѣ кѣдо ю землю . и рѣимъ стѣ сла

199 а поганици съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

Торжественный панегирик Старому Владимиру был не только напоминанием правнукам о великом прадеде, но и гимном могущественной Руси 1103—1132 годов, Руси Мономаха и его сына Мстислава Великого, успешно продолжавшего дело своего отца.

Новый раздел о гибельности княжеских усобиц был контрастом похвальным делам Мономаха и выгодно подчеркивал политическую силу князя, сумевшего вопреки воюющим между собой русским князьям сохранить военное, а отчасти и политическое единство Киевской Руси.

От поколения дедов усобицы перешли к поколению отцов и достигли к 1130-м годам такого накала, что «раздрася вся земля Русская» и Киев перестал быть общерусским штабом по борьбе с половцами.

Едва успела Русь похоронить Владимира Мономаха, как молодые Ольговичи, сыновья «Гориславича», продолжили отцовскую политику. В 1127 году Всеволод Ольгович выгнал из Чернигова родного дядю, «а дружину его изсече и разграби», когда же Мстислав Киевский, сын Мономаха, хотел его проучить, то Всеволод нанял 17 тысяч половцев.

Мономашичу Ярополку, принявшему в 1132 году престол после брата, не удалось справиться со своеволием и жадностью родичей-князей. «Ярополк, видя неправду братии своеа — ужасеся...» Созвав съезд, он угovarивал «братию свою и глаголаша им, да не обидят братаничев (племянников) своих» (Никоновская летопись, с. 157).

В 1135 году «заратишася Олговичи с Володимеричи» ... «Тое же зимы приидоша Олговичи с Половци и взяша град Нежатин и села пожгоша... и мног полон взяша».

На следующий, 1136 год трое сыновей Олега, в числе которых был и отец Игоря — Святослав, — «начаша воинство съвокупляти и воеваша села и грады по Суле...» Их союзниками, как всегда, были половцы.

«Того же лета пакы приидоша Олговичи с половци и взяша Треполь и Холяп (Халеп) и Детинеск и приидоша к Киеву...»

(Никоновская летопись, с. 160).

Под 1138 годом летописец по поводу псковских событий записал:

«И не бе мира ни с Суждалци, ни с Смоляны, ни с Полочаны, ни с Кианы. И бе в тех розмириах глад велик по земли и пленение и кровопролитие непрестанно от поганых половець и от ляхов и от Чюди и оскудеваша земля пустотою...»

Того же лета воеваша половци Куреск и плениша землю всю и пожгоша... Того же лета Олговичи, князи Черниговстии, призвавши себе на помощь половцев и начаша воевати по Суле...» (Никоновская летопись, с. 161—162).

Верховья Сулы были своего рода въездными воротами в южную Русь для половцев. Недаром Автор многозначительно восклицал: «Комони ржут за Сулю».

1068. В «Повесть временных лет» включен отрывок летописи Всеслава Полоцкого, направленный против троих Ярославичей, вероломно пленивших Всеслава.

Художник изобразил дьявола, убегающего от «крестного знаменья». Тем самым Ярославичи, нарушившие крестоцелование Всеславу, отнесены к пособникам дьявола. С п р а в а — Всеслав княжит в Киеве.

После смерти в 1146 году великого князя Всеволода Ольговича главным зачинателем усобиц и союзов с половцами становится его брат, отец Игоря, князь Святослав Ольгович. Многие пути по днепровской лесостепи и по вятическим лесам были пройдены Святославом с его половецкими друзьями (ханом Саимьчюгой и др.), «зело зли сущими».

Когда русские князья хотели мириться (например, в 1151 году), то

«Олговичи же и окаяннии половци не дадяше миритися им, яко желателни суще на кровопролитие». (Никоновская летопись, с. 189).

В этом самом году Святослав Ольгович, не дождавшись «великого дня» (пасхи), покинув беременную жену, отправился в поход на Киев. На следующий день после отъезда войска у княгини родился сын Игорь, крещенный Георгием. Несмотря на помощь «диких половцев», Святослав и Юрий Долгорукий были разбиты под Киевом и бежали: «Святослав же Олгович бе тяжек телом и трудился бе бежа». У Остерского Городца ему пришлось остановиться, так как «не може ехати...» (Ипатьевская летопись, с. 64).

В следующем, 1152 году двоюродный племянник Игоря привел для участия в русских усобицах «всю Половецкую землю, что же их (половцев) межи Волгою и Днепром».

В 1159 году восьмилетний Игорь должен был слышать рассказы о том, как войска его отца вмешивались в распри полоцких князей и воевали у того самого Друцка, куда Игорь отправился спустя два десятка лет. В княжеских ссорах отцу Игоря приходилось иной раз выслушивать крайне обидные речи. Когда Святослав хотел уклониться от похода в далекий Галич, то недавний союзник говорил ему, что если поход на Галич будет удачным, то он отомстит Святославу: «а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь поползвати из Чернигова к Новугороду (Северскому)!».

В 1165 году (Игорю 15 лет) в летописи появилась вновь привычная фраза: «Уведавши половци, оже князи не в любви живутъ — шедше в Порогы (на Днепре), начаша пакостити гречником (купцам, ведшим торг с Византией)».

Вот в такой обстановке междоусобной активности родился, рос и воспитывался наш тоже не очень удачливый полугерой — Игорь, «сын Святославль, внук Ольгов».

Автор «Слова о полку Игореве», следуя избранной им деликатной (но твердой) манере, не говорил ничего о делах отцов, ограничившись делами давних дедов. Но упрекать его за это не следует. Он не должен был перечислять все, что знал сам и что не хуже его знали слушатели «Слова».

Автор не повествовал о том, что происходило в интервале между Старым Владимиром и нынешним Игорем (1125—1185), но лаконичное обращение к внукам Ярослава (рубеж XI и XII веков) и к внукам Всеслава (конец XII века) явно относится и к современникам Автора, продолжавшим неблагоприятные дела предков: крамолы и усобицы продолжаются, жадность приводит к захвату чужого, поганые со всех сторон идут на Русь и часто побеждают. Уже мечи затупились, зазубрились у русских князей в непрерывных усобицах...

Внуки Всеслава Брючиславича Полоцкого совсем не случайно упомянуты здесь в этой обобщенной и очень уплотненной строфе. Дело не только в том, что на Руси существовали тогда лишь две княжеские династии — ветвь от Ярослава Мудрого и ветвь от Всеслава.

Пять лет тому назад, в 1180 году, в земле Всеславлих внуков велась ожесточенная усобная война, в которую были втянуты и Святослав Всеволодич, и новгородцы, и Давыд Смоленский. Неожиданно в эти войны вторгся с юго-

востока Игорь Святославич, пригласивший в далекий поход к Друцку половецких ханов Кобяка и Кончака. (См. карту № 6, стр. 14.)

Все свидетели этих дел (кроме молодого княжича Изяслава, убитого в Болгарах) были живы в 1185 году, многие могли быть слушателями Автора, и для них упоминание о наведении поганых на «жизнь Всеславу» связывалось с недавней памятью о битвах с Кобяком и Кончаком не только на Днепре, но и на далекой Друти. Тонкий, но безошибочно разящий намек заменял многословное повествование.

ВЕЩИЙ ВСЕСЛАВ

- 368 *На седьмомъ вѣцѣ Трояни врже Всеславъ жребий
о дѣвицу себѣ любу.*
- 369 *Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Киеву,*
370 *и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго.*
- 371 *Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ в плѣночи
изъ Бѣлаграда,*
- 372 *обѣсися синѣ мъглѣ;*
373 *утрѣ же возни стрикусы: отвори врата Новуграду,*
374 *разшибе славу Ярославу,*
375 *Скочи влѣкомъ до Немизи съ Дудутокѣ.*
- 376 *На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цепи
харалужными,*
- 377 *на тоцѣ живогъ кладугъ, вѣютъ душу отъ тѣла.*
- 378 *Немизѣ кровави брезѣ не бологомѣ бяхуть посѣяни,*
379 *посѣяни костями рускихъ сыновѣ.*
- 380 *Всеславъ князь людемъ судяше,*
381 *княземъ грады рядяше,*
382 *а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше:*
383 *изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуторокана,*
384 *великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше.*
- 385 *Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы,*
- 386 *а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.*
387 *Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ,*
388 *нѣ часто бѣды страдаше.*
- 389 *Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече:*
390 *«Ни хытру, ни горазду,*
391 *ни птицю горазду*
392 *суда божиа не минути!»*

Показав главного положительного героя «первых времен» — Владимира Мономаха — как образец для подражания в современности, напомнив крайне лаконично о возрождении усобиц и распрей в младших поколениях, Автор переходит к той теме, которую он обозначил в самой первой фразе своей речи — к старым словесам трудных повестей, созданных русскими людьми после первого нашествия Шарукана в 1068 году.

Перемещая весь исторический раздел о Всеславе Полоцком и Олеге Тмутараканском (события 1066—1078 годов) в начальную, головную часть «Слова о полку Игореве», мы не нарушаем композицию поэмы, а выполняем высказанное в самой первой фразе прямое указание Автора, что его слово должно начаться со старых словес «трудных повестей». (Крайне сожалею, что в своей реконструкции первичного вида «Слова о полку Игореве» (1971 и

1985 годы) я оставил исторический раздел «трудных повестей» на том месте, которое определил ему переплетчик XIV века, имевший дело с разрозненной рукописью, лишенной к тому же одного листа. Исправляя свою ошибку, предлагаю обновленную (в духе Автора поэмы) реконструкцию на суд читателей.)

А героями хорошо известных нам «трудных повестей» во всех их видах (летописные сочинения, былины, духовные стихи) были именно отображенные Автором князья: Всеслав и Владимир Мономах — герои положительные, Олег — отрицательный.

Здесь Автор вступал в ту отдаленную эпоху, которая была воспета знаменитым Бояном, певцом Ольговичей. Начал он очень торжественно, измеряя время эпическими веками (с отсчетом от давней, но очень яркой старины), употреблявшимися, очевидно, в песнях Бояна. «Века Трояни» — это не только годы царствования императора (98—117), а три столетия, последовавшие за этим царствованием, столетия, явившиеся счастливым периодом в жизни приднепровских славян.

Счастливым период Трояновых веков закончился около 375 года нашей эры; Всеслав стал киевским князем в 1068 году, следовательно, действительно «на седьмом веце Трояни»! Князь-чародей, князь-волшебник, Всеслав был на великокняжеском киевском столе всего-навсего семь месяцев, с сентября 1068-го по апрель 1069 года. Его княжеская летопись не сохранилась. Но какое обилие народных былин и сказаний создано об этом князе, посаженном на трон восставшим народом Киева!

Полемика Автора с Бояном продолжалась и в разделе о Вещем Всеславе. Перед своими слушателями Автор как бы клал на весы всю сумму народных сказаний, с одной стороны, и угрожающую оценку Всеслава Бояном — с другой. Автор-киевлянин был на стороне тех киевлян 1068 года, которые «прославили» Всеслава среди княжьего двора, а Боян пел славу Святославу Ярославичу, одному из трех братьев, вероломно засадивших Всеслава в тюрьму («поруб»). Сын Святослава Глеб воевал с Всеславом у Новгорода.

Позиция Бояна определена позицией того князя, чьим «песнотворцем» был знаменитый поэт. Позиция Автора «Слова», как увидим, совпадает с народной оценкой Всеслава современниками этого молниеносно промчавшегося по Русской равнине сказочного чародея. Напрасно исследователи иногда сливают две противоположные оценки воедино, полагая, что Автор и Боян единоклюны в своем отношении к этому беспокойному князю.

Ознакомимся кратко с реальными событиями, отраженными в киевских хрониках.

В 1060 году Всеслав участвует в общерусском походе «бесчисленного множества воев» на торков совместно с сыновьями Ярослава Мудрого: Изяславом, Святославом и Всеволодом; «так божь избави хрятьяны от поганых».

1065 год. *«Почя Всеслав рать дръжати...»*

1066 год. *«Приде Всеслав и възя Новгород... и колоколы съима у святыя София».*

В «Слове о полку Игореве» (в списке, с которого оно печаталось) события, происходившие сто двадцать лет назад, даны с некоторым нарушением последовательности. Взятию Новгорода соответствует строка поэмы: «разшибе славу Ярославу». Слушатели-князья, «ярославли внуци», должны были знать, что их прадед, Ярослав, победил Брячислава Полоцкого, овладевшего Новгородом в 1021 году. Теперь, в 1066 году, сын Брячислава, Всеслав, взял Новгород, принадлежавший сыновьям Ярослава.

Когда Всеслав стал потом киевским князем, то он в Киеве как бы слышал звон полоцких колоколов... Но ведь это были трофейные колокола, уве-

зенные за два года до этого из Новгорода; их звон напоминал о недавней победе.

Трое Ярославичей, от которых пошли «ярославли внуци» (Изяслав, Святослав, Всеволод), вторглись зимою 1066/67 года в Полоцкую землю, зверски расправились с населением Минска («исекоша муже, а жены и дети възьяша на щит»). 3 марта 1067 года на речке Немиге недавние союзники вступили в «сечу злую»; Всеслав был побежден, и победители поклялись не делать ему зла, но когда Всеслав 10 июля прибыл под Оршу в шатер великого князя Изяслава, то он был вероломно схвачен и посажен в Киеве в «поруб» (тюремную без дверей, построенную вокруг заключенного).

На следующий, 1068 год началось грандиозное нашествие половцев под предводительством хана Шарукана. Это нашествие оставило глубокий след в народной памяти, и былины о Шарк-великане (Кудреване, Кудреванище) сказывались в селах русского Севера вплоть до конца XIX века.

Войска всех трех Ярославичей были разбиты на реке Альте, в одном дне пути от Киева (там, где теперь киевский аэропорт Борисполь). Ситуация стала катастрофической — «половцы росулися по земли». Беглецы с поля боя, лишенные коней и оружия, достигнув Киева, устроили вече и потребовали у великого князя Изяслава, который раньше их оказался в городе: «...въдай, кнѣже оружие и коне и еще биемъся с ними (половцами)!» Получив неожиданный и неоправданный отказ, народ двинулся прямо с вече к «погребу», где находился плененный Всеслав Полоцкий. Пленник был освобожден.

Начальные строки повести о Всеславе доставили много забот исследователям: что такое «клюки» (палки или хитрости?), что значит «о кони» (лошадь или окна?), почему об узнике, вытасненном из погреба, говорится, что он «скочи к граду Киеву», хотя мы знаем, что он был привезен в столицу как пленник без всякого «золотого стружия»?

Существующая у нас практика разъяснения «Слова о полку Игореве» часто сводится к построению или к пословному комментированию. Этого совершенно недостаточно для исторического осмысления речи, обращенной к людям, понимавшим недомолвки, полувысказанные намеки и иносказания.

В особой степени это относится к короткому княжению Всеслава, летопись княжения которого не дошла до нас, и мы лишены возможности обращения к хронике событий. Киевская летопись подробно описала восстание в городе против великого князя Изяслава и освобождение из погреба-поруба Всеслава Полоцкого. Летописец-церковник, сочувствующий Всеславу, упрекал Изяслава за нарушение клятвы, скрепленной крестоцелованием, но о княжении избранного народом нового князя сказано только: «Въсеслав же седе Киеве мѣсяць 7». По счастью, дела этого князя с «вещей душой и дерзким телом» очень хорошо отражены в былинном богатырском эпосе.

Общеизвестные былины типа «Волх Всеславъевич» привлекались Р. Якобсоном и М. Шефтелем для прояснения образа Всеслава, но этого мало, так как былины, возникновение которых относится к событиям 1068 года, многочисленны и многообразны. Антикняжеская (против великого князя Изяслава) направленность киевского вече дала былинам этого типа вторую жизнь в ту эпоху, когда обострилась классовая борьба, когда князья и цари стали символом враждебного начала, — в XVI—XVII веках. Языческое имя Всеслава заменилось именем Василия (иногда даже Василия Пьяницы, вождя «голи кабацкой»), а в ряде случаев герой получал стандартное эпическое имя Или Муромца. Половцев сменили татары, Изяслав заменен общеэпическим Владимиром. Но сохранились главные черты событий 1068 года: действие происходит в Киеве, герой заключен в погреб, народ освобождает героя, князь должен дать ору-

жие, конскую сбрую и коня богатырского, народ собирается, точь-в-точь как в летописи, «на широкий двор княженецкий».

Та часть эпических сказаний, которая может контролироваться летописью, очень точно (несмотря на позднейшие искажения московского периода) воспроизводит сентябрьские события 1068 года в Киеве. Причиной заключения героя в погреб былины считают его стремление стать великим князем:

*«Я завтра буду во Киеве князем служить...»
«...Завтра сам буду править княжеством»*

Всеслав, правнук Владимира Святого, был генеалогически старшим среди всех «Рюриковичей» (правильнее «Игоревичей»), так как его дедом был первенец Владимира от его первой жены, полочанки Рогнеды. Он мог мечтать о киевском престоле прадеда; в центре Киева находился двор его отца Брячислава, послуживший местом сбора киевлян, шедших освобождать Всеслава. Всеслав сумел взять Новгород и смело выступил против всех троих Ярославичей на Немиге.

Былинный князь Владимир (за которым в ситуации конца 1060-х годов стояли трое Ярославичей), узнав о намерении героя, принявшего уже обобщенно-эпическое имя Ильи Муромца, велит посадить его в погреб, закрыть решетками, засыпать желтым песком.

*«Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен,
не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней...»*

В это время «поднимается на Киев да Кудреванко-царь» (Шарукан). Киевское богатырство, недовольное арестом Ильи, отказывается без него выступать против Кудревана и является на княжий двор:

*«Приехали на широкий двор княженецкий,
Стали князя выкликать...»*

В былинах, где имя героя Василия еще близко к имени прототипа (Всеслава), сохранилось воспоминание о требовании оружия и коней, с которым, по летописи, кияне пришли на княжий двор. При нападении Кудревана на Киев князь выдает Василию оружие и коня:

*«Отмыкал он амбары да окованные,
Выдавал он всю збрую да богатырскую...
Да пошел целовальничек да на конюшен двор —
Выводил он коня да богатырского».*

Освобожденный герой действует по-сказочному, в чем видны следы древней эпической поэзии:

*«Заревел-то он да по-звериному,
Засвистел-то он по-соловьиному»
(то есть как Соловей-Разбойник).*

*«Поехал ведь Василий не воротами,
А через тую стену городовую».*

Былины сохранили черты князя-волшебника, характеризующие Всеслава в «Слове о полку Игореве», который бежал в полночь из Белгорода, ухватившись за облако («обесия сине мьгле...»).

Таковы те былинные эпизоды, которые прямо сближаются с летописным рассказом.

Слова поэмы «врѣже Всеслав жребий о девицу себе любу» могут отно-

ситься только к сентябрю 1068 года, когда освобожденный князь мог выбирать себе любой город, любую «девицу». Киев стал независим от побежденных половцами Ярославичей: Изяслав бежал в Польшу, Святослав — к себе в Чернигов, Всеволод — в Переяславль. Всеслав Брючиславич мог выбирать: киевляне хотели сделать его князем в Киеве «да нас бранит (обороняет) от половцев». Вакантным становился Новгород, над которым властвовал ранее Изяслав; доступен был Смоленск, князь которого Игорь Ярославич скончался в 1060 году, оставив незначительного княжича Давыда, и, наконец, был родовой для Всеслава город Полоцк, где еще в X веке княжил его прапрадед по матери. Выбор был большой, Всеслав мог бросать жребий, по крайней мере, между четырьмя крупнейшими городами тогдашней Руси. Он выбрал Киев, что налагало на него большие обязательства по противостоянию половцам Шарукана, «воюющим по земле Русской».

Неожиданно мы узнаем, что полчища половцев счетом в 12 тысяч всадников разбиты на Снови под Черниговом, а сам Шарукан взят в плен. И все это происходит всего лишь через полтора месяца после разгрома русских войск на Альте. Победителем назван Святослав Ярославич Черниговский. Летопись этого князя не сохранилась, а рассказ о победе производит впечатление какого-то устного произведения, перенесенного на пергамен. В пользу этого говорит сходство с речью другого Святослава в 971 году тоже, очевидно, попавшей в летопись из дружинных слав («...уже нам некамо ся дети»).

1068 год.

*«Половьцем воюющем по земли Русьсте.
Святославу суцю Чърнигове.
И половьцем воюющем около Чърнигова
Святослав же събърав дружины неколико
Изиде на ня к Снъвьску.
И узъреша половьци идуща воя, пристроишася противу.
И видев Святослав мъножьство их,
Рече дружине своеи:
«Потягнем! Уже нам не лъзе камо ся дети!»
И удариша в коне и одоле Святослав
в тръх тысяцах,
А половьць бе 12 тысяци
И тако биеми, а друзии потопоша в Снъви
А кънязя их яша Шарукана в 1 днь ноября
И възвратися с победою в град свои Святослав».*

Пленение Шарукана подтверждено и «Словом о полку Игореве», где дважды упомянута эта победа, но оба раза без имени победителя. Первый раз Автор, повествуя о бедах Руси и о радости ее врагов после разгрома Игоря, говорит о радости готских дев (375 год), которые «поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю».

Речь идет о потомках остроготов, живших до позднего средневековья в Крыму и в Приазовье в соседстве с теми приморскими половцами, которые в 1185 году шли на Игоря «от Дона и от моря». Они были подвластны тогда внуку Шарукана Кончаку. Пленение Игоря на Каяле они расценивали как отмщение за плен Шарукана под Черниговом на Снови. Тогда, в 1068 году, прадед Игоря пленил Шарукана, теперь, в 1185 году, внук Шарукана Кончак взял в плен правнука Святослава.

Однако имя победителя «первых времен» Автором не названо. Анализируя «Слово» строка за строкой, мы убеждаемся в том, что в этом великом произведении нет ничего случайного; будь то обрывок фразы, иносказание или умолчание — все подчинено общей теме, все мощно воздействует на слушате-

лей, знавших неизмеримо больше нас, пользующихся только тем, что захотели передать нам древние летописцы. А летопись Святослава Ярославича до нас не дошла. Быть может, то, что он первым начал борьбу с братьями («Святослав же бе начало выгнанию братьню, желая большая власти...»), привело к тому, что при его братьях, переживших этого узурпатора киевского престола, Святославова великокняжеская летопись была изъята после его смерти; и от времени его княжения осталась лишь написанная чужой рукой заметка о его хвостовстве перед иноземцами: «Святослав же, величаяся, показа им богатство свое...»

Вполне естественно, что Автор «Слова» отрицательно относился к такому возмутителю спокойствия, как Святослав Черниговский и Киевский, отец Олега, родоначальник беспокойных Ольговичей.

Самим Святославом или его сыном Олегом Шарукан был когда-то отпущен на свободу (вероятно, за выкуп), и в 1107 году, уже как «Шарукан Старый», снова напал на Русь, и снова был побежден под Лубнами, и «едьва утече», бросив весь свой «товар» (обоз) на волю победителей, среди которых главным был Старый Владимир Мономах.

Второй раз Автор говорит о победе Святослава Черниговского в 1068 году еще более туманно, не называя ни Святослава, ни Шарукана: в «златом слове» Святослава Всеволодича содержится его упрек родному брату Ярославу Черниговскому в пассивности по отношению к Кончаку, осаждавшему соседний с Черниговом Переяславль. Ярослав назван сильным, богатым, «многовоим»; перечисляются его войска, прославленные какой-то давней, «прадедней» славой. Прадед обоих братьев — все тот же Святослав Черниговский, сын Ярослава Мудрого, а «прадедней славой» может быть только давняя победа 1068 года, завершившаяся пленом Шарукана. Ярослав Черниговский упомянут со своими вспомогательными войсками, которых летописец называет «ковуями», а Автор «Слова» называет их тюркскими титулами и племенными именами и жалеет, что в недавних боях с Кончаком не было Ярослава с его

*«черниговьскими былями, с могуты
и с татраны и с шельбиры и с топчакы
и с ревугы и с ольберы...»*

Пользуясь расшифровками тюркологов, этот перечень можно представить приблизительно так: Ярослав

*«с черниговскими боярами и вельможами
и с печенегами-татранами
с доброконными шельбирами
с богатырями-ольберами»*

(не принял мер к спасению осажденного Переяславля). Именно эти нерусские воины и прославились при прадеде Святослава.

Почему Автор, так превосходно знавший все, как хорошие так и неблагоприятные, дела князей прошлого столетия, ни разу не назвал старого Святослава (умер в 1076 году) по имени? Да, очевидно, потому, что он, Святослав, «желая большая власти», неоднократно выступал инициатором раздоров между братьями.

В 1067 году именно он уговорил великого князя Изяслава нарушить клятву и арестовать Всеслава, приехавшего договариваться о мире. «По усиленному совету Святослава» (Татищев) Всеслав был вероломно схвачен. В 1073 году именно он, Святослав, подговорил младшего брата Всеволода (отца Мономаха) пойти против их старшего брата Изяслава Киевского, будто бы вступившего в сговор со Всеславом Полоцким. В результате «Святослав седе Кыеве

(в качестве великого князя), прогънав брата своего, преступив заповедь отъню, паче же божию».

Наш Автор был последовательным противником тех князей, которые воевали с родными братьями ради «большая власти». Поэтому герой победы над грозным Шаруканом в 1068 году Святослав Ярославич остался в поэме безымянным. Для слушателей Автора он, безусловно, был ясен и без упоминания имени, но эта преднамеренная безымянность родоначальника Ольговичей в поэме четко обозначала еще раз политическую позицию Автора, как убежденного и твердого противника всяких усобиц, как в современности, так и в далеком «прадедном» прошлом, XI столетии. Автор совершенно сознательно, обдуманно писал «не по замыслению Бояню», так как Боян был льстивым, далеким от объективности, придворным певцом Святослава и его сына «когана» Олега Святославича.

«Мы же на подлежащее возыратимся», как писали летописцы древних времен, если им приходилось отвлекаться от основной темы. Откуда взялись в Черниговском княжестве в конце 1060-х годов какие-то шельбиры на тучных конях, печенеги-татраны, очевидно оттесненные половцами к окраине степи, и богатыри-ольберы, вошедшие в русский былинный эпос как властители «Алыберского царства»?

Из области ненадежных догадок нас выводит былинный эпос. В некоторых сказаниях отражен и благоприятный финал этого года — победа над Шаруканом 1 ноября 1068 года:

*«Шарка-великана ён (герой былины) до дому дотаскивае,
Посмеянье великое делае
Славушку себе добрый молодец сохраняе».*

Общенародный интерес к этим событиям подтверждается тем, что в былинном цикле отразились и интересы воинов-смердов, восставших восстание киевлян, и духовные стихи о богородице, которая «слышит над Киевом невзгодушку — поднимается на Киев да Кудреванко-царь». Отразилось и творчество старшей дружины, замкнутое в дворцовом пространстве или в рамках военного похода.

К последнему относится известная былина «Волх Всеславьевич», сложенная, по-видимому, в полоцких дружинных кругах. Ее герой родился у княгини от змея; в момент рождения «стряслось славно царство Индейское, а и синее море сколыбалось». Это приморское царство (античная Синдика в Приазовье?) стало целью похода князя-богатыря, князя-оборотня, превращавшегося то в волка, то в сокола, то в «гнедого тура золотые рога». После взятия этого царства

*«А и молодой Волх тут (тогда) царем насел.
А то стали люди посадские,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил...»*

Все недоумения и кажущиеся разноречия разъясняются, как только мы вовлечем в научный оборот «Слово о полку Игореве». Драгоценным свидетельством патриотических дел Всеслава Брючиславича Киевского, восполняющим отсутствие его великокняжеской летописи, являются строки «Слова», сообщающие о событиях сентября 1068-го — апреля 1069 года.

Эти строки поясняют нам и странное на первый взгляд описание появления Всеслава в Киеве: «подпръся о кони и скочи к граду Киеву и дотчеся стружием злата стола Киевскаго». Уж очень торжественна, сказочна эта фраза — богатырь на коне прискакал в древнюю столицу и своим «стружием» прикоснулся к золотому прадедовскому престолу...

Но ведь мы хорошо знаем, что после вероломного захвата Всеслава на Орше 10 июля 1067 года (как мы видели «по усильному совету Святослава») «Изяслав же приведе Вьсеслава Киеву и въсади и в поруб с дъвема сынъ-ма».

Не богатырем-победителем, а опозоренным пленником был привезен в столицу Всеслав. Когда 15 сентября 1068 года восставший против Изяслава народ вырубил его из узилища, то о нем тоже нельзя было сказать, что он приискал в Киев — он уже более года находился в этом городе. Обратим внимание на одну фразу летописи, которую мы обычно понимаем как описание вокняжения Всеслава Полоцкого:

«Людие же высекоша Вьсеслава ис поруба... и прославиша и (его) среде двора къняжа. Двор же къняжь разграбиша: беущисльное мъножьство злата и сьребра и кунами и скорою (пушиной)».

Вокняжение великого князя оформлялось всегда в кафедральном храме Киева и всей Руси — в Софийском соборе. Об этом в сохранившейся части летописи ничего не сказано. Разгром княжеского двора, дележ денег, золотой утвари и дорогих мехов — все это не соответствовало торжественной процедуре интронизации нового цесаря Руси (уже Ярослав Мудрый получил этот почетный титул). Но летопись и не говорит, что Всеслав «сел на столе прадеда своего». Его только «прославили», провозгласили, и, очевидно, с условием, что он будет оборонять киевлян от половцев.

«Слово о полку Игореве» все ставит на свои места. Стремительно, скажочным волшебным волком, за одну ночь, до третьих петухов, Всеслав мчится за тысячу верст к синему морю, «великому Хорсови путь прерыскаше» в самую южную русскую область — в Тмутаракань, в «индейское царство» былинного Волха Всеславича. Как мы помним, все киевское восстание и бегство Ярославичей из Киева произошло от того, что разбитые Шаруканом киевляне просили у Изяслава Ярославича: «Се половьци росулися по земли. Да въдай къняже, оружие и коне и еще биемся с ними! Изяслав же сего не послуша». Через полтора месяца 12 тысяч половцев были разбиты, а Шарукан взят в плен. Откуда же взялись силы у черниговского князя, разбитого в бою и бежавшего из Киева от разгневанного народа?

В былинном эпосе есть ответ на этот вопрос — спаситель Киева от царя Кудревана посылает рать на него со всех сторон:

*«Которых слал от Синя моря,
Которых слал от чиста поля,
А которых слал от Почай-реки (от Киева)».*

Вспомним, что и Волх Всеславич после победы «коней табуном делил». Все эпические детали становятся ценными только в том случае, если они контролируются древними источниками.

Вернемся к «Слову». Появление скачущего князя в Киеве обусловлено тем, что он предварительно

*«...клюками подпръся о кони
и (после того) скочи к граду Киеву
и дотчеса стружием злата стола Киевскаго».*

«Клюки» — это «хитрость», но не в позднейшем вторичном варианте, когда слово стало выражать понятие лукавства или даже коварства, а в первичном — умелость, хитроумие, мастерство. «Клюки» могут означать и волшебство, колдовские замыслы («чаровные клюки»).

Выясняется, что освобожденный Всеслав, перед которым открывалось несколько «жеребьев», добыл хитроумно коней и в силу этого смог не только прискакать в Киев, но и коснуться «стружием» золотого великокняжеского трона. «Стружие» — не копые, не древко копья, так как древко не бывает серебряным, а в «Слове» несколько далее будет упомянуто «сребрено стружие». Стружие — нечто вроде «маршальского жезла», но длиной около 180 сантиметров. Подобные серебряные жезлы известны по погребениям половецких ханов XII века.

Все сходится к тому, что «прославленный» («провозглашенный») князем Всеслав быстро отправился в Тмутаракань, где обогатился и табунами коней, и союзниками из числа тюрок-кочевников, вытесняемых в это время со своих пастбищ новоприбывшими половцами. Это, очевидно, и были те печенеги, ольберы и шельбиры, которые помогли Святославу Черниговскому победить Шарукана.

Когда Всеслав прибыл в Тмутаракань (сентябрь — начало октября 1068 года), там княжил сын Святослава Глеб. По всей вероятности, Всеслав вошел в контакт с Глебом (может быть, даже «урядил» ему Новгород?) и набрал здесь, на подвластном Глебу Северном Кавказе, необходимые войска и табуны коней.

В это, третье, свое княжение в Тмутаракани Глеб оставил знаменитую надпись об измерении ширины Керченского пролива. Измерение производилось или в декабре — январе 1067/68 года, или в эти же сроки (когда пролив замерзает) 1068/69 года. Надпись была высечена на подножье какой-то античной статуи. Возможно, что это статуя Санерга или Астарты. Очень вероятно, что именно одну из них и подразумевал Автор «Слова», когда говорил о Тмутараканском «болване».

Временный союз Всеслава с Глебом Святославичем обусловил то, что южная помощь оказалась в руках Святослава, старшего из Ярославичей, находившихся в это время в Руси (Изяслав был в Польше). Вот после этих молниеносных и успешных действий Всеслава, обеспечивших безопасность Руси на целое десятилетие (наезд на пограничные городки в 1071 году не в счет), полоцкий князь и был, очевидно, возведен на великое княжение по всем правилам, коснулся своим жезлом-стружием золотого стола Киева.

Умолчание летописца о Всеславе в рассказе о победе над Шаруканом может объясняться враждебностью Святослава (а потом и Глеба) к быстрому, но беспокойному князю.

Недаром Боян, признававший его колдовские способности и хитроумие, предрекал, что и ему «суда боžia не минути». Эта мстительная «припевка» могла появиться после поражения Всеслава осенью 1069 года. Но вопреки мрачному предсказанию «Святославля песнотворца» Всеслав прокняжил в Полоцке еще 32 года.

Сам Автор «Слова», безусловно, восхищен Всеславом, порицает Ярославичей, губивших «русских сынов» на Немиге, и показывает Всеслава как образец князя с «вещей душой»: князь и людей судит, и распределяет города между все умножающимися внуками Ярославлими, и молниеносно обеспечивает победу над Шаруканом, о которой помнят и современники Автора, правнуки поколения, бывшего свидетелем славы черниговских «былей и могутов».

ОЛЕГ ГОРИСЛАВИЧ

- 141 *Были вѣчи Трояни,*
 142 *минула лѣта Ярославля,*
 143 *были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя.*
 144 *Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше*
 145 *и стрѣлы по земли сѣяше.*
 146 *Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тьмутороканѣ,*
 147 *той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,*
а сынъ Всеволожь,
 148 *Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.*
 149 *Бориса же Вячеславлича*
 150 *слава на судъ приведе,*
 151 *и на Канину зелену наполому постла за обиду Олгову,*
 152 *храбра и млада князя.*
 153 *Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣяти отца своего*
 154 *между угорьскими иноходъци ко святѣй Софии къ Киеву.*
 155 *Тогда при Олзѣ Гориславличи*
 156 *сѣяшется и растяшетъ усобицами,*
 157 *погибашеть жизнь Даждьбожа внука;*
 158 *въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишась.*
 159 *Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,*
 160 *нѣ часто врани граяхуть,*
 161 *трупиа себѣ дѣляче,*
 162 *а галици свою рѣчь говоряхуть,*
 163 *хотять полетѣти на уедие.*
- 214 *А князи сами на себе крамолу коваху,*
 215 *а погании сами, побѣдами нарицуше на Рускую землю,*
 216 *емляху дань по бѣлѣ отъ двора.*
- 164 *То было въ ты рати, и въ ты плѣкы,*
 165 *а сицей рати не слышано!*
- 393 *О, стонати Руской земли, помянуше прѣвую годину*
и прѣвыхъ князей!
 394 *Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити*
къ горамъ Киевъскимъ;
 395 *сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы,*
 396 *а друзии — Давидовы;*
 397 *нѣ розно ся имѣ хоботы пашутъ. Копиа поютъ.*

Умолчав о первом отрицательном герое «первых времен» половецкого нашествия (Святославе, сыне Ярослава Мудрого) и обрисовав первого положительного героя Всеслава Полоцкого, сходясь в оценках не с Бояном, а с народным и дружинным эпосом, Автор «Слова» переходит к обрисовке другого отрицательного героя тех времен — Олега Святославича, деда Игоря.

Если в отношении Всеслава позиция Автора выражена многозначно и поэтому недостаточно категорично (что привело некоторых ученых к оценке позиции Автора как отрицательной), то фигура родоначальника Ольговичей очерчена с предельной четкостью. Вот здесь начинается прямая, открытая полемика Автора с Бояном, певцом Святослава Ярославича (умер в 1076 году), и двоих его сыновей — Олега (умер в 1115 году) и «красного Романа Святославлича» (умер в 1079 году). Здесь выявляется, что углубление в «усобицы первых времен» действительно ведется отнюдь не по замыслению Бояню.

Оба исторических экскурса — и о Всеславе и об Олеге — предварены широким эпическим счетом столетий от «Трояна», точнее, от «трояновых веков». Действительно, от конца трехсотлетнего периода мирной жизни древних славян до нашествия гуннов прошло почти ровно семь веков. Именно тогда, действительно «на седьмом веке Трояни», полоцкий князь получил возможность гадать о своей судьбе, о «девице ему любой». Этот же счет продолжается и в разделе об Олеге, посвященном событиям, происходившим 12—10 лет спустя, после стремительных походов князя — «волкодлака».

Черным делам Олега предпослан замечательный по историческому диапазону и вместе с тем предельно лаконичный обзор целого тысячелетия: «Были вечи Трояни...» Император скончался в 117 году. К этому времени была покорена обширная Дакия и Римская империя стала соседкой восточных славян.

Во II, III и IV веках славяне вели оживленнейшую торговлю с Римом, свидетельством чего остались сотни кладов римских серебряных монет.

(Трояновы века окончились нашествием гуннов — «Хиновы».)

Конец трояновых веков означал предстоящее семивековое противоборство славян со степью, где одни тюркские племена сменялись другими (гунны, авары, хазары, печенеги). Ведя счет от Трояна, Автор хочет привлечь внимание к древним истокам «обиды сего времени».

«Минула лета Ярославля...» Очень интересный хронологический пробег этих семи столетий. Легкое, как бы мимолетное напоминание слушателям о благоприятном конце долгого противостояния. Здесь нет ни слова ни об аварах («погибоша аки обре»), ни о хазарах, которым вместо дани дали меч, символ непокорности, ни о печенегах, от которых Владимир Святой (умер в 1015 году) отгородился «заставами богатырскими», вошедшими в народный былинный эпос.

Примечательно полное умолчание в этих строках об эпохе Владимира I Святого. Здесь, так сказать, «единым росчерком пера» обозначены все семь столетий борьбы со степной «хиновой» — тюрками, но время Владимира I из этого срока не вычленено. И это совершенно справедливо, так как во времена этого Владимира печенеги продолжали оставаться в силе и все время была «рать велика бес престани».

Очень странно звучит утверждение филологов, что под определением «Старый Владимир» скрывается не упомянутый здесь Владимир I. Если бы речь шла о Владимире I, если бы его время считали порубежным этапом в борьбе с «хиновой», то Автор так бы и сказал. Но он промолчал в том единственном случае, когда можно было бы упомянуть имя этого князя. Промолчал потому, что очень хорошо знал историю Руси, знал, что войны с печенегами продолжались на протяжении всего княжения Владимира Святославича вплоть до дня его смерти и еще два десятка лет при его враждовавших между собой сыновьях.

Только Ярославу Мудрому удалось после прекращения усобиц окончательно обезопасить Русь от печенегов.

1036 год. «...Печенежи остоять (осаждают) Киев ... и бе печенег бес числа... и сташе (войска Ярослава) пред градѣм, а печенежи приступати почаша. И съступишася на месте, идеже стоить ныне святая София, митрополия Русьская,— бе бо тѣгда поле вѣне града. И бысть сеча зѣла и одѣва одоле к вечеру Ярослав. И побегоша печенежи разнo и не ведяхуся камо бежаще...»

На месте окончательной победы над печенегами великий князь заложил в

лѣхъ хри. влѣхъ въ рѣку и мѣкнѣмъ. стѣполюкѣ
 и влоднмироу. и понаспаса дѣматни надоловьскѣ
 и стѣде стѣполюкѣ своею дружиною. влоднмиръ
 своею дружиною войдоломъша прѣ. и почаша дѣматни
 и почаша глѣмъ дружины стѣполюка. и аконего дѣматнѣ
 стѣ и пнхочемъ погаубити смерды. и рѣлюимъ. и
 рѣимъ влоднмиръ. днѣмъ и дружиною и кѣлошадѣ
 и жалѣте. еюже и рѣте. а сго чѣмъ ои промыслите
 и же полатнѣ и рапн смерда. прнхаша половецнмъ
 оудрнвъ къ прѣлюу. а лошадѣ го въ зметѣ. а вгло бѣ
 въхавъ. въ змѣжнѣ оего и дѣтн и въ сѣ. стѣполюка
 жалъ. а самого не жалъ. и немого шай въ цапн дѣрѣ
 жнпа стѣполюка. и рѣ стѣполюкѣ сѣмѣу же го пѣвъ и
 востасѣ стѣполюкѣ. и рѣ стѣполюкѣ влоднмиръ. по пн брѣ
 велико добро сотвориши рѣку и землн:

посла стѣполюка и влоднмиръ. поиднма половецн дѣлюбо
 боудѣтн и нн. лѣбвмрѣтн. да въиже послѣуша и ѿлѣтн
 невохотѣ сего. вн мѣрѣкѣ сѣ рѣвлю. влоднмиръ же
 целовавъ въ рас въ сго поиднкѣ прѣна славлѣ. а стѣполюкѣ по
 немъ и дѣвъ стѣславн. и дѣвъ кѣславн. мѣстн слава и гѣрѣ.

1037 году собор святой Софии. Вскоре Ярослав по договоренности с Византией получил высокий титул «цесаря», то есть императора Руси.

Наступил двадцатилетний мир. В условиях этого мира проходили отрочество, юность и молодость всех Ярославичей, сыновей первого русского цесаря. В 1036 году Изяславу Ярославичу было 12, Святославу — 9, а Всеволоду — 6 лет. К моменту первых военных действий с новыми «хиновскими» («гуннскими», тюркскими) племенами кипчаков-половцев в 1061 году Изяслав был уже зрелым мужем — 37 лет, Святослав — 34, а Всеволод — 31 года.

Целое поколение выросло и возмужало в условиях мира и безопасности.

Совершенно естественно, что не тягостное время непрерывных оборонительных войн Владимира I попало в широкий хронологический обзор противостояния «хинове», а именно мирные «лета Ярославли», четко отделившие двадцатилетним интервалом двухвековой период борьбы с печенегами от двухвекового же периода обороны от половцев.

«Были полци Олговы, Ольга Святславлича...»

Автор пропускает нашествие Шарукана в 1068 году, на которое он намекал в предыдущем историческом разделе, посвященном Всеславу Полоцкому и делам 1067—1069 годов, и переходит к событиям 1078 года, которым он придает столь же важное значение, как и двадцатилетнему миру в Ярославли лета после семи веков обороны от степи. Нам эти события 1078 года, может быть, и не покажутся на первый взгляд равнозначными с только что упомянутыми, но, зная, что у Автора каждая строка, каждое слово полны глубокого смысла, взгляды пристальнее в то, что связано с именем Олега Святславлича и его временем.

В 1076 году скончался великий князь Святослав Ярославич, силой оттеснивший своих родных братьев от великокняжеского престола. Его сыновья (Олег, Роман, Глеб и другие) теперь оказались на положении полуизгоев, второстепенных князьков без покровителя. Такими же были и дети младших, рано умерших сыновей Ярослава Мудрого: Борис Вячеславич и Давыд Игоревич (промышлявший порой пограничным разбоем). Эти «Ярославли внуки» избрали местом сосредоточения приморскую Тмутаракань (современная станция Таманская), где велась широкая международная торговля, где они собирали дань с народов Северного Кавказа и могли в случае надобности набрать хорошее конное войско из местных племен.

1078 год открылся тем, что Олег Святславлич, гостивший у родного дяди Всеволода в Чернигове, бежал оттуда в Тмутаракань к брату Роману (которого тоже воспевал Боян) и вместе с Борисом Вячеславичем повел наемные (или союзные) войска на Русь:

«Приведе Ольг и Борис поганья на Русьскую землю и поидоста на Всеволода с половци».

Так начались «полци Олговы, Ольга Святславлича».

Ожидая приближения русско-половецкой рати из Тмутаракани, старшие князья вызвали своих сыновей из их далеких уделов: Изяслав — Святополка из Новгорода в Киев, а Всеволод — Владимира Мономаха из Смоленска в Чернигов. (О Владимире мы знаем из летописи, а о том, что Святополк Изяславич был во время этих событий не в Новгороде, а в Киеве, узнаем из «Слова о полку Игореве».)

1103. Олег Святславлич отказывается от участия в общерусском походе на половцев, организованном Владимиром Мономахом, под предлогом нездоровья («не сдравляю»).

Автор выразил это напряженное ожидание поэтичными словами о том, что Всеволод давно уже слышал звон золоченых стремян тмутараканских полков Олега, а сын его Владимир каждый день с утра приказывал запирать крепостные ворота Чернигова, закладывая бревна в их «уши» (железные боковые скобы). 25 августа где-то под Черниговом «на Сожице» произошло сражение.

*«...И победиша половьци русь и мѣнози убиени быша ту
(перечисляется ряд знатных бояр). Ольг же и Борис придоша
Чьрнигову... а земли Русьской мѣно зѣло сътвориша».*

Чернигов достался победителю Олегу, и в октябре Владимиру Мономаху пришлось силой оружия отвоевывать свой город.

В генеральном сражении на Нежатине Ниве половецко-русские войска Олега и Бориса были разбиты соединенными силами четырех князей; хвастливый Борис был убит. Здесь же произошло неслыханное событие: к великому князю Изяславу, стоявшему среди спешенных воинов, подъехал какой-то воин и ударил его копьем в плечо. Судя по тому, что всадник не вызвал подозрения у княжеской свиты, это был, очевидно, не половец, а русский из дружин Олега. Для современников Автора, людей 1185 года, это был единственный случай на их памяти и на памяти всех их предков, когда был убит цесарь земли Русской.

Первый из «полков Ольговых» состоялся в 1078 году. Автор был прав, применив множественное число — вслед за нападением на Чернигов и убийством Изяслава последовал еще целый ряд приводов половец на Русь Олегом Святославичем.

1094 год.

*«Приде Ольг с половьци ис Тьмутороканя и приде Чьрнигову...
и пожьже около града и манастыре пожьже... Половьци же
начаша воевати около Чьрнигова. Ольгови не възбраняющю,
бе бо сам повелел им воевати.
Се уже третие наведе поганья на землю Русьскую!...»
(Повесть временных лет, с. 285)*

Современники Автора «Слова» и Игоря знали печальное для Руси время Олега «Гориславлича» не только по хроникальным записям давних летописцев — их соединяли и нити живых устных рассказов. В 1147 году в боярской усадьбе Москве гостями Юрия Долгорукого оказались одновременно брат Игоря, Олег (привезший в подарок Юрию гепарда) и старый боярин Олега Гориславлича Петр Ильич, которому во время начала «полков Олеговых» в 1078 году был 21 год, и он, по всей вероятности, мог быть как участником всех неблагоприятных действий своего князя, так и слушателем воспевавшего эти действия Бояна.

Поэтическое описание трагических событий 1078 года Автор поставил как бы в рамку черных дел Олега за многие годы. Вначале кратко сказано, что Олег «мечем крاملу коваше и стрелы по земли сеяше», а после упоминания о погребении цесаря Изяслава в Софийском соборе дается обобщенная характеристика всей деятельности Олега Святославича за последующие 37 лет: усобицы, княжеские распри, гибель достоинства «Даждьбожа внука», сокращение человеческой жизни...

По Руси вместо мирного понукания коней пахарями слышно карканье воронов, расклеывающих трупы. От крестьян-пахарей Автор переходит к князьям, продолжающим враждовать, что позволяет поганым наскакивать на Русскую землю, «емляху дань по беле (белке) от двора». Эти последние три строки в рукописи, по которой сделано издание 1800 года, помещены там, где говорится о нашествии Кончака и Гзы на Черниговское, Северское, Переяслав-

ское и Киевское княжества после разгрома войск Игоря, когда «поганые половци... взяша гордость велику и съвокупиша весь язык свой на Рускую землю».

Исследователями уже отмечалось, что победители, громившие города и уводившие жен и детей в полон, не могли довольствоваться незначительной уплатой «по беле от двора». Фраза явно не на месте, и единственным ее первичным положением может быть только описание какой-то длительной неблагоприятной ситуации, а не момент тотального разгрома. Такая многолетняя ситуация и существовала на протяжении нескольких десятков лет, когда половецкие ханы приводили свои полчища к границам Руси, но не для вторжения, а для заключения мира с князьями, мира, который оплачивался откупом-данью и подарками. Такие «миры» заключались не только во времена Олега, но и на протяжении XII столетия.

Иногда половцы приходили на мир «яко на розглядание» и, увидев, что русских войск оказывалось много, уклонялись от «мира», то есть от получения дани «и на ту ночь бежаша вси» (1155 год). Если же половцы приходили в большой силе, то ради обеспечения мира князьям приходилось откупаться. Вот для уплаты половцам за такие «миры» русские князья и собирали дань по беле от двора. Поэтому данную фразу можно поместить только в том единственном месте, где речь идет о длительной ситуации, а не об однократном событии. Кто из переписчиков ошибся, установить трудно.

Исторический раздел, целеустремленный и многозначительный, полный острых намеков и беспощадных сопоставлений, завершается, как это и должно было быть, переходом к современности.

В коротких строках упомянуто три имени и две эпохи. Во-первых, высказано горькое сожаление, что нет в тяжкую годину (1185 год) «Старого Владимира», того Владимира Мономаха, который ценою жизни своего сына смирил бесцеремонного Олега «Гориславича» и надолго очистил степи от половцев, загнав их за Волгу и за Железные Врата Кавказа. Во-вторых, Автор не намеками, а уже конкретно, называя имена, сказал о вредной разногласии и разномыслии князей своего времени.

Названы двое родных братьев — Рюрик Ростиславич Киевский, великий князь, один из киевских соправителей, организатор и участник ряда походов против половцев. Это, бесспорно, положительный герой «Слова», о котором не сказано громких слов, быть может, лишь потому, что Автор хотел избежать «бояновского» придворного славословия.

Младший брат — Давыд Смоленский — отрицательный герой, виновник того, что Кончак в 1185 году ушел с берегов Днепра со всей добычей и полонном.

Но самое главное обвинение, скрытое в авторском намеке («сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть, копия поють»), относится к позорному поведению Давыда летом 1185 года.

После разгрома Игоря Кончак стремительно двинулся на Киев, воюя на Роси, Суле и на Днепре; Переяславль был осажден, князь Владимир Переяславский был ранен в героической вылазке и просил киевских князей: «Се половци у мене, а помозите ми!» Святослав Киевский послал к Давыду сказать, что необходимо форсировать Днепр и выручать Переяславль.

«А Давыд стояшетъ у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вече деяти, рекуще: «Мы пошли до Киева, да же бы была рать (у Киева), билися быхом. Нам ли иное рати искати, то не можем — уже ся есмы изнемогли!» Святослав же с Рюриком и со инеми помочьми влегоша во Днепр (форсиро-

вали реку) *противу Половцем. А Давыд возвратися опять (назад, вспять) со смолняны*. (Ипатьевская летопись, с. 132)

Вторично в разные стороны направились стяги братьев, в разных направлениях стали развеиваться их бунчуки, разные ветры пели в притороченных копьях...

Владимир Глебович Переяславский повторно просил Святослава и Рюрика, «понуживая их к себе, да быша ему помогле. Они же опоздишася, сжидающе Давыда (со) смолняны».

Самым тяжелым было то, что Кончак, пограбивший Переяславское княжество, смог безнаказанно уйти в свои кочевья на Донце со всей добычей и полоном, так как «князи русские опоздишася и не заехаша (не отрезали) их».

Поэтические слова о знаменах и поющих на ветру копьях отражали недавнюю трагедию, происходившую на глазах у слушателей «Слова о полку Игоре».

Так отдельные эпизоды русской жизни XI и XII веков с ее княжими крамолами и рознью синтезировались в длительное историческое явление, в застарелую, хроническую «болезнь христианом», от которой Автор хотел вылечить своих современников, находившихся под угрозой шестого нашествия Кончака.

ПОХОД

42 *О Бояне, соловию стараго времени!*
43 *А бы ты сиа плѣкы ущекоталъ,*
44 *скача, славию, по мыслену древу,*
45 *летая умомъ подъ облакы,*
46 *свивая славы оба полы сего времени,*
47 *рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!*
48 *Пѣти было пѣснь Игореву, того внуку:*
49 *«Не буря соколы занесе чресъ поля широкая —*
50 *галици стады бѣжать къ Дону Великому».*
51 *Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуце:*
52 *«Комони ржугъ за Сулюю —*
53 *звенить слава въ Киевѣ!»*
54 *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,*
55 *стоять стязи въ Путивлѣ,*

56 *Игорь ждетъ мила брата Всеволода.*
57 *И рече ему Буй Туръ Всеволодъ:*
58 *«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю!*
59 *Оба есвѣ Святъславличя!*
60 *Сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони,*
61 *а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.*
62 *А мои ти куряни свѣдоми кѣмети:*
63 *подъ трубами повити,*
64 *подъ шеломи възлелѣяны,*
65 *конецъ копия възскрѣмлени;*
66 *пути имъ вѣдоми,*
67 *яругы имъ знаеми,*
68 *луци у нихъ напряжени,*
69 *тули отворени,*
70 *сабли изъострени.*
71 *Сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ,*
72 *ищучи себе чти, а князю славѣ».*

27 *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце*
28 *и видѣ отъ него тьмою*
29 *вся своя воя прикрыты.*
30 *И рече Игорь къ дружинѣ своей:*
31 *«Братие и дружино!*
32 *Луце жѣ бы потяту быти,*
33 *неже полонену быти,*
34 *а всядемъ, братие, на свои брѣзьи комони*
35 *да позримъ синего Дону».*
36 *Спала князю умъ похоти,*
37 *и жалость ему знамение заступи*
38 *искусити Дону Великаго.*
39 *«Хощу бо,— рече,— копие приломити конецъ поля*
Половецкаго;

- 40 съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
 41 а любо испити шеломомъ Дону».
- 73 Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремя
 74 и поѣха по чистому полю.
 75 Солнце ему тѣмою путь заступаше,
 76 ночь стонуци ему грозою птичь убуди,
 77 свистъ звбринъ въста,
 78 збися Дивъ, кличетъ врѣху древа,
 79 велитъ послушати земли незнаемѣ:
 80 Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию,
 81 и Сурожу, и Корсуню,
 82 и тебѣ, Тьмутороканьскый блѣванъ.
 83 А половици неготовами дорогами побѣгоша къ Дону
 Великому:
 84 крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени.
- 85 Игорь къ Дону вои ведетъ.
 86 Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию;
 87 влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ,
 88 орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ,
 89 лисици брешутъ на чрѣленья щиты.
 90 О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!
- 91 Длѣго ночь мрѣкнетъ.
 92 Заря свѣтъ запала,
 93 мѣгла поля покрыла,
 94 щекотъ славий успе,
 95 говоръ галичь убудися.
 96 Русичи великая поля чрѣленьми щиты прегородиша,
 97 ищучи себѣ чти, а князю — славы.

В четвертый раз Автор начинает свой новый раздел упоминанием Бояна или тех древних славяно-антских сюжетов, наполнявших творчество этого знаменитого барда князей и связанных с приморской Тмутараканью. Первый раз, в самом запеве, Автор обрисовал манеру исполнения придворных «слав» под аккомпанемент гуслей и очертил круг тех князей XI века, которые удостоились воспевания:

- Мстислав Тмутараканский и Черниговский (умер в 1036 году);
 Ярослав Мудрый Киевский (умер в 1054 году);
 Святослав Ярославич Черниговский и Киевский (умер в 1076 году);
 Роман Святославич Тмутараканский (умер в 1079 году);
 Олег Святославич Черниговский и Тмутараканский (умер в 1115 году).

Второй раз к тематике Бояна Автор обращается в начале раздела о Вещем Всеславе, отмеряя время от «трояновых веков». Конец раздела снабжен цитатой из Бояна, современника Всеслава, предрекавшего князю, что ему «суда божиа не минути».

Третий раз Автор вспоминает славянский эпос, донесенный Бояном до конца XI века, в разделе, посвященном Олегу Святославичу: свой широкий хронологический пробег, заверченный «полками Олеговыми», он начал с отдаленных «трояновых веков», придав тем самым особое историческое значение действиям Олега, вставшего во главе половецких орд.

И вот теперь, обрисовав семивековую оппозицию: «Славяне — кочевники», Автор переходит к своей современности, к событиям лета 1185 года, где

он не столько повествует (все его слушатели были либо участниками событий, либо собеседниками участников), сколько оценивает, убеждает, призывает к необходимым действиям. В этом приступе к главной теме с необычайной яркостью обозначилось все мастерство Автора-политика, Автора-историка, Автора — непримиримого антагониста Бояна. Пышные комплименты певцу Ольговичей на самом деле полны обдуманного коварства, умело прикрытого красивыми образами и романтикой славянской героической старины. К сожалению, историки и филологи совершенно по-разному осмысливают этот приступ к рассказу о походе Игоря.

Итог филологических разысканий опубликовал в 1986 году Д. С. Лихачев в своем пояснительном переводе «Слова о полку Игореве». Здесь встречается целый ряд положений, с которыми историки согласиться не могут.

1. Безосновательно вставлено имя Старого Владимира, которого нет в данном тексте «Слова»; столь же безосновательно отождествление его с Владимиром Святтым.

2. «Троян — языческий русский бог». Пояснение не основано на источниках, в которых обожествленный римский император Траян приведен как общий (отнюдь не «русский») пример древнего евгемеризма (обожествления великих людей).

3. Осталось непоясненным «того внуку» — Велес еще не упомянут, и считать, что речь идет о Бояне как о Велесовом внуке, нет никаких оснований.

4. Непонятно, откуда взято в переводе: «в таких старинных выражениях». Во-первых, этого нет в тексте 1800 года, а во-вторых, в последующих словах поэмы нет абсолютно ничего старинного; они понятны без перевода даже читателю XX века.

5. Второй вариант запева приписан тоже Бояну, хотя текст вполне допускает не вариантность, а противопоставление.

6. Толкование Д. С. Лихачевым второго запева создает странное впечатление: слова о ржанье коней за Сулой и о славе в Киеве интерпретированы так, как будто бы киевляне заранее начали радоваться будущей победе над половцами («слава победы уже звенит в Киеве»). Соседняя же фраза говорит о начале отнюдь не победоносного похода Игоря. Перевод создает внутренний диссонанс, которого нет в авторском тексте.

Рассмотрим первоначально характеристику Бояна и той части его обширного эпического репертуара, которую Автор счел нужным вспомнить в связи с походом Игоря в степь. Обрисовка Бояна остается у Автора и здесь по-прежнему приподнято-восторженной. Это — соловей старого времени. Если придворная былина «Соловей Будимирович» действительно создана Бояном, то сравнение его с соловьем напоминает о прозвище композитора А. А. Алябьева, автора известного романса: современники называли и его самого «Соловьем».

Соловей-Боян летает умом под облаками и — что, очевидно, особо важно Автору — считает нужным «свивать славы оба-попы сего времени», то есть соединять прославление своих современников с воспоминаниями о прошедших временах. Этот художественный прием позволял Бояну придавать историческую стереоскопичность своим «славам» и воспевать своих героев на выгодном эпическом фоне. Как мы видели, сам Автор воспринял эту манеру Бояна и умело ею пользовался.

О каких же песнях Бояна напомнил Автор своим слушателям перед тем, как перейти к слову о походе Игоря Северского?

«Рица въ Тропу Трояню чресъ поля — на горы!»

Для осмысления этой драгоценной строки нам следует отрешиться от омонимического понимания «тропы» как «тропинки», степной сакмы. В монументаль-

рь со в. ма҃҃҃ма. и знова городасѣ верь сѣаго. и стра
 бѣча всеволо брѣ. ѿаго вѣ спѣславъ и зрѣльска. и черн
 говьскіа помочь. и внидша воѣ земли. поло вцкоу
 слышавше поидоша. рекоуце братья наша и звениша
 и ѿициши. адрѣузи и зымаши. а снѣи и доунаѣ.
 послаша по вси земли своѣи. а сами поиша кси. и жаша
 дрѣугы своѣи. а снѣи кси и доуи сѣа жай. ѿици поустѣ
 вѣе жн. стрѣпошли. адрѣумы недождавше. и со стѣ

пниа. и то бѣ жни бы вше поло вци. и внидша до вѣтѣ.
 и мно жество плонна вѣаша и жнѣи и дѣти. и стоиша
 на ше жахѣ. три дѣи. вѣсла шеса: +

екоуце братья наша ходиши. со стѣ славо великии ксе
 ма. и внидши ми зрѣа на перѣ славлѣ. а ѿициши
 кси пришли а в землю и мѣстѣ ли пои и ти. а мы
 в земли есмы. и самѣ есмон звени. и жемый и дрѣ
 пѣи пологини оуи. а снѣи по и дрѣ пои задомъ и доко
 ницѣи и зѣе. а жемь в оуть победа. и дрѣ оуло ко морѣ.
 сѣѣ жнѣи ходили и дрѣ ниши. а в земѣ до ко
 лою славо. и чѣтѣ. а снѣи доуши вѣ жѣи стро еньа.

ном словаре Срезневского слово «тропа» в этом смысле подтверждено только одним и очень поздним примером 1530 года, где речь идет действительно о тропинке: «а от ивы тропою на ель...».

Отождествление с «Via Trajani» (которого я ранее придерживался) тоже неудачно. Все разъясняется, если мы под «Тропой Траяна» будем разуметь то, что именно так и называлось — «Trophaeum Trajani», гигантский монумент близ деревни Адамкиси (в Румынии) на степной равнине Добруджи, южнее устья Дуная.

Марком Ульпием Траяном после победы над Дакией были поставлены два монумента: колонна Траяна в Риме с сотнями военных сюжетов и огромная ротонда на месте побед в Добрудже. В V—VI веках нашей эры, когда славяне устремлялись на юг, к Дунаю и далее на Балканы, их путь в Византийскую империю лежал от Дуная (левый берег которого был уже освоен) по степи, среди которой возвышалась 20—30-метровая Тропа Траяна, к горным хребтам Балкан (современной Старой Планины). В этих местах между Дунаем и древним Хемусом — Старой Планиной в середине VI века нашей эры находились войска основателя Киева, князя Кия, которого византийский цесарь (вероятно, Юстиниан) пригласил «сести с родьмь своимь» где-то в низовьях Дуная.

Об этом были сложены сказания, которыми пользовался летописец Нестор, сообщивший подробности о Кии, «якоже съказаютъ», а Нестор был младшим современником Бояна и вполне мог воспользоваться именно его историческими песнями.

Выделенную выше фразу из «Слова о полку Игореве» следует расширительно пересказать так: Боян, возносившийся умом под облака, соединял песни о настоящем с песнями о прошлом; мысленно следя за походами древних славян, он как бы скакал к возвышающейся в степи триумфальной ротонде Траяна (как к ориентиру) и далее, «чрес поля» (степи Добруджи) «на горы» (к предгорьям Старой Планины.) Вторым историческим моментом, когда славяне шли этим же путем, были походы Святослава в 960—970 годы, но тогда нас удивит безымянность упоминания. Более вероятно, что речь идет о первом вторжении славян на Балканы, в результате которого была отвоевана половина владений Византии, и на полуострове создалась третья ветвь славян — южные славяне.

Вот с какими крупными историческими событиями в манере Бояна Автор сопоставил поход Игоря, к описанию которого он приступал. В любом случае сепаратному и безрассудному походу Игоря противопоставлялись значительные события прошлого: покорение Балкан в VI веке или защита Болгарии от Византии и основание новой столицы — Переяславца на Дунае в конце 960-х годов.

При всей кажущейся лестности подобного соседства в поэме, ясно, что Автор не возвеличивал этим Игоря и его поход. Запев, который Автор представил как предполагаемый запев Бояна, не очень дружелюбен по отношению к «Соловью старого времени»: не буря занесла (русских) соколов через степь. Стаи галок летят к Дону Великому... Две отрывочные, предельно обобщенные фразы. Нет ничего конкретного, нет причинной связи между невольным прилетом соколов, занесенных бурей, и полетом галок... Нет, Автор не польстил Бояну. Быть может, он хотел показать, что Боян намеренно воздержался бы от уточнений, невыгодных Игорю.

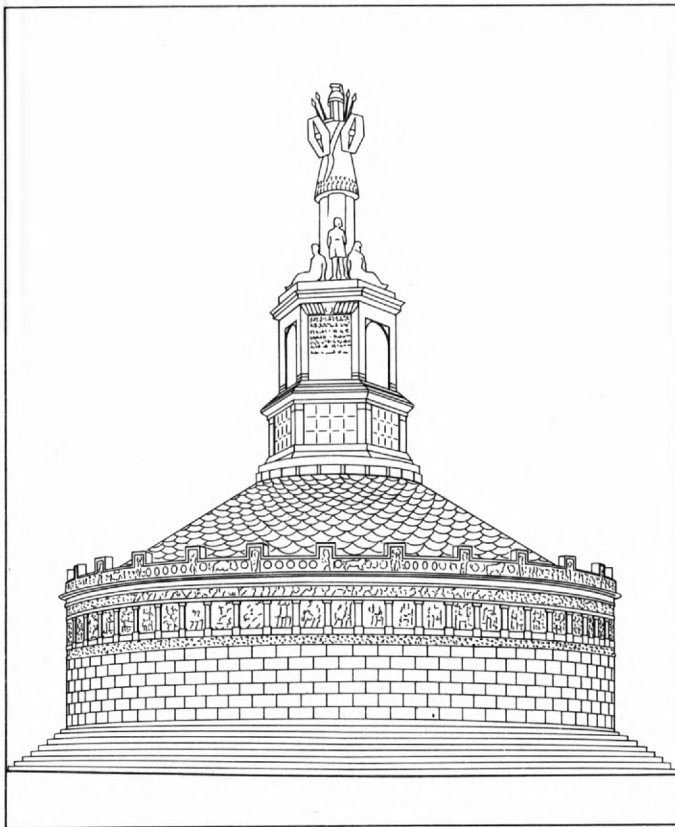
Кстати о том, чей внук был Игорь и стоит ли следовать за Лихачевым в объяснении этих слов? О том, что внуком бога Велеса был Боян, говорится

1185, 10 мая. Победа легкой конницы «полка Игорева» (князь Святослав Ольгович) над половцами пограничного кочевья в верховьях реки Самары, у речки Скурлы («Много быков») «край Поля Половецкого».

ниже, через три строки, а не в связи с Игорем, который был внуком Олега Святославича.

Следуя неоспоримому требованию Автора начать «Слово» «старыми словесы трудных повестий», я, исправляя свою прежнюю ошибку, разместил теперь в предлагаемой реконструкции исторический раздел, опирающийся на летописные и былин-ные «трудные повести», сразу же после вступления. При этом текст об Олеге Святославиче оказался в непосредственном соседстве с описанием начала похода Игоря; их разделяют только две (!) фразы. Автор имел право во втором случае не писать: «Игорю, внуку Олега Святославича», а просто написать «того внуку», подразумевая только что подробно охарактеризованного деда Игоря.

Совершенно исключительный интерес для понимания взглядов Автора и его тончайшей манеры выражения полувывесказанных намеков представляет второй вариант запева, относимый тоже к стилизации под Бояна, с чем согласиться трудно.

Автор не придумывает для Бояна второй вариант, а противопоставляет придворному поэтическому штампу свое, злостное, красноречивое начало.

Когда Автор хотел показать, как Боян мог бы начать свою соловьиную песнь об Игоре, то предложил невыразительный поэтический штамп, лишенный связи с реальными событиями и пригодный к любой ситуации: соколы — это наши всадники, галки — враги. И тут же, как бы перебивая самого себя, Автор возражает: «Чи-ли въспети было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче...» Первый вариант был представлен слушателям, несомненно, как бы от имени Бояна: «О, Бояне... абы ты сия полькы ущекоталы!..» Второй вариант преподнесен как безличное возражение Бояну: «А может быть, так следовало бы воспеть?!» Далее показан другой запев в совершенно иной манере, прямо противоположной манере, приписанной Бояну. Это начинается авторский текст, это — противопоставление своего, современного, наполненного недавними событиями, завершившимися выступлением Игоря в поход во вторник 23 апреля 1185 года.

Четыре коротких строки (всего 12 слов!) авторского запева являются

Памятник победы императора Траяна над даками в низовьях Дуная. «Тропа Траяна». Реконструкция.

великолепным образцом всего творчества Автора «Слова о полку Игореве»: здесь предельный лаконизм сочетается с многозначительностью; едва обозначенный намек рассчитан на ассоциации слушателей, помнящих события, которых как бы вскользь, невзначай коснулся поэт...

Исторический разбор этих двенадцати, не требующих перевода, кажущихся вполне понятными слов займет у нас немало времени. Этот краткий запев является как бы молекулой всей ткани поэмы, анализируя которую мы постигаем сущность целого, принципы построения целого. Предваряя анализ, поставлю в скобках даты событий, данных Автором в виде поэтического запева.

*«Комони ржуть за Сулюю. (март — апрель 1185 года)
Звенить слава в Киевѣ. (21 апреля 1185 года)
Трубы трубятъ в Новѣградѣ, (23 апреля 1185 года)
стоять стязи в Путивле». (апрель 1185 года)*

В четырех строках — четыре географические точки: площадь между ними — около 25 тысяч квадратных километров. Уже одно обозначение дат говорит о том, что этот вариант не может принадлежать самому Бояну, умершему (крайняя дата) до 1107 года.

«Комони ржуть за Сулюю».

Река Сула, левый приток Днепра, — давний район противостояния славян кочевникам. Здесь сложилась в VIII—X веках своеобразная славянская археологическая культура («роменская» по городу Ромен на Суле), характеризующаяся гнездами укрепленных деревень, что вызывалось тогда печенежским натиском.

В конце X века Владимир I разместил на Суле одну из оборонительных укрепленных линий. В XII веке здесь часто происходили битвы с половцами.

«Комони ржут за Сулой» было иносказанием: за рекой ржут (весна!) вражеские лошади. И не простые лошади, а «комони», боевые кони всадников-воинов, в данном случае половецких.

Славянские земледельческие поселения, остатками которых являются роменские городища, размещались и за Сулой, юго-восточнее ее по Пслу и Ворскле широкой полосой в 120—150 километров. Поэтому выражение «за Сулюю» означало не просто подступ половцев к границе Руси, а внедрение половцев в пограничные русские земли, подход их вплотную к старой границе X века.

Игорь, владения которого находились в одном дне пути от верховий Сулы (от Путивля до Сулы — 50 километров), должен был знать об этой угрожающей обстановке. Понимали это и слушатели Автора.

По счастливой случайности мы можем даже поставить вопрос, который на первый взгляд никак не вытекает из содержания анализируемой строки: какие половцы и когда подошли к Суле, какой хан привел их сюда? Подробность киевских летописей, их внимание к русско-половецкой борьбе в 1180-е годы позволяют высказать ряд предположений.

Возьмем Киевский летописный свод 1198 года, в котором сведены записи разных лиц, хорошо знавших события 1185 года. Годичная статья открывается так:

*«В лето 6692. Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый
Кончак со множеством половець на Русь, похупся (стремясь)
яко пленити хотя грады рускые и пожещи огньм...»
«Пришед бо ста на Хороле (приток Псла, текущий параллельно Суле)». (Ипатьевская летопись, с. 128)*

Где-то при пересечении Хорола торговым путем («Залозным») русские войска могли встретиться с Кончаком, но разминулись с его главными

силами и победили только «меньшицу», его арьергард. Сражение происходило 1 марта 1185 года, вдогон Кончаку был послан корпус черных клобуков (союзных Руси «своих поганых»), шесть тысяч всадников, но он не настиг Кончака — «бяхеть бо тала стопа (распутица, талый путь) за Хоролом».

Кончак ушел за Хорол, то есть на водораздел Хорола и Сулы. В это же самое время Игорь Северский, приглашенный Святославом Киевским принять участие в походе против Кончака, делал вид, что хочет пойти на соединение со Святославом, но до русского войска не дошел. Его сосед и кузен Ярослав Черниговский прямо отказался от участия в общерусском походе, заключил мир с Кончаком и послал к хану своего боярина Ольстина Олексича.

Игорь «хоте же ехати переди Подем возле Сулу. И бяхеть серен (туман) велик, ако же вои не можахуть зреима (видя дорогу) перейти днем до вечера. Тем никуда же не може пути собе налезти (найти) ехати по Святославе». (Ипатьевская летопись, с. 129)

Мартовская кампания 1185 года закончилась тем, что «Святослав же и великий князь Рюрик победу приемша... и поидоша кождо восвояси». Ярослав остался в своем Чернигове, так как «не шел бяхе с братом со Святославом...». А Игорь и Кончак двигались по весенней «талой стопе» как бы навстречу друг другу: Игорь искал пути где-то «возле Сулу», а Кончак, уходя от Куньтудья (предводителя черных клобуков), оказался «за Хоролом», то есть тоже где-то «возле Сулу».

Дополнительный свет на весенние события 1185 года проливает знаменитая запись о Владимире Мономахе и о династии Шаруканидов, ошибочно помещенная в летописи под 1201 годом, тогда как она сделана после смерти Романа Мстиславича Галицкого (одного из героев «Слова о полку Игореве»), то есть после 1205 года. Летописец торжественно восхваляет князя Романа за то, что он «ревноваше бо деду (прапрадеду) своему Мономаху, погубившему поганяны измалтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока (отца Кончака) во Обезы за Железная Врата (Дарьяльское ущелье)...»

«От него (от Отрока) родившюся Кончаку, иже снесе Сулу пешь ходя, котел нося на плечеву». (Ипатьевская летопись, с. 155)

Историку начала XIII века были хорошо известны грозные походы Владимира Мономаха на половцев и такой необычный эпизод, как разгром войском Кончака русской Сулы в пешем строю. Эти слова никак не могут быть отнесены к взятию городов по Суле после победы Кончака над Игорем, о чем говорит Лаврентьевская летопись.

Прирожденные конники, половцы никогда не воевали пешими. К этому их могли вынудить только исключительные обстоятельства. В марте 1185 года такие обстоятельства были налицо: весенняя распутица позволила Кончаку уйти от преследования в район среднего или верхнего течения Сулы и Хорола. Здесь, в безопасности, защищенный «талой стопой», Кончак мог овладеть русскими городками и селами даже без конных сражений, к которым тогда, во время распутицы, равно были не способны как половцы, так и русские.

Встретились ли где-то «возле Сулы» Кончак и Игорь, застрявший из-за туманов в этих же местах? То, что они не воевали тогда друг с другом, ясно как из природной обстановки, так и из полного молчания подробных летописей. Нельзя пройти мимо того факта, что, когда Игорь в апреле этого же года отправился в степной поход, он уже был сватом Кончака. Дочь Кончака уже была просватана за княжича Владимира, сына Игоря. Такие браки обычно скрепляли важные дипломатические союзы. Комфортабельная жизнь Игоря в плену у

Кончака, подробно описанная летописцем, подтверждает наличие союза между князем и ханом.

Что ж! Союзник Игоря Ярослав Черниговский еще в феврале этого года заявил родному брату Святославу Киевскому, что он решительно отказывается от участия в походе против Кончака: «Аз есмь послал к ним (к половцам) мужа своего Ольстина Олексича (принять предложение о мире), а не могу на свой муж поехать!» Двое левобережных Ольговичей (один открыто, а другой тайно) прочно сблизились с Кончаком.

Если Кончак в распутицу, в марте, находился на Суле, то вполне допустимо, что он мог сохранить эту дислокацию своих полков и в апреле. Тогда разбираемая строка должна быть истолкована примерно так:

«Боевая конница Кончака находится на краю Русской земли (пока) за Сулой».

Или так:

«Кончак со своей конницей остался на Суле, завоеванной им «пешим хождением» в марте».

Такое решение вопроса о местонахождении Кончака в момент похода Игоря подкрепится в дальнейшем при рассмотрении размещения половцев 10—12 мая 1185 года.

«Звенить слава в Киевѣ».

Четвертое нашествие Кончака за 1180-е годы, в феврале — марте 1185 года, было отбито, но хан, объединивший к этому времени (после поражения Кобяка в 1184 году) обе половины Половецкой земли, был силен и находился у ворот Руси. Святослав Киевский готовил большой общерусский поход против Кончака.

«В то же время великий князь Всеволодичь Святослав шел бьшеть в Корачев и сбирашеть от верхъних земель вои, хотя ити на половци к Донови (Северскому Донцу) на все лето».

Смоленскому князю Святослав писал, что условились пойти на половцев и «летовать на Доне».

Путь в Корачев лежал через Черниговское княжество Ярослава и Северское княжество Игоря. Когда Святослав ехал в Корачев, то он не заметил никаких приготовлений — Игорь готовил свой поход тайно от великого князя. На обратном пути, прибыв в столицу Игоря в Новгород-Северский, Святослав неожиданно узнал, что его двоюродные братья Игорь и Всеволод «шли суть на половци, утаившися его. И не любо бысть ему». Когда же великий князь приплыл в лодьях в Чернигов (примерно через 5—6 дней), то сюда уже пришла весть о разгроме Игоря.

Святослав еще до своей поездки в Вятичи направил в степь войска для разведки боем, которые успешно справились с заданием.

«Тое же весне князь Святослав посла Романа Нездилевича с берендичи (служилые тюрки) на поганее половце. Божиею помощью взяша веже (юрты) половецькеи, много полона и коний; месяца априля в 21 на самый велик-день (на пасху)».
(Ипатьевская летопись, с. 129)

Вот в чем простая разгадка «славы, звенящей в Киеве», — победа над половцами совпала с пасхальным звоном множества колоколов первого города Руси во всех его храмах и пригородных монастырях.

Киевляне, слушавшие «Слово» через 4—5 месяцев после пасхальных празднеств, должны были хорошо помнить это знаменательное совпадение.

«Трубы трубить в Новѣградѣ».

Здесь особых пояснений не требуется. Летописец (вероятно, уже знавший «Слово») начинает рассказ необычно для тогдашних годовых записей, называя имя не только отца Игоря, но и его деда:

«В то же время Святославичъ Игорьъ, внукъ Олговъ поеха изъ Новагорода (Северскаго) мѣсяца апрѣля в 23 день во вторникъ, пойма со собою брата Всеволода изъ Трубецка и Святослава Олговича сыновца (племянника) своего изъ Рыльска и Володимера сына своего изъ Путивля и у Ярослава испроси помощь Олъстина Олексича, Прохорова внука с кову черниговъскими». (Ипатьевская летопись, с. 129—130)

Игорь протрубил сигнал похода, похода сепаратного, утаенного от великого князя, недавно проехавшего через Новгород-Северский. Знал о предполагаемом походе только Ярослав Черниговский, родной брат великого князя, но и он не проговорился о задуманном походе, а Игорю дал в помощь боярина, который всего лишь два месяца тому назад договаривался с Кончаком о мире между князем и ханом.

Поход начался неторопливо. Полки еще не были здесь собраны — проезжавший этими местами (из Киева в Корачев) Святослав не должен был заметить никаких военных приготовлений; теперь же, когда Святослав был далеко в Корачеве, в глубине вятических лесов, полки Игоря

«идяхуть тихо, собирающе дружину свою; бяхуть бо у них кони тучни велми».

Великий князь и не мог заметить ничего подозрительного.

«Стоять стязи в Путивлѣ».

В другом, далеком от великокняжеского маршрута конце Северского княжества, на его южной окраине в Путивле, мобилизация уже проведена. Стяги-полки стоят наготове, и начальствовать над ними будет путивльский княжич Владимир, уже нареченный зятем Кончака.

А от Путивля рукой подать до тех половецких комоней, которые ржут за Сулой: от Путивля до русского городка «Попашь» на Суле всего 54 километра, то есть один день легкой конной езды. Разведчики-сторожи обеих сторон могли легко следить за действиями противника. Противника ли? Путивльские стяги двинулись на соединение с главными силами, вероятно, в конце апреля, и до 11 мая никто не напал на русское, северское войско на марше...

Итак, четыре коротких строки, двенадцать ясных слов. Но сколько ситуаций, сколько событий открыто этими словами знающим людям, сколько намеков и скрытых упреков высказано в лицо современникам! Сколько самых разнообразных ассоциаций возбуждено в памяти слушателей «Слова»!

В результате этого лаконичного авторского запева перед слушателями поэмы-трактата возникла четкая и яркая картина общей обстановки весной 1185 года и создалась неуловимо обрисованная оценка неупомянутых событий и неназванных лиц.

Бледно выглядят Бояновы соколы и галки на фоне этого словно вычеканенного из серебра эпитафия к песне о походе Игоря. Быть может, это и есть та скрытая ирония в отношении к Бояну, о которой так пронизательно говорил Пушкин?

Во всем разделе, посвященном маршу северских дружин до встречи с половцами на летописной реке Сюурлий, для нас чрезвычайно важен учет историко-географических данных и сопоставление их с отдельными строками текста. Поэзия предзнаменований и предостережений должна быть наложена

на географическую карту и проверена расстояниями и сменой ландшафтных зон.

Весь маршрут делится на два неравных отрезка: путь от Новгорода-Северского до речки Сальницы, впадающей в Северский Донец у города Изюма, и марш по степи от Сальницы до реки Сюрлий, которую в 1971 году я отождествил с рекой Гнилушей, левым притоком Самары (днепровской). Такому делению маршрута в тексте соответствует фраза:

«Игорь къ Дону вои ведеть».

Юго-западнее этого «Дона» будет еще один ориентир — «шеломьянь» — водораздел бассейнов Дона и Днепра, юго-западнее которого и находятся речки с половецкими названиями: «Сюрлий» и «Каяла». Первый, маршевый отрезок отмечен весьма неточными ориентирами: река «Донец» и какое-то место у реки Оскола. Кроме того, «Слово» определяет, что полки Всеволода собирались где-то у Курска.

При всех предположительных расчетах пути движения войск мы непременно должны учитывать границу лесостепной зоны с ее обширными полянами и островками дубрав и открытой степи, «чистого поля», так как Игорю необходимо было продвигаться укрыто, не выходя без надобности из маскирующих движение лесных массивов.

В связи с важностью максимально точного решения географо-топографических вопросов и учитывая крайний разброд и разногласия в мнениях исследователей и краеведов, эта тема решена мною при помощи нескольких карт, на которых показаны: «шеломень», «Сюрлий» и «Сальница» (см. карты № 8—10, на стр. 64, 65 и 76).

«Дон», «Великий Дон» — Северский Донец до устья и часть Дона до Азовского моря.

«Донец», «Малый Донец» — правый приток Северского Донца — река Уды, на которой стоял древний город «Донец» и находится «Донецкая Поляна». Протяженность до впадения в «Дон» — более 100 километров.

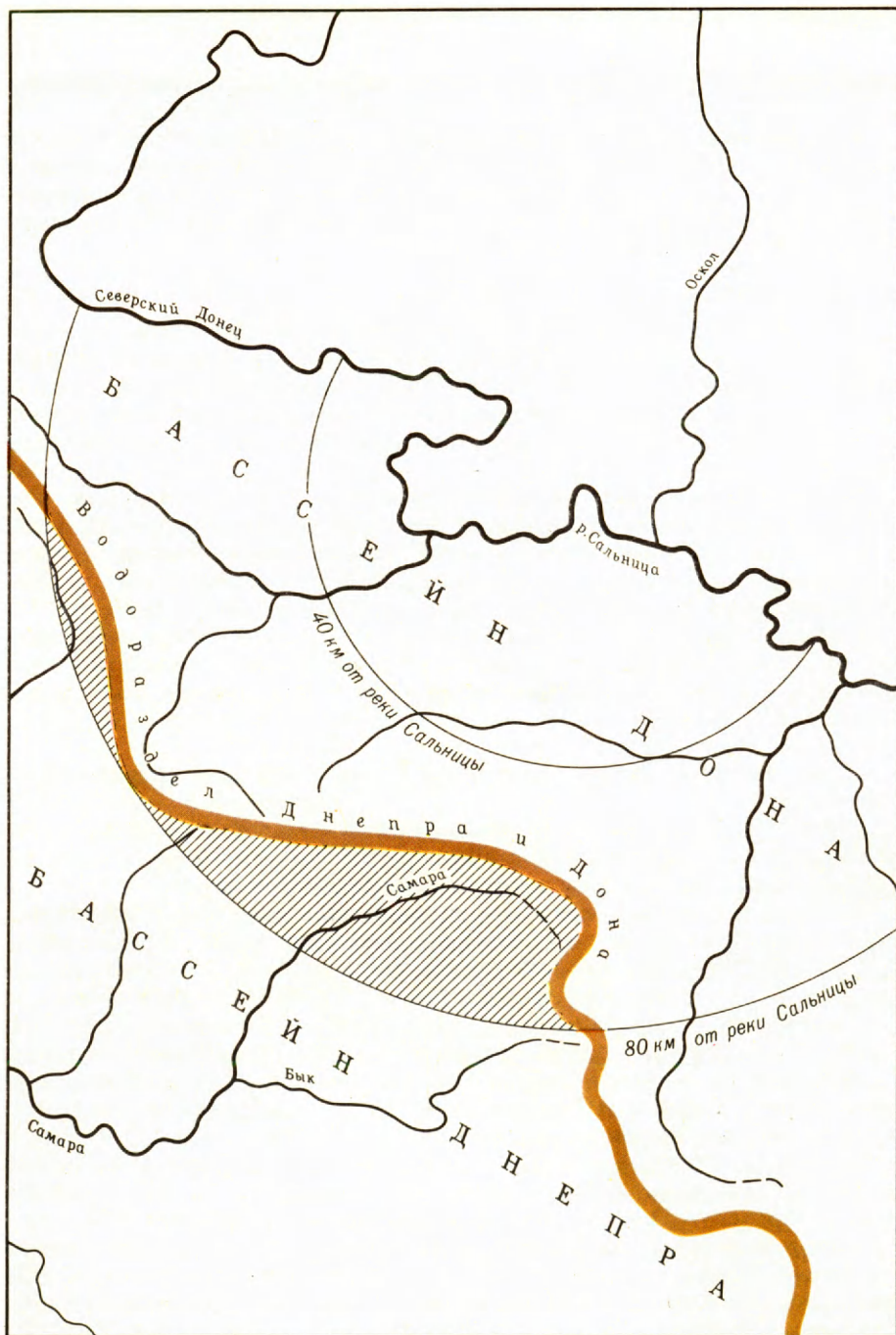
В летописи (там, где речь идет о прорыве из окружения) можно предполагать опisku; вероятно, должно было быть: «хотяхуть бо бьющеса дойти реки ТОРЦЯ». До Торца было 25—30 километров, а до Донца — около 140 километров.

«Сальница» — маленькая речка, правый приток «Великого Дона» на территории города Изюма. Впервые определена В. Н. Татищевым.

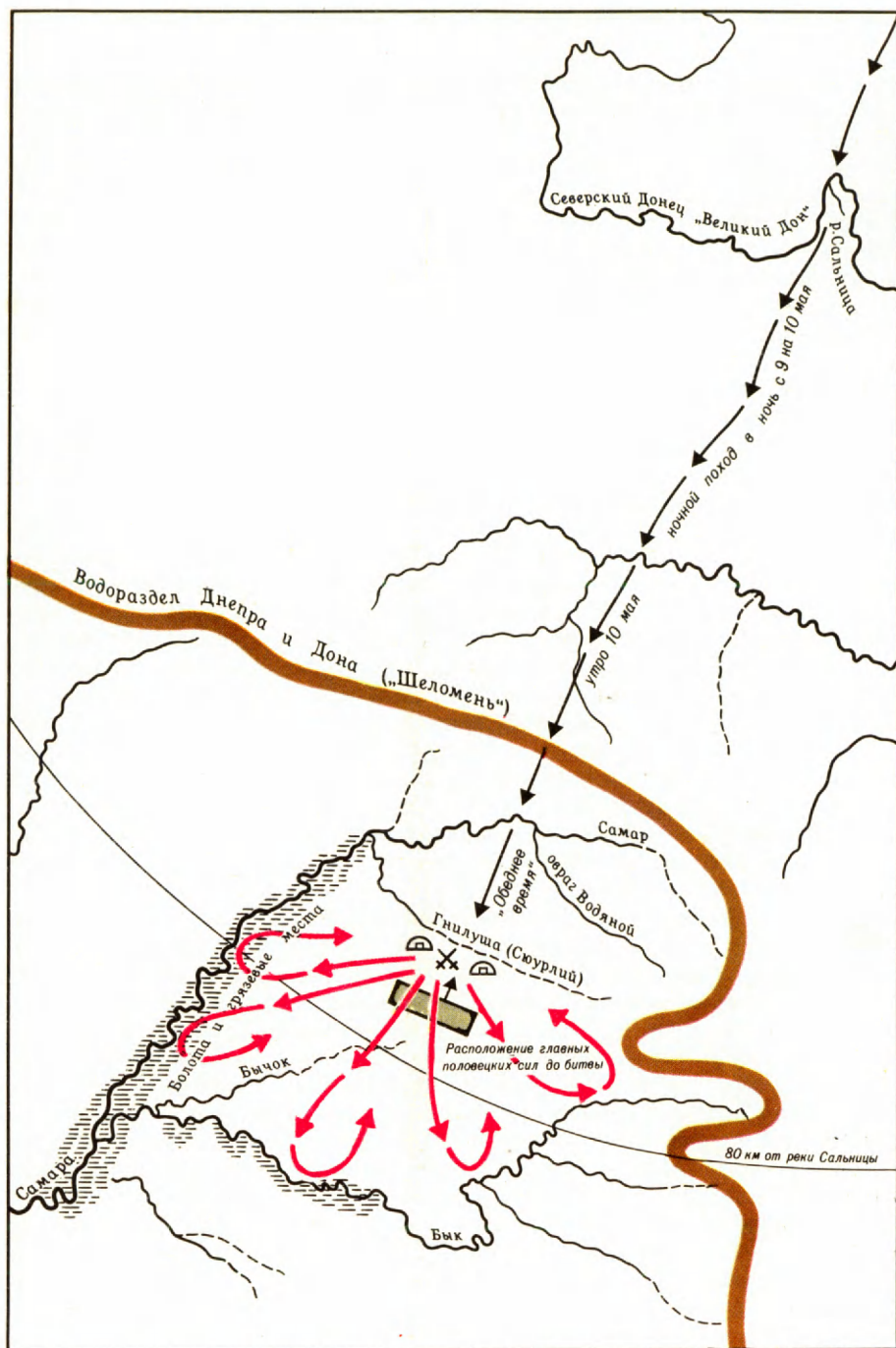
«Шеломьянь» — водораздел между речной системой современного Дона (реки Берека, Северский Донец, Сухой Торец, Казенный Торец и др.) и Днепра (реки Орель, Терновка, Самара и др.).

Солнечное затмение, увиденное вечером 1 мая 1185 года на берегу «Донца» (река Уды), разделило весь поход на две почти равные части: путь от Новгорода-Северского (23 апреля — 1 мая) протяженностью около 260 километров занял девять дней, а путь к границе степи и по самой степи (около 230 километров) занял семь дней, не считая двух дней ожидания где-то у Оскола. Первая, спокойная половина марша по русским землям Северского и Переяславского княжеств в «Слове о полку Игореве» не отражена вовсе. Вторая, тревожная половина описана с удивительной экспрессией и широтой охвата событий от пограничья Руси до Нижней Волги и приморских городов Крыма и Таманского полуострова.

На рубеже этих двух частей восемнадцатидневного марша произошла встреча Игоря Святославича с братом Буй-Туром Всеволодом, с которой начинается, по существу, описание «полка Игорева». Встреча не могла произойти в Новгороде-Северском, так как сразу же вслед за ее описанием Автор говорит: «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя

Карта-схема № 8. Метод поиска битвы Игоря с половцами. Сражение могло происходить только в заштрихованной зоне.

Карта-схема № 9. Поход Игоря 9—10 мая 1185 года.

прикрыты». Не могли слова о встрече относиться и к тому эпизоду, когда Игорь «перебрете Донець и тако прииде ко Осколу (реке) и жда два дни брата своего Всеволода», поскольку, во-первых, солнечное затмение было уже позади примерно на четыре дня (путь в 150 километров), а во-вторых, Всеволод не мог сказать, что его куряне уже «у Курьска напереди», так как по отношению к низовьям Оскола они были бы далеко позади. Идти же к верховьям Оскола означало делать очень большой, ничем не оправданный крюк.

Детали событий на рубеже апреля и мая могут быть обрисованы так: Игорь и Всеволод заранее условились о свидании где-то в конце первого (мирного) отрезка пути для обмена информацией и окончательного уточнения действий и сроков в предстепной зоне, еще не на виду у половецкой разведки.

Удобным местом встречи могли быть дубравы западнее современного Харькова (и древнего города Донца). Здесь Игорь ждал брата, договорился с ним и узнал, что курские войска уже изготовлены. Всеволод, по всей вероятности, уехал к своим войскам до затмения, так как летопись ничего не говорит об участии Всеволода в размышлениях о смысле предзнаменования.

Широко известная характеристика курских «сведомых кьметей» нередко расценивается как похвала русским воинам — защитникам Руси, взлелеянным под шлемами, вскормленным с острия копий. Нет сомнений, что в случае нападения половцев эти всадники будут воевать с напавшими, но Автор избрал иную точку зрения: он показывает курян не в оборонительной позиции, а в наступательной. Сведомые кмети знают степные дороги, знают коварные южные овраги, убежища не только волков, но и вражеских засад...

Курские кмети «сами скачють, акы серьи вльци въ поле, ищучи себе чести, а князю — славы». Их цель — не оборона, не защита деревень и городов, а далекие разъезды по степи во главе со славлюбивым князем ради своей чести, своей части трофейной добычи. Вот так преподнес Автор знаменитых рыцарей-курян своим слушателям. Здесь нам придется сделать то, что никогда не делалось исследователями «Слова», — сопоставить раздел о курянах Всеволода с конкретным рассказом летописи.

Красивые фразы поэта-трибуна вовсе не были так восторженны, как это может показаться на первый взгляд. В них содержался горький намек и суровое осуждение северских князей, предводителей этих «серых волков», по поводу событий, происходивших девять месяцев тому назад в одном-полтора днях пути от тех мест, где Всеволод так расхваливал брату своих курян.

У слушателей вставали в памяти события июля — августа 1184 года. Тогда великие князья киевские — Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич — замыслили большой превентивный поход на западную половину Половецкой земли, возглавляемую ханом Кобяком и «посласта по околние князи». К ним собралось одиннадцать князей. Соединенные русские силы дошли, как уже говорилось, до Орели и в двух сражениях разбили войска Кобяка.

К участию в этом походе были приглашены и чернигово-северские князья (Ярослав и Игорь), но они от похода уклонились: «Далече ны есть ити вниз Днепра. Не можем своею земле пусты оставити...» Ольговичи пообещали присоединиться к общему войску на Суле, но обещания своего не сдержали даже тогда, когда русское войско переправилось на «ратную сторону Днепра» (то есть на тот левый берег, по которому протекает Сула) и пять дней искало половецкую армию.

Более того, узнав, что все половецкие кочевья устремились навстречу Святославу и Рюрику, Игорь проявил свои истинные намерения:

«Того же лета, слышав Игорь Святославлич оже шел Святослав на половец, призва к собе брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимера, молвяшетъ

бо ко братьи и ко всей дружине: «Половци оборотилися противу русским князем и мы без них (без половецких воинов) кушаимся (попытаемся) на вежах их ударити!» (Ипатьевская летопись, с. 128)

Собрав всех тех своих родичей, которые потом участвовали и в несчастном походе 1185 года, Игорь обратился к ним с речью, по своему цинизму не уступавшей обращению хана Гзак к Кончаку после победы над Игорем.

Гзак стремился захватить ставших беззащитными русских женщин и детей; в предыдущем году Игорь, пользуясь уходом половецких всадников в днепровские степи, призывал свою братию «без них... на вежах их ударити».

Тогда летом 1184 года Ольговичи отправились в недалекий рейд «конец (на окраину) Поля половецкого» за реку Мерл, левый приток верхней Ворсклы, протекавшую у самого рубежа русских земель в 40 километрах от русского города Донца (верховья Мерла) и в 35 километрах от русского города Лтавы — Полтавы (устье Мерла). Здесь, правда, «серым волкам» Игоря и Всеволода встретился небольшой отряд половцев в четыре сотни всадников, который был разбит, и сведомые кмети с победой «возвратишася восвояси». Этим рейдом замаскировывался отказ левобережных Ольговичей от участия в общерусском походе.

В 1185 году ситуация повторилась: Святослав и Рюрик начали готовиться ко второму общерусскому походу «на все лето». Конечной целью было углубление в степь до юрта «окаянного и треклятого» Кончака на «Великом Дону».

Ольговичи же в том же самом составе, что и в 1184 году (Игорь, Буй-Тур Всеволод, Святослав и Владимир), решили повторить рейд к окраине Поля Половецкого, но так как они знали о готовящемся общерусском походе, то выбрали самый отдаленный маршрут, через земли за «Донцом» и «Доном» по низовьям далекого Оскола, и лишь в непосредственной близости от владений Кончака (у реки Тора) повернули на юго-запад к каким-то пограничным кочевьям Бурчевичей (см. карту № 9).

Создается впечатление, что Игорь больше боялся выявления своего похода русскими князьями, чем своим сватом Кончаком. Объяснение этой странности мы найдем в дальнейшем.

Вернемся к «Слову о полку Игореве». Цель встречи братьев где-то у Донца, перед выходом в степь, вполне ясна: Игорь должен был знать о готовности курских войск, братья должны были условиться о маршруте, о месте и сроке встречи. Естественно задать вопрос: зачем Всеволоду понадобилось расхваливать брату своих курских кметей, который совсем недавно видел их в деле? Почему именно с этой восторженной характеристики воинов, находящихся вне поля зрения действующих лиц, Автор начинает описание похода?

Это — великолепный образец умного «художественного коварства» Автора-трибуна, речь которого была не столько повествованием, сколько напоминанием и побуждением.

Строфа о серых волках Буй-Тура была как бы вторым эпиграфом описания похода. Это был очень тонко рассчитанный прием, цель которого состояла в том, чтобы вызвать у слушателей совершенно определенную ассоциацию: два похода (1184 и 1185 годов) предприняты одними и теми же полководцами; оба похода совершены тайком от великих князей, оба похода происходили тогда, когда главные русские силы были заняты осуществлением или подготовкой грандиозных превентивных кампаний против половцев, от которых в обоих случаях Ольговичи уклонились...

Невыгодных для Игоря аналогий так много, что уже одними этими

ассоциациями, неизбежными у слушателей «Слова», Автор заранее формировал предубежденное отношение к Игорю и Буй-Тур Всеволоду. Но в какой великолепной художественной форме преподнес Автор свои мрачные напоминания слушателям: недавно, где-то здесь, где Игорь наблюдал затмение, недалеко от места встречи братьев, Буй-Тур уже воевал, но его воины появились в Поле не ради защиты земли Русской (это делали в те дни войска Святослава и Рюрика), а «ищучи себе чести, а князю славы», и если говорить без поэтических красот, то искали в степи кибитки и юрты, в которых остались жены и дети... Это — обвинение, но обвинение, построенное так, что юридически придаться к нему нельзя; лучше было не заметить его.

Солнечное затмение. Военный совет.

«Идушим же им к Донцю реки в год вечерний. Игорь же возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц. И рече бояром своим и дружине своей: «Видите ли что есть знамение се?» Они же узревше и видиша вси и поникоша главами и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се!» Игорь же рече: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не вест! А знамению творец бог и всему миру своему. А нам что створить бог или на добро или на наше зло — а то же нам видити!» И, тако рек, перебрете Донець (река Уды)» (Ипатьевская летопись).

Вполне естественно, что солнечное затмение (в районе Харькова 1 мая 1185 года в 18 часов 30 минут), наступившее в то время, когда войска проходили последние дубравы перед выходом в открытую степь, должно было взволновать суеверных средневековых рыцарей. Затмение — мрачное предзнаменование несчастий и бед. Игорь собрал широкий военный совет князей, бояр и дружинников-мужей. Автор «Слова» и летописец («Галичанин») по-разному осветили это совещание. Летописец, писавший, по-видимому, несколько позднее, зная уже «Слово о полку Игореве», устранил деловую часть и свел все к провиденциальному взгляду на непостижимость и непредугадываемость божьей воли. Это снимало с Игоря всякую вину за пренебрежение важным предостережением.

Автор «Слова» совершенно по-другому изображает этот военный совет, начавшийся, по его мнению, такими словами Игоря:

«Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти!..»

Такая фраза, будучи поставлена на этом месте, крайне удивляет нас: князь, которому «спала ум похоти», убеждавший всех пренебречь знамением и продолжать поход, вдруг говорит, что лучше быть порубленным (в бою), чем взятым в плен. Подобную фразу-поговорку можно и нужно было произнести тогда, когда вставала дилемма: либо позорно сдаться в плен, либо рисковать жизнью. Но в ситуации у реки «Донца», среди охраняющих дубрав, рядом с крепостью городом Донцом, этой дилеммы еще не было. Игорю, который безрассудно стремился в степь, казалось, что есть третий и единственный выход — победа.

Однако иного места для этих красивых слов в поэме нет. Рыцарская поговорка могла быть произнесена только утром в субботу 11 мая, когда русичи увидели себя окруженными половецкими войсками «как бором». В летописи и поставлены именно здесь слова Игоря: «...или умрем, или живи будем на едином месте (то есть все вместе, не разделяясь)!» В «Слове о полку Игореве» описание битвы в окружении начинается с богатырских подвигов Буй-Тур Всево-

лода; никаких вдохновляющих речей здесь нет. Если поговорка о предпочтении смерти плену действительно начинала речь Игоря в связи с затмением, то мы должны признать, что Автор не пощадил князя, не сумевшего умереть в бою, попавшего-таки в плен и пересевшего из золотого княжеского седла в невольничье седло пленника, то есть совершившего именно то, от чего он предостерегал своих бояр и дружинников. Это был укор, построенный на контрасте честолюбивых рыцарских замыслов и осуществленных Судьбой тревожных предостережений.

Далее все проще и яснее. Игорь, ослепленный желанием добиться успеха («жалость ему знамение заступи»), уговаривает своих соратников продолжать поход, «искусити Дону Великаго», сесть на своих борзых коней, «да позрим синего Дону!».

*«Хоцу бо, рече, копие приломити конец Поля Половецкаго
С вами, русици, хоцу главу свою приложити
А любо испити шеломом Дону!»*

Очень часто исследователи полагают, что у Игоря были грандиозные замыслы пройти со своими войсками сквозь всю землю Половецкую, и поводить все Подонье, и достичь далекой Тмутаракани у рубежа двух морей.

В приведенной здесь речи Игоря о Тмутаракани не говорится; поименованы только «Дон Великий» и «конец Поля Половецкого», понимаемый почему-то как самый дальний, приморский край Половецкой земли.

Что касается «Дона Великого», то не нужно думать, что под ним подразумевается только Нижний Дон в нашем смысле; это — Северский Донец плюс низовья нашего Дона. От тех мест, где Игорь на «Донце» (Удах) наблюдал затмение и произносил свою нетерпеливую речь, «Великий Дон» протекал параллельно «Донцу» всего в 40 километрах. Недаром Автор, упоминая «Великий Дон», трижды употребил такие глаголы, которые говорят не столько о пребывании на Дону, сколько о недолговременном соприкосновении с ним: «позреть», «искусить», «испыт».

И Игорь дважды «позрил» синий Дон: первый раз тогда, когда через два-три дня после затмения пересекал его верховья с запада на восток по пути на Оскол, а во второй раз с севера на юг, когда переправлялся у Сальницы.

«Конец Поля Половецкого» в устах Игоря, стремившегося во что бы то ни стало убедить своих бояр и дружинников продолжить поход, никак не мог означать длительной и тягостной кампании в 700—800 километров протяженностью по враждебной, плотно занятой половецкими кочевьями земле. Даже Святослав и Рюрик, собиравшие полки от Карпат до Вятичей, не могли рассчитывать на такой масштаб действий и ограничивали свои замыслы походом на все лето на «Дон», на Кончака, то есть на среднее течение Северского Донца по берегам Тора и разных Торцов, где был основной юрт этого хана. Трем северским князьям не под силу было даже мечтать о сквозном проходе через все Половецкое Поле к самому синему морю. Как показала жизнь, войска Игоря смогли проникнуть в степь всего лишь на два дня пути.

Но Игорь и его родичи совсем недавно «уже преломили копья конец Поля Половецкого» — прошлогодний поход на Мерл и легкая победа над двумя эскадронами какого-то Обовляя Костуковича (400 всадников) происходили на самом краю степи, близ русских рубежей. И Игорь звал в мае 1185 года не в далекую «незнаемую землю», а в такой же небольшой и недалкий рейд, как и в прошлом году. Оказывается, Автор отнюдь не случайно помянул серых волков Буй-Тура, теперь Игорь призывал их повторить такой же наезд на окраину степи, поискать здесь себе чести, а князю — славы. Не слишком благородная, но вполне в духе средневекового рыцарства задача похода Игоря была указана. Князь определил географию предстоящих действий, а Автор тонко намекнул

на истинную цель похода, замаскированную красивой фразеологией, почерпнутой из былинного богатырского эпоса.

Поход был продолжен. Игорю, ум которого был опален жадой удачи, удалось преодолеть сомнения своей дружины и вопреки грозному предзнаменованию повести полки навстречу судьбе. Автор явно отрицательно относился к затее Ольговичей: накануне большой общерусской кампании тайно от всех, уклонившись от участия в общем деле, напасть на пограничные кочевья, урвать свою долю и, ополонившись, возвратиться восвояси. Но великий поэт-трибун не мог так обнаженно преподнести свое возмущение слушателям, среди которых был и сам Игорь. И он нашел гениальную форму мифологических иносказаний. Из чисто политической сферы русско-половецких и русских междукняжеских отношений, с которых он начал свою речь, он переключил внимание тех, кому произносил свое «Слово», в область Природы и языческих сил, которые управляли ею. Политическая сущность была прикрыта романтикой языческой старины. Именно в это время, во второй половине XII века, аристократические круги Руси, разочаровавшиеся в деятельности православной церкви, воскресили на новом, более высоком уровне древние языческие представления. Вместо христианской Богородицы (сменившей в свое время языческую Макошь) теперь появляется Святая Неделя; православного Иисуса Христа несколько оттесняет некое божество «Свет», против которого церковники пишут поучения. Этот «Свет» близок к древнему царю — Солнцу-Дажьбогу, которого наш Автор с достаточной смелостью дважды упоминает в поэме как родоначальника русских людей.

Во время «нечестного», тайного похода Игоря солнце, олицетворение Света и светлого начала, как бы отвернулось от безрассудного полководца.

Автор не описывает характер затмения — ведь все недавно видели его сами. Но затмение было необычным; другой современник описал его так:

«В лето 6693 (1185) месяца мая 1 день во звонение вечернее бысть знамение в солнци: морочно и помрачно бысть вельми, яко на час и боле. И звезды видеть и человеком в очию яко зелено бяше. А в солнци учинися аки месяц, из рог его яко огонь жарящъ исхождаше и страшно бе человеком видети знамение божие!»

Игорь был, очевидно, бесстрашен и дерзок. Он пренебрег строгим предупреждением Солнца-Дажьбога («Солнце ему тьмою путь заступаше...»), и далее Автор раскрывает величественную и зловещую картину последующих предупреждений, мрачность которых нарастает крещендо по мере приближения к степи.

Далее, как в волшебных сказках, выступают волки и лисы, орлы и мифологические чудища. И все это талантливо наложено на реальный маршрут войск Игоря, на четко обозначенную карту Поля Половецкого от Сулы до Черного моря и Волги.

Описание второй половины похода, от «Малого Донца» до реки Сюурлий, — лучший раздел «Слова о полку Игореве». Не забывая о своей роли трибуна и судьбы, Автор умело пользуется сказочными образами и вместе с тем с предельной широтой знакомит слушателей с событиями, происходившими во время десятидневного марша Игоря во всей южной половине Восточной Европы.

Нас не должна удивлять начальная фраза этого описания: «Тогда вступи Игорь-князь въ златъ стремянь и поеха по чистому полю»: после переправы через «Малый Донец» сразу же начинались большие открытые безлесные

пространства (см. карту). Весь путь до встречи с половцами — состоял из 130 километров степи, 35 километров дубрав и 60 километров перелесков.

Учитывая значительную открытость и просматриваемость пути, Игорь, очевидно, вел свои войска по ночам:

«Ночь стонуци ему грозою птичь убуди...» («Слово»).

«И тако угадавшие и ехаша через ночь...» (Летопись).

Движение многотысячного войска неизбежно пробуждало стаи птиц, что являлось «грозою», угрозой, так как демаскировало скрытное ночное движение.

Особенно опасным для русичей был отрезок пути между верховьям Северского Донца и Осколом, примерно по линии Чугуев — Купянск. Открытое безлесное пространство равнялось здесь 50 километрам в поперечнике. А за Осколом, с его перелесками, уже начинались половецкие кочевья орд Токсобичей и Отперлюев. Отдельные половецкие «каменные бабы» (надмогильные изваяния) встречаются даже ближе, в междуречье Северского Донца и Оскола.

Вот здесь, на этой гигантской поляне, окаймленной редким дубняком, Игорь и объявился невольно половецким лазутчикам; скрытное стало поневоле явным. Сразу изменилась вся ситуация; предстоящая возможная угроза стала действительной опасностью.

С восхищением мы следим за тем, каким гениальным художественным приемом Автор передал эту предельно тревожную обстановку — войско на краю необъятной, «незнаемой» и, безусловно, враждебной степи... Он ввел в свою речь языческого Дива, который с вершины дерева как бы оглядывает все Поле Половецкое, оповещает о том, что там делается сейчас, велит прислушаться в полуночной тиши к торопливому скрипу половецких телег, мчащихся к «Дону Великому», то есть навстречу Игорю, напрямик, без наезженных дорог...

К сожалению, правильное понимание поэтической роли этого мифологического персонажа затруднено давним, но довольно легковесным отношением его к половецким божествам, враждебным Руси. Нередко Дива отождествляли с иранскими «дэвами», «дивами» — злыми духами, однако все это вызывает ряд возражений.

В своей книге «Язычество древней Руси» я посвятил специальное разыскание славянскому божеству (или полубогу) Диву. Славянское слово «Див» в ранних письменных памятниках соответствует латинскому «gryphus», то есть «грифон», а это позволяет связать его с широчайше распространенным в средневековом прикладном искусстве архаичным образом львино- или орлиноголового крылатого грифона, «собаки Зевса», благожелательного к людям. На русской почве Див-грифон известен с середины X до XIII века как исполнитель добрых повелений высшего божества, охранитель людей и жизненного начала, своего рода символ «вооруженного добра». Последний раз в искусстве домонгольской Руси грифоны, как волшебные охранители священного места, применены при ornamentации врат Суздальского собора (1230-е годы). Они вместе с известнейшими христианскими святыми (Георгием, Федором, Николаем) охраняют вход в собор от всякого рассеянного в мире зла. К тому же времени (до 1216 года) относятся и грифоны-дивы на шлеме Ярослава Всеволодича — они должны были предохранить голову князя от вражеских ударов.

Именно таким, заботливым и благорасположенным к русским людям, и изображен Див в «Слове о полку Игореве»: при выходе русских войск в степь Див предупреждает о том, что делается в этой степи, а когда после победы «прострошася половци, аки пардуже гнездо», то «уже връжеся Див на землю...».

Образ сказочного существа, полуптицы-полузверя, сидящего на вер-

шине дерева и стерегущего Русскую землю, восходит к отдаленной праславянской старине, когда у скифов и их северных соседей праславян-«сколотов» широко бытовали бронзовые навершия военных стягов с изображениями грифона. Для нас особенно интересен тот тип, который представлен в богатом кургане Толстая Могила: над декоративным символическим древом жизни помещена крупная фигура грифона. «Збися Див, кличет врѣху древа...»

В чем был смысл дивьего «клика»? Кому он был адресован, кого и о чем предупреждал?

Почему-то, как правило, исследователи считают, что Див был на страже половецких интересов и их, половцев, извещал о появлении в степи врагов. Понять такой ход мысли можно, особенно если считать Дива половецким божеством. Но он не половецкий; тюркологи, собравшие и анализировавшие все (даже с лихвой) тюркизмы в «Слове о полку Игореве», не включили слово «Див» в свой лексикон тюркизмов.

Д. С. Лихачев прав, отрицая половецкое происхождение Дива.

При решении вопроса о роли Дива для нас важно строгое рассмотрение логики рассказа в «Слове»:

1. Игорь едет по чистому полю.
2. Солнце предостерегает Игоря.
3. Природа предостерегает Игоря.

4. Див тоже предостерегает: «велит послушати земли незнаеме». Призыв русского божества явно обращен к русским, так как только для них, русских, а не для половцев Поле было «незнаемыми», неизвестными землями.

5. Покончив с перечнем предостережений, Автор переходит к тому, что в действительности уже происходит в Половецких землях, к чему следует прислушиваться: «А половци неготовами дорогами побегоша к Дону Великому...»

«А половци...» — деклинационный разделительный знак: то, что было до него, относилось к Игорю и его войску, а то, что после него, несомненно, к половцам. К чему же нужно было прислушиваться? Не к топоту коней, не к крикам испуганных птиц, а к визгу и скрипу тележных колес во всей степи.

Упоминание «телег» отнюдь не случайно. Это не кибитки-«вежи», в которых живут жены и дети, только обременительные в походах и сражениях. Это — конные повозки военного назначения, в которых возили доспех и запасы стрел.

Под 1377 годом московский летописец сурово осудил нижегородских полководцев, которые, идучи на татар на реку Пьяну, не извлекли вовремя свои доспехи из телег:

«...И начяша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех (тогда — мужская верхняя одежда.— Б. Р.) а доспехи своя на телеги и в сумы скуташи, рогатины и сулицы (метательные копья) и копья не приготовлены... также и щиты и шоломы...»

Оружие (в числе которого должны были быть и запасы стрел) иногда высылали вперед. Мономах по случаю событий 1085 года пишет: «Ходихом на Супой... И сретоша ны внезапно половецкие князи — 8 тысяч и хотехом с ними ради битися, но оружие бяхом услали наперед на повозех и (поэтому) внидохом в город».

«Доспех» и «Телеги» взаимосвязаны и в описании похода Игоря. Автор «Слова» говорит о половецких телегах, а летописец — о доспехах. Когда Игорь и его воины добрались до Северского Донца и Сальницы, то разведка предостерегала их:

«Ту же к ним и сторожеви приехаша, (их же бяхуть послале языка ловить) и рекоша приехавше: «Видихомся с ратными

(видели противника). *Ратници ваши со доспехом ездять! Да или поедете борзо или возворотимся домовъ — яко не наше есть веремья.* (Ипатьевская летопись, с. 130)

«Сторожи» не от языка узнали, а сами видели половецких всадников и по наличию с ними четырехколесных повозок — телег с доспехом — определили серьезные воинственные намерения половцев. Скрип мчащихся к «Дону» военных телег угрожал, предупреждал.

Реальный Игорь, открывшись половцам еще у Оскола, не мог слышать этого скрипа за сотни километров, но нереальный, вещий Див это знал и об этом предупреждал заранее. Очевидно, Автор ввел Дива в этот эпизод вполне обдуманно: Игорь не знал, но должен был знать, как полководец, что появление его войск на окраине степи неизбежно вооружит какую-то часть степи против него.

Автор при помощи Дива обрисовал не только стихийные предупреждения (гроза, птицы, звери), но и масштаб реальной угрозы Игорю при выходе его в степь.

Может показаться, что поэт слишком увлекся красиво звучащими гиперболами, очертив перед слушателями огромное степное пространство, которое в переводе с поэтического языка на язык цифр выражается в 300 тысячах квадратных километров. Займемся расчетами, положенными на крупномасштабную карту, на которой обозначены леса и открытые пространства.

1. Началом отсчета должно быть место переправы северских войск вечером 1 мая 1185 года, во время (или вскоре после) солнечного затмения.

Место переправы определяется совершенно объективно пересечением реки Уды («Малый Донец») сравнительно узкой полосой неполного солнечного затмения. Ширина полосы затмения — 40 километров, ее северо-восточная кромка проходит за пределами истоков «Донца»; а юго-западная на 30 километров вниз от истоков. Исходя из этих условий, переправа могла быть осуществлена где-то в самых верховьях Уд, примерно в районе современного Золочева. Здесь нет больших лесных островов (они начинаются ниже по течению), и это объясняет нам фразу: «и поеха по чистому полю».

2. Путь к Осколу шел, по всей вероятности, по линии современных городов Чугуев — Купянск. Определить точное расположение двухдневной стоянки Игоря, когда он ждал Всеволода у Оскола, мы, разумеется, бессильны. Следует полагать, что наиболее удобным местом были дубравы по правому берегу Оскола, ниже Купянска. Русичи были бы здесь если не скрыты, то, по крайней мере, прикрыты от наезда половцев как рекой, так и многочисленными дубравами.

3. Расстояние от Золочева до последних лесных массивов близ Чугуева — около 70 километров, то есть два дня пути. Далее предстоял опасный перегон в 50—60 километров по открытой степи с половецкими изваяниями, но в тот момент, судя по всему, без половецких кочевий. Этот отрезок пути должен был быть пройден только форсированным ночным маршем; степной ландшафт позволял чередовать рысь с полевым галопом. Вероятно, такому броску предшествовала дневка и ночевка под прикрытием последних лесов близ Чугуева.

4. Считаю необходимым дать здесь итоги тщательных расчетов движения больших масс конницы (по татищевским данным, в плен было взято 5 тысяч русских) на основе летописных данных и с учетом географических условий.

Где искать реку Сюрлий и «Каялу, реку половецкую»? Обычно исследователи и краеведы-любители ищут эти реки, связанные с печальным финалом похода, в бассейне Дона, опираясь на то, что битва происходила «у Дона». Вы-

сказано много догадок, авторы которых, не стесняясь расстоянием, ищут Каялу даже в нижнем течении Дона, в 300—400 километрах от единственной достоверно известной нам точки — речки Сальницы (современный город Изюм). При этом забывают, что у войска Игоря (около 10—15 тысяч всадников) не было времени на преодоление такого пути сквозь всю Половецкую степь; для марша у них была короткая майская ночь и 7—8 часов предполуденного времени. За это время масса конницы могла пройти не менее 40 километров и едва ли более 80 километров от Сальницы.

Битва была невдалеке от «Дона» (Северского Донца), но, бесспорно, в бассейне Днепра, так как Ярославна обращается в своих призывах «вернуть ее ладу» не к Дону, а к Днепру Словутичу. Следовательно, искать место битвы нужно в той части бассейна Днепра, которая попадает в зону досягаемости, то есть в радиусе около 70—80 километров.

Название Сююрлий (Сюурлий) может быть переведено в связи с тюркским словом «саур» — «бык». (Торческий, «олыберский» эпос знает Саура-богатыря.) «Сююрлий» означает «много быков». Определив плоскогорье, с которого стекает пять речек с «бычьими» названиями, я обратился к известному тюркологу Н. А. Баскакову, и он подтвердил мою догадку, что в половецком «*sy uǵly*» («обладающий быками») могло звучать и как «*süjürly*», то есть точно так, как дано в летописи, — «Сююрлы».

В районе соприкосновения мелких притоков Дона и Днепра есть пять речек, носящих название Бык, Сухой Бык, Бычок. Все они стекают в разные стороны с одного безводного плоскогорья в 60—70 километрах от Сальницы! Невольно вспоминается «поле безводное», упомянутое Ярославной. Единственная река этого плато без «бычьего» наименования — река Гнилуша, левый приток Самары. Ее и следует отождествить с рекой Сююрлий; здесь, на левом, южном берегу ее, и началась битва в пятницу 10 мая (см. карту № 11 на стр. 90).

В 10 километрах от Сюурлия, близ озера у современного села Варваровка, мне удалось на старых картах середины XIX века обнаружить пересыхающую (как и многие притоки Самары) речку, правый приток Быка, с украинским названием, полностью соответствующим тюркскому имени Каялы, «*qajaly*» — «скалистая». На карте Шуберта 1847 года это «овраг Скелеватой», то есть «Скалистый», а на трехверстной карте генерального штаба — река Скелька.

Эта «Скелеватая»-«Скалистая» Каяла впадает в Бык близ современного села Славянка.

От Каялы-Скелеватой до озера 1 километр, и плененный на Каяле Игорь действительно мог видеть с берегов «быстрой Каялы», как Буй-Тур Всеволод «бившеся, яко и оружье в руку его не доста. И бьяху бо ся идуще вкруг при озере» (см. карту № 11).

«Ту ся братá разлучиста на брезе быстрой Каялы...»

Весь календарь похода можно представить себе так:

- А. Ночь с 1 на 2 мая — марш к округе у города Донца (окрестности современного Харькова).
- Б. Ночь со 2 на 3 мая — марш к округе у современного Чугуева, где были «ворота» в лесных массивах.
- В. День 3 мая, ночь и день 4 мая — отдых перед броском в донецко-оскольскую степь.
- Г. Ночь с 4 на 5 мая — форсированный марш к Осколу по открытому пространству.
- Д. 5—7 мая — ожидание Всеволода у Оскола.
- Е. 8—9 мая — марш к «Дону Великому» соединенных сил Игоря и Всеволода.

- Ж.** 9 мая — прибытие к Северскому Донцу у современного Изюма (река Сальница). Донесения разведки (все из летописи).
- З.** Ночь с 9 на 10 мая и утро 10 мая — последний марш через водораздел Дона и Днепра («шеломьянь») к верховьям Самары и Гнилуши — Сюрля (летопись).
- И.** 10 мая, пятница; день и вечер — встреча с кочевьем, погоня. Военный совет поздно вечером (летопись).
- К.** Ночь с 10 на 11 мая — «Дремлетъ въ полѣ Олегово хороброе гнѣздо».
- Л.** 11 мая — утро 12 мая. Битва в окружении на безводном плато.
- М.** 12 мая, воскресенье. Полдень. «Падоша стяжи Игоревы» у реки Каялы и озера близ современного села Славянка на правом берегу реки Быка (см. карту на стр. 11).

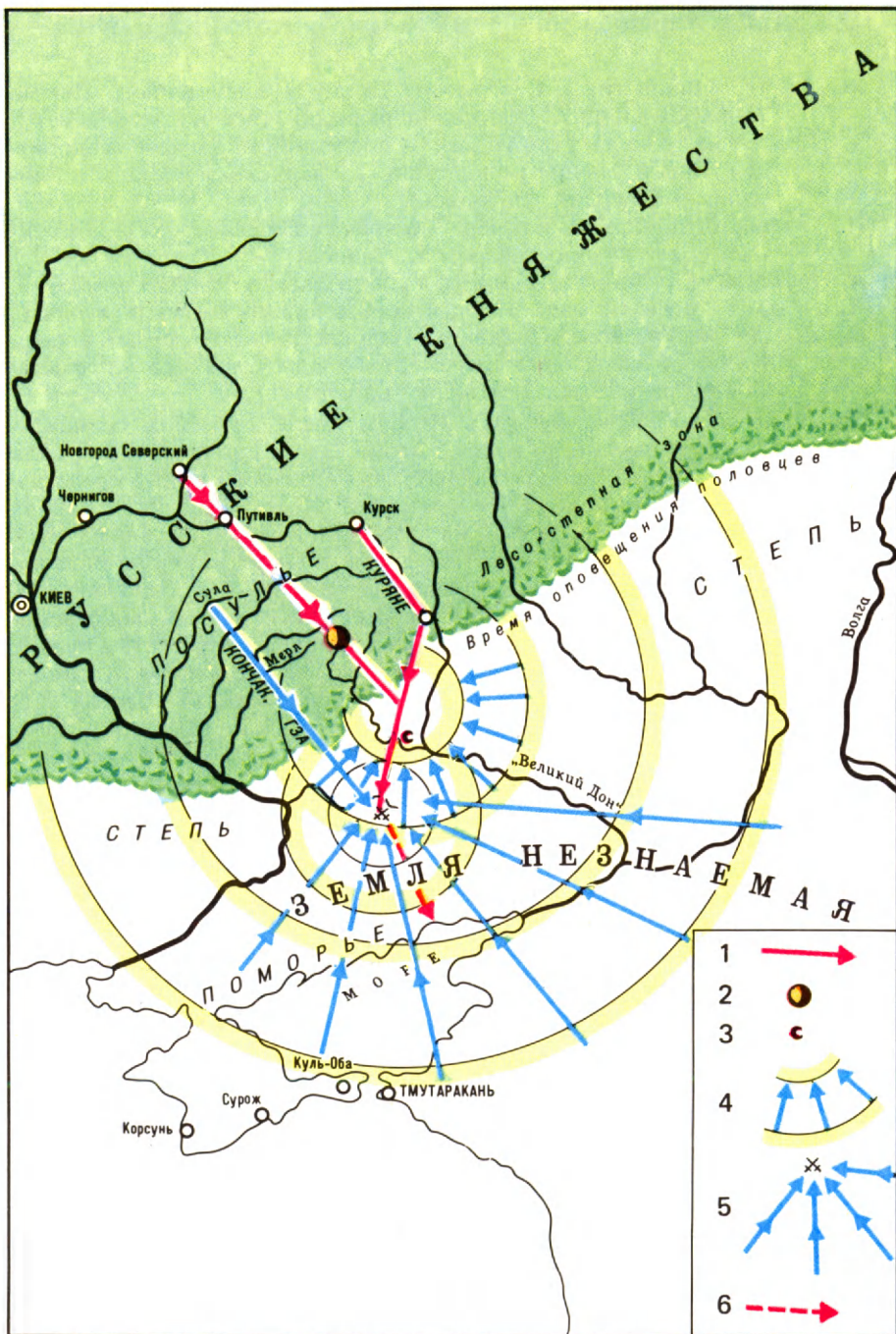
Описание пути войск, ведомых Игорем после затмения солнца, — может быть, самое красочное место во всей поэме. Здесь проявилась вся сила поэтического таланта Автора, использующего самые разнообразные средства, чтобы показать обреченность похода. Не нужно было быть участником похода для того, чтобы обрисовать природу рубежа лесостепи и степи; это знали тогда все, кому приходилось ездить в окрестностях Киева, в Поросье или на Волини.

Начало предпоследней стадии похода (литеры А — Г) показано сравнительно спокойно: Игорь едет в своем княжеском седле с золочеными стременинами (потом Автор не забудет сказать, что князю пришлось пересест в чужое, «кощеево» седло), но природа насторожена, многотысячное войско пугает ее. Встревоженные ночным маршем птицы поднимают шум («стон»), степные суслики испуганно свистят... Полководцу нужно подкрасться к половецким кочевьям как можно незаметней, внезапно напасть на них, но природа как бы торопится выдать неосмотрительных всадников, пренебрегших знаменем самого Дажьбога-Солнца.

И вдруг сразу Автор заставляет слушателей подняться на нереальную, мифологическую высоту и, прислушиваясь в полунощной тьме к незнаемой степи, ощутить ее новую, встревоженную сущность. Не вспархивающие ночью птицы, не свистящие испуганно степные зверьки, а военные колесницы-телеги с десятками тысяч смертоносных стрел несутся по ночной степи со всех концов к тому самому «Дону», к которому Игорь ведет свои полки. Как рассказать об этом, как показать никем не ожидавшуюся масштабность того, что происходило?

Поэт прибегает к образу древнего Дива, вешего существа, вершителя небесной воли. Это уже не знамение, рассчитанное на восприятие символического предостережения, а обращение к разуму полководца, который должен был знать, что, поехав «по чистому полю», он уже объявился половецким лазутчикам, что во все края уже поскакали половецкие гонцы, извещавшие о войне. Див понадобился Автору как средство перемены диапазона образа: от ночных маршей по перелескам и степным полянам нужно было перейти к общей стратегической обстановке, о которой князь не захотел подумать, так как «спала князю ум похоти».

Опять расчеты: половецкие вестники войны из окрестностей Оскола для того, чтобы передать всем ордам и ханам «билич» (весть) о движении Игоря, могли свободно, не таясь, скакать по своей степи от кочевья к кочевью и днем и ночью, меняя коней и находя замену себе. За сутки весть распространялась на большом пространстве. Если Владимир Мономах мог доскакать на переменных конях из своего Чернигова до отцовского Киева (140 километров) в один день, за время «от заутрени до вечерни», то для военных сведений суточное расстояние (учитывая непрямолинейность пути) должно равняться не менее 150—160 километрам. Временем, когда половцы уже определенно знали о движении Игоря, можно считать 5 мая (литера Г). Тогда Всеволод двигался вдоль

Карта № 10. Окружение войск Игоря половцами 5—12 мая 1185 года:

1 — направление движения войск Игоря и Всеволода; 2 — место наблюдения солнечного затмения 1 мая 1185 года (река Уды); 3 — река Сальница (место перехода «Дона» — Северского Донца — 9 мая); 4 — половцы первой зоны оповещения прибыли к месту расположения русской «сторожи» у Сальницы (с 7

мая); 5 — половцы из отдаленных окраин степи прибыли в район битвы на Калке к утру 11 мая; 6 — примерное направление пути (приблизительно 140 километров) беглецов, достигших моря.

Посулье — крайние пределы половецких земель, подвластных весной 1185 года хану Кончаку.

Оскола (от городища «Холок»?) на юг, к месту встречи, а Игорь заканчивал свой марш-бросок от верховьев «Дона» к Осколу через степь.

Тогда мы получаем следующие (разумеется, примерные) расстояния (см. карту № 10):

- к 6 мая извещена степь до левых притоков Ворсклы, до верховьев Самары и по Северскому Донцу до реки Айдара;
- к 7 мая весть достигает «Посулья» (реки Сулы) на западе, «Поморья» — Азовского моря на юге и устья Северского Донца на юго-востоке. В эту зону входит и округ днепровских Порогов, но Днепр в «Слове» не упоминают;
- к 8—9 мая о выходе русских в степь узнают половцы, кочующие в крымских и предкавказских степях, близ Волги и близ южных черноморских городов: «Корсуня», «Сурожа» и «Тмутаракани» (подчеркнуто упоминаемое в «Слове»).

Для расчета скорости движения извещенных половецких войск мы должны принять другие исходные данные. Во-первых, многоконное войско не может двигаться с фельдъегерской скоростью отдельных всадников, меняющих коней; во-вторых, оно, как мы знаем, отягощено сопровождением военных четырехколесных (очевидно, пароконных?) телег с доспехом. Последнее обстоятельство позволяет приравнять скорость движения к известным нам по «Большому Чертежу» конца XVI века определению для этих степных мест — 90 верст (96 километров) «скорою ездой» в сутки. Учитывая военную спешность, округлим условно до 100 километров в сутки. Тогда мы получаем примерно такую картину:

Время извещения	Время прибытия	Места прибытия половецких войск	Месторасположение русских войск
6 мая, понедельник.	7 мая, вторник.	Половцы окружают лагерь Игоря у Оскола (примерно на расстоянии 100 километров).	Игорь ждет Всеволода в низовьях Оскола.
7 мая, вторник.	9 мая, четверг.	Половцы от Посулья и Поморья приближаются к Сальнице, примерно у «шеломья». Они уже известны русской разведке.	Игорь и Всеволод подходят к «Дону Великому» у Сальницы.
8—9 мая, среда.	11—12 мая, суббота, воскресенье.	Подспели дальние половцы из крымских (Куль-Оба) и тмутараканских степей.	Русское войско в окружении у рек Скуурлий и Каяла. Битва в окружении.

Вот об этом грандиозном движении всей «Черной Кумании» (восточной половины Половецкой земли) и напоминает Автор своим слушателям с помощью сказочного Дива, только он и мог охватить это тысячеверстное пространство.

Предостережение вещего птице-зверя полностью подтверждено летописью:

*«И рече Игорь (в субботу 11 мая на рассвете):
«Се, ведаюче, собрахом на ся землю всю:
Концака
и Козубурновича (Кзу)*

*и Токсобица
Колобича (Куль-Оба близ Корчева-Керчи)
и Етебича
и Терьгробича». (Ипатьевская летопись, с. 130—131)*

Создается впечатление, что размах сопротивления Игорю несоизмерен его собственным северским, сравнительно небольшим силам. Поднимать против них Поморье, и Волгу, и Тмутаракань не было надобности. Возможно, что произошла ошибка: половцы должны были знать, что Святослав Киевский готовит большой общерусский превентивный поход, «хотя ити на половци к Донови на все лето». Выход русских войск Игоря к верховьям этого «Дона» мог быть принят половцами за новый, неожиданный вариант общерусского похода. Это могло казаться особенно вероятным еще и потому, что сам великий князь Святослав находился в это время в Корчеве, в тылу Игоря, в трех днях пути от Курска, из которого выступили знаменитые волки-куряне. Здесь Святослав «собирашеть от верхних земель вои» для похода на «Дон». Войска же братьев, Игоря и Всеволода, перешедшие «Дон», могли быть приняты половцами за авангард общих сил.

Красочная строфа о пришедшей в стремительное движение степи от Сулы до Волги (около 800 километров) и от Оскола до Тмутаракани (около 500 километров) календарно должна быть приурочена к тем дням, когда Игорь спокойно ждал Всеволода у Оскола, а потом, соединившись, войска братьев шли перелесками к Сальнице.

Какую напряженную и контрастную ситуацию воссоздает Автор этой строфой! Крики встревоженных лебедей передают не медлительный и ритмичный скрип чумацких возов, а бешеную скачку обгоняющих друг друга конных повозок по «неготовым дорогам» степного простора. И рядом — эпически спокойная фраза: «Игорь к Дону вои ведет...» Ведет не ведая, надеясь, веря в свою судьбу.

На южном берегу «Великого Дона», у Сальницы, должно было наступить отрезвление — разведка собрала дурные вести:

«Видихомся с ратными; ратници ваши со доспехом ездятъ. Да или поедете борзо или възворотимся домовъ, яко не наше есть веремя!» (Ипатьевская летопись, с. 130)

К этому времени в округе Сальницы, на расстоянии одного дня пути, уже появились, как мы видели, половцы Поморья и те, что были на Суле. Следовало внять донесению и одуматься; то, что раньше «знал» только сказочный Див, теперь знают и полководцы. Но Игорь по-прежнему убеждает продолжать поход:

«Оже ны будеть не бившиися возворотитися — то сором (срам) ны будеть пущей смерти!» (летопись).

Это кажется рыцарственным, но оказалось безрассудным.

Последний отрезок пути — скорый марш ночью на юго-запад от «Дона», через водораздел-«шеломянь» к притокам Днепра Слоутича, к еще неведомой Каяле, «реке половецкой», описан в «Слове о полку Игореве» в предельно трагических тонах. Слушателям Автора косвенно дается понять, что русичи идут в кольцо половецкого окружения, широкого, невидимого, но грозного. Впервые появляется слово «беды», оно связано как-то с «дубием» и птицами. Начало этого пути от Сальницы отмечено мелкими дубравами, где на деревьях могли оказаться половецкие лазутчики (может быть, это — беды?). Волки по оврагам (многочисленным и глубоким здесь) предсказывают какую-то «грозу», лисицы лают на красные щиты всадников...

Самыми страшными словами, говорящими об обреченности Игорева полка, является фраза:

«Орлы клѣктомъ на кости звѣри зовутъ...»

Орлы над степью вполне естественны. Но какие кости? Костей еще нет! Всадники едут, позванивая стременами; может быть, ветер поет, как в эоловой арфе, в их притороченных копьях, храпят и топчут борзые комони... Но состоится неотвратимая уже, неравная битва, падут пронзенные стрелами кони, умрут зарубленные всадники, и тогда первыми спустятся с неба могучие орлы-могильники, расклюют, растеребят тела, сбегутся волки рвать добычу, лисы подлизжут кровь на траве, обнажатся белые кости воинов. Это — предсказание неизбежного близкого будущего, лаконичное определение обреченности: «Орлы клѣктомъ на кости звѣри зовутъ...» Это — почти реквием.

Подводится еще одна черта:

«О, Русская земля! Уже за шеломянем еси...»

Полки пересекли широкий водораздел Дона и Днепра, по которому пролегает знаменитый «залозный» «гостинец» — магистральный путь купцов-гостей, первыми узнавших о трагедии 11—12 мая.

Кончилась тревожная походная ночь, «заря свет запала». Восходящее солнце осветило длинную, в 4—6 километров, походную колонну всадников, перегородившую «великие поля» в верховьях Самары. Красные круглые щиты, возившиеся на ходу за левым плечом всадника, ярко блестят под лучами, падающими с востока, слева: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша». Доспехи не в телегах, а уже на всадниках, снаряженных к внезапному бою.

Ночная угнетенность как бы снова сменилась надеждой на успех, предсказания и знамения как бы вновь забыты. Русичи идут через притоки Словутича, снова

«ишучи себе чести, а князю — славы».

ПОБЕДА

98 Съ зараня въ пятѣкъ потопташа поганья плѣкы
половецкыя,

99 и рассушясь стрѣлами по полю,

100 помчаша красныя дѣвки половецкыя,

101 а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.

102 Орѣтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты

мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ,

103 и всякыми узорочьи половецкыми.

104 Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ,

105 чрълена чолка, сребрено стружие —

106 храброму Святьславличю!

107 Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.

Далече залетѣло!

108 Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету,

109 ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!

110 Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ,

111 Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Утром в пятницу («с зараня в пяток») 10 мая 1185 года началась первая битва с половцами, увенчавшаяся полной победой. Летописцем и Автором «Слова» это событие описано совершенно по-разному, в разной манере. Фактическая военная сторона дана в летописи подробно и четко: русские увидели половецкое

кочевье с правого берега реки Сюурлий — Гнилуши (см. карты № 11 на стр. 90).

Игорь построил по обычаю того времени шесть полков. Тяжелая конница (Игорь, Всеволод) была во втором эшелоне и в этом бою не участвовала. Легкая кавалерия («стрельцы») тоже состояла из трех полков. Половецкие «стрельцы» подъехали к реке, пустили по стреле и поскакали обратно в степь. Святослав Ольгович, княжич Владимир и воевода Ольстин Олексич с черниговскими ковуями подошли к реке, и тогда все половцы, охранявшие кибитки, тоже поскакали в степь. Русская легкая конница овладела вежами и начала преследование, из-за длительности которого и пришлось заночевать в окружении многих половецких полков. С. А. Плетнева предполагает, что доставшееся русским кочевье было умышленной приманкой для удержания войск Игоря в степи. Это вполне правдоподобно.

Завершение победного дня дано в летописи так:

«...Русь же дошедше вежь и ополонишася. Друзии же (Святослав Ольгович) ночь приехаша к полком с полоном».

На ночном военном совете Игорь выразил удовлетворение победой, что бог «возложил... на нас честь и слава». Впрочем, из дальнейших слов Игоря нам становится ясно, что окружение стоянки русских войск многочисленными половецкими полками к этому времени уже перестало быть тайной для Игоря:

«Се же видихом полки половецькии, оже мнози суть. Ту же ци все си суть совокупили? (Разве здесь сейчас уже все половцы собрались?) Ныне же поедем через ночь!..» (Ипатьевская летопись, с. 130)

Однако с возражением выступает тот, кто дольше всех гнался за полоном и вконец истомил коней:

«И рече Святослав Ольгович строема своима (двум братьям своего отца): «Далече есмь гонил по половецех, а кони мои не могут!» Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть — на дорозе остати!»

Всеволод предложил заночевать на месте лагеря.

Под пером летописца возникла еще одна рыцарственная фраза князя Игоря: «Да недивно есть, разумеючи, братья, умерети!»

Обстоятельный и подробный рассказ летописца, лишь изредка сдобренный христианскими сентенциями редактора, добросовестно знакомит нас с ходом и сущностью событий. В «Слове о полку Игореве» почти нет расхождений с общими хроникальными данными, но как различна подача событий, отбор материала, умышленные умолчания! Здесь в полном блеске проявился талант нашего Автора, являвшийся сплавом публицистики и дипломатии, повествования и поэзии.

Внешне строфа о битве в пятницу 10 мая выглядит очень мажорно, она как бы продолжает ту взбодренность, которую ощутили Игорева русичи, выехав на рассвете за шеломянь. Опуская детали встречи с половцами, Автор прямо начинает с лихой атаки. Образ походной колонны, растянувшейся по великим полям, сменяется звуковым изображением мчащейся кавалерийской лавы.

Поход:

«Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша».

Атака:

«С зарания въ пятокъ потопташа поганья полкы половецкыя».

В первом случае мы слышим перебивчивый топот коней, идущих рысью, а во втором — порывистую скачку карьером, «во весь опор», со скоростью стрел. Битвы в «Слове» почти нет, но зато подробно (может быть, слишком подробно) Автор перечисляет добычу воинов Святослава Ольговича: здесь и половецкие красавицы, и золото, и шелк, и дорогой оксамит... Трофеев было так много, что, доскакав до «грязивых мест» (вероятно, болотистые берега рек Быка и Самары), туда покидали менее ценные епанчи, кожухи и «всякое узорочье половецкое».

Главному полководцу, смелому князю Игорю Святославичу, ведущему своих «волков», невзирая на приметы, преподносится красный стяг, белая хоругвь с красной челкой и серебряный жезл — «стружие». Оптимистичная, жизнерадостная концовка как бы оправдывает тяготы и страхи похода в неизвестную землю...

Это очень коварный полемический прием Автора, дипломатическая полуправда, облаченная в роскошное одеяние поэзии. Недалекие люди из числа слушателей могли подумать, что Автор действительно прославляет «храброго Святославича» и что последующие несчастья с Игорем — это уже не его вина, а его беда, обрушившаяся на него исконная злоба окаянных агарян. На самом же деле Автор-трибун выставил здесь главнейшее обвинение против Игоря: поход предпринят только ради «чести и славы», и полководец непозволительно легкомысленно допустил затянувшуюся до ночи погоню за девками, золотом и заморскими тряпками.

Мастер светотени, контрастов, наш Автор заготовил в этой строфе материал для будущих печальных сопоставлений.

Здесь упомянут половецкий стяг, как трофей, как знак победы, а через два дня «падут стязи Игоревы». И слушатели это знают.

Здесь красочно описано, как по болотам и «грязивым местам» «мосты мостили» более дешевой частью добычи, а через два дня, притиснутые к этим же болотам, лишившиеся своих коней, порой без оружия, гибли русичи.

Горечь сквозь кажущийся оптимизм, тонкое иносказание без подробных пояснений — это лишь часть ораторских приемов Автора, обращавшегося к аудитории, которая знала все и понимала легкие, едва обозначенные намеки.

После «мажорной» концовки, вероятно, следовала пауза. Тревожная ночь во враждебном окружении: Войско не спит — оно только дремлет. Вот еще один пример лаконизма и емкости уцелевших при авторском отборе определений. Одно слово «дремлет» (после суточного похода и длительной погони!) уже вводит нас в настроенную обстановку этой ночи.

Автор искренне сочувствует Игорю и его соратникам, оказавшимся в таком тяжчайшем положении. В упоминании «Ольгова хороброго гнезда» нет никакой иронии. Наоборот, Автор считает, что это гнездо не было судьбой предназначено к гибели от тех или иных врагов. Под соколом и кречетом, очевидно, подразумевались какие-то русские князья, так как враги половецкого происхождения обозначены «черным вороном». Философская сторона этой очень важной фразы заключалась, по-видимому, в том, что всякая «обида», всякое зло, ведущее к кровавым несчастьям, не является фатальным, заранее предназначенным, «порожденным». Такой постановкой исключается как языческая «Судьба», так и православный бог; остаются люди. Автор в предшествующих разделах порицал безрассудность людей. Здесь он жалеет самих людей.

Строфа, посвященная ночлегу во враждебной степи, завершается упоминанием двух важных половецких ханов, громивших сразу же после победы над Игорем три южнорусских княжества: Переяславское, Черниговское (отчасти) и Северское.

*«Гзак бежитъ сѣрымъ волъкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому».*

И Автор снова напоминает своим слушателям о том, что у «Дона Великого» на Каяле, за рубежом водораздела, произойдет битва, о которой Игоря предупреждали Природа, Див и собственная разведка.

Простое на первый взгляд упоминание этих двух ханов является драгоценнейшим источником, раскрывающим нам важные детали русско-половецких отношений весной 1185 года.

Для слушателей Автора — это понятный намек, оставленный им, как и десятки других намеков, без всякого разъяснения. Для нас — трудная задача, решаемая только в том случае, если мы положим эти десять ясных слов на сетку пространственно-временных координат.

Пространство.

1. Юрт Кончака находился на Северском Донце (на «Дону Великом»). Центром его было правобережье этой реки, бассейн Тора и его притоков — нескольких Торцов. Нам неизвестно точно, какая именно из современных рек была летописным Тором. Сливаются воедино: Сухой Торец, Казенный Торец, Кривой Торец, Торица и Торца. Вероятно, Тором была современная река Казенный Торец. Здесь, на берегу Тора, очевидно, в его низовьях содержался в плену Игорь; перед побегом он приказал конюшему Лавру: «Перееди на ону сторону Тора с конем поводным»*.

2. Встреча войск Игоря и Всеволода у Оскола происходила в непосредственной близости от владений Кончака: от устья Оскола до устья Тора — всего 40 километров, то есть 2—3 часа курьерской скачки.

3. Весь маршрут Игоря от переправы у Сальницы до места первой битвы на реке Сюрлий проходил как бы по касательной к ханскому юрту, пересекая даже реку Торцу (ныне — Сухой Торец) в 30 километрах от Сюрлия.

4. Когда Игорь, перейдя «шеломьянь» (водораздел Дона и Днепра), оказался в верховьях Самары и заночевал где-то у современной реки Гнилуши («Сюрлий»), то Гзак и Кончак скакали к «Дону Великому», а не от Дона.

Из рассмотрения пространственных данных явствует, во-первых, то, что Игорь безбоязненно приближался к юрту Кончака на расстояние менее одного дня пути, то есть полностью попадая в поле обзора половецкой разведки. Более того, после получения предостерегающих данных от своей русской разведки Игорь шел почти в том же направлении, продолжая оставаться в одном дне пути от кончаковских Торцов.

Из текста «Слова о полку Игореве» явствует, что Кончака на своем «Дону Великом» не было, он находился где-то в отдалении и скакал к Дону вслед за Гзакм, который был, очевидно, ближе к лагерю Игоря.

Время. В нашей задаче время неразрывно связано с расстоянием, которое во многих случаях определяется приближенно. К счастью, мы располагаем и здесь несколькими точными ориентирами. Сочетание времени и пространства позволяет воссоздать интересную картину событий и отношения к ним основных действующих лиц. Рассмотрим по пунктам.

1. Когда весть о выходе северских войск в степное пространство между Северским Донцом и Осолом могла достигнуть юрта Кончака в низовьях Тора? Как уже говорилось, на извещение хана (в том случае, если он находился в своей ставке у Тора) потребовалось бы не более 2—3 часов. В этом случае Кончак, если бы хотел, мог бы остановить Игоря 5—6 мая, еще до соединения его со Всеволодом. Этого не произошло.

2. Когда Игорь вел свои войска от Оскола к «Дону», Автор «Слова» обрисовывает всю половецкую степь, уже всколыхнувшейся и стремящейся навстречу Игорю. Это относится календарно ко времени после 6—8 мая, по

* Плетнева С. А. Донские половцы, с. 275.

получении «поломянных» (как определяет «Задонщина») вестей. О Кончаке здесь не сказано ни слова.

3. При встрече с разведкой после перехода Дона у Сальницы никаких сведений о Кончаке не сообщено. Это было 9 мая, в четверг.

4. Вечером 10 мая, в пятницу, когда Игорь уже вполне ощутил опасность окружения («Се же видихом полки половецкнии, оже мнози суть»), летописец не упоминает имени Кончака. Следует добавить, что это происходило уже за шеломянем, за пределами юрта Кончака.

5. В полном согласии «Слово» и летопись определяют время появления Кончака в половецком стане. Летописец сообщает, что утром в субботу, 11 мая, «начаша выступати полци половецкнии ак борове (как сосновый бор)... бысть бо их безчисленное множество». Перечисляя распознанные орды, Игорь на первом месте среди ханов называет Кончака.

«Слово о полку Игореве» свидетельствует о том, что Кончак все еще скакал именно в ту ночь, когда после легкой победы, но в предвидении тяжелых боев («да не дивно есть, разумеючи, братья, умрети») войско Ольговичей дремало уже в окружении.

6. Откуда скакал к Каяле, реке половецкой, хан Кончак? По времени прибытия Кончак относился к тем половцам, которые получили извещение не ранее 8 мая и, следовательно, находились в момент получения «поломянных вестей» довольно далеко от местонахождения Игоревых войск.

По приведенным выше расчетам в эту зону входили все земли, поименованные в «Слове», как крайние пределы Восточной Кумании: Тмутаракань, Волга, Поморье и Посулье. Последнее географическое понятие несколько настораживает нас: на Суле и к югу от Сулы находился ряд русских городов и городков. Половецких надмогильных изваяний на Суле нет, и область постоянного кочевания половцев отстояла на 150—200 километров к юго-востоку от Сулы. Поэтому включение Автором Посулья в число тех районов, откуда кони помчали половецкие телеги против Игоря, отражало не постоянное размещение половцев на Суле, а какую-то временную ситуацию, может быть, ситуацию только марта — апреля 1185 года, когда Кончак оказался на Суле в весеннюю распутицу. От Сулы до Каялы — около 300 километров пути, что, по принятым нами выше расчетам, соответствует примерно трем дням «скорой езды». По тем же расчетам, половцы, извещенные 8 мая, могли прибыть к цели через три дня, то есть в субботу, 11 мая.

В субботу утром Кончак уже назван среди ханов, стоявших вокруг Олегова хороброго гнезда. Все сходится. Очевидно, в ожидании ответного удара на его февральский поход Кончак не ушел к себе на «Великий Дон», а остался на Суле, контролируя отсюда возможные выходы русских в степь.

7. Кончак, прибывший к остальным половцам лишь 11 мая, застал войска Игоря уже в западне, окруженными половецкими полками со всех сторон: «изумешася князи рускнии — кому их которому поехати?» В процессе полуторасуточной битвы в окружении Кончак ни разу не упоминается в подробном рассказе летописи. Он выступает на сцену, лишь когда сражение затихло и ханы делили добычу: «Тогда же на полчищи Концак поручися по свата Игоря», и отправил его, как явствует из последующего, в свой юрт в низовьях Тора.

Из всего сказанного мы должны сделать вывод, что Кончак, судя по нашим источникам, не предпринял никаких мер для противодействия Игорю на его марше, коснувшемся края владений Кончака. Окружение Игоря у Каялы не было инициативой Кончака; оно началось еще до того, как сам хан узнал о появлении Игоря.

К окруженному стану Игоря Кончак прибыл одним из последних, находясь еще в пути в ночь с 10 на 11 мая.

Каким же образом и в силу каких причин против Игоря образовалось общеполовецкое движение гигантского размаха, охватившее всю степь к востоку от Днепра? Ведь соотношение сил было явно несоизмеримо: с одной стороны — небольшое воинство второстепенного княжества, ставившее целью всего лишь «преломить копьё конец Поля Половецкого», и с другой стороны — торопливая мобилизация всего Поля вплоть до Крыма и Предкавказья. Что это — поэтическая гиперболизация?

Поставим рейд Игоря в связь с большими делами того года и посмотрим на его появление в степи глазами половцев. В феврале — марте идет война, предпринятая Кончаком и закончившаяся не поражением, а отступлением Кончака за Хорол, к Суле. В апреле киевские войска во главе с воеводой Романом Нездидовичем совершили успешный поход в степь где-то в Приднепровье. Тогда же, как мы знаем, Святославом был задуман большой и длительный поход на юрт Кончака, и состоялся княжеский съезд (вскользь упомянутый летописцем: «рекли бяхо пойти на половци и летовати на Доне»), скрепивший этот замысел. Наконец сам великий князь отправился в далекие вятические леса собирать «от верхних земель вое». Последнее не могло ускользнуть от внимания половецкой разведки, так как поездка Святослава в домениальный Корачев проходила по территории Черниговского княжества, глава которого Ярослав два месяца тому назад заключил официальный мир с Кончаком. По всей видимости, половцы, кочевавшие за Осколом и по Береке, приняли выход войск Игоря из пределов русской земли по «Донцу» (Удам) за начало ожидавшегося общерусского похода на «Дон». К этому следует добавить, что инициатор общерусского похода — Святослав — находился как бы в тылу Буй-Тур Всеволода, в четырех днях пути к северу от его Курска.

В апреле 1185 года почти одновременно были осуществлены с двух разных сторон два похода на степь: воеводы Романа из Киева и Игоря со Всеволодом со стороны города Донца. Великий князь в эти дни территориально находился ближе к армии Игоря — Всеволода. Тревога Половецкого Поля была вполне объяснима.

Кончак находился посередине между этими двумя опасными точками, в Посулье, и узнал о неожиданном и непредвиденном выступлении своего свата Игоря и союзника (заключившего с ним мир) Ольстина Олексича, лишь когда кто-то из соседних ханов разослал гонцов по всей степи. Находясь на Суле, в непосредственной близости к русским землям, Кончак должен был знать две вещи: во-первых, что после удачной экспедиции воеводы Романа большой поход с киевской стороны еще не готовился и, во-вторых, что сам великий князь находился в это время в 400 километрах от Киева, поблизости от движущейся в степь северской рати. Знал Кончак и другое: Святослав осуждал Ярослава Черниговского за сепаратный мир с Кончаком и мог принудить всех чернигово-северских князей выступить против половцев.

Все это и заставило, очевидно, Кончака поскакать на «восточный фронт» к уже осажденному стану его недавнего союзника Игоря. Здесь должно было выясниться, что действия Игоря во время марша по степи, по краю кончаковского юрта не были направлены против Кончака и его земель, что, находясь на том самом «Дону Великом», куда Святослав собирался пойти войной на все лето, Игорь не предпринимал никаких военных действий и более того — повернул от юрта Кончака на юго-запад, перешел шеломянь (возможную границу юрта) и напал на окраинное кочевье, о котором в летописи ничего не сказано о принадлежности его тому или иному хану.

Суммируя все факты и соображения, мы должны сказать, что у нас нет никаких данных о враждебности Игоря к Кончаку, а также о враждебных действиях Кончака против своего верного (с 1180 года) союзника и свата Игоря.

Прибыв к окруженному стану Игоря, Кончак был скорее зрителем, чем предводителем разгрома.

Ни в летописи, ни в «Слове» ничего не говорится не только о главенствующей роли Кончака в этом разгроме, но даже имя его ни разу не упоминается при описании хода битвы. В «Слове» нет обычного для эпоса противопоставления двух враждующих полководцев; есть Игорь, есть Буй-Тур Всеволод, а кто возглавлял тогда, в процессе битвы, половецкие войска, нам (а может быть, и русским людям XII века) неизвестно.

Во всяком случае, Кончак выступает как повелитель лишь после окончания битвы и направляет свои войска не на земли Игоря, а на Переяславль, на город врага Игоря, князя Владимира Глебовича, с которым Игорь воевал в прошлом году.

Может показаться, что часто повторяемые мною сведения о союзнических отношениях Кончака и Игоря теряют силу при сопоставлении с рассказом о разгроме Игоря у Каялы. Однако следует учесть, что в той ситуации, когда половцы Поморья, Предкавказья и Волгодонья, проскакавшие по 200—400 километров и окружившие (без ведома Кончака) русский стан близ Сюрюля и Каялы, уже ощущали этот неукрепленный, оторванный от мира стан своей законной добычей (ведь в стане Игоря были и половецкие пленницы, и половецкое золото). В такой ситуации Кончак не мог приостановить, даже если бы и хотел, естественной, с точки зрения половцев, расправы.

Слушатели «Слова о полку Игореве» при мимолетном напоминании о превращении князей в рабов-«кощеев», вероятно, вспоминали то место в хорошо известном им «Поучении» Мономаха, где говорится о торжестве Олега с его союзными половцами: мир был уже заключен, но когда Владимир выезжал из Чернигова, то «ехахом сквозе полкы половецьские... и облизухутся на нас акы волци, стояще и от перевоза и з горы». Таких же волков, облизывавшихся на стан Игоря 11—12 мая 1185 года, удержать было невозможно; тогда, под Черниговом, был установлен мир, теперь же шла война, начатая Игорем. Кончак не мог нарушить степной закон дувана добычи.

Если подытожить признаки дружественных отношений в 1185 году между Кончаком и Игорем, то мы получим следующее.

Игорь не нападал на юрт Кончака.

Кончак не организовывал окружения Игоря.

Кончак прибыл к Каяле одним из последних, когда русский лагерь был уже обложен.

На поле битвы Кончак «поручился» за плененного тарголовцами Игоря (выкупил его?), как за своего свата, отца жениха Кончаковны.

После победы над северскими полками Кончак отказался участвовать в разгроме обезоруженного Северского княжества. Кончак предоставил Игорю вольготную и комфортабельную жизнь в плену.

После побега Игоря из плена Кончак отказался расстрелять его сына как заложника.

Уговор о женитьбе Владимира Игоревича на Кончаковне воплотился в жизнь; у Игоря и Кончака к 1187 году появился общий внук. Вероятно, для этой свадьбы и предварительного крещения язычницы Кончаковны и понадобился Игорю-пленнику священник с причтом.

БИТВА НА КАЯЛЕ

- 112 Другаго дни велми рано
 113 кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ,
 114 чрѣныя тучя съ моря идугъ,
 115 хотятъ прикрыти 4 солнца,
 116 а въ нихъ трепещутъ синии млѣнии.
 117 Быти грому великому!
 118 Итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго!
 119 Ту ся копиемъ приламати,
 120 ту ся саблямъ потручяти
 121 о шеломы половецкыя,
 122 на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго,
 123 О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

 124 Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на
 храбрыя плѣкы Игоревы.
 125 Земля тугнетъ, рѣкы мутно текутъ,
 126 пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ:
 127 «Половцы идуть»; отъ Дона, и отъ моря,
 128 и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша.
 129 Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
 130 а храбрии Русици преградиша чрѣлеными щиты.

 131 Ярѣ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони,
 132 прыщещи на вои стрѣлами,
 133 гремлещи о шеломы мечи харалужными.
 134 Камо, Турѣ, поскачяше, своимъ златымъ шеломомъ
 посвѣчивая,—
 135 тамо лежатъ поганыя головы половецкыя,
 136 поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя
 137 отъ тебе, Ярѣ Туре Всеволоде!
 138 Кая рана дорога, братие,
 139 забывѣ чти и живота, и града Чрѣнигова огня злата стола,
 140 и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

 166 Съ зараниа до вечера,
 167 съ вечера до свѣта
 168 летятъ стрѣлы каленыя,
 169 гримлютъ сабли о шеломы,
 170 трещатъ копиа харалужныя
 171 въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.
 172 Чрѣна земля подъ копыты костьми была посѣяна,
 173 а кровию поляна;
 174 тугою възыдоша по Руской земли!
 175 Что ми шумить, что ми звенить давеча
 176 рано предъ зорями?
 177 Игорь плѣкы заворочаетъ;
 178 жаль бо ему мила брата Всеволода.
 179 Бишася день, бишася другый,
 180 третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
 181 Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;

1185. Бой войск Игоря в окружении 11 и 12 мая.
 В е р х: половцы не подпускают русских к воде.

а ѿстапокъ въ епѣтѣ вѣша кодро жинъ свое н-гъ
 то ва хопре въ стѣ послани. иска за шай свою погнѣ
 ѿниже слышаше по ндо ша кми. а подроу е по глаша.
 и спа шасними стрелци. а копыни не снима вше. адроу
 мы ѿжыдающе. к воде мед адо чин. итти

припа ша кми адроу ма вса. мѣо емго ство. наши вна дѣ
 вше ѿоужа го ша. и цѣлнннѣ шое ѿпа ша. мѣвед ающе
 глаго прр кмъ. гѣб тѣко мрѣти. ниемоу стаа. а ни едо
 мы протривобтѣи. и знемо гань бо ва хобъ во емъ и кони
 и сами. возноннѣ то зѣтѣ. и постоупиша ма кво и вна дѣ вше
 ратни ѿустре ми ша майи. при тнсно ша к во де нѣ нша
 снми крѣтко. въ свѣзла белми. адроуни кони и ссѣдо
 кони бо ва хопни ми знемо ганн по вѣннѣ вма тмѣ во бен

182 *ту кроваваго вина не доста,*
 183 *ту пиръ докончаша храбрии русичи:*
 184 *сваты попоиша,*
 185 *а сами полегоша*
 186 *за землю Рускую.*
 187 *Ничить трава жалощами,*
 188 *а древо с тугою къ земли преклонилось.*

253 *Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣроста,*
 254 *оба багряная стлѣпа погасоста,*
 256 *и въ морѣ погрузиста,*
 255 *и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся*
поволокоста.

Каждая строфа великой речи-поэмы, как бы ни была она проста на первый взгляд, раскрывает нам важные подробности событий, характеристики действующих лиц, особенности ситуации.

«Кровавые зори» на рассвете в субботу, 11 мая,— это продолжение прежних предсказаний, но уже без предостережений. Все уже предопределено; черные тучи с южных морей должны прикрыть четыре солнца, полонить четверых князей: Игоря со Всеволодом, их племянника Святослава и княжича Владимира, нареченного зятя Кончака.

Эти строки «Слова» исправляют ошибку владимирского летописца, полагавшего почему-то, что Игорь пошел в поход «с двема сынома».

Конец этой строфы, изображающий предстоящую битву, интересен для нас тем, что вносит ясность еще в один очень важный, но спорный вопрос — была ли битва на Каяле кавалерийским сражением или же битвой половецкой конницы с пешей русской ратью?

В упомянутой владимирской летописи все время говорится о русских всадниках, которых будто бы три дня (вся битва продолжалась менее полутора суток) половцы не подпускали к воде и «изнемогли бо ся бяху безводьем и кони и сами». Далее в ходе битвы «друзии коне пустиша к ним, съседше и (они) — кони бо бяху под ними изнемогли».

Здесь все ясно: долгая битва «в поле безводне» привела к тому, что войнам пришлось временно сойти со своих истомленных коней, и им «друзии коне пустиша», на которых воины и пересели.

Киевская летописная повесть о 1185 годе составлялась церковником на основе двух подробных летописей Рюрика и Святослава. Составитель запутался в описаниях подробностей сражения, и имевшееся в его источнике выражение «соседоша с коней», аналогичное тому, что было написано в источнике владимирского летописца (или было устно сообщено ему), он понял не как пересадку с истомленных коней на свежих, а как окончательное спешивание всех в самом начале битвы, что с точки зрения средневековой военной практики немыслимо.

Судьей между двумя летописцами явился Автор «Слова», давший в поэтической форме точную последовательность этапов битвы. И это не литературный штамп (ведь среди слушателей был сам Игорь!), а, так сказать, положение военного устава.

«Слово»

Противники выделяют полки легкой кавалерии (стрельцов), которые осыпают друг друга стрелами.

*«Идти дождю стрелами с Дону
Великого».*

Затем на скорости сходятся полки тяжелой рыцарской конницы («копья») с длинными пиками-копьями, которые почти неизбежно ломались о груди коней или о всадников.

«Ту ся копиемъ приламати».

По соприкосновении, «сшибке» полков начинался рукопашный бой (сабли, булавы-буздыганы, топорцы на темляках).

«Ту ся саблямъ потручяти о шелома половецкыя».

Ни о каком спешивании русских всадников в самом начале битвы нет и речи. Предстоящее неотвратимое сражение рисовалось Автору как обычное соприкосновение двух конных войск. Такой образ, как сабли, гремящие о половецкие шлемы, говорит только о русских всадниках — пеший воин не может достать саблей до шлема на голове всадника.

В конце строфы определяется место, где произошла битва: на реке Каяле, «у Дону Великаго», за порубежным водоразделом. До этого «Дона» было менее одного дня пути «скорою ездою» и полдня скачки на переменных конях, так что выражение «у Дона» вполне подходило к Каяле, хотя та и была речкой другой водной системы: приток Быка, притока Самары, которая, в свою очередь, была притоком Днепра.

Это громоздкое определение плохо ориентировало бы слушателей Автора. «Дон» был не только понятен, но и многозначителен — ведь именно на «Дон» сговорились князья идти походом на все лето; теперь эти планы рухнули; «Дон» оказался местом поражения, а не местом общей победы. Все собравшиеся выслушать «Слово о полку Игореве» на собственном недавнем опыте знали, что им пришлось биться с Кончаком не на далеком «Дону Великом», а на Днепре Шловутиче, под Переяславлем, всего лишь в 40—100 километрах от Киева, где они, слушатели, в данное время находились.

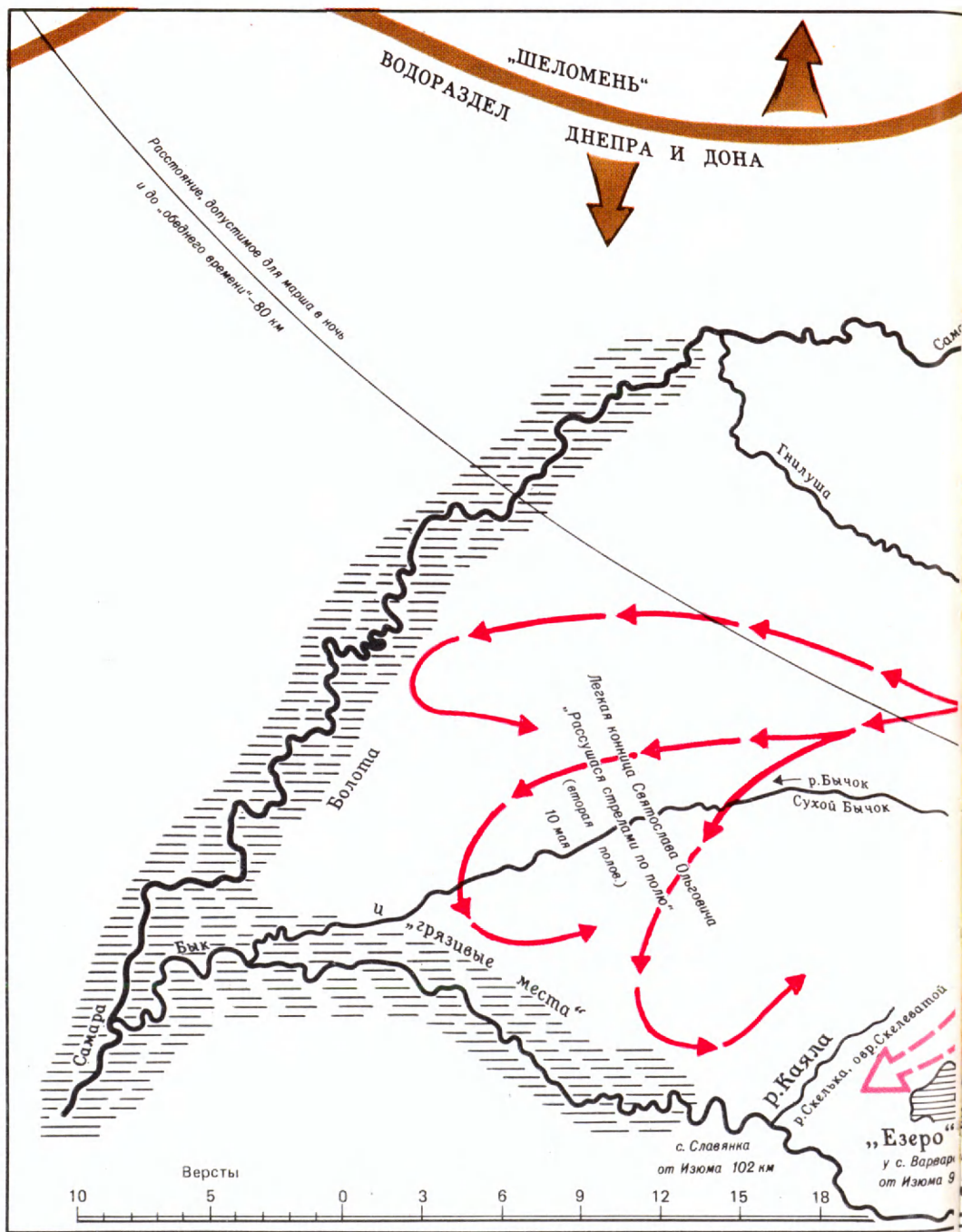
Автор был очень тонок и незаметными деталями, рассеянными по всему его «Слову», ненавязчиво, но убеждающе вызывал нужные ему ассоциации.

Следующая строфа без всяких предисловий, без эпического зачина повествует об уже начавшейся битве. (Определения «поэма» и «строфа» применительно к «Слову о полку Игореве» крайне условны. «Слово» есть слово, речь, но речь настолько совершенная поэтически, что в научном обиходе ее называют обычно поэмой. Смысловые подразделения не являются строфами, не обладают ни одинаковым объемом, ни формальными признаками. Употребляю этот термин условно, для удобства восприятия небольших членений «поэмы».)

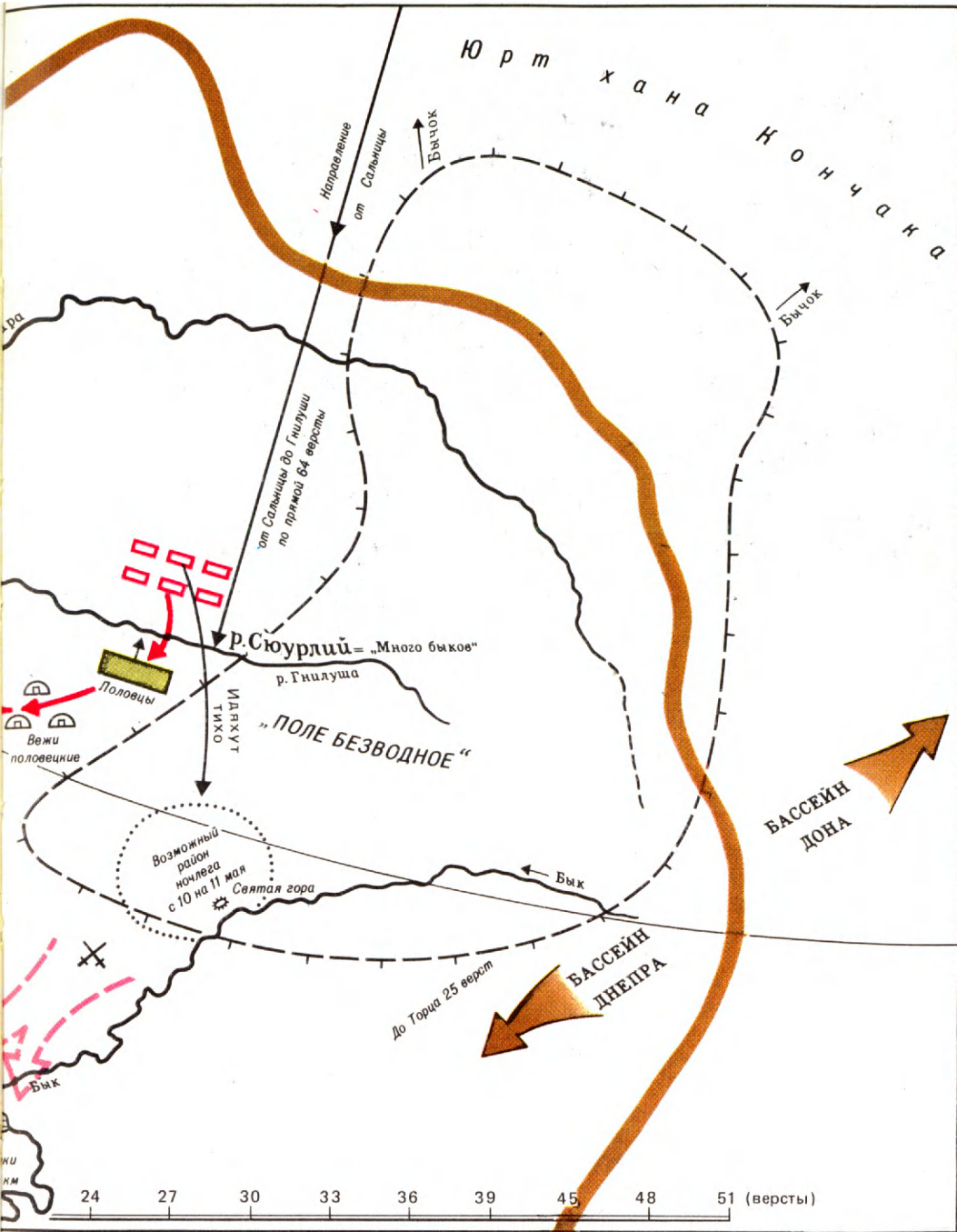
Начинается описание, как и должно было быть в жизни, с обстрела из луков. Но этому обстрелу в соответствии с пространственной широтой картины мчащихся среди ночи боевых повозок придан тоже особый, стратегический, а не тактический характер.

Стрибожьи внуки — ветры — несут стрелы «с моря». Реальный смысл: среди половецких войск, окруживших Игоря, были и приазовские, тмутараканско-керченские половцы «Помория». Один из этих ханов упомянут в летописи; это — «Колобич» (от Куль-Обы близ Керчи).

Дрожит земля; копытами половецких коней взбаламучены немногочисленные реки этого «поля безводного»; степь окутана пылью («пороси» — от «прах», «пыль»), слышно трепетание стягов на быстром бегу... Половцы окружили Игоря «от всех стран», стремительно сужая огромное кольцо, охватывающее многотысячное русское войско. По всей степи несутся воинственные клики нападающих «бесовых детей».

Карта № 11. Битва на реке Каяле 11—12 мая 1185 года. (Карта основана на материалах карты Южной России (1847 год) Шуберта.)

НИКТО ОУ ВЪСТИ ПРЯННА:

А МАСЕ СОГРЕШЕ НЕ. ГДѢ БО БѢШЕ БНА РАДОСТЬ. И МѢ

ЖЕ ВОЗДУХАНЕ. И ПЛАЧЬ. ОУПРОСТРАНИСА. И СЯИ
ПРѢКЪ СЛѢПЬ. ГИ ВО ПЕЧАЛИ ПОМАНОУ ДѢЛА. В ПЕЧАЛИ
МАЛО КА ЗАНИ ЕШЕ О ЕМАМЪ. И ПОИДЕ СТОУПЕ ТВОСТЬ
И НИЖКА ЗАШАРКОЩЕ ПОИДЕ ПЕ ПО СВОЮ БРАЮ. А МЫ
ИДЕМЪ К ВА ПО СВОЮ БРАТЬЮ. И СЯЗЕМА ЖЕ СЯ СЛЫША
ВШИ ТАКОЮ ПОГИБЕЛЬ. И БРАТЬИ СВОИ. И ДО БОГА РЪ. И
ВО СТИША ВСИ СПАЧЕМЪ. И СТЕМАНЪ ЕМА. И ВЪ ГЪ ОУ БО БРА
И ИЗБИТА. А И МА И ИЗЫМАНА. А ДРУГИ И ИЦИ И БЛЖИ
ЦИ. И СПО СЛАВЪ И КЪ ПО СЛА ПО СНЫ СВОА. И ПОВЕ СТЬ КЪ С
И СОВРАШЪ КЪ МѢ КЪ И ЕВО. И ВЪ СТОУПТИША КЪ МѢ ВОУ
ПОВОЦИ ЖЕ СЛЫШАВШЕ ВСЮ ЗЕМЛЮ РОУКОЮ И ДОУЧЕ
БЕЖАША ЗДОУ. СПО СЛАВЪ ЖЕ СЛЫШАВЪ И БѢЖАВШИ
ВЪ ЗРАТНСА КЪ И ЕВО СОВЕ СТЬ МН КЪ ЗМИ. И РА ЗНО
ША ВЪ СТРАНЫ СВОА:

Заключительная фраза:

«а храбрые русичи преградиша (степь) чръвленными щитами», в которой мчащимся с криком и гиканьем половцам противопоставлены русские, закрытые щитами, наводит на мысль, что русичи стояли на месте, поджидая противника и до последнего момента не бросаясь на него рассыпанной лавой.

Несущимся над степью крикам скачущих половцев противопоставлена стоящая на месте стена храбрых и стойких русских всадников. В пользу этого говорит и летопись, где отмечено, что «изумешася князи рускии — кому их которому (против какого хана) поехати».

От общей картины, обрисованной как с птичьего полета, Автор переходит на поле сражения. Здесь Яр-Тур Всеволод ведет конный оборонительный бой. Это уже третья стадия конного боя, а вторая (наезд на противника с копьями) пропущена, очевидно, потому, что русские не «наезжали» в конной атаке, а поджидали половецких всадников, обороняясь. Для первой встречи мчащейся конницы почти несомненно должны были быть устроены какие-то препятствия (воткнутые в землю копыя, колья); для этого на какое-то время, вероятно, пришлось спешиться («съседоша с коний»), но по остановке половецкой лавы началась основная рукопашная конная битва.

Всеволод, «стоя на борони», приказал встретить конницу врага стрелами, а затем вступил в конное сражение; его воины обрушивали на шлемы половцев удары булатных мечей и стальных сабель. Сам Буй-Тур в золоченом шлеме, верхом на коне сокрушает «шеломы оварьския». Еще один намек на участие поморско-тмутараканских половцев: «аварские» шлемы названы по самой крупной народности Дагестана, по соседству с которой находился древний (и издревле знаменитый) оружейный центр — аул Кубачи, до сих пор славящийся своими изделиями. Естественнее всего, что дагестанские шлемы приобретали половцы Поморья, Предкавказья и Поволжья.

Все восхищение богатырством и беззаветной смелостью отдано Автором не Игорю, а Всеволоду. Буй-Тур показан настоящим эпическим героем, достойным предводителем своих «сведомых кьметей», «конец копья въскормленных». В горячке смертного боя он, как и полагается былинному богатырю, забыл обо всем: о славе и о смертельной опасности, о родном городе, где княжич жил еще при отце, о красавице жене, внучке Юрия Долгорукого, родной сестре того Владимира Глебовича Переяславского, который два-три месяца тому назад мужественно защищал город от Кончака и был «ранен велми язвами смертными». Еще один намек Автора на губительный результат Игорева похода.

А сама его «милая хоть» осталась в Северной земле, ставшей теперь беззащитной после увода Игорем войск в Поле Половецкое.

Двое из слушателей «Слова» — сыновья Святослава, Олег и Владимир, — только что силой оружия изгонявшие хана Гзака из Северского княжества, хорошо знали, какая опасность грозила людям этой земли!

Так, под безобидной внешней формой восхищения красотой и «свычаем» молодой княгини, формой, которая, казалось бы, отвлекает от основной темы, наш мудрый Автор вводит еще одно обвинение против инициатора похода.

Далее Автор напоминает слушателям об упорстве воюющих, о небывалой длительности сражения: суббота, 11 мая, «с зараниа до вечера», вся ночь

1185, 12 мая. Окончание битвы на Каяле. Слева — Буй-Тур Всеволод бьется у озера. Справа — половец Чилбук берет в плен Игоря: княжеское достоинство Игоря художник подчеркнул особой княжеской шапкой.

с субботы на воскресенье и «третьяго дни (в воскресенье) к полудню падоша стязи Игоревы». Битва в окружении продолжалась свыше 30 часов. «Третий день» появился потому, что Автор считал все дни боев: победоносную пятницу, 10 мая, сутки боев в окружении и первую половину воскресенья, 12 мая.

Об Игоре сказано крайне сдержанно и недопустимо мало. Известный из летописи эпизод с бегством черниговских ковуев, послуживший причиной пленения Игоря, упомянут предельно кратко. В летописной повести он дан так:

«Бысть же светаяще недеде (воскресенье, 12 мая) возмятошася ковуеве в полку — побегоша. Игорь же ...пойде (на коне) к полку их, хотя возворотити их к полком. Уразумев же, яко далече шел есть от людий и сойма шолом, погна опять к полком (убегающих ковуев), того дела, что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не возворотися никто же... И яко приближися Игорь к полком своим и переяхаша поперек и ту яша (взяли его), един перестрел (около 300 метров) одале от полку своего...» (Ипатьевская летопись, с. 131)

В «Слове» все сведено к одной короткой фразе:

«Рано предъ зорями Игорь пълкы заворочаетъ».

Вот и все, что сказал Автор об участии Игоря в трехдневной битве, описание которой включено в произведение, названное «Словом о полку Игореве». Это незаслуженно мало. Поступок раненого Игоря, скакавшего буквально с открытым забралом, был, безусловно, отважным и очень опасным, что и подтвердилось поимкой князя половчином Чилбуком Тарголовым. К каким же натяжкам и умолчаниям вынуждены прибегать филологи, считающие Автора сторонником Игоря, его близким человеком, его придворным певцом!

Трагическую битву Автор сразу же поставил в рамки общерусской судьбы — земля засеяна костями затоптанных половецкими конями русичей (оратор не забыл о костях, ради которых орлы кружили над войском Игоря!), полита их кровью, и тяжелым несчастьем взойдут эти кости «по Руской земли», умножая количество жертв.

В двух регистрах даёт Автор эпилог битвы: о всех воинах он говорит простыми народными словами, приравнивая битву к пиршеству, к валящему с ног застолью:

*«Ту кроваваго вина не доста,
Ту пиръ докончаша храбрии русичи...»*

Суровым осуждением звучит продолжение:

«сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Из всего многотысячного русского войска сватом половецкого хана был только один Игорь, понуждавший и торопивший все дружины прикоснуться копьем к краю Поля Половецкого, испить шелоном «Дона». Испили. Прикоснулись. Полегли.

Природа, ранее предостерегавшая полководца, теперь печалится над костями затоптанных. «Ничить трава жалощами».

Некому оплакать убитых, некому склониться над их телами... Только одинокое дерево в опустевшей степи выполняет печальный обряд: «А древо с тугою къ земли преклонилося».

В ином, высоком штиле говорится о князьях, взятых в плен. Четверо князей уже были уподоблены Автором четырем солнцам; здесь солнце оставлено двум старшим князьям, а младшие (Святослав и Владимир) уподоблены багряным столпам закатного солнца, погружающегося в море.

Правильно разгадать последний символ трудно. Можно предложить следующую догадку: по летописи мы знаем, что какая-то часть русичей и ковуев, начавших бегство на рассвете 12 мая, поскакала к морю. Из них уцелело всего 15 человек, «а ковуем — мнее (еще меньше)». «А прочии в море истопоша».

От Каялы до моря (Азовского) около 160 километров. При наличии достаточного количества поводных коней этот путь мог быть преодолен к ночи с воскресенья на понедельник.

Вполне допустимо, что в этот прорыв могли устремиться и двое младших князей, но их перехватили на пути к морю в юрте Бурчевичей, расположенном южнее Каялы, как раз по дороге к Азовскому морю*.

О Святославе прямо сказано, что его взял Елдечук «в Борчевичех», размещавшихся, очевидно, по реке Волчьей, южнее Каялы.

Попытка ухода к морю (куда часть всадников все же ускакала) могла повлиять на образную систему Автора, и он представил обоих младших князей как гаснущие в море багряные столпы заката.

Но есть еще одна загадка; это — покрывающиеся тьмою два «молодых месяца», названные по именам: Олег и Святослав.

Непонимание этого места в «Слове» началось еще в XII веке. Владимирский книжник, писавший о походе Игоря по недостаточному надежному материалу (в том числе и устным), много раз ошибался. К разбираемому отрывку относится ошибочное упоминание участия двоих сыновей Игоря в походе. Это опровергается очень точным и обстоятельным повествованием киевской летописи, где из младших поименованы Святослав Ольгович Рыльский и Владимир Игоревич.

Все разрешается просто, если мы вспомним, что у Игоря были другие сыновья, кроме Владимира, оставшиеся при Ярославне дома.

В порядке убывающего старшинства это Олег-Павел и Святослав-Анриан. (Олег родился в 1174-м, Святослав в 1176 году.) Ко времени похода Игоря Олегу было 11 лет, а Святославу — 9 лет. В Древней Руси в походы брали княжичей-отроков не ранее чем с 12 лет. В связи с тем что «померкоста»

Буй Тур Всеволод Святославич. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу, найденному Б. А. Рыбаковым во время раскопок в Благовещенской церкви в Чернигове.

* См. карту в работе С. А. Плетневой «Донские половцы» (стр. 267).

два солнца (Игорь и Всеволод), «погасоста» два закатных столпа (Свято-слав Ольгович и Владимир), юные княжичи в Северной земле — Олег и Свято-слав — становились полусиротами, их судьба действительно заволокла тьмою.

Такой абстрагированный символизм в определении конечной судьбы главных героев — лучшее доказательство произнесения (заранее написанной) речи, непосредственно обращенной к слушателям, которые знали уже все факты, все детали, все оттенки. Если бы расчет был на слушателей или читателей, отстоявших от событий (как, например, в случае «Песни о Роланде») на сотни лет, то приведенные выше символы могли быть поняты как угодно, вплоть до смерти храбрецов на поле боя; ведь сказал же предводитель, ведя в поход:

*«Луце же бы потяту быти,
неже полонену быти!»*

О плене в концовке битвы сказано так, что потомки неизбежно останутся в недоумении, а современникам, слушателям оратора вся ситуация была ясна из бесед с присутствующим участником и «героем», приехавшим в Киев просить помощи.

ТУГА И ТОСКА НА РУСИ

258 *На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла:*

259 *по Русской земли прострошася половци, акы пардуже*

гнѣздо,

257 *и великое буйство подаста Хинови.*

260 *Уже снесся хула на хвалу;*

261 *уже тресну нужда на волю,*

262 *уже врѣжеса Дивь на землю.*

263 *Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на brezѣ синему*

морю,

264 *звоня рускымъ златомъ,*

265 *поютъ время Бусово,*

266 *лелѣютъ мечь Шароканю.*

267 *А мы уже, дружина, жадни веселия.*

189 *Уже бо, братие, невеселая година вѣстала,*

190 *уже пустыни силу прикрыла.*

191 *Вѣстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука,*

192 *вступила дѣвою на землю Трояню,*

193 *въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону,*

194 *плещуци, упуди жирня времена.*

200 *О! далече зайде соколъ, птиць бя,— къ морю.*

201 *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!*

202 *За нимъ кликну Карна,*

203 *и Жля поскочи по Руской земли,*

204 *смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.*

205 *Жены руския въсплакашась, аркучи:*

206 *«Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити,*

207 *ни думою сдумати,*

208 *ни очима сꙋглядати,*

209 *а злата и сребра ни мало того потрепати!»*

210 *А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою,*

211 *а Черниговѣ напастыми.*

212 *Тоска разлиася по Руской земли,*

213 *печаль жирна тече средь земли Рускыи.*

Едва закончилось описание поражения северской рати на «конце Поля Половецкого» у никому не ведомых (и никогда более не упоминаемых) речек, как Автор сразу же снова поднимается на привычную ему общерусскую высоту, возвращается к своему широчайшему хронологическому охвату многовекового славяно-русского противостояния тюркоязычным степнякам — «хинове».

Поражение Игоря позволило половцам распространиться по Руси со скоростью выводка молодых гепардов, быстрейших хищников мира. Эта поэтическая строка подтверждена обстоятельным рассказом летописи. Но наш Автор верен себе и не пересказывает даже очень важных событий последних месяцев, таких, как вторжение Гзака в обезоруженное Северское княжество и грандиозный поход Кончака на все Среднее Поднепровье с устремлением к Киеву. Вероятно, почти все слушатели Автора были участниками этой недавней войны с фронтом около 600 километров. Поэтому, пренебрегая подробностями и совершенно не думая о потомках, он стремится показать не конкретный ход событий, а важное историческое значение этой еще не завершённой войны с Кончаком.

Три строки говорят о резкой перемене ситуации:

*Уже слава сменилась осуждением,
Уже свобода заменилась неволей,
Уже (божественный) Див свергся на землю...*

Короткая однодневная слава первой победы в пятницу 10 мая уступила место всеобщему осуждению. Вторая строка — кратчайшее безличное упоминание о взятии в плен всех князей и 5 тысяч (В. Н. Татищев) воинов. Третья строка вводит предвестителя Судьбы, языческого Дива-грифона, раньше всех разглядевшего воинственный переполох во всей степи до самого Поморья. Но теперь благожелательное божество прадедов уже бессильно помочь русичам. Конструкция трех строк, уравненных общим началом «уже», такова, что объединяет все три строки в единый комплекс русских бед и не оставляет сомнений в том, что Див — славянское, стерегущее от врагов божество. Его падение с древа приравнивается к смене русской славы хулой и свободы русских воинов пленом.

Православного бога, волей которого все объяснено в летописи, здесь нет. Автор продолжает оставаться романтиком, увлеченным традициями давней старины.

Как романтик он вспоминает о далеких временах самого первого появления «хиновы» в IV веке нашей эры, когда гунны-хинова начали теснить с востока остготов, живших у Азовского моря, остготы напали на антов-славян, живших «на излучине Понта (Черного моря), между Днестром и Днепром». Готы победили славян, казнили их предводителя Буса и 70 более мелких князьков. Часть остготов отодвинулась на запад к родственным вестготам, а часть осталась в Приазовье и в Крыму, готы известны здесь до XVI—XVII веков и даже отражены в картографии того времени («Gothia»).

Автор «Слова о полку Игореве» знал ту эпоху, по всей вероятности, по старым, не оставившим никакого следа в литературе эпическим сказаниям. Еще Нестор, производя разъяснения о князе Кии, пользовался интересными и правдоподобными сказаниями о событиях конца V — первой половины VI века («...яко же скажутъ...»). Не исключено, что в обоих случаях это могла быть поэзия Бояна, на что есть намек и в «Слове».

Готы IV века, разбив большое славянское войско, очевидно, хорошо обогатились за счет славянских полукупеческих поселений «у самого синего моря» (Эвксинского понта).

До этого синего моря в середине мая 1185 года доскакала какая-то часть беглецов с каяльского побоища, из которых уцелело полтора десятка русских дружинников и несколько ковуев, «а прочии в море истопоша».

Выше было высказано мною предположение, что в выходе из окружения участвовали ковуи и легкая конница Святослава Рьльского, плененного на пути к морю в земле «волков»-бурчевичей; с этим могло быть связано и поэтическое сопоставление Святослава и Владимира с багряными столпами закатного солнца, погруженными в море. Как бы то ни было, но вполне вероятно, что лихие всадники юного князя, первыми погнавшиеся в пятницу, 10 мая, за девками половецкими и за золотом, вырвавшись из половецкого кольца на рассвете 12 мая, увезли у себя в тороках и сумах золото, взятое в полоненных вежах. Вот этим-то трофейным «русским золотом» и позванивали, очевидно, готские девушки XII века на северном побережье Азовского моря. Ведь не сами же дружинники носили девичье узорочье!

Песни готских дев о «времени Бусовом» мы можем представить себе по записям придворного историка готских королей Иордана, писавшего (очевидно, по сказаниям) спустя два столетия после событий. В латинской транскрипции имя славянского полководца — Booz; удвоенное «о» вполне соответствует славянскому «у».

Потомки остготов, находившиеся в XII веке в Приазовье и Крыму, подчинялись половецким ханам и имели, очевидно, какие-то общие интересы. Словарь половецкого языка — «Codex Cumanicus» — составлен, как полагают, в одном из городов средневековой крымской «Готии».

Поэтому вполне естественно, что готские девы не только вспоминали сказания о давней победе остгота Винитара над славянами, но и радовались отмщению за деда Кончака — Шарукана, который был известен не только как победоносный предводитель первого половецкого нашествия, но и как хан, потерпевший ряд крупных поражений.

Первое поражение было нанесено Шарукану, как мы знаем, полтора месяца спустя после разгрома им войск Ярославичей в середине сентября 1068 года. Русская победа под Сновском была подготовлена Вещим Всеславом, но летописец Святослава Черниговского Всеслава не помянул, рассказав, в духе придворной поэзии, только о своем князе: «а кнзязя их яша Шарукана в 1 днь ноября. И възвратися с победою в град свой Святослав».

В свете этого сообщения временное пребывание Игоря в плену у Кончака сопоставлено Автором с пленом, тоже временным, Шарукана:

Прадед Игоря — Святослав — пленил Шарукана.

Внук Шарукана — Кончак — держал в плену Игоря.

Оба пленения были временными; второе было как бы отместьем Игорю за плён Шарукана.

Еще одним поражением, нанесенным хану, которого называли уже Шаруканом Старым, был результат молниеносного удара на Суле, под Лубном, 12 августа 1107 года. Русские соединенные войска под водительством Святополка и Владимира Мономаха «бродишася чрес Сулу и кликнуша на них (на половецев). Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша, хватаючи кони, а друзии пеши побегоша... А Шарукан едва утече; отбегоша же товара своего (обоза, кибиток), еже взяша русский вои». (Лаврентьевская летопись, с. 271—272)

Через четыре года «Владимир Старый» Мономах совершил нечто вроде крестового похода против «поганных» и взял город Шарукань (может быть, город Донец?): «И оболочишася во броне и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимер пристави попы своя, едучи пред полком, пети тропари и коньдакы, хреста честнаго и канун святой богородици...» (Ипатьевская летопись, с. 2)

Город сдался русским «рыцарям-крестоносцам» без боя. Старого хана, очевидно, уже не было в живых, так как он не упомянут.

Автор «Слова» с гениальной лаконичностью напомнил своим слушателям и о том и о другом поражении Шарукана:

«Лелеют мечь Шаруканю».

Сказано только три слова, но в эти скупые и емкие слова (помноженные на историческую память слушателей) вмещено напоминание о всем том, что происходило сто лет тому назад на Киевщине, в Тмутаракани и под Черниговом.

Готские девы XII века поют об отмщении за Шарукана, «звоня русским златом».

Лаконизм здесь доведен до предела: о потере Шаруканом всех своих сокровищ в 1107 году не сказано ни одного слова, но едва ли можно считать случайностью совмещение в одной фразе упоминания плена и звона трофейного злата, прямо соотносящегося с потерей Шаруканом «товара, еже взяше русский вои».

Теперь, в 1185 году, половцами отомщено и то и другое: и русский князь в плену, и злато отнято у русских.

От символической, ставшей в устах оратора исторически многозначительной радости готских дев по поводу половецкой победы 1185 года Автор переходит к печали своих современников, к своей «невеселой године», когда «пустыни силу прикрыла».

После этого невольного, но совершенно естественного восклицания Автор вновь возвращается к историческим истокам славяно-степных конфликтов по всему побережью Северного Причерноморья в те самые далекие «Бусовы времена», о которых он только что говорил.

Требуют специального объяснения строки, посвященные «обиде», или, как ее иногда называют, «Деве Обиде», видя в ней богиню зла и несправедливости (см. введение и карту № 3). К сказанному во введении следует добавить, что углубление Автора в отдаленную славянскую старину римского времени не было случайным и единичным. Он говорил о целостном комплексе событий II—IV веков, прямо относившихся к важному переломному моменту в истории восточного славянства:

До II века нашей эры — господство сарматов над славянами лесостепи; в «Слове о полку Игореве» оно не отражено. Лишь в былинном эпосе сохранились отголоски воспоминаний о «девичьем царстве» («женоуправляемые сарматы») и воинственных всадницах, дочерях и женах «Змея Черноморского», нападавших на Русь.

98—117 годы нашей эры — царствование римского императора Марка Ульпия Траяна. Завоевание им Дакии (современная Румыния) и северо-западного побережья Черного моря. Постройка «трояновых валов» на территории современной Молдавии и Румынии. Постройка близ устьев Дуная монумента победы «Trophaeum Traiani» — «тропы Трояней» «Слова о полку Игореве».

II—IV века нашей эры — время быстрого расцвета южной половины восточного славянства в результате отхода сарматов на запад и возобновления славянами оживленной торговли с Римской империей — «века Трояни». Продвижение славян на юг «оли и до моря».

370-е годы — нашествие гуннов («хиновы» «Слова»).

375 год — война остготов (отступавших от гуннов) со славянами («антами»). Победа остготов над антами; казнь антского князя Буса. «Бусово время» «Слова о полку Игореве» как конец счастливых «трояновых веков».

IV век — конец «трояновых веков» как точка отсчета событий, связан-

ных со славяно-кочевническими отношениями в историческом разделе «Слова о полку Игореве».

Вполне возможно, что к далеким эпическим воспоминаниям Автором добавлялись и намеки на какие-то современные события, происходившие на древней «земле Трояней», поблизости от Дуная. Недаром так много внимания будет уделено Автором Дунаю в почтительной характеристике Ярослава Владимировича Галицкого. Едва только скончался этот недюжинный князь (1 октября 1187 года) и в Галицком княжестве начались раздоры претендентов на престол, как в ту же зиму половцы Белой Кумании отправились на Дунай.

«Тое же зимы (1187/88) сдумав Святослав со сватом своим с Рюриком... и взяша вежа за Днепром и возвратишася восвоеси со славою и честью великою: половци бо бяхуть шли в Дунаи и не бе их дома в вежах своих». (Ипатьевская летопись, с. 136)

В ближайшие годы половецкие наезды на торговую магистраль общеевропейского значения, каким являлся тогда Дунай, стали обычным делом. Образовалось даже какое-то особое объединение половцев, которых называли «Подунайцами».

«Се половце сее зимы воюють ны часто (говорили черные клобуки сыну Рюрика Ростиславу), а не ведаем, Подунайци ли есмы, что ли...». (Ипатьевская летопись, с. 140)

Через два года (в 1190 году) того же князя черные клобуки снова угрожали идти в поход «на половце, ехали бо бяху половци на Дунай». (Ипатьевская летопись, с. 141)

Агрессивность половцев в дунайских гирлах обозначилась, очевидно, еще при Ярославе Осмомысле, но тот умел ее обуздывать, чем и заслужил похвалу Автора: князь правил,

*«...затворив Дунаю ворота...
суды рядя до Дуная...».*

Этим давалось понять, что Ярослав был хозяином придунайской Траяновой земли, а предшествующие строки, описывающие появление «Обиды» (или «оби-ды»), следует, по всей вероятности, расценивать как намек на известные слушателям враждебные действия половцев в придунайских землях у моря.

Часть степного пространства севернее дельты Дуная, огражденная древними траяновыми валами, была издавна опаснейшим местом русских торговых маршрутов.

В 1180-е годы эти две точки давних русско-половецких конфликтов вновь стали опасными. На «Дону» размещался (правда, южнее, чем в свое время Шарукан) Кончак, настойчиво нападавший на Русь, а близ Дуная, в древней Траяновой земле, снова появились половцы, теперь уже называемые «подунайцами».

Если мы опустим эпические реминисценции Автора в связи с опасной девой-лебедью, то останется реальная для конца XII века угроза в «трояновой земле», у Дуная, у синего моря и у «Дона». Последние слова относятся к битве на Каяле у «Дона» и к гибели русских беглецов у Азовского моря, близ готских поселений.

«О, далече заиде соколъ, птицъ бья — к морю».

Еще раз сквозь поэтическую форму мы ощущаем авторскую иронию — разве на готском берегу сокол бил птиц?

Автор мастерски умел «свивать славы баболы сего времени», то есть сопоставлять современные события с давними, ставшими уже достоянием эпо-

са («слав»). Для нас это ценно еще и тем, что позволяет нам взглянуть на аудиторию Автора: она должна была быть очень высокообразованной, чтобы по легкому, лаконичному намеку оратора представить себе как события, происходившие восемь веков тому назад, так и тот раздел современной обстановки, с которым Автор проводит сравнение.

Далее Автор в двух планах — языческо-ритуальном и реальном — говорит о последствиях поражения Игоря. Карна и Жья (Желя) оповестили Русскую землю о происшедшем несчастье. «Кара» — плач по умершим. «Кликну Карна» — раздался повсюду ритуальный вопль языческой богини; Желя, промчавшаяся по Руси, — это повсеместные печальные обряды, производившиеся в связи с гибелью воинов на чужбине.

В реальном жизненном плане Автор по контрасту с неожиданно осчастливленными золотым узорочьем готскими девушками показывает русских овдовевших женщин, оплакивающих «своих милых лад», кости которых обгрызли звери в земле неизвестной.

Завершается строфа точным географическим определением последствий поражения:

Левобережные земли Черниговского княжества (в состав которых на положении полувассалов входили и земли северских князей) страдают от «напастей». Сюда действительно направился хан Гзак и брал «готовый полон» в обезоруженном княжестве.

Киев «восстал тугою». Правобережный Киев готовился к отражению нашествия Кончака. Созваны «помочи», войска расположены на высоком берегу Днепра от Треполя до Канева.

Тоска и печаль разлились по Русской земле.

Автор, как всегда, помнит о всей Руси, о судьбах всех русичей. Помнит и напоминает.

ПОБЕДА НАД КОБЯКОМ

- 217 *Тии бо два храбрая Святъславлича,*
 218 *Игорь и Всеволодъ,*
 219 *уже лжу убудиста которою;*
 220 *ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий*
Киевский грозою,
 221 *бяшетъ притрепалъ своими сильными плъкы и*
харалужными мечи;
 222 *наступи на землю Половецкую,*
 223 *притопта хлъми и яругы,*
 224 *взмути рѣкы и озеры,*
 225 *иссуши потоки и болота,*
 226 *а поганаго Кобяка изъ луку моря,*
 227 *отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкыхъ,*
яко вихръ, выгорже.
 228 *И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ,*
 229 *въ гридницѣ Святъславли.*
 230 *Ту Нѣмци и Венедици,*
 231 *ту Греци и Морава*
 232 *поютъ славу Святъславлю,*
 233 *каютъ князя Игоря,*
 234 *уже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкыя,*
 235 *рускаго злата насыпаша.*
 236 *Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло*
кощиево.
 237 *Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче.*

Кратко, но удивительно четко и контрастно, описав несчастья, последовавшие за разгромом войск Игоря и Всеволода Святославичей, Автор продолжает свою обвинительную речь против этих братьев. Речь построена на противопоставлении действий Святослава Всеволодича Киевского и Святославичей Северских. Имя родного брата великого князя — Ярослава Черниговского — здесь не названо, но мы знаем, что подвластные ему войска под командованием доверенного боярина Ольстина Олексича, Прохорова внука, участвовали в походе Игоря. Знали это, разумеется, и слушатели Автора.

Игорь и Всеволод своей «которою» разбудили «лжу» — зло. «Котора» в данном случае — постоянное, под разными предлогами (1184 год: «далече ны есть ити...», 1185 год: «серен (туман) велик») уклонение от общерусских оборонительных и превентивных походов в степь. Сепаратный, тайно задуманный и тайно осуществленный поход сорвал тщательно готовившийся киевскими дуумвирами большой общий поход на Кончака «на все лето». Ради этого похода была произведена разведка боем (Роман Нездилович, апрель 1185-го), ради расширения района мобилизации Святослав отправился в Вятчи, в Корачев (апрель 1185 года), собирая «от верхних земель вои...». И вдруг — разгром, Кончак в сердцеvine Переяславского княжества и в любой день может захватить его столицу, от которой всего сутки форсированного марша до Киева.

Для напоминания обо всех этих событиях Автору понадобилась только одна короткая строка:

«Уже лжу убудиста которою...»

Далее идет прославление Святослава, возглавившего прошлогодний поход на Кобяка, западного соседа Кончака.

Святослав противопоставлен Игорю, так как он, «грозный и великий», сумел преодолеть центробежные силы русских земель, сплотить их и, несмотря на саботаж левобережных князей (Ярослава Черниговского, Игоря и Всеволода), добился небывалого успеха.

«Того же лета (в середине лета 1184 года) бог вложи в сердце Святославу Киевському и великому князю Рюрикови Ростиславичю — пойти на половце и посласта по околние князи...».
(Ипатьевская летопись, с. 127)

В поход против Кобяка, повелителя «Белой Кумании», «залегавшего» важнейшие пути по Днепру (в Порогах) и по Дунаю (гирла), отправились, кроме главных полководцев, двое сыновей Святослава, Владимир Глебович Переяславский, Всеволод Ярославич из Луцка и его брат Мстислав, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Мстислав Городенский, Ярослав и Глеб Пинские и «из Галича от Ярослава помочь. А своя братья (Ярослав Черниговский, Игорь и Буй-Тур Всеволод) не идоша, рекуще: «Далече ны есть ити вниз Днепра...» Трое левобережных Ольговичей противопоставили себя тринадцати князьям.

Объединенные силы русских, подкрепленные двумя тысячами берендеев, шли правым берегом Днепра и плыли в насадах по реке до Инжирь-брода (может быть, Переволока — переправа близ устья Ворсклы?). Там переправились на левый «ратный» берег Днепра и дошли до устья Орели. В авангарде шел внук Юрия Долгорукого Владимир Глебович Переяславский, умело маневрировавший перед превосходящими силами Кобяка; под его началом находился и двухтысячный корпус тюрок-берендеев.

Главным силам Святослава и Рюрика удалось врезаться в половецкие полки и разбить их.

«...И ту яша Кобяка Карлыевича со двема сынома, Билюковича Изая и Товльа с сыном и брата его Токмыша, Осолука, Барака, Гарха Данила и Сьдвака Кулобичького. Яша ж и Корязя Калогановича, ту убиша и Тарсука, а инех без числа. Створи же бог победу сю месяца июля в 30... Святослав Всеволодичь и Рюрик Ростиславичь... возвратишася восвояси с славою и честью великою». (Ипатьевская летопись, с. 128)

Так описала события киевская летопись. Владимирская летопись, больше всего интересовавшаяся делами Владимира Переяславского (племянника Всеволода Большое Гнездо), дала несколько дополнений: так, Владимир сам выпросился в опасный сторожевой отряд. Он говорил Святославу: «Моя волость пуста от половець — пусти мя, отче (сюзерен) Святославе, наперед во сторожую!»

В этой летописи указан несколько иной, более полный перечень взятых в плен половецких ханов: добавлены хан Башкърт, Глеб Тирьевич, тесть Кобяка Турундай и другие. Сама победа описана так:

«Нашей же, погнаша, секуще я. 7 тысячь руками изымаша их. Князей одинех было половецких 417 (?)».

Сдея господь спасенье велико нашим князем и воем их над врагы нашими — побежени быша иноплемьеници Кумане, рекше половци ... и бысть радость велика». (Лаврентьевская летопись, с. 375—376)

Большую ценность представляют выписки из не дошедших до нас летописей, сделанные В. Н. Татищевым:

Владимир «устроил полки как можно наилучше запрета всем наикрепчайше из порядка выезжать но держаться вкупе. Направо поставил Святослава сына Глеба, с ним Глеба Юриевича; налево — Мстислава Романовича и Мстислава Владимировича, сам же с протчими — в середине».

Итоги победы изложены у Татищева иначе:

«В сем собрании (пленных?) половецких было 97 князей, а войска до 50 000... Пришедши же к Ворсклу дали Владимиру в награждение всех тех князей и подлых, которых его полком взяли и оных отпустил он на тяжелой окуп». (Т а т и щ е в, т. III, с. 132)

Разнобой в цифрах выравнять нам не удастся, но ясно, что речь идет о многих тысячах пленных половцев. Это, вероятно, самая крупная победа со времен Мономаха. Татищевский источник явно симпатизирует Владимиру Глебовичу Переяславскому, с которым Игорь ссорился и даже воевал за четыре месяца до этого похода.

Эпическим отголоском части этих событий является былина «Саур Ванидович», рожденная в русско-торческой среде и повествующая о некоторых эпизодах сражений с половцами в районе Орели («Угла») в 1168 и 1184 годах.

Героями былины являются Константин Саурович (соответствующий летописному Константину Хотовичу) и его отец, Саур Ванидович, царь Алыберского царства, ездивший «в дальну орду, в Половецку землю».

В данном случае мы видим берендеев-ольберов в составе войск Переяслава Русского (современного Переяслава-Хмельницкого). Берендеи были и в окрестностях Переслава-Залесского, что объясняется тем, что оба одноименных города принадлежали одной княжеской ветви, идущей от Юрия Долгорукого. Близ Переслава-Залесского есть Берендеево озеро, а под Юрьевом-Польским известен курган с погребением знатного торка.

«Алыберское царство» — пограничные русские земли, заселенные торками русской службы, «своими погаными», «толковинами» — союзниками, носившими название то берендеев, то черных клобуков, то ковуев. Автор «Слова», как мы видели выше, хорошо знал, что еще в 1068 году союзниками Руси были «ольберы», служившие черниговскому князю. «Царь Алыберского царства», оказавшийся в 1180-е годы в городе «Угличе» (от «Угол», река Ерель — река Орель), где воевал в 1184 году Владимир Переяславский, — это, по всей видимости, торческий, ольберский хан, шедший против Кобяка под началом Владимира. В авангарде Владимира Переяславского было 2100 (вариант 2500) берендеев-ольберов.

Поход был, очевидно, многотысячным, что явствует не только из летописных данных, но и из «Слова о полку Игореве». Изображая движение конной рати, Автор говорит, что она

*«притопта хлѣми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота...».*

Это не сказочная или былинная гипербола, когда богатырь скачет «выше лесу

1184. Разгром соединенных половецких сил, возглавленных «лукоморским» ханом Кобяком, близ Днепровских порогов у «Гречника». Поход объединенных русских войск организован Святославом Всеволодичем. Игорь от участия в походе уклонился.

екснѣ . алака . и пологнѣ . двѣнча . пѣстисосѣмъ . те
 пнѣсѣмъ . кобаковатъ спн поурѣ гдѣа . поможебѣ
 нсплѣбца . володмирѣ . нѣ . лѣ . гдѣагѣспнне вели
 кое . нашини по вѣже мѣ быши и по племеници . рѣволо
 димиръ гдѣнѣже сотворнѣ въ зрѣе . ѣнѣво збесе
 лнмъ вонь . ꙗкогѣ и збѣ днлнмѣ ѣ ѡвратъ нашѣ . и поко
 рнѣ врагн нашѣа по мѣглнша . и скрѣуши главы змѣвы .
 нѣвѣра стѣ велика . двѣужннлѣ и пологнѣ . и колодн
 кнѣ поведоша . слава щѣбѣ . и спѣю вѣю . скорѣю по мо
 щннцю . рѣвоу хрѣтѣа нѣскомоу .

лѣ . е . х . 7 . а . м . а . н . ѣ . а . д . н . ѣ . м . а . ц . а . м . а . с . т . ѣ . г . ѣ . р . е . м . ѣ . а . ѡ . р . е . м . ѣ .

вѣчнн бѣ зпаченьѣ въ глѣци . и мрачно бѣ велннѣа
 и збѣ збѣ видѣти и члѣкомъ воутиа ꙗко злѣмо бѣше
 и въ глѣци оутиа нѣа мѣцѣ . и зрогъ зѣго ꙗко оутѣ . тѣрѣвѣ
 нскожаши . истрашно бѣ видѣти члѣмъ зпаченьѣ бѣжѣ .
 по лѣтѣ по здрѣумаша ѡлгобнчн шѣоци . занѣже ва хѣ
 мѣходнлн по голѣпта . совѣстѣ мнѣсѣмн . по самн по н
 доша ѡкобѣ . рѣкшѣци ѣсмонѣсн знѣже . по нѣрѣтѣако со
 бѣтѣ хѣмѣ до вѣодемъ . и смѣшлѣ оутѣ рѣтѣа славлѣ . и

стоячего, ниже облака ходячего», это вполне реальная картина марша нескольких кавалерийских корпусов по одному маршруту: вытоптана трава на холмах, обрушены склоны оврагов, замутилась повсюду вода от водопоя многих тысяч коней, затоптаны копытами мелкие ручьи и мочажины... Эти девять слов точнее, чем разноречивые цифры летописцев, дают представление о масштабах общего похода. Еще раз мы можем восхититься красочностью и полнокровностью поэтической речи Автора, вмещающего большие и важные по своему значению картины в минимальное количество слов.

К этой конной сухопутной армии мы должны добавить какое-то количество войск, отправленных по Днепру в ладьях-насадах. Недаром княгиня Ярославна обращается к Днепру:

*«О, Днепре Словугичю!
Ты пробилъ еси каменные горы
сквозь землю Половецкую,
Ты лелеялъ еси на себе Святослави насады
до плъку Кобякова...»*

Грандиозный поход на Кобяка поставлен Автором в рамки политической жизни всей Европы: Русь, Половецкая земля, «Немцы» — Священная Римская империя, «Моравы» — Чешское королевство, «Греки» — Византийская империя, «Венецици» — Венецианская республика.

Вторая половина разбираемой строфы продолжает в очень приподнятой тональности противопоставлять действия великого князя действиям Игоря. Перечисляются народы, которые прославляют Святослава, «поют славу» ему и одновременно «кают (укоряют) князя Игоря» как за поражение на Каяле, так и за то, что князь позволил захватить себя в плен, хотя ранее гордо заявлял, что лучше быть зарубленным в бою, чем оказаться пленником.

Конкретный перечень стран, где славят Святослава, подчеркивает международную значимость событий 1184 и 1185 годов и, разумеется, усиливает контрастность оценок Игоря и Святослава (см. карту № 4).

Перечень стран, радующихся разгрому многочисленных полчищ Кобяка, очень важен исторически, так как вводит нас в международную жизнь 1180-х годов и в международное звучание ораторского «Слова».

Прямой предшественницей этой «славы» 1185 года является известное завершение летописной повести об удачном походе Мономаха на гнездо ханских ставок в верховьях «Дона» (Северского Донца) в 1111 году («Повесть о Шаруканском походе») (см. карту № 1).

«Избъени быша иноплеменнице многое множество на реце Сальнице и спасе бог люди своя... Се бо ангел вложи в сердце Володимеру Манамаху пустити братью свою (великого князя Святополка и др.) на иноплеменники... Възвратишася русьстии князи въсвояси с славою великою к своим людем (Русь) и ко всим странам далним, рекуще: к Греком (Византийская империя) и Угром (Венгерское королевство) и Ляхом (Польское королевство) и Чехом (Чешское королевство) Дондеже и до Рима пройде на славу богу». (Ипатьевская летопись, с. 3)

«Повесть о Шаруканском походе» была оптимистическим завершением тридцатитрехлетнего цикла «трудных повестей» (1078—1111), связанного с первым этапом половецкого натиска. Героем этого цикла, созданного разными людьми, был Владимир Мономах, который укрощал Олега Святославича, спланировал князей и начал наступление на укрепившихся в предстепье половцев. Все это делалось тогда, когда Владимир не был еще великим князем и мог только убеждать собратьев-князей и показывать им пример мужественного противостояния.

Концовкой цикла является рассказ о том, как Владимир, став уже великим князем, организовал торжественный столетний юбилей святых Бориса и Глеба, убитых родным братом Святополком Окаянным в 1015 году. Не подлежит сомнению, что церемония перенесения мощей во вновь выстроенную церковь Бориса и Глеба должна была символизировать торжество мира между князьями: ведь молодые сыновья Владимира Святого — Борис и Глеб — были жертвами княжеской усобицы. Теперь, в 1115 году, в их честь был установлен ежегодный праздник, построена церковь, а их саркофаги тянули на «возилах» впряженные в них князья и бояре; в одной упряжке оказались многолетние враги — Владимир Мономах и Олег «Гориславич». Этим торжеством в память жертв давних усобиц Владимир Мономах как бы подвел итог тяжким временам усобиц и противостояния половцам.

Для решения вопроса о «Старом Владимире» «Слова о полку Игореве» бесполезно отметить, что здесь, где речь идет о любимых сыновьях Владимира Святого (умер в 1015 году), имя этого князя даже не упомянуто! Еще один весьма весомый аргумент в пользу того, что Автор «Слова», говоря о «Старом Владимире», имел в виду не того давнего князя, который с половцами не мог воевать (их еще не было), княжеских усобиц не смирял и не был даже упомянут в связи с переносом мощей его сыновей в столетие его смерти, а определенно хотел напомнить своим слушателям того воинственного и патриотичного князя, который и «княжье непособие» преодолевал, и половцев громил, загнав сына Шарукана за Кавказский хребет, — Владимира Всеволодича Мономаха.

Автор «Слова», судя по его поэме, не только прекрасно знал названный выше цикл «трудных повестей», но именно с этих «старых словес» начал свою вдохновенную речь. Его прославление Святослава Всеволодича Киевского прямо (и, очевидно, преднамеренно) соотнесено с похвалой Старому Владимиру. Победа Святослава показана не количеством захваченных в плен ханов (как это сделано в летописи), не обилием трофеев, а международным значением разгрома могущественного Кобяка.

Панегирики Мономаху и Святославу могут быть поняты как всего лишь придворная лесть, не заслуживающая ни доверия, ни анализа. Отнесемся, однако, серьезно к перечням стран, радующихся успеху русского оружия при Владимире Мономахе в 1111 году и при его правнучке Святославе Всеволодиче в 1184 году. Поставим их в конкретные исторические условия начала и конца XII века.

Овладение половцами всем степным пространством от Дуная до Яика (современная река Урал), которое на протяжении около тысячи километров соприкасается с русскими землями, приносило два вида несчасть, которые были очень четко сформулированы в речи князя Мстислава Изяславича в 1168 году, записанной его летописцем Петром Бориславичем:

Половцы «несут хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче (заключая договоры) всегда переступаюче (нарушают их). А уже у нас и Гречьский путь изготимають и Соляный и Золосный...». (Ипатьевская летопись, с. 97)

Для безопасности русских сел и городов князья ежегодно (или при смене князей) съезжались с половецкими ханами «ради мира», уплачивая ханам крупную сумму отступного, упомянутого в «Слове о полку Игореве»: «емляху дань по беле от двора». Но, нарушая клятву, половцы совершали наезды на широкую предстепную зону. При Кончаке прежние наезды на села и погосты смердов превращались в войны против городов; менялся масштаб и характер половецкой агрессии, что особенно требовало единства русских сил.

Вторым видом бед, причиняемых половцами, было, как верно определил князь Мстислав, овладение важными отрезками русских торговых путей

во всем южном секторе от днепровско-черноморского юго-западного пути в Византию до юго-восточной сухопутной дороги через верховья Северского Донца к устью Дона и далее через Каспий в богатые земли Востока (Багдад, Тегеран, Балх). Пути эти были проложены Русью еще в IX веке. Наряду с этими магистралями существовала еще одна важная трансъевропейская сухопутно-речная дорога, начинавшаяся на Волге у Булгара и шедшая к Киеву, а далее — на Краков и на Регенсбург на Дунае, в сердцевине Западной Европы. Протяженность этой важной как для Руси, так и для Европы и для торговых стран Востока дороги — около 1800 километров. Восточные географы хорошо знали отрезок Булгар — Киев и описывали его в своих справочниках, указывая точное количество промежуточных постоялых дворов. Русские купцы из Киева, «рузарии», были уже в IX—X веках активной силой и на западном участке этого «гостинца».

Около двух столетий, до середины XI века, эти пути исправно служили международным связям, несмотря на кочевые разбойничьи заслоны печенегов и таможенно-грабительские заставы хазар. Чем беспокойнее было на южных участках путей, тем сильнее возрастала роль Киева как посредника между Востоком и Западом. Перелом произошел в XI веке, когда эти крепнущие связи были резко нарушены нашествием огромной массы тюркоязычных племен, двинувшихся на запад. Одна волна — половцы (кипчаки, куманы) — шла севернее Каспийского и Черного морей, а другая — турки-сельджуки — двигалась южнее этих морей, достигая Египта и даже Ливии. Старые караванные пути оказались в руках стремительных и неуловимых ханов и султанов.

Византия потеряла половину своих владений в Малой Азии, где образовался Иконийский султанат, а зона высококультурных халифатов оказалась отрезанной от европейского купечества кочевыми, разбойными племенами сельджуков. Восточная Европа оборонялась от половцев по всей широте своего пограничья. Западная Европа организовала далекие походы, назвав их «крестовыми». В 1097 году Владимир Мономах организовал Любечский съезд князей, осудивший усобицы князей во имя общей борьбы с половцами. В том же 1097 году крестоносцы начали военные действия против сельджуков в Малой Азии. Через два года первый крестовый поход закончился, дав западному рыцарству и купечеству всего лишь прибрежные гавани и пристани на восточном берегу Средиземного моря, но не решив проблемы глубинных континентальных караванных путей.

Чем беспокойней и опасней были пути непосредственно по землям Ближнего Востока, тем важнее становились более северные обходные пути через Причерноморье (Дунай — Крым — Азовское море — Каспий) или через Киев. Из киевских путей наибольшее международное значение приобретал, по-видимому, «Залозный путь», шедший через верховья Северского Донца к углу Азовского моря и далее к берегам «Хвалынского» («Хорезмийского») — Каспийского моря. Этот путь был перехвачен половецкими ханами Шаруканом и Сугрой, поставившими здесь целое гнездо городков-ставок, вероятно, в период наибольшего натиска на Русь в 1090-е годы.

Поход Мономаха (1103 год) расчистил «Соляной» путь к северо-западному берегу Азовского моря. Поход Мономаха в 1111 году разгромил ханское гнездо на более важном «Залозном пути», снова открывая для Центральной Европы ворота в сказочные земли «тысячи и одной ночи».

Вернемся к панегирику Владимиру Мономаху. Его победе над половцами радуются: все русские земли, Византийская империя, связанная старинными торговыми интересами с Русью, и те государства Центральной Европы, которые не принимали участия в крестовом походе, но через земли которых пролегал упомянутый выше трансъевропейский обходной путь — Венгерское королевство, Польское королевство, Чешское королевство.

Здесь нет придворных преувеличений. В итоге Мономахова похода вполне реально были заинтересованы именно эти страны, связанные с Востоком через Русь, через Киев и временно утратившие эти связи из-за перехвата юго-восточных киевских путей Шаруканом. Владимир организовал поход (убедив великого князя), победил половцев, овладел стратегически важным гнездом ханских ставок близ современного Харькова и был прославлен по заслугам. Киев вновь стал одним из важных пунктов европейско-восточной торговли. Через три десятка лет после смерти Владимира Мономаха о Киеве писали в летописи:

«...И кто убо не возлюбит Киевъскаго княжения? Понеже вся честь и слава и величество и глава всем землям Русским — Киев. И от всех далних многих царств стицахуся всякие чловеци и купци и всяких благих от всех стран бываше в нем!»
(Никоновская летопись, с. 202)

Похвала Владимиру завершается упоминанием Рима. Однако далекий Рим назван не в общем ряду, а как бы отдельной строкой: «Дондеже и до Рима пройде (слава) на славу богу!» Это отзвук недавнего крестового похода, проводившегося под формальным руководством римского папы как освобождение гроба Иисуса Христа в Иерусалиме от неверных. В самом описании шаруканского похода мы видим влияние крестоносной практики: перед русским войском шло духовенство, певшее тропари и кондаки «честному кресту». Это вполне объяснимо, если автор повести о походе 1111 года и игумен Даниил, проживший 16 месяцев в завоеванном крестоносцами Иерусалиме, — одно лицо.

Географический перечень в «Слове о полку Игореве» мы тоже должны рассматривать и анализировать не как перечень случайно оказавшихся в великокняжеском дворце заезжих иноземцев, а как отражение реальной исторической ситуации, при которой победа русских над Кобяком могла заинтересовать такие далекие от Руси государства, как Священная Римская империя («Немцы») или Венецианская республика («Венецицы»).

1180-е годы завершились третьим крестовым походом (1189—1191 годов), так как обстановка на межконтинентальных магистралях постепенно накалялась все более и более. Русские люди интересовались тем, что происходило в далеких заморских краях, и летописцы сообщали, что в 1187 году «взят бысть (у крестоносцев) Ерусалим безбожными сарацины» (султаном Саладином), что в 1190 году «иде царь немецкый со всею своею землею битися за гроб господень», описывая далее неудачи Фридриха Барбароссы.

В десятилетие, которое предшествовало третьему походу, напряженность все усиливалась, и потребность в более спокойных обходных путях все возрастала. Теперь в связи с большим развитием морского судоходства одним из важнейших обходных путей стало Черное море. Сюда устремилась «царица морей» — Венеция, уже обосновавшаяся на островах Эгейского моря (Крит, Эвбея) и овладевшая городами в северо-западном углу Черного моря и в Крыму (Сурож — Судак — Soldaja). Сюда из глубин Европы приводила самая крупная западноевропейская река — Дунай, низовьями которой восхищался в 960-е годы киевский князь Святослав, обосновавшийся в Переяславце:

«...хоцю жити Переяславъци в Дунаи, яко то есть среда земли моеи, яко ту вься благая съходятся: от Грек (Византийская империя) — паволокы (шелк), злато, вино и оwoщеве (фрукты) разноличнии; из Чех и из Угър (Венгрии) — сьребро и комони. Из Руси же — скора (пушнина) и воск и мед и челядь (рабы)». (Ипатьевская летопись, с. 135 и 139).

Чем труднее было проникнуть на Восток через старые средиземномор-

ские порты, тем большее значение приобретали обходные пути, и среди них особенно выделялся дунайско-черноморский. Вслед за Венецией сюда потянулась и Генуя, крепости которой до сих пор украшают гористый берег Крыма.

Но и около этих обходных путей не все было спокойно. Во времена Святослава, по свидетельству Константина Багрянородного, самым опасным участком пути русских флотилий были прилегающие к дунайским гирлам степи, где печенеги нападали на заходящих в гавани купцов. Печенегов сменили более могущественные половцы, кочевавшие от Дуная на тысячу верст на восток и перерезавшие все сухопутные и речные пути, которые соединяли Причерноморье с одной стороны с Русью, а с другой — с теми желанными землями Востока, куда западных купцов и рыцарей не пропускал султан Саладин, завладевший огромным пространством от Месопотамии до Египта включительно. На северных обходных путях роль Саладина играли Кобяк и Кончак.

Половецкие племена к этому времени консолидировались в два обширных государства, которые арабский географ Ал-Идриси, современник Юрия Долгорукого, называл Белой Куманией и Черной Куманией.

В эпоху «Слова о полку Игореве», по исследованиям С. А. Плетневой, «Черная Кумания» хана Кончака охватывала Дон и Северский Донец (летописное начало «Великого Дона»), Приазовье и, возможно, Крым и Волгу.

«Белая Кумания» хана Кобяка располагалась западней, перехватывала Днепр в районе Порогов и простиралась до «Лукоморья», до того изрезанного заливами и лиманами северо-западного угла Черного моря между устьями Дуная, Днестра и Днестра, который издавна, со времен Геродота, был местом торговых встреч земледельцев-пращавян с античным миром. В XII веке здесь соседствовали старые русские города (например, Белгород Днестровский) и новые колонии венецианцев.

Половцы «Белой Кумании» контролировали важнейшую русскую магистраль — «Гречник» — давний путь в Византийскую империю, в Царьград. Кроме того, эти же западные половцы очень живо интересовались таким важным узлом международных связей, каким являлся Нижний Дунай. На протяжении 1180-х годов интерес половцев к Дунаю непрерывно возрастал в прямой связи с ужесточением взаимоотношений крестоносцев с сарацинами. Вполне синхронны такие события, как взятие Иерусалима Саладином и появление западно-половецких армий (без кибиток с женами и детьми) на Дунае. Рождается новое наименование для этих половцев — «Подунайцы».

Очевидно, возрастание опасности на прямых путях Европы к восточным землям заставило переключиться на дунайско-причерноморский обходной путь, а это, в свою очередь, привело в движение половцев к узловым пунктам торговых магистралей, ставших особо лакомым куском для этих кочевников, издавна заинтересованных в грабеже (или взимании большой пошлины) торговых караванов.

Вот почему так широко откликнулась Европа на блестящую победу Святослава и Рюрика над Кобяком. Кобяк был разбит близ Порогов у устья Орели, на левом берегу Днестра, по отношению к Лукоморью «за Днепром», но в «Слове» сказано, что Святослав «поганого Кобяка из луку моря ... выторже!». Это может быть объяснено только тем, что в военно-политической жизни Кобяка главным, определяющим его положение было присутствие его железных полков близ Лукоморья, близ тех обходных международных путей, значение которых возросло благодаря быстрым успехам султана Саладина в далекой Палестине.

При учете всех этих данных для нас не будет никаких препятствий в осмыслении перечня тех европейских стран, которые, по словам Автора, приветствуют разгром и пленение Кобяка Лукоморского. Все эти страны связаны с дунайско-черноморским путем: «Немцы» — Священная Римская империя,

из недр которой вытекает Дунай. Здесь же, на Дунае, древний Регенсбург, конечный пункт торгового «рузариева» IX—X веков. «Морава» — Чешское королевство, но именно его южная, прилегающая к Дунаю часть. «Греки» — Византийская империя, владевшая (до 1186 года) Нижним Дунаем.

Наиболее загадочные «Венецицы» — Венецианская республика тоже хорошо укладывается в предложенную систему: венецианские колонии в конце XII века появляются на северном берегу Черного моря опять-таки в связи с закупкой прямых морских путей восточной торговли.

Для всех этих земель Дунай был важной трансъевропейской магистралью, и победа над Кобяком означала для них свободу передвижения.

Внимательный читатель сразу заметит одну погрешность в предложенной системе: да, действительно, все течение Дуная покрыто перечисленными государствами средневековой Европы, но за одним исключением — здесь нет Венгерского королевства, владевшего срединной частью Дуная; столица королевства (Эстергом) находилась на Дунае. «Угры», радовавшиеся победам Мономаха, здесь не упомянуты. Венгрия в эти годы расцветала, расширяла свои границы, доходя на севере до верховий Вислы, а на юге до Адриатического моря. Пропуск... ошибка?.. Автор сам очень четко объяснил этот умышленный пропуск — венгерский король Бела III находился в это время во враждебных отношениях с галицким князем Ярославом Владимировичем, который

*«Подпер горы Угорские (Карпаты)
своими железными полки,
заступив (загородив) королеви (Беле III) путь...».*

Воинственный и победоносный король, очевидно, уже тогда предполагал подчинить себе Галицкую Русь, но встретил здесь мужественный заслон Ярославовых полков. Замысел короля осуществился через три года, уже после смерти Ярослава. В 1184 году Ярослав послал в помощь Святославу против Кобяка часть своих полков. Исходя из этой ситуации, мы поймем, что «Угры» — Венгрия не могла быть упомянута среди стран, восхищающихся победой русских (в том числе и галицких) войск.

В свете приведенных данных о масштабах мобилизации, о количестве побежденных ханов, о широком европейском отклике на победу Святослава в 1184 году (организатора этого и ряда последующих походов) странно звучит утверждение Д. С. Лихачева: «Вопреки исторической действительности слабого киевского князя Святослава Всеволодича автор «Слова» рисует могущественным и «грозным»...

Святослав был одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве».

Это утверждение не находит опоры в источниках. Только за два года (1184 и 1185) Святославом организовано четыре похода на половцев, и все они завершились победой — половцы были или разгромлены, или отогнаны. Под свои знамена Святослав собирал до полутора десятков разных князей.

Еще более странным является утверждение А. Н. Робинсона, напечатанное в 1986 году в юбилейном издании: «Святослав действовал как главный эпический герой... но современникам (а они относились к Святославу по-разному) было хорошо известно, что в такой поход Святослав не ходил и Кобяка в плен не захватывал. Позиция Автора вступала в противоречие с действительностью». (Р о б и н с о н А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. — В сб.: «Слово о полку Игореве. 800 лет», с. 70.)

Напомним А. Н. Робинсону слова летописи:

«Святослав же, не любя на свою братью (в том числе и Игоря, уклонившегося от похода), поиде поспешая путь свой... Идущю же ему по Днепру...» «Возвеличи бог князя Святослава и Рю-

рика... и ту яша Кобяка Карлыевича со двема сынома...»
(Ипатьевская летопись, с. 127, 128)

Очевидно, действительность источников вступила в противоречие с позицией автора-литературоведа.

Продолжая искажение (или крайне невнимательное чтение) источников, А. Н. Робинсон пишет: «Теперь следует напомнить, что в нескольких боях русских и половцев в 1183—1185 годах... не был убит ни один князь и ни один хан» (стр. 179).

Киевская летопись, продолжая рассказ о пленении Кобяка в 1184 году, приводит, как мы уже видели, перечень других ханов, взятых в плен, и добавляет: «...ту убиша и Тарсука, а иных — без числа».

Такое преподнесение источника, очевидно, связано с тезисом А. Н. Робинсона, что «в 1185 году несчастий не случилось», что «были определенные убытки (потеря войск Игоря), но несчастий не произошло» (стр. 189).

Победа «великого и грозного» Святослава над многочисленным половецким войском, собранным с разных концов половецкой земли, показана в «Слове» в строгом соответствии с реальным положением в Европе накануне третьего крестового похода. Тотчас же вслед за похвалой следует от имени тех же европейцев порицание Игоря:

«Поют славу Святъславлю Кають князя Игоря».

Это — прямое обвинение, усиленное тем, что ему, как и похвале, придано общеевропейское звучание: Игоря осуждают от Рейна до Царьграда. Какими наивными выглядят в свете исторических фактов попытки представить Автора защитником Игоря или даже отождествить Автора с самим князем!

Автор-обвинитель не остановился на констатации всеобщего осуждения: он подчеркнул унижительность нового положения князя Северной земли. Князь, который так самонадеянно вел свои дружины, воодушевлял их, находясь еще в безопасном месте, таким рыцарским девизом: «Братие и дружино! Луце жь бы потяту (порублену) быти, неже полонену быти!», на поле битвы оказался полоненным, а не изрубленным, а пребывание в плену стало для него гостеваньем у свата Кончака...

О необременительности плена Автор умолчал, а позор пленения подчеркнул: из золотого княжеского седла князь поневоле пересел в седло раба-«кощея»...

Интересна в художественном отношении последняя фраза этой строфы:

«Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче...»

Общий печальный смысл фразы понятен: «На крепостных стенах городов веселье умолкло и наступило уныние...» Но, зная лаконичный стиль Автора, его постоянную манеру несколькими скупыми, емкими словами не рассказывать, а лишь напоминать о том, что хорошо известно слушателям, мы должны восстановить ситуацию, которая возникла, когда «тоска разлилася по Руской земли». Почему, упоминая города, Автор особо выделил только крепостные стены, только «забрали» — «заборолы» — верхние площадки стен или башен у самых зубцов-стрельниц? Обычно, когда древние авторы описывали горестные события, они говорили о людях, «стонущих на стогнах», о толпах народа на городских площадях, обо всем комплексе города, переживающего несчастье. Здесь сказано только о том, что радость на «забралах», на верхней плоскости стен, сменилась разочарованием, унынием.

Вспомним, что и самые события Игорева полка развивались так же: радость легкой победы на реке Сяурлий к концу пятницы, 10 мая («... сребрено стружие храброму Святъславличю!»), и тягостное переживание плена и смерти соратников в полдень в воскресенье.

Великий князь Святослав Всеволодич узнал об уходе в степь северских князей и об их поражении, возвращаясь из Корачева.

По пути в Корачев, который пролегал через столицу Игоря Новгород-Северский, никто ничего не сказал великому князю о подготовке Игоря к сепаратному, нарушавшему общие планы походу. Полки Игоря стояли далеко в стороне от пути Святослава, в Путивле, а часть дружин Игорь подключил к своему войску уже на марше («идяхуть тихо, собираюче дружину свою»).

Когда Святослав возвращался в Киев, то в Новгороде-Северском неожиданно узнал, что братья его (двоюродные) «шли суть на Половци, утаившеся его. И не любо бысть ему».

Когда же Святослав прибыл в ладьях в Чернигов, то здесь он узнал о трагедии на Каяле.

«И яко приде к Чернигову и во той год (тогда) прибеже Беловолод Просовичь и поведи Святославу бывшее о половцах».
(Ипатьевская летопись, с. 132)

«Слово о полку Игореве» пропускает эти промежуточные детали и сразу вводит нас на заседание боярской думы в Киеве, у великого князя.

Святослав рассказывает боярам, что видел в своем дворце на киевских горах мрачный, предостерегающий, «мутен сон». От Чернигова до Киева 140 километров; плыть по извилистым протокам Нижней Десны нужно было долго, и, по всей вероятности, Святослав, получив весть от Беловолода Просовича, поскакал в Киев на подменных конях, подобно своему брату прадеду по матери Владимиру Мономаху, покрывавшему этот же самый путь из Чернигова в Киев «от заутрени до вечерни».

Весть о разгроме, крушение планов похода на Кончака, торопливая скачка в Киев, все, что бояре истолковали тем, что «туга ум полонила», — все это вполне объясняет мрачные предсказания этого вещего сна. К сожалению, в этом разделе «Слова» переписчики допустили много погрешностей, и текст не везде ясен. Исследователи уделили много внимания сну Святослава, раскрывая его символику. Она однозначно неблагоприятная:

Черное покрывало предвещает смерть.

Синее вино с «трудом» (с отравой?) тоже не к добру.

Опустевшие колчаны торков-союзников — намек на бегство ковуев с поля боя 12 мая.

Великий жемчуг — крупные слезы, плач.

Утрата «кнеса» (князька, конька на крыше) великокняжеского терема — одно из наиболее мрачных предзнаменований. Это угроза самому великому князю, а может быть, и более широко — Киеву, как стольному городу. Ведь Кончак уже ринулся на Киев, вспоминая давнего хана Боняка, стучавшего саблей в Золотые Ворота Киева.

Точный смысл трех последних строк неясен. Речь идет о непрерывно каркающих воронах, несущихся или несущих нечто к «Синему морю». То ли это намек на финальный эпизод Игоревой кампании, когда «прочии в море истопоша», или предсказанная угроза самому Киеву (вóроны летят от киевской Оболони к морю, несут добычу)?

Мне кажется, что поэтическая форма вещего сна была выбрана Автором для того, чтобы красочнее отразить реальную речь великого князя к боярству. Святослав прекрасно понимал опасность внезапного, неожиданного нападения Кончака на Киев.

Речь бояр, расчлененная на части, в дошедшей до нас мусин-пушкинской рукописи не выглядит ни толкованием всех элементов княжеского сна, ни первичным сообщением великому князю о происшедшем. Во-первых, мы знаем, что первая весть пришла еще в Чернигове, а во-вторых, если бы бояре

действительно сообщали впервые такую страшную новость, то Автор должен был бы и начать не с пересказа княжеского сна, а с этой важнейшей новости. Между вестью Беловолода и думой князя с боярами в Киеве прошло не менее суток. За это время разведка могла донести о стремительном движении Гзака в Северскую землю, а Кончака — на Киевщину.

*«...Уже, княже, Игорю угрѣтъ солнцю свѣт...
...по Роси и по Сули гради подѣлиша».*

Завоевание половцами Сулы нас не может удивить, так как в начале марта 1185 года Кончак был там со всеми своими войсками («снесе Сулу, пешь ходя» в распутицу). В конце апреля половецкие «комони» ржали за Сулою, и у нас нет никаких данных о том, что Кончак, прибывший к Каяле в ночь на 11 мая, когда Игорь был уже окружен, привел сюда с Сулы все свои войска. При таком расчете Сула могла быть завоевана немедленно после разгрома Игоря.

Расстояние от низовий Сулы до низовий Роси — 100—120 километров, то есть два дня пути. Следовательно, к моменту обсуждения ситуации в боярской думе великого князя в Киеве и Сула, и Рось вполне могли уже подвергнуться нападению тех половцев, которые заранее, еще в марте — апреле, заняли восточный берег Сулы. Вот весть об этом была более новой, чем первое извещение Беловолода о судьбе войск Игоря. Именно это угрожающее положение и должно было обсуждаться в великокняжеской думе.

Интересна позиция бояр по отношению к Игорю и Всеволоду Святославичам, с одной стороны, и к своему великому князю — с другой. Бояре говорят только о двух старших, владетельных князьях — Игоре и Всеволоде, пренебрегая вассалом Святославом и неполноправным княжичем Владимиром. Правда, братьев бояре называют соколами, но как-то уж очень бесстрастно говорят о том, что им окоротили крылья и заковали в железные путы.

Враждебность к князьям, затеявшим сепаратный поход, срывающий общие планы, явно сквозит в том, как киевские бояре представляют великому князю цель «Игорева полка»:

«Поискати града Тьмутороканя, А любо испити шеломомь Дону».

Дон велик, и какую его часть имели в виду бояре, решить нельзя. Явным и, очевидно, сознательным преувеличением было упоминание Тмутаракани, Таманского полуострова в Керченском проливе.

От своих сторожевых разездов у Сальницы Игорь углубился в Половецкую степь всего лишь на 65—70 километров. От этих мест его окружения до Тмутаракани оставалось более 600 километров! Пробриться через враждебную страну, через самую гущу половецких становищ по оврагам северной части пути и плавням на юге с небольшими силами одного Северского княжества было совершенно немыслимо.

Очень важно отметить, что сам Игорь в поэме не говорил о столь далеком походе. К сожалению, многие исследователи и популяризаторы «Слова о полку Игоре», склонные идеализировать Игоря, приняли слова киевских бояр за чистую монету и включили замысел тмутараканского похода в число патристических достоинств Игоря.

Когда Игорь после неблагоприятного знамения (затмения солнца) побуждал свои дружины к продолжению похода, он ни слова не сказал о Тмутаракани. Говорил о том, что надо испить шеломом Дона: «Дон» (Северский Донец) был в 30 километрах от места произнесения побуждающей речи; говорил о желании преломить копье «конец Поля Половецкого», то есть коснуться копьем края Половецкой степи. Но почему этот край должен был быть самым дальним, противоположным? В битвах и турнирах копья ломали в самом нача-

ле, при первом соприкосновении с противником. Художественный образ утратил бы смысл, если бы предполагался многонедельный поход в Тмутаракань.

Когда Игорь выслушал разведку и узнал, что половцы ездят по степи в боевой готовности, то встал вопрос о том, что, может быть, лучше немедленно возвратиться домой. Эти размышления происходили на границе. А если бы действительно был задуман поход сквозь всю степь, то потребовалось бы две-три недели непрерывных боев со стекающимися со всех сторон ордами огромной «Незнаемой земли».

В речи бояр Тмутаракань была придумана самим Автором как иронически звучащая гипербола, как характеристика заносчивости и самонадеянности северских князей.

На другом конце Руси, во Владимиро-Суздальской земле Всеволода Большое Гнездо, другой современник высказал те же самые мысли, но без всякой дипломатичности, без характерной для нашего Автора романтической вуали:

«Того же лета здумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томь лете (в поход на Кобыяка в 1184 году) со всею князьюю, но сами поидоша особе, рекуще: «Мы есмы ци не князи же? Поидем, такы же собе хвалы добудем!» (А мы, что же разве не князья? Поидем и тоже славу себе добудем!»

После первой победы:

«...ныне поидем по них за Дон и до конца избьем их! Оже ны будеть ту победа — идем по них у луку моря, где же не ходили ни деди наши и возмем до конца свою славу и честь!»
(Лаврентьевская летопись, с. 371)

Очевидно, все современники одинаково осуждали торопливый и необдуманый поход Игоря и сознательно противопоставляли предполагаемые горделивые замыслы мизерному мимолетному успеху и последующему разгрому на краю Половецкого Поля.

Очень важна общая оценка утренней беседы князя Святослава с киевским боярством. Разорванность этой строфы в мусин-пушкинской рукописи не способствовала правильному восприятию ее. Внимание исследователей было сосредоточено на символике сна великого князя, и эта тема, пожалуй, исследована до конца М. П. Алексеевым и Д. С. Лихачевым.

Главным содержанием беседы было не толкование сна и не первичное сообщение о беде, полученное еще в Чернигове, а деловое обсуждение ситуации и выхода из нее. Едва ли эти речи стоит рассматривать как простую беседу у постели проснувшегося князя. Мне этот раздел представляется поэтизированным описанием заседания боярской думы при великом князе:

1. Пересказ сна как показатель тревожности обстановки.
2. Информация бояр о продвижении Кончака к Суле и Роси.
3. Призыв бояр к князю начать (задуманный ранее) большой общерусский поход на Дон.
4. «Златое слово» великого князя:
 - А. Осуждение торопливых действий Игоря и Всеволода.
 - Б. Определение задачи великого князя — «не давать своего гнезда в обиду».
 - В. Осуждение «княжьего неспособия».
 - Г. Осуждение Ярослава Черниговского, не помогающего своему ближайшему соседу Владимиру Глебовичу Переяславскому, осажденному Кончаком.

5. Далее идут знаменитые призывы к разным князьям принять участие в походе на Кончака, лишённые личного обращения от первого лица и,

может быть, представляющие собой как бы общее решение великого князя и боярской думы или княжеского «снима»?

К пунктам 4 и 5 мы вернемся непосредственно вслед за разбираемым текстом. Рассмотрим пункт 3. Рассказав о стремительном и угрожающем продвижении половцев к Суле и к Роси, бояре напоминают великому князю о том, что ранее уже был решен вопрос о длительном, большом походе на «Дон».

«Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу!»

Боярство Киева в лице тех, кто говорил это князю, убеждает Святослава вместе с другими князьями осуществить решенный ранее поход на Кончака. Нас может удивить, что не князь приказывает боярам, а бояре первыми заговорили о необходимости общей войны («зоветь князи») против наступающего «Дона».

Изучение политической роли боярства на восходящей стадии феодализма в нашей исторической науке проведено недостаточно, а между тем летописи XII века пестрят сообщениями об изгнании князей боярством, об убийстве боярами неугодных и слишком строптивых князей (Юрий Долгорукий, его сыновья — Глеб и Андрей Боголюбский), о неповиновении прямым приказам того или иного князя («идучи не идяху»).

Поэтому нас никак не должна удивлять та фраза в «Слове о полку Игореве», где именно бояре призывают великого и грозного Святослава, победителя Кобяка, поднять снова князей в общий поход, на этот раз против Кончака.

Избрание Святослава Всеволодича киевскими мужами из дружины Рюрика Ростиславича делало Святослава таким же боярским князем, призванным на киевский золотой стол во всеоружии военного и политического опыта, «в серебряной седине», каким был Владимир Мономах, призванный киевским боярством тогда, когда он уже прославился как сторонник единства князей и победитель половцев. Владимиру было 60 лет, когда его пригласили на киевский престол; Святославу, родившемуся примерно в 1120 году, к моменту избрания было столько же. У киевского боярства и в том и в другом случае было достаточно времени для наблюдений и оценок. То, что оба князя оставались на престоле до конца дней своих, говорит о том, что боярство было довольно своим выбором и не собиралось принимать против них мер вроде тех, которые были применены к могущественному Юрию Долгорукому.

«ЗЛАТОЕ СЛОВО»

268 *Тогда великийъ Святъславъ изрони злато слово*

269 *слезами смѣшено, и рече:*

270 *«О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!*

271 *Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити,*

272 *а себѣ славы искати.*

273 *Нѣ нечестно одолѣсте,*

274 *нечестно до кровь поганую пролиясте,*

275 *Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована,*

276 *а въ буети закалена.*

277 *Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!»*

285 *Нѣ рекосте: «Мужаимъся сами:*

286 *преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами*

подѣлимъ».

287 *А чи диво ся, братие, стару помолодуги?*

288 *Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,*

289 *высоко птицъ възбиваетъ,*

290 *не дастъ гнѣзда своего въ обиду.*

- 291 *Нъ се зло — княже ми неспособность;*
 292 *наниче ся години обратиша.*
 293 *Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,*
 294 *а Володимиръ подъ ранами.*
 295 *Туга и тоска сыну Глѣбову!»*
 278 *А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многоволя*
брата моего Ярослава,
 279 *съ черниговскими былями,*
 280 *съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры,*
 281 *и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы.*
 282 *Тии бо бес щитовъ, съ засапожники,*
 283 *кликомъ плѣкы побѣждаютъ,*
 284 *звонячи въ прадѣдную славу.*

В ответ на призыв киевских бояр возглавить поход князей на Дон, то есть на Кончака, великий князь Святослав произносит речь, одобренную Азтором и поэтом названную им «золотым словом». Первым пунктом великокняжеской речи стало обвинение Игоря и Всеволода в торопливости и в нечестности. Обращением к ним подчеркнута предполагаемая феодальная подчиненность Святославу: он называет их «сыновцами», то есть племянниками, тогда как на самом деле они его двоюродные братья, то есть родственники в одном колене, а не младшие. Главный упрек состоит в сепаратности действий: «мужаемся сами» — «повоюем вдвоем (не дожидаясь задуманного общего похода)».

«Похитить переднюю славу» означало то, чего так добивался Игорь в 1184 году, оттесняя двоюродного брата своей жены Владимира Глебовича Переяславского от руководства авангардом, которому в первую очередь достаются трофеи и слава. И глагол здесь употреблен подходящий к действиям Игоря в 1185 году, когда он настолько разъярился на Владимира, что зверски разгромил его город Глебов. О воинской славе обычно говорилось «добыть», «получить», «приобрести» и т. п. Здесь же Автор применил жесткое «похитить».

И в отношении «передней славы» авангарда, и в отношении задней славы окончательного дележа после предполагаемой победы Азтором дважды употреблено слово «сами». Фраза, начатая в двойственном числе («рекосте», «мужаемся»), точно указывает на двух братьев — Игоря и Всеволода, — предполагавших только вдвоем, «сами», осуществить поход-рейд и вернуться с победой. Святослав и обвиняет этих братьев в торопливом и безрассудном отрыве от общего дела.

Лестные слова о храбрости, о закаленных стальных сердцах двух Святославичей должны были несколько смягчить, завуалировать суровость справедливого обвинения.

Вторым пунктом «золотого слова» было взаимоотношение великого князя и множества суверенных князей. Великий князь — старый сокол, бьющийся с чужими птицами, обороняющий свое гнездо. Князем выражена готовность к борьбе:

«А чи диво ся, братие, стару помолодити?!»

Третьим пунктом ответа боярам было указание на главную помеху в деле защиты Руси: «княже ми неспособность», уничтожающее прежние успехи.

В качестве самого свежего, вопиющего примера княжьего неспособия приведены события недавних дней, когда половцы Кончака после разгрома Игоря ринулись, «как выводок барсов», на Переяславское княжество; недавний соперник Игоря Владимир Глебович мужественными вылазками оборонял свою столицу и был смертельно ранен. Как говорилось выше, этот наезд мог быть совершен половецкими отрядами, располагавшимися на Суле, на пору-

бежье именно с Переяславским княжеством. Ближайшим соседом был Ярослав Всеволодич Черниговский, искавший мира и союза с Кончаком. Он не вступился за Владимира, любимца русских князей, и родной брат Ярослава Святослав Киевский в конце своего «златого слова» резко и горько упрекает его в том, что бездействуют его знаменитые «могуты» и «ольберы», прадеды которых прославили себя победами в 1068 году.

Следует вспомнить, что Владимир бы зятем Ярослава Черниговского, мужем его дочери. В глазах слушателей Автора это бросало особую тень на Ярослава.

На этом упреке Ярославу, по-видимому, кончается «златое слово», преподнесенное нам Автором как личное выступление Святослава от первого лица («не вижду...»). Далее следуют безличные призывы к князьям, которые нельзя считать прямым и непосредственным продолжением «златого слова».

Высказанное выше предположение о том, что Автор, приводя беседу князя с боярами, как бы передавал общий смысл княжеской думы, обсуждавшей внезапно возникшую ситуацию, нельзя понимать как протокольное отражение конкретного совещания. Это обобщения, намеки на целую цепь разных событий, происходивших в разное время.

1. Сон Святослава и сообщение бояр о Роси и Суле должны относиться примерно к середине мая.

2. Сожаления (Автора? Святослава?) о ранах Владимира и о падении крепости Римова должны быть отнесены к более позднему времени, когда Святослав уже разослал гонцов к князьям (например, в Смоленск), когда «помочи» уже пришли к Днепру, когда Кончак уже был отогнан (Римов рухнул уже при отступлении Кончака), то есть к июню 1185 года.

Автор (всегда лишь напоминавший, а не повествовавший), имея дело с людьми, участвовавшими в событиях, не расчленил свой текст на отдельные эпизоды, а дал всю картину трагического лета 1185 года предельно сжато и суммарно. Отдельные звенья «златого слова», если они в действительности произошли с князем, падают на разные сроки.

Автор «Слова о полку Игореве» очень мало думал о потомках. Что могли узнать люди XIV—XV веков о нашествии не упомянутого здесь Кончака из сжатых слов «У Рим кричат под саблями половецкыми, а Володимир под ранами; туга и тоска сыну Глебову». Без обращения к летописям и без переложения летописных сведений на карту мы никак не можем себе представить грандиозность нашествия фронтом в 500—600 километров, составлявшего угрозу самому Киеву.

Это еще раз убеждает нас в том, что гениальное «Слово» было действительно словом, обращенным к тем, кто знал столько же, сколько и сам Автор. Ему нужно было не рассказывать современникам, а побуждать их к действию.

«ЗАГОРОДИТЕ ПОЛЮ ВОРОТА!»

296 *Великий княже Всеволоде!*

297 *Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола
поблюсти?*

298 *Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома
выльяти.*

299 *Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по
резанѣ.*

300 *Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти —*

301 *удалыми сыны Глѣбовы.*

302 *Ты, буй Рюриче, и Давыде!*

303 Не ваю ли вои злаченными шеломы по крови плавшиа?
 304 Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури,
 305 ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ?
 306 Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего вре-
 мени,

307 за землю Рускую, за раны Игоревы,
 308 буюго Святъславича!

309 Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ!
 310 Высоко сѣдиши на своемъ златокваннѣмъ столѣ,
 311 подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки,
 312 заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота,
 313 меча бремены чрезъ облакы,
 314 суды рядя до Дуная.
 315 Грозы твоя по землямъ текутъ,
 316 отворяеши Киеву врата,
 317 стрѣляеши съ огня злата стола салтани за землями.
 318 Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощя,
 319 за землю Рускую, за раны Игоревы,
 320 буюго Святъславича!

321 А ты, буй Романе, и Мстиславе!
 322 Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.
 323 Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
 324 яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
 325 хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
 326 Суть бо у ваю желѣзныи паробци
 327 под шеломы латиньскыми.
 328 Тѣми тресну земля, и многы страны —
 329 Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци —
 330 сулицы своя поврѣгоша,
 331 а главы своя подклониша
 332 подъ тьи мечи харалужныи.

339 Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи,
 340 не худа гнѣзда шестокрилци!
 341 Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте!
 342 Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты?
 343 Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами,
 344 за землю Рускую, за раны Игоревы,
 345 буюго Святъславича!

346 Уже бо Сула не течетъ серебряными струями къ граду Пе-
 реяславлю,
 347 и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ
 подъ кликомъ поганыхъ.
 348 Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
 349 позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя,
 350 притрепа славу дѣду своему Всеславу,
 351 а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ
 352 притрепанъ литовскыми мечи
 353 И с хотию юна кров, а тѣи рекъ:
 354 «Дружину твою, княже, птицѣ крылы приодѣ, а звѣри
 кровь полизаша»,

355 Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго — Всеволода,
356 единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чресть
злато ожерелие.

357 Уныли голоси, понице веселие,
358 трубы трубятъ городеньскии.

Центральным местом всей мудрой и пламенной речи Автора, ее основным содержанием и смыслом были призывы к ряду русских князей встать «за землю Русскую, за обиду сего времени!». Ради этого вспоминались отдаленные эпические сказания о первом появлении «хиновы» (гуннов) в Европе, ради этого намеками упоминались горькие, но правдивые повести о союзах некоторых князей с ханами. Во имя сплочения сил перед угрожающим натиском «всего языка половецкого» воскрешались богатырские фигуры прежних князей, десятки лет боровшихся со степняками, побеждавших их и оставивших яркий след в памяти правнуков. Указывался центр, вокруг которого необходимо сплотиться, — древний Киев и великий и грозный князь Киевский, прославившийся недавней победой над половцами, как и его прадед Старый Владимир.

К этим большим темам подключалась частная, сегодняшняя — встать «...за раны Игоревы, буего Святславлича». Это явный признак того, что Игорь находился среди тех, к кому была обращена речь Автора, и что именно для него произносилась фраза о его ране. Ранен он был в левую руку («шуйцу») и вполне мог скакать на коне, как мы знаем из летописи, но Автор счел нужным включить этот эпизод в патриотический рефрен призывов к князьям. Игорю (уже обвиненному Автором несколько раз) это должно было быть приятно, это сглаживало прямые упреки в его адрес, это как бы смягчало его вину перед людьми. Автор еще раз показал себя дипломатом.

Призывы расположены в речи Автора и грамматически построены так, что, с одной стороны, они как бы продолжают «златое слово» и связаны с майским наездом Кончака, а с другой стороны, они явно нацелены на предстоящие воинские труды, на необходимость вступить в стремена, стрелять поганого Кончака, загородить острыми стрелами ворота Руси от буйства Поля Половецкого. Этим остроумным приемом Автор создает настроение непрерывности, неотделимости ближайшего прошлого от ближайшего же будущего. Сила воздействия увеличена повелительным наклонением всех рефренов.

Призывы к общей боевой готовности выражены не от имени Святослава (его последнее личное обращение — порицание брата Ярослава). Здесь, в призывах к 11 князьям, дважды употреблено слово «господин». Само собой разумеется, что цесарь Руси, великий князь киевский, не мог так обращаться к другим князьям, низшим по положению и генеалогическим расчетам. Вообще, князь к князю не обращался в такой форме. Эта форма могла быть применена боярином или от имени боярства, боярской думы (?).

Мало вероятно, что знаменитые призывы следует расценивать как обращение Автора лично от своего имени. Грамматических данных для этого нет. Мне кажется, что призывы — это некое обобщенное пожелание, поэтическое воплощение каких-то юридических общих решений или дипломатических обращений к недавним союзникам. Каждое обращение дано здесь как бы в золотой раме блестящих по форме военно-политических характеристик, глубоких по содержанию, великолепных по поэтической образности.

У историков никогда не вызывала сомнений прямая связь призывов к князьям с реальной потребностью в обороне от половцев в 1180-е годы. Диссонансом звучит утверждение литературоведа А. Н. Робинсона, что «призыв «Слова» к князьям не имел и не мог иметь никаких политических последствий». Д. С. Лихачев убедительно возразил Робинсону, утверждая, что «автор Слова мог рассчитывать на некоторый идеализм, или, вернее, патриотизм русских князей».

Историки могут решить спор двух филологов (в пользу Лихачева) с опорой не только на предполагаемый идеализм, но и на исторические документы. В «Слове» поименно названы семь князей, призываемых в помощь Святославу в предстоящем походе, и трое юных княжичей, обозначенных суммарно —

«все три Мстиславичи»; княжичи были еще слишком молоды, и их полки еще водили воеводы; отбросим их.

Из семи князей, к которым обращены призывы, шестеро участвовали (сами или их сыновья и воеводы) по призыву Святослава в прошлом году в дальнем походе против Кобяка. Почему же для 1184 года призывы Киева были реальны и обязательны, а для следующего, 1185 года «не могли иметь никаких политических последствий»? Почему Святослав не мог обратиться к своим родичам и прошлогодним соратникам с новым призывом в предвидении новой опасности?

Из общих замечаний можно сделать еще одно, основанное на генеалогических расчетах: призывы обращены (за исключением Ярослава Галицкого) к представителям только одной княжеской ветви, к потомкам Мстислава Великого, сына Мономаха, к «Мстиславу племени», к которому относился и внук Мстислава, великий князь Рюрик Ростиславич и «Мстиславич» по матери — Святослав Всеволодич. Из этой ветви исключены потомки Мстислава от второй жены, «мачешичи», враждебные основным, первородным потомкам.

Если сопоставлять призывы с перечнем участников похода 1184 года, то бросится в глаза отсутствие в «Слове» сыновей Юрия Ярославича Туровского, принимавших участие в походе на Кобяка. Дело в том, что их отца называли «злодеем Мстиславичей» и, очевидно, какие-то неизвестные нам настроения этих князей не позволили Автору обратиться к ним с призывом к новому походу. Автор был очень строг в отношении родственности и генеалогической близости тех, к кому он обращался с предложением стать за Русскую землю.

Князь Владимир Глебович отражает нападение половцев на Переяславль.

После этих вводных слов рассмотрим конкретные обращения к князьям, приведенные в «Слове о полку Игореве».

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Обращение к владимиро-суздальскому великому князю не является, по существу, приглашением к совместным

военным действиям. Это скорее почтительное вопрошание о том, сможет ли такой могущественный князь, победитель Волжской Болгарии, сюзерен целого гнезда рязанских князей («удалых сынов Глебовых»), принять участие в обороне ядра Руси и того золотого киевского трона, на котором несколько раз сживал его отец Юрий Долгорукий?

Обязательность победы в случае участия Всеволода выражена оригинально — посредством показа дешевизны будущих половецких пленниц («чаги») и пленников («кошеи»). Очевидно, речь идет о том большом походе «на Дон» на все лето на глубинные кочевья Кончака, который давно был задуман Святославом и поддержан другими князьями (послание Давыду Смоленскому). Пленники могли быть получены в любом походе, но чаги-пленницы только при условии победы в степи, при захвате кибиток с чагами. То, что здесь, в «Слове», мог подразумеваться именно задуманный Святославом поход на Дон, явствует из соседней фразы, где расплесканная веслами Волга символизирует недавний поход на Волжскую Болгарию (с помощью от Святослава), а Дон, вычерпанный шлемами суздальских воев,— предполагавшийся поход на донских половцев. В момент тайного ухода Игоря в поход Святослав, как мы помним, находился в Корачеве, собирая воинов «верховских земель», то есть по Верхней Оке; эти земли вплотную подходили к владениям Всеволода.

За два года до этого Всеволод обращался за помощью к Святославу против Волжской Болгарии, войска которой только что разорили русские земли по Волге и Оке (Городец, Муром, Рязань).

«Того ради,— писал Всеволод Святославу в 1183 году,— прошу у тебя, да пришьешь мне в помощь достаточное войско... а когда тебе на иноверных помочь потребна, я не обленюсь

сам придти или все мои войска тебе послать». (Татищев, т. II, с. 128.)

Святослав откликнулся и послал полки под началом сына Владимира.

Возможно, сбор «верхних воев» на Оке дал в апреле 1185 года возможность Святославу переслаться гонцами со Всеволодом Большое Гнездо и договориться о его участии в походе на Дон, но совершенно неожиданный провал рейда Игоря спутал все карты, и вместо далекого превентивного похода пришлось обороняться в одном дне пути от Киева (Треполь). Всеволод не успевал послать помощь: Кончак достигал Переяславля от Каялы примерно за неделю (половцы от Сулы — за двое суток), а помощь Всеволода из Залесской земли могла добраться до того же Переяславля только через месяц.

Восклицание Автора: «Аже бы (если бы) ты был...» — не упрек и не беспочвенное мечтание, а, так сказать, благожелательное (по отношению ко Всеволоду) сожаление, что обговоренные совместные действия не состоялись.

Нельзя согласиться с Д. С. Лихачевым, который понимает обращение ко Всеволоду Большое Гнездо таким образом: «В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава и все обличает в авторе «Слова» человека, занимающего свою независимую, а отнюдь не придворную позицию:

1. Титулование Всеволода «великим князем».
2. Признание киевского стола «отним» столом Всеволода.
3. Призыв прийти на юг».

Безусловно, нужно согласиться с исследователем в определении самостоятельной позиции Автора «Слова», но три «неприемлемых» будто бы для Святослава пункта поэмы не подтверждаются источниками:

1. «Великим князем» титуловали не только киевского князя.

К 1152 году относится знаменитая серебряная чара черниговского князя Владимира Давыдовича. В надписи на тулове ее владелец назван «великим князем», хотя ни он сам, ни его отец Давыд Святославич никогда не княжили в Киеве. Юрий Ростиславич именуется в летописи «великим князем», хотя он правил не в Киеве, а в «Русской земле». В летописях титулатура выдерживалась очень последовательно. Традиция именования «великими князьями» владетелей больших, многосоставных земель восходит к X веку, когда «великими князьями» называли князей Чернигова, Переяславля, Ростова и других крупных городов.

Обращаясь ко Всеволоду: «Великий княже!», Автор нисколько не ущемлял прав Святослава, «цесаря» Руси.

2. Киевский великокняжеский престол был для Всеволода Юрьевича, безусловно, «отчим», так как на нем сидели его отец Юрий Долгорукий, его дед, прадед и т. д.

3. В «Слове о полку Игореве» нет и намек на приглашение Всеволода княжить в Киеве вместо Святослава. Речь идет только об обещанной заранее военной помощи «на иноверных».

Непонятна еще одна позиция исследователя: Д. С. Лихачев почему-то считает, что Автор «Слова» намеренно «замалчивает участие в походе (Игоря) войск Переяславля Русского. Отсюда, — продолжает исследователь, — понятно, почему «Слово о полку Игореве» обращается с упреком (подчеркнуто мною. — Б. Р.) главному образом к Всеволоду Суздальскому».

Недоразумение: Игорь и Владимир Переяславский стали с 1184 года лютыми врагами. Никаких данных об участии переяславских войск ни в одном источнике нет. Даже плохо осведомленный владимирский летописец, думавший, что Игорь заезжал в Переяславль, пишет только об Игоре с двумя (?) сыновьями, Всеволоде, Святославе Рыльском и черниговской помочи.

Полагая, что Ольговичи в 1185 году «стремились к созданию коалиции русских князей против половцев», Д. С. Лихачев продолжает: «Вот почему

Святослав в своем «золотом слове» предлагает Всеволоду Большое Гнездо расстрелять, особенно ненавидимого летописателем Игоря, Кончака: «стреляй, господине, Кончака поганого кощя за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святъславлича».

Вместо разбора и возражений дадим справку: в «Слове о полку Игореве» нет такого обращения к Всеволоду; этот призыв стрелять Кончака обращен там к Ярославу Владимировичу Галицкому. Досадная описка.

В обращении к Всеволоду Большое Гнездо очень важным оказывается упоминание рязанских князей, «удалых сынов Глебовых». Они уподоблены «шереширам», огненным стрелам. Это свежее впечатление от победы над Кончаком у Хорола в марте 1185 года. У хана были какие-то тугие луки самострельные, которые с трудом натягивали 50 человек, и был «бесурменин, иже стреляше живым огнем». «Лук»-катапульта «укреплен был на возу великом. Сим мог бросать каменья в середину града в люддем человеку. И для метания огня имел особый, малейший, но вельми хитро сделанный». Когда Кончак в весеннюю ростепель отступил за Хорол, то все эти громоздкие сооружения достались русским: «и оного бесурменина яша, у него же бяшетъ живой огонь, то и того ко Святославу приведоша со устроеным огнем».

Естественно, что слушатели Автора хорошо представляли себе недавно рассмотренную новинку.

«Шерешеры» — огненные стрелы, пускаемые при помощи невробаллистического приспособления. Сравнивая молодых рязанских князей со стрелами, Автор хотел подчеркнуть их подчиненность, послушность Всеволоду. Действительно, в 1183 году Глебовичи (Роман, Игорь, Всеволод и Владимир) участвовали в большом походе на Болгарию под предводительством Всеволода Суздальского. Но в 1185 году «удалые сыны» перессорились, начали войну. Всеволод хотел их примирить, но вчерашние «шерешеры» «восприимше буй помysl, начаша ся гневати на нь (на Всеволода) и болшю вражду въздвигати». (Лаврентьевская летопись, с. 380—381)

Вассалы вышли из повиновения, но Автор «Слова» еще не знал об этом. Рязанская усобица разыгралась еще до заморозков («перяша воду» у горожан), то есть примерно до ноября 1185 года. От Владимира и Рязани около месяца конного пути до Киева. Эти данные помогают нам приблизительно датировать время произнесения «Слова о полку Игореве» — осень 1185 года.

Если бы Автор уже знал о той суетливой крамоле рязанских князей, которая заставила Всеволода Большое Гнездо вмешаться в их распри силой оружия, то не писал бы о послушных шереширах.

Рюрик и Давыд Ростиславичи. Второй призыв обращен к сопративителю Святослава Киевского, великому князю Рюрику Ростиславичу и его брату Давыду Смоленскому. Исследователи часто гадают, чем вызван порядок обращений к князьям в «Слове о полку Игореве». То ли значительностью того или иного князя, его общим политическим весом или же личными симпатиями Святослава или самого Автора? Для решения этого вопроса необходимо прежде всего обратить внимание на генеалогическую сторону перечня князей: он безупречен с точки зрения феодального «поколенного» старшинства. Внутри одного «колена» так же строго соблюдается этот принцип.

Рассмотрим с этой стороны порядок упоминания «Ярославлих внуков» в поэме:

«Колено» от
Ярослава Мудрого

Пятое

1. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (внук Владимира Мономаха)

Шестое	2. Рюрик Ростиславич (правнук Мономаха)
3. Давыд Ростиславич (младший брат)
4. Ярослав Владимирович «Осмомысл» (помещен в конце перечня шестого колена потому, что его предок Владимир Ярославич Новгородский не княжил в Киеве в отличие от всех других Ярославичей; он умер еще при жизни своего отца)
Седьмое	5. Роман Мстиславич Волинский (старший сын Мстислава Изяславича, праправнук Мономаха)
6—8. Мстислав Ярославич Немой, Ингвар Ярославич, Всеволод Ярославич (братья, сыновья младшего брата Мстислава Изяславича)
9—11. «Все три Мстиславича» Давыд, Владимир, Мстислав Удалой (племянники Рюрика Ростиславича, дети Мстислава Храброго, юные княжичи)

Как видим, порядок обращения к отобранным для этой цели князьям строжайшим образом подчинен точному генеалогическому принципу старшинства в роду и в каждой семье в отдельности. Итак, после обращения к единственному представителю пятого поколения «Ярославлих внуков» — Всеволоду Большое Гнездо Автор обращается к двум братьям Ростиславичам, из которых Рюрик — великий князь.

В летописи Рюрик всегда уравнен со своим соправителем Святославом, в «Слове» мы этого не чувствуем. Автор сдержан, он считает Рюрика образцом князя, обороняющего Русь (в отличие от его брата), но не выпячивает его и не произносит громких похвал. К этой черте Автора мы должны будем присмотреться в дальнейшем.

Описание храброй дружины смоленских Ростиславичей толкуется в научной литературе различно. Иногда считается, что это обобщенная хвалебная характеристика отважных княжеских воинов, иногда делались попытки конкретизировать подразумеваемую Автором ситуацию. Д. С. Лихачев полагает, что здесь отражено участие полков Рюрика в боях с половцами «на реки Хирии (или Хороле?)». Ходил Рюрик на половцев и в 1185 году.

Внесем уточнения. Победу на реке Хирии одержал не Рюрик, а Игорь. В походе на Хорол 1185 года в летописи не указано участие Давыда Ростиславича, а ведь в «Слове» очень определенно сказано, что речь идет о дружинах обоих братьев, и употреблено двойственное число: «не ваю ли вои...», «не ваю ли храбрая дружина...», то есть «не ваша ли обоих братьев дружина?». На этом основании, безусловно, не должно рассматриваться и сражение с Кончаком у Днепра под Переяславлем, где, как мы знаем, Рюрик воевал, а его брат Давыд в самый ответственный момент, до форсирования Днепра, до встречи с Кончаком «возвратися опять (вспясть) со смолняны» в свой Смоленск. Русские войска, перешедшие Днепр, «опоздишася сжидающе Давыда (со) смолняны и не заехаша их (не отрезали путь половцам). Половци же, взявше город Римов и ополонилшася полона (захватив русских в плен) и пойдоша восвоеси». (Ипатьевская летопись, с. 127, 129, 132, 133)

Дружина Давыда не вступала в бой, не рыкала, как раненые туры, а собралась на вече и вместе со своим князем покинула фронт.

Нужно искать иную реальную ситуацию, которая отвечала бы не победному, а трагическому концу какой-то битвы, когда дружина была изранена, а золоченые боярские шлемы плавали в крови. Участниками этого невеселого события должны быть оба брата.

Наиболее вероятно, что Автор напоминал о событии, которое произошло девять лет назад и повлекло за собой очень большие политические послед-

ствия. По уточненной хронологии (по Бережкову) это 1176 год. Половцы напали на Русь в районе Роси и Россавы, взяли шесть берендейских пограничных городов и двинулись к городу Ростовцу (местоположение не уточнено). Эту часть пограничья, судя по контексту, должен был охранять Давыд, но «Давыд же бяше не притягл (не поспел вовремя)». На помощь ему был послан Рюрик «и бывши распре межи братьею». Очевидно, старший брат укорял Давыда за недопустимое промедление. Половцы «победиша полкы руськее и много бояр изымаша, а князе вбегоша в Ростовець». Особое упоминание многочисленных бояр хорошо объясняет слова о дорогих золоченых шлемах, плавающих в крови; объясняется и двойственное число — Рюрик и Давыд. Святослав Всеволодич, княживший тогда в Чернигове, поехал с жалобой в Киев, где княжил старший брат Рюрика и Давыда — Роман.

«Брате! — говорил Святослав, — я не ищю под тобою ничего же, но ряд нашъ так есть: оже ся князь извинить (провинит-ся) — то в волость, а мужь — у голову! А Давыд — виноват!»
(Ипатьевская летопись, с. 119)

В дальнейшем эта междукняжеская договоренность, очень важная для общей защиты Руси, часто упоминается и именуется «романовым рядом». Очевидно, договор о наказании за военную оплошность был заключен совсем недавно, при вступлении Романа Ростиславича на киевский престол в 1174 году.

Разгром половцами по вине князя шести городов союзных беренде-ев, несших пограничную службу, был действительно серьезным преступлением, за которое виновный князь должен был поплатиться своим владением («волостью»). У Давыда, кроме его Смоленска, был во владении город Вышгород под Киевом. Роман же «того не створи».

Святослав начал добиваться выполнения «ряда» военной силой. И вот здесь-то и обнаружилось впервые, что на стороне Святослава Всеволодича находится киевское боярство. Мы помним, что в событиях 1180 года, когда бояре Рюрика разбили Игоря и Кончака, Святослав, как союзник Игоря, оказался беззащитным, но победитель Рюрик «размыслив с мужи своими», неожиданно «уступил» Киев Святославу.

События 1176 года показали, что симпатии киевского боярства к Святославу проявились на четыре года раньше. В 1176 году Святослав, опираясь на «ряд», собрал войска, Роман покинул Киев, и Святослав ненадолго вошел в город, но, убоясь Ростиславичей, «побеже Святослав через Днепр». Затем Святослав вошел в союз с Черными Клобуками, занял позицию в древнем Витчеве в дне пути от Киева. Сюда к нему приехала депутация киевлян: «киевляне лучшие (то есть боярство) собрався поехали ко Святославу и объявя ему, что Роман выехал, просили его на престол отеческий в Киев». (Т а т и щ е в, т. III, с. 114.)

Так по воле киевского боярства и «своих поганых» из «Альберского царства» Святослав стал великим князем. При повторении ситуации в 1180 году боярство вновь подтвердило свой выбор и симпатии к Святославу. Возможно, что здесь сыграла роль приверженность Святослава к «романову ряду», который содержал два очень важных раздела: военный союз Ростиславичей, Ольговичей и, возможно, Всеволода Юрьевича, во-первых, и жесткую ответственность за оборону Киевской земли, во-вторых. Требовалось, чтобы оборонительную службу несли сами договорившиеся князья или их сыновья; провинившийся князь терял «волость», а боярин «голову» (возможно, подразумевался выкуп за голову, штраф).

Святослав в 1176 году показал себя твердым сторонником этого патристического договора, чем и привлек, очевидно, симпатии киевского боярства. Святослав Всеволодич с давних пор был связан с киевским боярством: когда в 1159 году князья посылали послов к князю Изяславу Давыдовичу (послы эти

были поименованы в летописи), то оказалось, что Святослав послал некоего «Киянина». (Ипатьевская летопись, с. 83)

Автор «Слова о полку Игореве», от которого мы всегда ждем целенаправленных (хотя и задрапированных в дорогой оксамит его поэтического стиля) характеристик или напоминаний, верен себе и в этом случае.

В призыве к Рюрику и Давыду Автор напоминает о темном прошлом Давыда, допустившего по своей оплошности вторжение половцев на Правобережье Днепра. Он оттеняет упрек такой художественно сильной деталью: дорогие, покрытые золотом шлемы полководцев-бояр плавают в крови русских воинов... «А Давыд — виноват!» — как бы напоминает он тогдашние слова Святослава. И у слушателей неизбежно возникают воспоминания о событиях тех недавних лет, когда бояре, соратники погибших и плененных под Ростовцем, утишили межкняжескую свару и ввели в Киев Святослава.

Выбор такого исторического эпизода, который бы так убийственно характеризовал Давыда Ростиславича, как поражение под Ростовцем, — быть может, отместка оратора-боярина за погибших там бояр?

Неизбежно слушатели вспоминают и трусливое бегство Давыда в мае—июне этого года, когда он обнажил стратегически важную переправу (брод через Днепр) близ Треполя.

Не задевают ли эти настойчивые (хотя и предельно краткие) напоминания чести великого князя Рюрика? Нет, не задевают. Все слушавшие «Слово» очень хорошо знали и то, что в 1176 году Рюрик хорошо воевал и осуждал брата за непонятную небрежность, и то, что в 1185 году Рюрик форсировал Днепр, шел на помощь Владимиру Переяславскому и опоздал отрезать путь Кончаку только из-за дезертирства брата: «опоздишася сжидающе Давыда (со) смолняны». К теме противоположных характеристик двух братьев Автор, как мы помним, подходил еще в своем историческом разделе, где, вспоминая Владимира Мономаха и сожалея о его отсутствии в 1185 году, он упомянул контрастные фигуры братьев Ростиславичей, у которых по-разному поют копыя, в разные стороны развеваются их бунчуки. Благородное дело Старого Владимира продолжал один Рюрик.

Ярослав Владимирович «Осмомысл» Галицкий. Обращение к Ярославу Галицкому, пожалуй, наиболее торжественное, почтительное и информативное из всех призывов.

Ярослав показан как суверенный монарх на златокованом троне. По отношению к соседнему воинственному Венгерскому королевству Ярослав сохраняет вооруженный нейтралитет, сдерживая железными полками агрессию короля Белы III. Через три года (когда Ярослав уже умер) король воспользовался ослаблением княжества и захватил Галич. Так что железные полки Ярослава в Карпатах были реальной необходимостью.

Важное место уделено Дунаю, что ведет нас к затронутым выше проблемам экономических связей Европы в пору накопления предпосылок третьего крестового похода. Галицкое княжество вело торговлю через высотные перевалы Карпатских гор («меча бремены (возы с кладью) чрез облака») вроде «Русской Брамьы» и «Нижних Ворот». Высота гор здесь достигает 2 — 2,5 тысячи метров, что вполне позволяет говорить о переброске караванов сквозь облака. Пути через эти перевалы вели к Дунаю.

Ярослав Галицкий показан как хозяин Дуная. Речь идет, разумеется, о низовьях реки и знаменитых дунайских гирлах. Ярослав «суды рядит до Дуная». Русское население здесь появилось еще в IX—X веках, расселяясь на просторах современной Добруджи «три дня пути в длину и ширину». Эти земли арабские географы называли «островом русов». Здесь обосновался Святослав Игоревич в 960-е годы.

В XII веке речь могла идти только о левом, северном берегу Дуная,

часть которого называлась Берладью. Галицкое княжество простиралось здесь от устья Прута до устья Днестра, где стоял город Белгород. В середине XII века в этих землях действовал кузен Ярослава мятежный Иван Ростиславич Берладник, но уже с 1156 года здесь укрепился Ярослав Осмомысл. Автор «Слова» имел право сказать, что Ярослав рядит суды, правит как суверенный владетель «до Дуная». В низовьях Дуная был русский город Малый Галич. Исходя из концепции обходных путей на Восток, Дунай, как уже говорилось, представлял собой превосходный трансъевропейский путь, выводивший в Причерноморье и открывавший возможность пути в «Хорезмийское море» (Каспий). В наших летописных источниках нет сведений о том, что Галич контролировал дунайский путь, и поэтому свидетельство «Слова» особенно драгоценно: «затворив Дунаю ворота». Не доверять ему у нас нет оснований. Контроль (очевидно, таможенный и военный) выдвигал Галич на видное место в Европе: «грозы твоя по землям текут...». Связь Ярослава Галицкого с проблемами международного торгова и дунайско-черноморских путей, лаконично обозначенная в «Слове», очень широко раскрывается в летописи и в татищевских материалах (см. карты № 1 и № 5).

Ярослав показан в «Слове» и как князь, принимавший участие в судьбе Киева: он был в Киеве в качестве одного из победителей в 1159 году, посылал свои полки в 1172 и 1180 году; поэтому фраза «отворяеши Киеву врата» вполне закономерна.

Отношение к половцам у Ярослава вполне определенное; оно явствует из того, что он прислал в 1184 году свои полки в помощь Святославу и Рюрику против Кончака. Вероятно, с этим и связана фраза: «Стреляеши с отня злата стола салтани за землямь». По «Половецкому словарю» («Codex Cumanicus») слово «солтан» означало знатного человека и в таком значении уцелело в крымско-татарском языке.

Ко времени написания «Слова о полку Игореве» Ярослав уже свыше трех десятков лет княжил в Галиче. В 1153 году его отец скончался во время очень острых переговоров с представителем великого князя боярином-дипломатом Петром Бориславичем.

Петр Бориславич был первым государственным человеком, с которым юный князь Ярослав в траурной мантии беседовал в первый день своего княжения, еще в то время, когда у гроба его отца стоял почетный рыцарский караул. Если умерший князь не хотел идти на соглашение и даже изгнал посла из города, то его сын быстро согласился с киевским дипломатом и признал великого князя киевского Изяслава Мстиславича своим сюзереном. Через Петра Бориславича он передавал великому князю:

«А ты ми буди в отца место... Ныне, отце, кланяются — прими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене. Ать ездить Мьстислав подле твой стремянь по одной стороне тебе, а яз — по другой стороне подле твой стремянь еждю всеми своими полкы». (Ипатьевская летопись, с. 73)

Посольство Петра Бориславича было описано самим этим боярином, как установил еще в 1878 году И. П. Хрущов*.

Если принять мою гипотезу о том, что Петр Бориславич был составителем большой киевской летописи и что ему можно приписать создание «Слова о полку Игореве», то дружелюбное внимание к Ярославу Галицкому в «Слове» будет вполне объяснимо. Подробнее обо всем этом будет сказано во второй части этой книги.

* Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, с. 181.

В 1180-е годы Ярослав Галицкий поддерживал Рюрика Ростиславича и союзных с ним Всеволода и Ингвара, упомянутых в «Слове». В 1180 году он послал свои полки ему в помощь в Киев, а в 1184 году полки Ярослава Галицкого участвовали, как говорилось, в походе на Кобяка.

После смерти Ярослава его любимый сын (от незаконной жены) Олег бежал от бунта галичан именно к Рюрику, в его домениальный Овруч. Здесь летописец Рюрика мог почерпнуть из уст Ярославича много подробных сведений об отце.

Ярослав скончался 1 октября 1187 года. Большой интерес представляют некрологические записи. Поражает подробность и многогранность посмертной характеристики, автор которой осведомлен о военных, экономических и международных делах, знает об участии Ярослава в церковной деятельности (борьба со «зловрием» соседних богомилов?) и обрисовывает галицкого князя весьма образованным человеком, что в «Слове» кратко выражено одним эпитетом-прозвищем — «Осомысл».

Когда говорилось об усилении напряженности в 1180-е годы в районе Нижнего Дуная (в связи с усилением конфликтов на Востоке) на обходных межконтинентальных путях, ничего не было сказано о роли русских областей. «Слово о полку Игореве» и татищевские выписки объясняют нам многое и помогают правильно понять роль таких крупных исторических персонажей, как Ярослав Осмомысл, хозяин низовьев Дуная, и Святослав и Рюрик Киевские, воевавшие с теми половцами, которые в это время получили название «Подунайцев».

Роман Мстиславич и другие волынские князья. Галицкая летопись, начатая в первой трети XIII века, открывалась, как эпиграфом, пышным панегириком Роману Мстиславичу, в котором высшей похвалой было сопоставление с его прапрадедом Владимиром Мономахом. Роман, одолевший «все поганские народы», устремился на поганых (язычников-половцев)

«яко и лев, сердит же бысть яко и рысь и губяше яко и коркодил. И прехожаше землю их (половцев) яко и орел, храбор бо бе яко и тур.

Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомья половци, изгнавшю Отрока (сын Шарукана, отец Кончака) во Обезы за Железная врата (Кавказ)...».*

Романа вспоминали и в середине XIII века:

«Его же (Даниила) отец (Роман) бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю, и воева на иные страны все».
(Ипатьевская летопись, с. 185)

Роман Мстиславич начал свою деятельность как новгородский князь, отстоявший город от войск Андрея Боголюбского зимою 1169/70 года. Летописи мало говорят о волынском князе до самого конца XII века, но из «Слова о полку Игореве» мы узнаем о его победах над Литвой, Ятвягами, Деремелой и Хиновой. В последнем случае можно допустить, что Автор употребил это архаичное обозначение тюрок, а кто-то из переписчиков пояснил: «Половци». Посмертная характеристика Романа говорит о победах над Венгрией.

О Романи Мстиславиче созданы народные былины.

Вполне естественно, что имя Романа возглавило перечень менее значительных волынских удельных князей: Мстислава Немого, Ингваря, Всеволода и «всих трех Мстиславичей».

Отсутствие волынских летописей лишает нас возможности определить причину скрытого недовольства Ингваром, Всеволодом и тремя Мстислави-

* Ипатьевская летопись, с. 155. Ошибочно помещено под 1201 годом, но написано после смерти Романа (1205 год).

чами. С одной стороны, сказано, что они хорошего рода (внуки Изяслава Мстиславича), а с другой — их упрекают в том, что они как-то «расхитили» свои владения. Им задан риторический вопрос: «Где ваши шлемы и польские копья?» Всеволод участвовал в походе 1184 года, Ингвар — нет. Некоторое недовольство этими молодыми волынскими князьями вызвано тем, что они, возможно, не вошли в состав «помочей», прибывших по зову Святослава летом 1185 года. Но мы, к сожалению, не знаем полного списка участников войны с Кончаком под Переяславлем.

Что касается «Мстиславичей», то юноши-княжичи, еще не водившие самостоятельно полков, упомянуты, очевидно, из большого уважения к их отцу Мстиславу Храброму, младшему брату Рюрика Ростиславича. Это — Давыд, Владимир и Мстислав Мстиславичи, праправнуки Владимира Мономаха.

Отец княжичей умер в 1179 году. Некролог его, написанный, возможно, игуменом Моисеем, содержит много лестных для него черт и сопоставлений. Новгородцы оплакивали его так:

*«...Яко же и дед твой Мъстислав (сын Мономаха) освободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь (военные походы) деда своего...
...Сий же благоверний князь Мъстислав, сын Ростиславль...
бе бо крепок на рати, всегда бо тосняшеться (стремился) умрети за Рускую землю и за хрестьяны...
И плакашесь по нем вся земля Руская, не може забыти доблести его и Чернии Клобуци вси не могут забыти приголубления его». (Ипатьевская летопись, с. 121)*

Смолняне выгнали своего князя, чтобы пригласить Мстислава в Смоленск.

Живя на юге, Мстислав Храбрый владел Белгородом под Киевом и принимал активное участие в обороне Руси от половцев; летописец хвалил его и за то, что он предпринимал «великая дела... размышливая с мужи своими». Сумма достоинств князя Мстислава была такова, что Автор не мог не упомянуть княжичей-сирот, племянников великого князя Рюрика.

Общий перечень волынских князей в «Слове» объединен, во-первых, тем, что все они принадлежат к «Мстиславову племени», к потомству старшего сына Владимира Мономаха, а во-вторых, все они были прямо связаны с великим князем Рюриком: Роман был женат на дочери Рюрика, Мстислав, Всеволод и Ингвар — двоюродные племянники Рюрика, а трое Мстиславичей — родные племянники.

Это частично объясняет нам скромность упоминаний в «Слове о полку Игореве» о самом Рюрике, крупнейшей фигуре тех лет. Рюрик в поэме как бы несколько заслонен Святославом, но слушатели «Слова» прекрасно знали, что Автор не назвал в своих призывах ни одного «Ольговича» из родичей Святослава, и перечислил девять родичей Рюрика, которых он призывал «загородить Полю ворота».

Полоцкие князья. Автор не призывает «Всеславлих внуков» принять участие в обороне от Кончака и скорее оправдывает их обособление от общерусских дел тем, что им приходится обороняться от своих местных врагов — литовцев. Прямо противопоставлены две реки: Сула (текущая в направлении Переяславля), на которой в 1185 году стояли половецкие полки Кончака, и Западная Двина, нижнее болотистое (от впадения Дубны) течение которой было исходной позицией набегов литовско-латышских племен.

Упомянутые здесь князья Васильковичи — родные братья Марии Васильковны, великой княгини, жены Святослава. Литовская опасность симво-

лизирована здесь смертью на поле боя юного князя Изяслава (неизвестного летописям), «изронившего жемчужну душу... чрез злато ожерелье».

Суммируя все призывы, прозвучавшие на предполагаемом княжеском «снеме» по случаю приезда Игоря в Киев к Святославу и Рюрику, мы можем подвести некоторые итоги.

Порядок обращения к князьям строго подчинен принципу генеалогического старшинства. Личного обращения Святослава здесь, безусловно, нет, так как **цесарь** Руси не мог называть «господином» ни Ярослава Галицкого, ни Рюрика с провинившимся Давыдом. Однако призывы адресованы почти исключительно представителям «Мстиславова племени», где старшим в то время был Рюрик, соправитель Святослава. К «злодеям Мстиславичей» туровским князьям «Слова о полку Игоре» не обращалось, как не обращалось к потомкам «мачешича» (боковой ветви Мстиславичей), тоже враждебного основному Мстиславичам. Эту выборность следует учитывать.

Обращения к князьям идут, вероятнее всего, как безличные, обобщенные; Автор передает (но не от своего имени?), что нужно сделать русским полководцам, и для каждого находит яркие, образные и полные уважения характеристики. Все призывы вполне оправданы исторической обстановкой 1184—1185 годов. Войска шести княжеств (из числа тех, к кому обращены призывы) участвовали в прошлогоднем походе на Кобяка.

1. Всеволод Большое Гнездо. Оратор намекает на то, что между Всеволодом и Святославом уже существует договоренность о военной помощи.

2. Рюрик и Давыд Ростиславичи. Не сомневаясь в лояльности великого князя Рюрика, оратор, уже знающий об измене Давыда в 1185 году, жестко напоминает о прошлом преступлении Давыда, подлежавшего княжескому суду в 1176 году.

3. Ярослав Осмомысл Галицкий. Помощь этого могущественного князя нужна была не для защиты русских городов и сел, а для охраны межконтинентальных магистралей, в которых были заинтересованы все русские княжества. Интерес к Дунайскому торговому узлу отражал усложнившуюся международную обстановку, вызвавшую третий крестовый поход.

4. Роман Мстиславич и волынские удельные князья. Эта группа князей названа в летописи «окольными князьями». Все они связаны с Рюриком Ростиславичем и почти все участвовали в походе 1184 года.

Как видим, нет никаких оснований для утверждения, что «призыв «Слова» к князьям не имел и не мог иметь никаких политических последствий».

ЗАКЛИНАНИЯ ЯРОСЛАВНЫ

- 398 *На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
399 зегзицею незнаема рано кычетъ.*
400 *«Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви,
401 омочю бибрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
402 утру князю кровавыя его раны на жестоуѣмъ его тѣлѣ».*
403 *Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:*
404 *«О вѣтре вѣтрило!
405 Чему, господине, насильно вѣеши?
406 Чему мычещи хиновъскыя стрѣлки на своею нетрудною
крилюю на моя лады вои?»*
407 *Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи
корабли на синѣ морѣ?*
408 *Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?»*
409 *Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ,
аркучи:*
410 *«О, Днепре Словутицю!
411 Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую,
412 ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады до плѣку
Кобякова.*
413 *Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала
къ нему слезъ на море рано».*
414 *Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:*
415 *«Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце!
416 Всѣмъ тепло и красно еси!
417 Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои?
418 Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже,
419 тугою имъ тули затче».*

Изображение Природы, предостерегающей Игоря от безрассудного похода, и языческие заклинания той же Природы его женой, княгиней Ефросиньей Ярославной,— самые эмоциональные, сильно воздействующие места во всей речипоэме. Ни торжественная приподнятость исторических напоминаний о «трудных повестях», ни краткий и довольно стандартный пересказ хода битвы, ни призывы к боевому единству не могли так подействовать на каждого участника снema (съезда), на каждого слушателя, как эти два комплекса высокохудожественных образов. Первый комплекс создавал нараставшее напряжение, а в конечном счете — осуждение князя, ослепленного мелкой, недостойной («нечестной», как сказал Святослав) целью. Второй комплекс должен был сгладить тягостное впечатление, содействовать примирению с отважным Игорем, сумевшим бежать из плена, уйти от стремительной погони. Автором владели большие политические цели, но ради их достижения он прибегал и к таким художественным приемам, которые адресовались к простым человеческим чувствам.

Перед слушателями возникали две фигуры, разделенные почти пятью сотнями километров ковыльных степей, оврагов и перелесков: на берегу Тора, в центре владений Кончака — плененный князь Игорь; он один как бы символизирует весь русский полон, захваченный половцами на Каяле. Автор ни слова не говорит о вольготной жизни Игоря в плену. Это здесь не входит в его расчеты.

Второй символической фигурой, олицетворяющей русских жен, овдо-

вевших или пленом разлученных с мужьями, является княгиня Ярославна. Ее столица — Новгород-Северский, но Автор сознательно переместил ее на самый край княжества, в Путивль, заставил ее взойти на кремлевскую башню к «забралам», откуда открывался вид на степной берег примерно на день конного пути...

Напряжение слушателей возрастает уже от одной этой расстановки действующих лиц: ведь все знают, что после Каялы хан Гзак обрушился на ставшее беззащитным Северское княжество, чтобы полонить жен и детей, что Путивль был осажден и вокруг тех самых стен путивльского детинца, где недавно стояла мужественная княгиня, пылал городской посад:

«А друзии половце идоша по оной стороне (другой, левой стороне Днепра) к Путивлю — Кза у силах тяжьких — и повоевавши волости их и села их пожгоша. Пожгоша же и острог (внешнее кольцо укреплений) у Путивля». (Ипатьевская летопись, с. 133)

Показаны две точки: в одной из них жена рвется на помощь раненому мужу, в другой — муж рассчитывает путь из плена и «мыслию поля мерит от Великого Дону до Малого Донца».

Однако Автор неожиданно начинает свою песнь о княгине Ефросинье с третьей географической точки — с Дуная — и представляет ее своим слушателям (прежде всего) как дочь Ярослава Галицкого, хозяина дунайских ворот («Ярославна»). Голос ее, как печальный крик дунайской чайки, слышен даже на Дунае. Удивительно точный образ: чайки, приморские птицы, живут в болотистых гирлах Дуная, именно там, где ее знаменитый отец «запирал ворота Дунаю». А то, что голос Ярославны слышен на Дунае, — очевидно, поэтическое оформление посылки вести к отцу. Княгиня сравнивает себя с дунайской чайкой: «Полечу (словно чайка на Дунае) к Каяле-реке, омочу в ней шелковый рукав, оботру князю кровавые раны его...»

Такое внимание к Дунаю — еще одно доказательство широты мышления Автора, рассматривающего всю совокупность событий на разных рубежах Руси. Только что он обращался к князьям разных земель, только что он говорил о печали полочан, потерявших князя-защитника («уныли голоса, пониче веселие, трубы трубят городенский»), и снова с высоты своего соколиного полета он видит и половецкий «Дон», и северский Путивль, и далекие устья Дуная...

Трижды сказано Автором, что Ярославна плачет в Путивле на забралах (заборолах), но все же ее обращения к силам природы больше похожи на просьбы-заклипания, чем на оплакивание.

Первое заклинание обращено к Ветру-Ветриле. Это упреки в том, что он помогает «хиновским» (половецким) стрелам лететь в Игоревах русичей, что он развеял радость княгини по ковыльной степи. Интересно, что из полезной работы ветра указано движение облаков по небу и кораблей по морю.

Последнее заклинание обращено к Тресветлому Солнцу, которое «в поле безводне жаждею имь (воинам Игоря) луки съпряже, тугую им тулы затче». Летопись подтверждает, что русские во время двухдневной битвы 11 и 12 мая страдали от жажды, что их не подпускали к воде. Слова Ярославны содержат некоторый намек на характер поля битвы — «поле безводное», то есть пространство между реками, водораздел. Это должно быть учтено при поиске Каялы и Скурляя.

Особенно интересно второе обращение к Днепру Словутичу. Здесь упомянуты косвенно днепровские Пороги («Ты пробиль еси каменные горы сквозь землю Половецкую»), сказано о походе на Кобыяка, когда часть войск шла по

Днепру в ладьях-«насадах», но самым драгоценным для нас является просьба к Словутичу вернуть княгине мужа:

«Възлелѣй, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала к нему слезъ на море рано!»

Летопись не дает нам точного местоположения Каялы. В «Слове» есть разночтения: с одной стороны, «Игорь к Дону вои ведет», битва должна произойти «на реце на Каяле у Дону Великаго», а с другой стороны, «Половцы идут от Дона и от моря», «Итти дождю стрелами с Дону Великаго».

Целый ряд исследователей ищет Каялу в бассейне Дона, опираясь на приведенные примеры. Замечу, что эти примеры не дают еще права решать вопрос так однозначно: Игорь в первых числах мая действительно вел войска к Северскому Донцу, называвшемуся в XII веке «Великим Доном». Игорь форсировал этот Дон, мог пить шеломом его воду. Каяла отстоит от этого Дона на 10 часов езды, и поэтому в любом случае можно сказать, что она «у Дона». Но ночевало «Олегово хороброе гнездо» в ночь с 10 на 11 мая уже за «шеломянем», то есть за водоразделом Дона и Днепра, уже в бассейне Днепра.

Ярославна выводит нас из затруднения своим обращением не к Дону, а к Днепру Словутичу — «возлелей мою ладу ко мне!». Сказать так Ярославна, находившаяся на берегу Сейма (притока Десны, впадающей в Днепр), могла только в том случае, если система притоков Словутича прямо связывала Путивль с Каялой. Автор «Слова», хорошо знавший ко времени исполнения речи все детали похода (может быть, от самого Игоря или от его свиты), устами Ярославны удостоверяет, что Олегово хороброе гнездо и ночевало уже за шеломянем, и билось с половцами тоже в бассейне Днепра Словутича, невдалеке от «Дона», со стороны которого шел дождь половецких стрел и двигались половецкие полки.

Но наш Автор-дипломат вложил в уста взывающей к природе княгини далеко не все то, что стало известно впоследствии, когда появилась возможность опросить очевидцев. Календарный срез, который он выбрал для изображения плачущей на заборалах Ярославны, определяется тем, что именно знает она о судьбе мужа:

1. Битва происходила в притоках Днепра. Во время битвы воины страдали от безводья.

2. Игорь ранен. (Он был ранен в субботу 11 мая.)

3. Ярославна не знает о пленении Игоря (пленен в полдень 12 мая).

4. Ярославна хочет быть на Каяле, чтобы помочь раненому мужу.

5. Княгиня допускает, что если Днепр не поможет, то ей придется «слать к нему (Игорю) слезы на море...».

Все это безупречно укладывается в ситуацию раннего утра воскресенья 12 мая:

«Быть же светяюще недеде (воскресенье), възмятошася ковуеве в полку, побегоша. Игорь же бяшетъ в то время на коне, зане ранен бяше, поиде к полку их, хотя возворотити...» (Ипатьевская летопись, с. 131)

К бежавшим ковуям присоединились и русские, «мало от простых или кто от отрок боярьских».

«Но наших руси с 15 мужъ утекиши, а ковуем мнее, а прочии в море истопоша». (Ипатьевская летопись, с. 132)

Море с готскими девами на берегу — Азовское море, до которого на сменных конях можно было доскакать за сутки-полтора. Последнее, что видели ушедшие в прорыв, — это князь Игорь, который «соймя шолом, погна опять

к полком, того дея, что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не возворотися никто же».

Весьма вероятно, что в числе этих вырвавшихся из окружения людей был ковуи Беловолод Просович, принесший весть о поражении в Чернигов. Кто-то из числа 15 ускользнувших от половцев «отроков боярских» мог поскакать не к морю, как, очевидно, было задумано заранее, а на Русь. От подобного вестника и могло быть получено такое сообщение: князь Игорь ранен, но он скакал, догоняя тех, кто прорывался к морю. Это все соответствовало действительности, но предполагаемый вестник, скакавший от погони, не знал, что в эти минуты князь был взят в плен и пересел в «седло кощеево». Поэтому и рассказ вестника был неполон; «море» в его рассказе — это не состоявшаяся реальность, а предполагаемая возможность, отразившаяся в плаче Ярославны. Сведения вестника, доскакавшего до Путивля, ограничивались только тем, что происходило (и было намечено) до полудня воскресенья 12 мая, когда «падоша стязи Игоревы».

Автор очень тонко использовал мотив такой неполной первичной информации, позволявший ему воссоздать во всей напряженности образ любящей и смелой княгини, стремящейся к израненному мужу.

Разве он достиг бы такого же впечатления, если бы описал княгиню, получившую известие о том, что муж ее не только жив, но и ездит со свитой на охоту, и просит для полноты удобств прислать ему священника со всем причтом.

Обо всем этом Автор-дипломат предпочел умолчать и обыграл весть о не завершеном еще сражении.

Автор уже достаточно обвинил и устыдил Игоря, умело пряча свои прокурорские выводы в великолепной вязи словесных узоров. Нужно было выполнять и вторую половину своей программы: соединить всех князей с Игорем, добиться их снисхождения, простить его сумасбродство и дружбу с Кончаком, оторвать Игоря от Кончака.

Для этого нужно было сказать нечто хорошее о самом Игоре. Первое слово Автор предоставил его княгине, показанной на фоне обреченного Путивля.

ПОБЕГ

420 *Прысну море полуноци,*
 421 *идутъ сморци мъглами.*
 422 *Игореву князю богъ путь кажетъ*
 423 *изъ земли Половецкой на землю Рускую,*
 424 *къ огню злату столу.*
 425 *Погасоша вечеру зори.*
 426 *Игорь спитъ, Игорь бдитъ,*
 427 *Игорь мыслию поля мѣритъ*
 428 *отъ Великаго Дону до Малаго Донца.*

429 *Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою*
 430 *велитъ князю разумѣти:*
 431 *Князю Игорю не бытъ! Кликну,*
 432 *стукну земля, въшумѣ трава,*
 433 *вежи ся половецкии подвизашася.*
 434 *А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию,*
 435 *и бѣлымъ гоголемъ на воду,*
 436 *възвръжеся на брѣзъ комонь,*
 437 *и скочи съ него бусымъ влѣкомъ,*
 438 *и потече къ лугу Донца,*
 439 *и полетѣ соколомъ подъ мъглами,*

440 избивая гуси и лебеди
441 заетроку, и обѣду, и ужинѣ.
442 Коли Игорь соколомъ полетѣ,
443 тогда Влурѣ влѣкомъ потече,
444 труся собою студеную росу:
445 претръгоста бо своя бръзая кононя.

Эта строфа особых пояснений не требует. Летопись содержит много подробностей о комфортабельной жизни князя Игоря в плену у Кончака, о том почете, которым он был окружен, и очень мало о жизни других пленников, о попытках выкупа пленных.

Побег князя описан очень подробно. Побег должен был состояться до возвращения Кончака из похода на Переяславль: Игорь «уполошася (испугавшись) приезда их (половцев) и возыска бежати». По «Слову» Игорь действительно бежал тогда, когда

*«Стукну земля, вѣшумѣ трава —
вежи ся половецкии подвизашася».*

Летописец-церковник подробно описывает молитву Игоря и дает неоконченную фразу обещания богу: «Аще спасеши мя, Владыко...» Далее должна была следовать благодарность за спасение.

(Д. С. Лихачев почему-то решил, что просьба и обещание будущей благодарности адресовались к богородице. На этом построена целая статья «Пирогощая в Слове о полку Игореве», где говорится о поисках Игорем подходящей богородичной церкви, где князь мог бы поблагодарить Марию.

Но в летописи нет ни слова о богородице, а четко сказано «Владыко», то есть Иисус Христос).

Игорь и Овлур сначала спокойно проехали верхом через кочевье («поидоста сквозе вежа»), а затем поскакали, загнав коней, и 11 дней добирались пешком до пограничного русского города Донца (близ современного Харькова).

В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

446 Донеуѣ рече: «Княже Игорю!
447 Не мало ти величия,
448 а Кончаку нелюбия,
449 а Руской земли веселиа!»
450 Игорь рече: «О Донче!
451 Не мало ти величия,
452 лелѣявшу князя на влѣнахъ,
453 стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ
брезѣхъ,
454 одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу.
455 Стрежаше его гоголемъ на водѣ,
456 чайцами на струяхъ,
457 чрънядьми на ветрѣхъ».
458 Не тако ти, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя,
459 пожрѣши чужи ручьи и стругы,
460 рострена к устью,
461 уношу князя Ростислава затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.
462 Плачется мати Ростиславля
463 по уноши князи Ростиславѣ.
464 Уныша цвѣты жалобою,
465 и древо с тугою къ земли прѣклонилося.

Очень скромно и странно показано прибытие освободившегося князя в родную землю. Нет ни радостных толп народа, ни колокольного звона, ни приветствий. И показана не столица, не Северская земля, а всего лишь пограничная речка Донец, с которой и беседует князь.

Среди исследователей «Слова» очень много сторонников того, что Автор «Слова о полку Игореве» — слуга или выразитель интересов Ольговичей вообще или самого Игоря (не говорю уже о тех, кто полагает, будто бы «Слово» написал сам Игорь). Этим исследователям нет лучшего ответа, чем отсутствие в поэме богатырских подвигов Игоря и полное молчание по поводу его возвращения в родную землю. Зловещее молчание.

Мы знаем по летописи, что Игорь прибыл в город Донец. Это известное Донецкое городище, город средней величины... Но Автор выбрал другой момент для показа возвращения — пустынный берег реки с «теплой мглой» утренних туманов, птицами, но без людей. Удачный итог побега отмечен только «диалогом» князя и реки, то есть, по существу, мыслями одного Игоря в интерпретации Автора. Река приветствует, сообщает о том, что в Русской земле должно наступить «веселие»...

Князь сдержанно благодарит Донец («не мало ти величия, лелеявшу князя на волнах...») и противопоставляет его реке Стугне, которая утопила юного князя Ростислава, брата Владимира Мономаха. Но это уже мысли не князя Игоря, а самого Автора. Ростислав погиб в апреле 1093 года, обороняясь вместе со старшим братом Владимиром от половцев под Треполем, утонул в весенних водах Стугны. Игорь погубил свои полки, бросил на произвол судьбы брата и племянника и тысячи русских пленников, но хороший Донец благополучно лелеял князя.

Упоминание Стугны вдвойне не случайно — ведь именно здесь в Треполе, у устья Стугны, стоял в мае 1185 года Давыд Смоленский, изменивший своим союзникам и тем самым позволивший Кончаку уйти «ополонишася полонна». Об этом не сказано ни слова, но для всех участников противостояния Кончаку этим летом слово «Стугна» напоминало соседний «Треполь», а слово «Треполь» неизбежно вызвало ассоциацию и с трагедией 1093 года, и с преступлением 1185 года. Автор умел пользоваться намеками.

В татищевских выписках из не дошедших до нас летописей подробно говорится о встрече Игоря в родной земле, о радости народа, о Ярославне, поехавшей навстречу верхом на коне.

«Игорь, целовав всех вельмож своих, немедля поехал во град. Люди же с женами и детьми все вышли в стретение его и так многолюдно, что в граде разве кто крайней немощи ради остался. И была в Новеграде и по всей Северской земли радость неописанная».
(Т а т и щ е в, т. III, с. 139.)

Вот так должен был бы говорить сторонник или слуга Ольговичей. Наш же Автор ограничился молчаливым раздумьем Игоря на пустынном берегу пограничной реки.

ПОГОНЯ

- 466 А не сорокы втроскоташа —
467 на слѣду Игоревѣ ѳздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
468 Тогда врани не граахуть,
469 галици помлꙗкоша,
470 сорокы не троскоташа,
471 полозие ползоша только.

472 Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
473 соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.

474 Млѣвитъ Гзакъ Кончакови:
475 «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,—
476 соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами».
477 Рече Кончакъ ко Гзѣ:
478 «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
479 а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею».
480 И рече Гзакъ къ Кончакови:
481 «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
482 ни нама будетъ сокольца,
483 ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ!»

В дерзком побеге Игоря из плена есть некоторые неясности и противоречия. Во-первых, ему там очень хорошо жилось. Кончак, не переменявший своего желанія породниться с русским князем, владения которого почти соприкасались с кочевьями Кончака, предоставил ему комфорт и почти полную свободу. У него была почетная стража из ханских сыновей, «но волю ему даяхуть — где хочеть, ту ездяшеть и ястребом ловяшеть. А своих слуг (русских?) с 5 и с 6 с ним ездяшеть. Сторожеве же те слушахуть его и чьстяхут его и где послашеть кого — без пря (без возражений) творяхуть повеленое им». (Ипатьевская летопись, с. 133)

Женитьба Владимира Игоревича на Кончаковне состоялась. Во время жизни Владимира у тестя (Кончака) у молодых успел уже родиться ребенок.

В киевской летописи сведено (не очень умело) несколько разноречивых источников. Один из этих источников представил план побега Игоря, обсуждавшийся русскими думцами Игоря как неблагородный и неугодный богу:

«И рекоша Игореву думци его: «Мысль високу (горделивую) и неугодну господеву имеешь в собе — ты ищещи няти (взять с собой) мужа и бежати с ним. А о сем чему не разгадаешь: оже приедуть половци с войны, а се слышахом, оже избити им князей, вас и всю русь?»

Да не будетъ славы тебе, ни живота». (Ипатьевская летопись, с. 133)

Очевидно, автор первичного источника полагал, что присутствие Игоря спасет от мести, так как тогда и мстить было бы не за что.

Владимирская летопись сообщает, что после побега Игоря оставшиеся в плену

«...вси держими бяху твердо и стрегоми (их сторожили) и потвержаеми многими железы (кандалами) и казньми (наказаниями)». (Лаврентьевская летопись, с. 379)

Зная обо всем этом, Игорь все же уехал из кочевья до возвращения Кончака и бежал из владений ханов.

В татищевских материалах есть сведения о том, что Игорь не мог уплатить требуемый с него огромный выкуп в 2000 гривен и, испугавшись возвращения Кончака, бежал.

«Слово о полку Игореве» иначе рисует обстановку: Гзак предлагал расстрелять Владимира Игоревича («соколича»), а Кончак отвечает соратнику, что им обоим лучше содействовать браку русского княжича с ханской дочерью: «опутаеве красною девицею». Гзак отвечает предостережением: в случае брака

«начнут нас с тобой птицы бить в Поле Половецком». Это очень многозначительный вывод Автора, который не мог, разумеется, слышать, о чем беседуют два всадника, преследующие Игоря.

Автор этими словами хотел внушить своим слушателям мысль, что не следует слишком опасаться брака, задуманного Кончаком. Очевидно, Автор твердо надеялся на то, что Игоря удастся оторвать от союза с Кончаком, несмотря на женитьбу сына на Кончаковне, что будут русские птицы бить ханов в Поле Половецком.

В композиционном отношении описание погони должно было бы быть помещено сразу после рассказа о побеге, до беседы Игоря с Донцом, происшедшей 11 дней спустя после удачного ухода. Но Автор не без умысла отнес придуманный им разговор двух ханов на самый конец повествования, в соседство с обобщающей концовкой — Автору хотелось провести мысль о том, что женитьба Владимира может принести даже пользу общему делу противостояния Полю Половецкому, и высказана эта мысль от имени половецкого хана.

КОНЦОВКА

485 *Рекъ Боянъ и Ходына Святъслава,*
 486 *пѣснотворца стараго времени —*
 487 *Ярославля: «Ольгова коганя хоти!*
 488 *Тяжко ти, головы кромѣ плечю,*
 489 *зло ти тѣлу кромѣ головы»,*
 490 *Руской земли безъ Игоря!*

491 *Солнце свѣтитя на небесѣ —*
 492 *Игорь князь въ Руской земли.*
 493 *Дѣвици поютъ на Дунаи —*
 494 *вьютя голоси чрезъ море до Киева.*
 495 *Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирого-*
щей.

496 *Страны ради, гради весели.*
 497 *Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.*

498 *Слава Игорю Святъславличю,*
 499 *Буй Туру Всеволоду,*
 500 *Владимиру Игоревичу!*
 501 *Здрави князи и дружина,*
 502 *побарая за христъяны на поганья плъки!*
 503 *Княземъ слава а дружинѣ!*

504 *Аминь.*

Концовка «Слова о полку Игореве» — лаконичнейший концентрат всей речи Автора и одновременно как бы итог княжеского съезда, результат переговоров коалиции князей (или их представителей) с Игорем, приехавшим в Киев за помощью.

Как в запеве, начинавшемся с песен прославленного Бояна, так и здесь итог открывается именем этого «песнотворца старого времени». Испорченное место в концовке следует читать так, как предложил еще в 1894 году И. Е. Забелин: «Рекъ Боянъ и Ходына...» Тогда получается, что Автор вспоминает двух песнотворцев — Бояна и Ходыну, — живших при Ярославе Мудром, Святославе Ярославиче (умер в 1076 году) и являвшихся любимцами («хотями») Олега

Святославича (умер в 1115 году), деда Игоря. Обращением к этим бардам княжеской ветви родоначальников Ольговичей Автор хочет подчеркнуть свою активность, он признает, что даже эти придворные (и пристрастные, как он уже показал на примере Бояна) певцы могут высказать мудрое суждение:

*«Тяжело голове, лишенной плеч,
Беда телу без головы,
Русской земли без Игоря!»*

Учитывая хронологию и династическую приверженность Олегу Гориславичу, мы должны отнести это изречение старых поэтов (или одного Бояна — «рек Боян») к какому-то серьезному событию из жизни Олега, которое могло бы быть сопоставлено с судьбой Игоря. Таким событием, уравнивавшим судьбы деда и внука, был плен.

Олега Святославича брали в плен, как и Игоря. На следующий год после того, как Олег впервые привел половцев на Русь, в 1079 году, «Ольга имъше козаре (хазары) поточиша за море Цесарюграду». Упомянувшийся выше игумен Даниил, автор «Хождения в Палестину» (и, по всей вероятности, Повести о Шаруканском походе Мономаха в 1111 году), сообщает, что, отданный византийцам, Олег жил на острове Родос «два лета и две зимы». Вернулся он только в 1083 году, пробив в плену четыре года. Киевская Русь, лишившись тмутараканского князя, оказалась как бы головой без одного плеча.

Когда Автор добавил к старой поговорке современную ситуацию и сказал, что «тяжко Русской земле без Игоря», он, естественно, исходил из того, что голова — Киев, а Северское княжество Игоря — плечо, фланг Руси. Северская земля, пять лет находившаяся в союзе с Кончаком, должна была воссоединиться с телом всей Руси, Русской земле за годы 1180—1185-й было тяжело без княжества Игоря.

Светящее с небес солнце не отождествлено с Игорем, а лишь сопоставлено с тем, что Игорь теперь в Русской земле. Кончилась туга и тоска, Игорь как человек и Игорь как князь теперь в составе Руси. Иначе понять эти фразы, непосредственно следующие за рассуждением о необходимой целостности всего тела, и его плечей, и его головы, нельзя.

Общерусский характер оценки воссоединения всех частей Руси ясен из того, что тотчас же за упоминанием «левого плеча» Руси — юго-восточного Северского княжества — идет неожиданно упоминание Дуная, владений галицкого князя. Очевидно, Галич и Дунай расценивались в стратегических расчетах «голова Руси» — Киева как «правое плечо» противостояния половцам. Это подтверждается самой формой этой фразы: «Девици поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева». Да ведь здесь кратко описан знаменитый «гречник», путь от Дуная, где кончалась Византийская земля, через море и далее Днепром до Киева. О важном общеевропейском значении Нижнего Дуная уже говорилось. Здесь, быть может, тоже состоялось, на этом княжеском съезде, какое-то соглашение, пролонгировавшее союз Киева с Галичем 1184 года?

Игорь уезжает из Киева. По татищевским выпискам мы знаем, что Святослав и Рюрик «обещали все как возможно ему помочь учинить и сами намерялись идти со всеми их войски».

Отъезд Игоря обозначен двумя ориентирами: во-первых, это «Боричев взвоз», спуск со старой дворцовой Горы (современный Андреевский спуск), а во-вторых, церковь богородицы Пирогощей внизу, на Подоле, на пути к днепровским пристаням. И вот здесь, провожая Игоря, получившего обещания помощи (и, очевидно, давшего обещание не отделять плечо от всего тела Руси), Автор и дает итог всем переговорам:

«Страны ради, гради весели!»

После этого завершающего восклицания Автор переходит к заздравным словам, предварив их драгоценным примечанием:

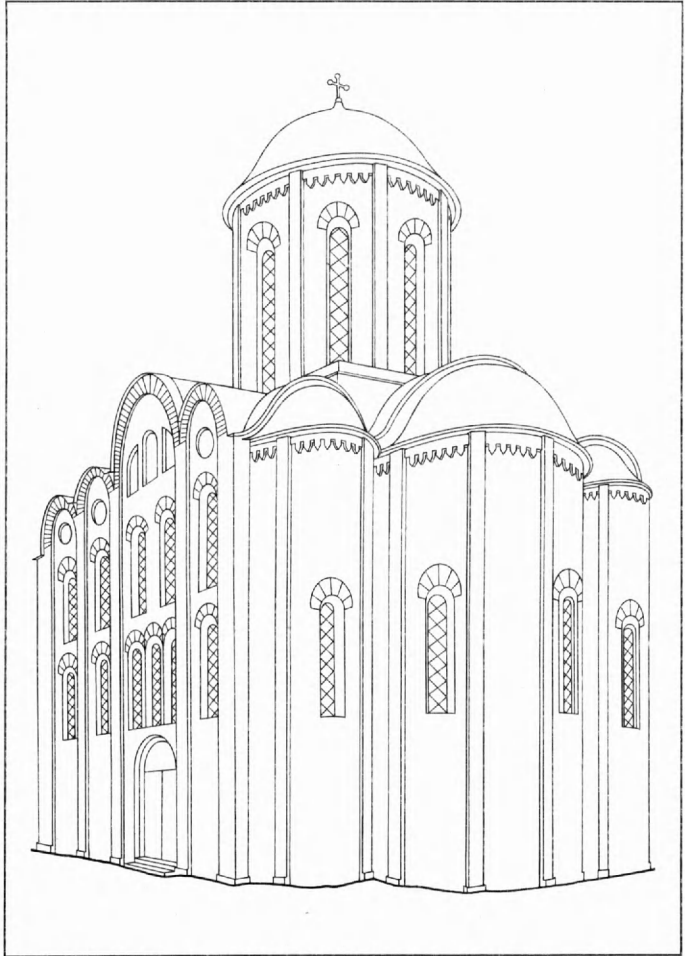
*«Пѣвшѣ песнь старымъ князем,
а потомъ молодымъ пѣти».*

Значит, в первоначальном тексте порядок был принят хронологический: сначала речь шла о Всеславе Полоцком, Олеге Святославиче, Владимире Мономахе и других князьях поколения дедов и прадедов, современников Бояна. «Потом» описывались дела Святослава Всеволодича, Игоря, Всеволода Буй-Тура, Рюрика Ростиславича, Ярослава Осмомысла и других князей конца XII века.

В этой книге впервые реконструкция порядка отдельных частей «Слова о полку Игореве» дается мною с учетом прямых указаний Автора «Слова».

В первую очередь говорится о старых князьях XI века. Это исторические корни позднейших явлений. Из старых князей отобран для начала положительный герой первых времен — Владимир Мономах. «Почнем же, братие повѣсть сию от Старога Владимирера...»

Во вторую очередь показаны современники Автора, следующие плохим и хорошим примерам отрицательных и положительных героев прошлого столетия. Я дважды публиковал свою реконструкцию порядка частей «Слова о полку Игореве» («Слово и его современники», 1971), используя перевод В. И. Стеллецкого, и в статье «Перепутанные страницы» в сборнике «Слово о полку Игореве и его время», 1985. Все основные положения и система доказательств остаются в силе, за исключением непонятого ослепления всех исследо-

Пирогощая церковь, построенная князем Мстиславом Изяславичем.

вателей (в том числе и меня) в отношении первенствующего места исторического раздела, дважды указанного Автором XII века.

Речь Автора завершается «славой» троем участникам трагического похода на Каялу — Игорю и Всеволоду Северским и княжичу Владимиру. Святослав Ольгович Рыльский славы не удостоился. Думаю, что не нужно особенно ломать голову над разгадкой причин исключения этого князя из числа чествуемых и прославляемых.

Вспомним знаменитый «романов ряд» 1170-х годов, по которому «оже ся князь извинить — то в волость, а мужь — у голову». А Святослав виноват: ведь это из-за его погони дотемна за красными девками половецкими, златом и оксамитом попало в руки половец все войско Северской земли, множество бояр и четверо князей.

После 1185 года имя Святослава Рыльского навсегда исчезает со страниц летописей. Особенно показателен поход всех Ольговичей 1191 года, в котором участвовало семеро князей этого княжеского рода — Святослава среди них не было. Очевидно, виновника трагедии на Каяле судили по «романову ряду», и он стал изгоем без княжеской волости.

Как бы в подтверждение этого Автор, огласив славу троем, добавил, что славы заслуживают только настоящие патриоты:

*«Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны на поганья плъки!
Княземъ слава а (и) дружинѣ!»*

ИТОГИ

Пристальное, порою построчное рассмотрение «Слова о полку Игореве» в соотнесении с исторической ситуацией позволяет подойти к решению ряда важных вопросов.

А. Жанр «Слова». За «Словом о полку Игореве» закрепилось наименование «поэма», хотя многие исследователи говорят о смешанном жанре. Поэму называют эпической и даже лирической. Последнее не слишком удачно, так как повелительное наклонение «стреляй!» плохо вяжется с лирикой. Удачнее определение «Слова» как памятника политического красноречия (И. П. Еремин).

Б. Речь на княжеском съезде («Слово» в прямом смысле). Игорь был в Киеве, обращался с просьбой о помощи к великим князьям Святославу и Рюрику, которые по установленному порядку должны были «сгадать (сдумать) с братьею и с мужи своими», ради чего должен был быть созван «снем» — съезд князей с их боярством.

О том, что дела Северского княжества могли обсуждаться не только великими князьями, с которыми Игорь вел переговоры и в Киеве, и в Белгороде (у Рюрика), но и в более широком составе, свидетельствует татищевская выписка:

«По прибытии своем Игорь немедленно послал ко всем князем, а паче к Ярославу и Святославу объявить о себе и благодарить за учиненное охранение земель его (сыновья Святослава изгнали половец), потом... положил намерение, выпрося у других помощь, паки на них (на половец) итти».

В данном случае очень важна татищевская выписка: Святослав и Рюрик «объщали всѣ, какъ возможно, ему помочь учинить...»*

Эта форма означает, что, кроме двоих поименованных князей, были и

* Т а т и щ е в В. Н. Издание 1774 года. с. 271—272. Ссылаюсь на первое издание, так как важно правописание местоимения «всѣ».

другие, «всѣ». Только такое допущение объясняет нам необычайное изобилие намеков, напоминаний, полувывысказанных сопоставлений, из которых соткано наше «слово». Их оказалось более сотни! (Возможно, что на съезд не явился Ярослав Черниговский, с которым Святослав прямо сказал: «Не вижду...» Игорь уже договорился с Ярославом по пути в Киев, а у Ярослава являться к великим князьям (а тем более если был съезд) не было никакого желания, так как на нем лежало много серьезных провинностей: он отговаривал Святослава и Рюрика от похода на Кончака, он заключил сепаратный мир с Кончаком, он тайком от брата дал своих ковуев в войско Игоря. Естественно, что черниговскому князю не хотелось отвечать за подобные действия.)

Естественно, что это было живое слово, прямая речь, обращенная к современникам, которые знали прошлое по сохранившимся песням Бояна, по былинам и летописям, а что касается событий недавних, то слушатели «Слова» сами были участниками или свидетелями их. Речь не была экспромтом; она была, судя по ее отшлифованности, предварительно написана.

В. Задачи политической речи и программа Автора. В военно-политическом отношении русским княжествам в 1180-х годах грозили четыре опасности, требовавшие единства сил:

1. Перерастание усабиц в войны княжеских коалиций.
2. Нападения «всего языка половецкого» не только на села, но и на города. Особую опасность представлял усилившийся Кончак.
3. Захват международных торговых магистралей у днепровских порогов, у Дуная и в Приазовье (проблема «обиды»).
4. Стремление Ольговичей (Чернигов, Северская земля) к полному обособлению от общерусских дел и к прочному союзу с Кончаком в 1180—1185 годах.

Отсюда вытекали задачи общерусской политики, осуществлявшиеся дуумвиратом представителей Ростиславичей и Ольговичей.

Создателем системы дуумвирата и противником княжеских усабиц было боярство, нередко распоряжавшееся самими князьями. Киевское боярство с конца XI века примиряло князей ради обороны от половцев. Эта часть боярской программы была, безусловно, положительной, общенародной.

Автор «Слова» во всем следовал этой боярской программе, и, судя по тому, как он смело и уверенно хвалил или осуждал владетельных князей, сам Автор, очевидно, относился к верхнему слою «смысленных мужей», к верхушке киевского боярства, привыкшей по своей воле приглашать или изгонять (или устранять) даже великих князей киевских.

«Слово о полку Игореве» было не повествованием о далеком прошлом для современников и не записью настоящего для потомков, подобно летописи, а обсуждением (иногда и осуждением) недавнего, вчерашнего, прошлого ради ближайшего будущего со всеми его угрозами.

«Слово» было патриотично и в условиях конца 1185 года вполне актуально и, как увидим при рассмотрении событий 1187 года, действительно.

Автор умел сочетать важную политическую цель с тонкими психологическими методами воздействия и с непревзойденной поэтичностью, художественной силой образов.

Конкретные задачи, стоявшие перед киевскими князьями-соправителями и боярством, состояли в 1185 году в преодолении «княжьего неспособия» общему делу, в осуждении губительности нетерпеливого молодечества Игоря, но вместе с тем и в закреплении возникшего союза с ним.

Игорь, с первого года своего самостоятельного княжения в Северской земле (1180) ни разу не принявший участия ни в одном общерусском походе

Князь Игорь прибыл в Киев к Святославу Всеволодичу.

ми. хрѣтъ ꙗко бо многи ми на пастьми влпипи въцрѣтѣ
 мѣное. согрѣшихо ꙗко зли ми есмо ꙗко сотворихо пѣ
 конпрѣахо покаясь тымы до вртѣ гѣ машь. ни кто о мѣкъ
 рѣши. ꙗко не мави пѣмѣ бгѣ. не боупо кога ка кѣ мѣ
 бѣ бгѣ. ꙗко во злю вѣнѣ нѣ. и въ змѣ слвѣ. и стрѣти при
 ꙗтѣмѣ рѣ. даныи збави ѿ мѣ при ꙗ зли: о бжельте
 посылал великий кнѣзь. всеволод гергеви. на болгары.
 во еводы свои ггорочамы. и пѣзашасѣла многи и во зра
 ти шѣ сполого многи:

сѣльте выгмаша мѣ вгоруци. ꙗрослава володими
 рича. а дѣвѣ мѣтислава погѣша ко бѣтѣ смѣтисмо
 во гору. тако бо бѣтѣ бо нѣ вѣи. полѣтѣ во стѣ
 дѣмѣ во лѣ враждѣ. и кѣ о мѣ мѣ вѣдѣ и до вѣра. роучѣ
 кѣ оу. бо рѣ схѣташи мѣ спѣти. ꙗко въ прѣтѣ мѣ днѣ.
 кѣ нѣ мѣ. мѣ авѣла братѣ свое. а по тѣ о тѣ полка. на бо
 рнѣ кѣ тѣ бѣ властѣ рѣ. а вѣ ѿ мѣ мѣ властѣ при ꙗ
 а братѣ оу вѣтѣ. по ѿ стрѣ ромѣ мѣ. и гѣ рѣ и во лѣ днѣ
 мѣ рѣ. на всеволода. и тѣ о глава мѣ мѣ шѣ ю бѣ рѣ ю.
 нѣ вѣ крамола зѣла вѣ мѣ. бѣ рѣ бѣ рѣ нѣ каша оу вѣтѣтѣ.

против половцев, Игорь, закрепивший пятилетний союз с Кончаком женитьбой своего наследника на Кончаковне — этот своевольный Игорь теперь в Киеве в качестве просителя, то есть потенциального союзника. Отсюда и словесные реверансы Автора перед Игорем.

Святослав Всеволодич Черниговский был оторван от остальных Ольговичей еще в 1176 году и повторно в 1181 году, когда он по воле киевских «мужей» стал великим князем киевским. Теперь предстояло оторвать от Ольговичей и от Кончака еще одного Ольговича — Игоря, свата Кончака.

Вот в чем причина кажущейся двойственности «Слова».

Г. Исторический раздел «Слова». Еще раз приходится сказать, что этот раздел не является развернутым повествованием о делах дедов и прадедов, а дан Автором с определенной целью — показать корни, истоки «княжьего непособия» и первые в истории Руси примеры привода половецких войск на Русь русским князем. Делалось это Автором очень прямо и смело: дед Игоря Олег трижды приводил «поганных», и внук его Игорь продолжает эту беспринципную политику.

Автор поднял вопрос о наемных половецких войсках от уровня отдельных поступков до уровня длительного исторического явления, то есть на порядок выше. Профессиональные историки — летописцы — на высоту таких исторических обобщений не поднимались. Сам Автор придавал такому новому подходу очень важное значение, поместив главу об истоках в самое начало своей речи, дав в первых же строках как назидательный пример положительного государственного деятеля — Старого Владимира (Мономаха), так и резкое осуждение отрицательного героя — Олега Гориславича. Одновременно Автор твердо отмежевался от любимца этого князя, придворного (в худшем смысле слова) поэта Бояна, певшего славы самому кагану Олегу, его отцу и брату, всему генеалогическому корню беспокойных Ольговичей XII века.

В «Слове» положительно обрисован Всеслав Полоцкий. К скупым летописным сведениям о семи месяцах пребывания Всеслава в роли цесаря Руси на великокняжеском престоле здесь добавлены интереснейшие данные о поездке (походе?) Всеслава в Тмутаракань, очевидно, за «алыберской» конницей, которая потом осела на Черниговщине. Всеслав был возведен на престол восставшими киевлянами, и о нем был сложен особый цикл народных былин, который был известен Автору «Слова» (Тмутаракань, плен Шарукана). Здесь, как и в других случаях, Автор «Слова» полемизирует с Бояном, пророчившим Всеславу «божий суд», — слушатели Автора прекрасно знали, что полоцкий князь прожил после ухода из Киева еще три десятка лет.

Д. Не могу простить себе, что, приступив к источниковедческому рассмотрению логики последовательности отдельных частей «Слова о полку Игореве», я остановился на полдороге и, объединив строфы о Всеславе, об Олеге и добавив к ним (по мысли С. М. Соловьева) «утраченную страницу» о Владимире Мономахе, оставил этот исторический раздел в соседстве с плачем Ярославны.

С. М. Соловьев был, несомненно, более прав, когда он предполагал, что характеристика Мономаха должна была быть в запеве поэмы. В эпоху Соловьева еще не было открыто «Слово о гибели земли Русской», и великий историк предложил обратить внимание на запись в галицкой летописи под 1201 годом. Это сделано неудачно, но место для исторического экскурса С. М. Соловьев определил верно, в полном согласии с Автором «Слова».

Исследователем смущали «старые словеса», упомянутые в первой фразе «Слова». **Д. С. Лихачев** в своем объяснительном переводе пояснил их так: «Старомодные, старинные выражения», а «трудные повести» превратились в «горестное повествование о походе Игоря».

Вплоть до многочисленных юбилейных изданий 1985—1986 годов до-

живает трактовка «старых словес» как стилистического приема «творческого метода» людей 1180-х годов.

Выше уже говорилось, что «старые словеса трудных повестий» — это обширный комплекс летописных повестей (а может быть, и былин) о тяжелейших эпизодах противостояния половцам в 1068—1093 годах, о нападениях Олега, о победах Мономаха 1103—1111 годов. Эти «трудные повести» были синхронны творчеству Бояна, но являлись его антитезой, так как осуждали Олега.

Что же касается места исторического раздела в «Слове», то здесь у нас не должно быть сомнений, поскольку Автор твердо и четко заявил, что с этих исторических корней усобиц, дружбы с половцами и первых побед Мономаха необходимо начать новую «трудную повесть» об Игоре:

«...начати старыми словесы трудных повестий...»

«Начати же ся тѣй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню»

«Почнем же, братие, повесть сию от Старого Владимира...»

«Певше песнь старым князем, а потом молодым пети».

Не может быть оспорено, что в своем авторском написании «Слово о полку Игореве» начиналось с давнего противопоставления «трудных повестий», возникших при дворе Мономаха, славословиям Святослава Ярославича и Олега «по замышлению Бояню». И начиналось «Слово» не в строгом хронологическом порядке, не со Всеслава Полоцкого (1066—1069), а с Владимира Всеволодича Мономаха, с итогов его шестидесятилетней деятельности (умер в 1125 году), с обрисовки его необъятной империи, с того, что именем его «половцы дети своя полошаху в колыбели».

Досадным недоразумением следует считать, что однофамилец С. М. Соловьева — серьезный историк А. В. Соловьев почему-то воскресил расшифровку издателей 1800 года: «Старый Владимир» — «равноапостольный» святой Владимир Святославич (умер в 1015 году).

Время Владимира Святого не упоминается Автором даже в его широком, семивековом пробеге по столетиям «хиновских» наездов от гуннов (IV век) до печенегов эпохи Ярослава Мудрого (XI век).

Имя Владимира Святого в XII веке не упоминается летописцами даже тогда, когда речь идет о переносе гробниц его сыновей (Бориса и Глеба, погибших в усобицах) в новую церковь.

Имя же Владимира Мономаха за 60 лет, прошедших от его смерти до создания «Слова о полку Игореве» (1125—1185), повторялось в самых различных слоях русского общества, как имя защитника Руси от половцев, смирителя княжеских распрей, справедливого правителя.

В княжеско-боярской среде хорошо знали оформленную при Мономахе «Повесть временных лет» — историю Киевской Руси, которую переписывали вплоть до XVII века. Знали и личное литературное творчество Владимира Всеволодича — его знаменитое «Поучение» и полное благородства письмо Олегу «Гориславичу».

Боярство Киева, выбравшее Мономаха на престол, содействовало ему, так как он прислушивался к советам «смысленных» мужей.

По всей Руси в XII веке судьи судили по «Уставу Владимира Всеволодича», облегчавшему финансовую зависимость горожан от ростовщиков. Купечество должно было долго помнить князя, который расчистил путь к Дунаю и Приазовью и покровительствовал «гостям» — торговым людям.

Народ сложил новый цикл героических былин о победах Владимира над ханом Итларем, Тугорканом и самим «Кудреваном» — Шаруканом. Об этих же победах писали и летописцы, включая в свои хроники «трудные повести» о поражениях и победах Мономаха в борьбе с половцами. В состав этих

повестей входили организованные Владимиром специальные следствия по делам кровавых усобиц (например, «Повесть Василия») для представления на суд князей. Одной из таких повестей был рассказ об организации княжеского съезда в Любече (1097 год), который запретил усобицы, препятствующие обороне от половцев. Решения Любечского съезда, созданного усилиями Мономаха, прямо цитируются в «Слове». Имя Владимира Мономаха не сходило со страниц летописей на протяжении всего XII века. В начале XIII века в его честь во Владимирской земле было сложено «Слово о гибели земли Русской», а в Галицкой земле — знаменитое вступление в летопись Романа Мстиславича (одного из персонажей «Слова»), представившее Романа как продолжателя патриотического дела его прапрадеда Владимира Мономаха.

Владимир Мономах — «Старый Владимир» был властителем дум на протяжении всего XII столетия. Вся долгая деятельность Мономаха была созвучна основным идеям «Слова о полку Игореве», где соответственной (но менее яркой) положительной фигурой был великий и грозный Святослав, правнук «Старого Владимира» Мономаха по матери.

Е. Отношение Автора «Слова» к Игорю Святославичу. Самым опасным в историческом осмыслении «Слова о полку Игореве» является всевозрастающее в нашей научной и околонучной литературе стремление к идеализации Игоря, к героизации его, к превращению этого князя в активного сторонника общерусского единства и общей борьбы с половцами. Кончается это тем, что Игорю приписывается даже создание киевского летописного свода 1198 года, который будто бы был составлен в Чернигове (в первое полугодие вступления Игоря на черниговский стол) и содержал «поразительную по смелости политическую программу Игоря Святославича... пересмотревшего русскую историю с точки зрения общерусского единства».

Далее, без всякого источниковедческого анализа очень сложного по составу летописного свода Д. С. Лихачев переходит к тому, что составитель этой летописи, «человек, близкий к Игорю», был, оказывается, и автором «Слова о полку Игореве»: «...автор летописи Игоря Святославича и автор «Слова о полку Игореве» — одно лицо. Это тот же самый «хоть» — любимый певец Игоря, который сочинил и «Слово».

(Составителем летописного свода 1198 года до сих пор считался выдубицкий игумен Моисей, восхвалявший великого князя Рюрика Ростиславича. Оснований для отказа от этого взгляда нет.)

Дальше этого идут только писатели и поэты, полагающие, что «Слово о полку Игореве» писал сам князь Игорь (И. И. Кобзев, В. А. Чивилихин и другие).

Мы неизбежно должны разделить в процессе исследования внимательное источниковедческое рассмотрение киевского свода 1198 года и оценку событий и лиц в «Слове о полку Игореве».

Исходя из приведенного выше разбора текста «Слова о полку Игореве», попытаемся представить себе, в какой мере образ «любимого певца Игоря Святославича» соответствует суждениям Автора поэмы об этом князе. Рассмотрим при этом не выборочные фразы об «Олеговом хоробром гнезде», а все без исключения положительные и отрицательные оценки и намеки Автора, поставив их в условия конкретной исторической ситуации осени 1185 года, когда нужно было сплотить князей, простить Игорю провал предполагавшейся кампании лета 1185 года и оторвать Игоря от прочного союза с Кончаком.

Важным элементом познания формы высказывания (не касаясь поэтической стороны) я считаю допущение, что «Слово» произносилось как речь на княжеском «снеме» в присутствии Игоря.

1. Заголовок «Слова» представляет Игоря слушателям как внука Оле-

га, о котором в самой речи будет сказано очень много горького: крамолы, усобицы, трупы убитых («вещи человекомь скратишась»), карканье воронов...

Автор не захотел воспользоваться фигурой умолчания, которая обычно вручает придворных «хотей».

Кроме того, следует напомнить, что от Бояна, любимца кагана Олега, Автор твердо отрекается.

2. Указанием на то, что в апреле 1185 года половецкие всадники находились на Суле, вплотную к Руси, а в Киев 21 апреля вернулся из разведки боем киевский воевода, Автор напоминает и о другом — о том, что тогда был задуман общерусский поход на Кончака. И Автор не умолчал, что 23 апреля Игорь протрубил свой тайный поход. Это обвинение, и даже не замаскированное.

3. Характеристика курских воинов Всеволода, обычно воспринимаемая нами как похвала их рыцарственности и патриотичности, по существу, рисует этих «сведомых кметей» не как защитников своей земли и своего народа, а как «серых волков», ищущих себе — чести (части трофеев), а князю — славы. Похвала? Весьма условная.

4. Говорил или не говорил Игорь, убеждая свои дружины продолжать поход, пренебрегая знаменьем, что он сам предпочитает быть зарубленным, чем пленным, — мы не знаем. Но Автор, прекрасно знавший, как и все слушавшие «Слово», что князь был именно пленен, а не зарублен, мог бы и умолчать об этой неосторожной фразе. Он не умолчал.

В той же речи Игорь собирался: «сь вами, русици, хощу главу свою приложити». Но Игорь здесь, в Киеве, слушает «Слово» о своем походе, «а Игорева храбраго полку не кресити (не воскресить)». Еще одна неосторожная фраза, которая неизбежно наводила слушателей на сопоставление судьбы тысяч воинов с судьбой их полководца, прожившего «мало дней» в плену со всеми удобствами, в почете.

5. Летописец описал донесение русской разведки у Сальницы, сообщавшей, что половцы «со доспехом ездят» и лучше вернуться домой. Автор гениально показал степь, «землю Незнаемую», всю пришедшую в движение: скачут со всех сторон не только всадники, мчатся «телеги» с доспехом, со стрелами. А Игорь пренебрег сведениями «сторбжи», вышел, очевидно, с малым запасом стрел, так как недаром Святославу приснились пустые колчаны, а Ярославна сетовала на солнце, что оно «тулы затче», то есть закрыло, покорило колчаны, что могло произойти только с опустевшими колчанами без стрел.

Полководец был непредусмотрителен, нетерпелив, опрометчив. Это сказано и прямым текстом, и тонкими намеками.

6. Великолепное описание нарастания опасности, обреченности похода в степь подчеркивало безрассудство северского князя и, уже обозначенную ранее, не слишком почтенную цель похода всего Игорева полка: «ишучи себе чести, а князю — славы». Это рефрен; это то, что Автор хотел подчеркнуть особо. Другим рефреном является подчеркивание того, что все это происходит не у границ Руси, не у стен русских городов, на которые нападают степняки, а далеко-далеко, за «шеломянем» — водоразделом, в бассейне другой реки.

7. Самым коварным и самым важным является описание первой (удачной) битвы 10 мая. Причина всей трагедии, гибели полков и позорной потери свободы стояла, как было известно всем, в захвате половецких кибиток, истомившем легкую конницу Святослава Рыльского. Автор в мажорном тоне, резко контрастирующем с погребальным тоном описания марша, говорит о половецких красавицах, о трофейном золоте и тканях (вот она — «честь»).

Самому Игорю предоставили вражеский стяг, хоругвь, серебряный начальнический жезл (это — «слава»).

Ни одного слова прямого осуждения зарвавшейся конницы. Можно подумать, что Автор восхищается скорой победой и богатой добычей. Но тут

же дается и антитеза — стан Игоря окружают «черные вороны»: сюда скачет сам Кончак.

Здесь, как и во всех предыдущих примерах, Автор очень тонко строит свою речь, как будто бы похваливая Игоря, но на самом деле сурово раскрывая сущность.

Курские рыцари-волки, рыцарственные возгласы Игоря, побуждающего дружину продолжать поход, поэтическое описание трофеев дружины и князя — все это в глазах людей, знающих истинное положение, выглядит скорее обвинением, чем прославлением Игоря-полководца.

8. Если Игорь — эпический герой, то должны быть его героические дела, его богатырское участие в тяжелойшей полуторасуточной битве. Наш Автор уделил Игорю всего три слова:

«Игорь полки заворочает...»

9. Убийственно для Игоря звучат превосходные строки о конце битвы на Каяле: «Сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». Во-первых, не совсем за Русь (и это было всем ясно), а во-вторых, как горько звучало напоминание о союзе с Кончаком, о свате, который по непонятным причинам стал неожиданно врагом. Впрочем, неизвестно, были ли князь и хан настоящими врагами. Игорь не проявлял никакой вражды к Кончаку: его юрт он миновал и напал на тех половцев, которые были «за шеломянем» не только от Руси, но и от «донских» (донецких) владений Кончака. Вместе с тем ни слова не сказано о каком-либо вероломстве Кончака. Да, может, его и не было: окружение полков Игоря произошло до прибытия Кончака, на поле боя Кончак поручился (выкупил?) за Игоря, а в плену окружил его почетной свитой, и свадьба княжича и дочери хана фактически состоялась.

10. Прямым и неотвратимо тяжким обвинением Игоря было подробное описание несчастий, обрушившихся на три южнорусских княжества. Эти несчастья очень умело были вставлены Автором в широкую раму эпических сказаний о первом появлении гуннов-«хиновы» в IV веке нашей эры. Автор решил напомнить о гибели в 370-е годы славянского князя Буса, взятого в плен и казненного готами вместе с 70 другими князьками. И снова слушатели невольно сопоставляли это отступление в эпос с тем, что спутникам Игоря, князьям и боярам, грозила смерть в плену («Расстреляем соколича...»).

Вспомнив древнюю эпическую «трудную повесть», где действие происходило близ берегов южного моря, между устьями Днепра и Днестра, и действующей силой были готы, Автор говорит о современных ему готских девушках Северного Причерноморья (готы здесь жили до XVI века), позванивающих русским золотом. Эту картину он заключает злой иронией:

«О, далеце зайде соколь (Игорь) птицъ бья — к морю!»

Все слушавшие речь автора знали, что до моря доскакала лишь горстка русских; из них 15 уцелели, «а прочии в море истопоша». Где же здесь «птицъ бья»?

11. Другим тяжелым обвинением было противопоставление прошлогодней победы Святослава над Кобяком и сегодняшним поражением Игоря, противопоставление, рассмотренное на фоне Европы. Святослава славят, Игоря «кают». Автор не преминул унижить Игоря, упомянув о холопском седле, в котором он покинул поле бесславной битвы.

Между прочим, возврат к прошлому году молчаливо напоминал о том, что в битве с Кобяком Игорь не участвовал — он устроил военную прогулку на реку Мерл, где разбил маленький отрядик в два эскадрона половцев и захватил беззащитных женщин и детей тех половцев Кобяка, которые воевали в это время со Святославом.

Это обвинение от имени двух империй, одного королевства и одной

республики, «царицы морей», объективно выше сетований потерпевших русичей.

12. Ряд обвинений в речи Автора высказан устами «великого и грозного» Святослава: «котора», преждевременное (неподготовленное) выступление в степь и прямое обвинение Игоря в стремлении к захвату «передней славы» (трофеи авангарда) и дележу добычи после предполагаемой победы. Победу 10 мая великий князь назвал «нечестной».

Если бы Автор был «любимцем Игоря», то что стоило ему промолчать об этой речи Святослава боярам?

13. Иронией звучит в речи бояр Святославу упоминание Тмутаракани. Игорь сумел проникнуть в степь всего на 60—70 километров, а до Керченского пролива оставалось еще в десять раз больше!

Явной иронией наполнена и другая фраза бояр: «Ольговичи, храбрые князи, dospели на брань...»

14. Очень странно и недружелюбно описано возвращение Игоря на родную землю. Первым городом, куда он явился, как свидетельствует летопись, был город Донец на реке «Малый Донец», до которого князь рассчитывал путь, находясь еще в плену, и шел пешком 11 дней.

Но никакой встречи, толп радостного народа, благовеста колоколов, всего того, что сопровождает такие редкие торжества, в речи Автора нет. Нет не только города Донца, но нет и столицы — Новгорода-Северского, откуда Ярославна выехала верхом на коне встречать свою ладу...

Пустынные, безлюдные зеленые берега пограничной речки, птицы... Князь ведет молчаливый «диалог» с рекой...

Сам Автор тоже не выражает никакой радости и несколько коварно вспоминает гибель в речке Стугне брата Владимира Мономаха в 1093 году. Ростислав погиб на пограничной же реке, защищая Русь от страшного нашествия (это тоже из «трудных повестей» XI века). Ростислав противопоставлен Игорю.

Подводя итоги, следует сказать, что Автор «Слова» оказался на целый порядок выше современных ему летописцев, ведших лишь хроники современных им событий. Автор «Слова» показал истоки многих событий, опускаясь на два уровня хронологической глубины: на уровень дедов и прадедов (конец XI — начало XII века) и на еще более глубокий уровень давних связей славян с античным миром в дальние «трояновы века» (II—IV века).

В первой трети своей речи Автор указывал истоки «княжьего неспособия» как исторического явления, показав величественную империю «Старого Владимира» Мономаха и как антитезу его патристическим делам — крамольные набеги на Русь Олега Святославича в союзе с половцами. Предок Игоря, родоначальник Ольговичей был безоговорочно осужден. Антипатия Автора к этой княжеской ветви, воспетой Бояном, простиралась настолько, что он постарался умолчать о Святославе, сыне Ярослава Мудрого, и не назвал его даже там, где речь шла о «прадедней славе» черниговских «могутных ольберов», содействовавших победе над Шаруканом под Сновском 1 ноября 1068 года. Имя Святослава указано лишь в концовке, где Боян определяется как песнотворец Святослава и любимец («хоть») Олега.

Вторая треть — «трудная повесть» о полку Игореве — является, как мы уже видели, пространной обвинительной речью, своего рода выступлением военного прокурора, не упустившего ни одной детали из действий Игоря как нерасчетливого полководца и много раз показавшего князя в невыгодном свете как человека. Правда, гениальный Автор, сочетавший мудрость политика с поразительным поэтическим даром, сумел накинуть на свои жесткие обвинения флер красивых эпитетов, вежливых выражений, недосказанных намеков, чем несколько отвлек своих слушателей 1185 года и читателей XX века от суровой

сущности, но эти дипломатические приемы (оправданные ситуацией 1185 года) отнюдь не заслоняют полностью его обвинений.

Версию о том, что эта серия больших и малых обвинений могла быть создана «хотем» Игоря, его сторонником, лично близким к князю и преданным ему певцом, необходимо отбросить, как не находящую доказательств ни в самом «Слове», ни в исторических материалах XII века.

Сколько раз в своей речи Автор мог не вспоминать о каком-либо эпизоде, умолчать о неосторожных словах, щадя Игоря! Но он этого не делал. В этой части своего слова Автор Игоря не щадил, а его виновность в гибели нескольких тысяч русских воинов возвел на уровень событий европейского значения. Третий, важнейший раздел речи Автора посвящен неотложным политическим задачам всех русских княжеств в 1185 году.

«Золотое слово» — своего рода деклинационный, разделительный знак между двумя обвинительными частями «Слова о полку Игореве» и последней частью — призывом к общему действию, между двумя задачами, продиктованными тревожной обстановкой конца 1185 года.

Если первая задача состояла в разборе провинностей Игоря перед Русской землей (уклонение от задуманного общего похода) и перед формальным сюзереном клана Ольговичей (соколиного гнезда) Святославом («утаився»), то вторая задача была посвящена не прошедшему, а ближайшему и пугающему будущему.

Союз огромного Черниговского княжества и Северского княжества Игоря с Кончаком (1180—1185) грозил тем, что эти пограничные русские земли, имевшие значительную зону соприкосновения со степью, могли оторваться от Руси и жить общей жизнью с половецким государством. Городам и селам Черниговщины и Северщины это могло обеспечить некоторое спокойствие, а княжеско-боярская верхушка могла пользоваться своим путем к мировым магистралям — по Донцу и Дону в Волгу и Каспий или Доном в Тмутаракань и страны Леванта.

Грозил раскол Руси и непредсказуемое возрастание крамол и кровавых усобиц, свидетелем чего русские люди были сто с лишним лет тому назад, при деде Игоря — Олеге Святославиче, о котором Автор говорил вовсе не из желания щегольнуть познаниями в истории. История могла и повториться. Поэтому в последней трети своей речи, обращенной к такому неприглядному будущему, Автор рассматривает Игоря уже как будущего союзника, которому надо помочь и отомстить не только за Русскую землю, но и за раны Игоря.

*«Стрѣляй, господине (Ярослав Галицкий) Кончака поганого
кощея*

*за землю Рускую,
за раны Игоревы, бугео Святъславича!»*

Это говорит уже не великий князь (ему неуместно было бы обращаться «господине»), здесь Автор, по всей вероятности, передает какое-то общее решение.

Рефрен, объединяющий Русскую землю и раны Игоря, повторен трижды, обращен к десяти князьям. И Игорь предстает здесь уже не одиноким путником, которого никто не встречает, а князем, за которого должна встать вся Русская земля. Здесь он награждается богатырским эпитетом — Буй-Игорь, как Буй-Рюрик, мужественно отражавший превосходящие силы половцев под Ростовцем, как Буй-Роман, устремлявшийся на половцев «яко и лев, сердит же бысть яко и рысь и губяше яко и коркодил и прехожаше землю их, яко и орел».

Изумительный по тонкости образ Ярославны должен был смягчить упреки Игорю за содеянное, ввести человеческий элемент в суровые дела войны и поражения.

В переговорах во время пребывания Игоря в Киеве и Белгороде не мог не возникнуть вопрос о женитьбе княжича Владимира на Кончаковне — ведь 23 апреля 1185 года Игорь ушел в поход уже сватом хана. Автор в своей речи трижды возвращается к этой теме, но в конце ее провозглашается слава и Владимиру. Объяснение мы найдем в придуманном Автором (может быть, по каким-то сведениям о позициях ханов?) диалоге Кончака и Гзака во время погони; Гзак огорчен предстоящей свадьбой: «...почнуть наю птици бити въ Полѣ Половецкомъ».

Очевидно, договоренность, достигнутая в Киеве между Игорем, с одной стороны, и князьями-соправителями, с другой, была настолько крепкой, что дипломатический брак, задуманный при одной ситуации, теперь терял свою опасность для Руси. Действительно, в 1187 году Владимир с Кончаковной (и с сыном, внуком Игоря и Кончака) вернулся на Русь, к отцу.

Важнее другое. Нам совершенно необходимо выяснить, оказала ли концепция «Слова», его программа, его призывы какое-либо воздействие на реальную жизнь, на последующие события. Речь идет, разумеется, не о воздействии красивых слов талантливого поэта на его слушателей, а о том, что «Слово о полку Игореве» выражало мнение какой-то могущественной политической силы, было отражением воли этих кругов, и для нас представляет несомненный интерес, удалось ли этим кругам (боярства) воплотить в жизнь мудрые призывы Автора.

Во-первых, Кончак надолго затих; во-вторых, в зиму 1187/88 года против Кончака отправились в поход все русские князья, в том числе и левобережные Ольговичи, которыми командовал Святослав; над правобережными начальствовал Рюрик.

«И тако совокупившеся вси князи руские поидоша по Днепру...»

(Ипатьевская летопись, с. 134)

Это весьма показательное: до «Слова о полку Игореве», за двадцать лет, прошедшие после знаменитого похода Мстислава Изяславича (1168 год), левобережные Ольговичи ни разу (как княжеский клан) не участвовали в походах на половцев.

(В 1171 году Игорь, тогда еще княжич без княжества, был послан Романом на половцев и был одарен великим князем, то есть его военные усилия были оплачены.)

За эти два десятка лет Ольговичи четыре раза уклонялись от общерусских походов и пять раз участвовали в нападениях на Киев.

Первый же поход (в 1187 году) после произнесения «Слова» дал возрождение прежнего единства — «вси князи руские» пошли в тяжелый зимний поход на 400 километров от Киева. Военное единство было по тогдашнему обычаю скреплено дипломатическими браками юных княжичей: в том же 1187 году Рюрик отдал свою дочь за десятилетнего сына Игоря (Святослава — Андриана), а своего сына Ростислава Рюрик женил на восьмилетней дочери Всеволода Большое Гнездо — Верхуслане. «Створи же Рюрик Ростиславу велми силну свадьбу, ака же несть бывала в Руси. И быша на свадьбе князи мнози — за 20 князей». Обе свадьбы праздновались на одной неделе, в начале ноября 1187 года.

«Тогда же приде Володимер (сын Игоря) из Половец с Коньчаковною». Сбылось предсказание Автора «Слова о полку Игореве», вложенное в уста хана Гзака:

«ни нама (Кончаку с Гзаком) будет сокольца, ни нама красны девица — то почнут наю (нас обоих) птици бити в Поле Половецком!»

Таковы военные и дипломатические признаки вновь появившегося после «Слова о полку Игореве» единства.

Конечно, это не означает, что «после того — следовательно, по причине того». Причины лежат достаточно глубоко. Княжеской взаимной вражде противостояло боярство, главная политическая сила феодального государства на раннем этапе развития. Боярская программа была для того времени прогрессивной: хорошее управление землей, отказ от княжеских усобиц и активная оборона Руси от половцев. «Слово о полку Игореве» полностью выражает эту программу, и поэтому единство 1187 года следует расценивать не как успех умно написанной поэмы, а как результат победы прогрессивных элементов, сумевших преодолеть «княжье неспособность» и укрепить на несколько лет вперед (до 1190 года) единство русских князей. Вот в этом смысле Автор «Слова» предстает перед нами как один из вождей этих прогрессивных, патриотических, отстаивающих общенародные интересы людей конца XII века.

Когда мы заглянули (благодаря летописям) в то недалекое будущее, которое осенью трагического 1185 года казалось таким же мрачным и тревожным, то нам стала понятной мажорность и радостность, с которой Автором сказаны его последние слова:

«Игорь князь — въ Руской земли!»

Когда такие слова обращены к отъезжающему князю, то это, может быть, следует понять расширительно — Игорь в составе Руси, «плечо» не отделено от головы.

«Страны ради, гради весели!»

ЧАСТЬ II
ПЕТР БОРИСЛАВИЧ

ГЛАВА 5. ПЕТР БОРИСЛАВИЧ — БОЯРИН, ДИПЛОМАТ, ЛЕТОПИСЕЦ

В необъятной литературе, посвященной «Слову о полку Игореве» (свыше 5 тысяч работ на разных языках), рассматривающей самые различные стороны поэмы, уже с середины XIX века многократно вставал вопрос о личности Автора и о его имени. Само «Слово», как мы убедились, дает много материала для обрисовки личности, но, по обычаю тех времен, умалчивает об имени.

Большинство произведений русской средневековой литературы безымянно; привычные для нас имена летописцев XI—XII веков — Никон, игумен Иоанн, Нестор, игумен Моисей — в значительной мере являются догадками ученых и в силу этого условны.

Автором «Слова о полку Игореве» называли и продолжают называть большое количество людей XII—XIII веков, упомянутых в том или ином источнике, независимо от того, к какому разряду они принадлежали. «Автором» считают то слугу («милостника») великого князя Кочкаря (очевидно, из торков), то регента церковного хора Митуса, то конюшего Игоря, то княгиню Агафью Ростиславну, то новгородского посадника (он же будто бы — киевский архитектор!) Мирошку Нездинича (он же Милонег), то княжича Святослава Рыльского, гнавшегося за красными девками половецкими, то самого князя Игоря или его шурина, «любезнивого питию многому» Владимира Галицкого, а то вдруг оказывается, что Автор — внук Бояна, сторговавший свою родовую вотчину матери великого князя Святослава Всеволодича...

В этом пестром и далеко не полном перечне есть одна общая черта: имена предполагаемых авторов великой поэмы выхвачены из источников случайно, без каких-либо оснований и аргументации. Это, к сожалению, «игра без правил», без научной строгости, необходимой для любых предположений. Упомянутые примеры не достигают уровня не только гипотез, но даже простых догадок, так как не основываются на совокупности нескольких признаков, которые позволили бы соотнести каждое новое предложенное имя с тем величественным обликом Автора «Слова», который вырисовывается из самой его речи-поэмы. Облик этот, как мы видели выше, многогранен: гениальный поэт, смелый и прозорливый трибун, один из образованнейших людей своего века, патриот, мудрый и дипломатичный политик, умевший верно указывать монархам и полководцам направление действий, историк, видевший не только факты и поступки, но умевший синтезировать их в явления и находить истоки явлений...

Неужели это никому не ведомый Кочкарь (грамотен ли этот милостник?) или княгиня Агафья, о которой мы знаем только то, что в 1165 году она вышла замуж, в 1168 году обменялась дарами со своим отцом в маленьком городке Чечерске, а в 1180-м — овдовела?

Для научного поиска автора «Слова» необходима, во-первых, характеристика его по данным самой поэмы, а во-вторых, постепенное сужение круга поиска за пределами «Слова».

Первое условие выполнено мною в первой части этой книги, при подробном рассмотрении «Слова», которое привело (как и многих предшествовавших исследователей) к следующим выводам:

1. Социальная среда — боярство.
2. Город, княжество — Киев.
3. Князь, с которым солидаризируется Автор, — князя-соправители: Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич.
4. Задача «Слова о полку Игореве» — призыв князей к военному един-

ству и стремление оторвать Ольговичей (в том числе и Игоря) от союза с Кончаком, возникшего в 1180 году.

Второе условие (сужение круга поиска) в значительной мере предопределено первым:

1. Мы исключаем из сферы обзора всю ту литературу, которая создана церковниками, содержит церковную терминологию, подчинена принципу провиденциализма, так как ничего этого нет в «Слове о полку Игореве».

2. На основании исследований лингвистов, утверждающих, что князь к князю не мог обращаться посредством слова «господин» (звательное «господине!»), исключаем все предложенные исследователями и любителями имени князей, княжичей и княгинь.

3. Исключаем из сферы поиска новгородские материалы, так как в новгородских летописях поход Игоря 1185 года не только не комментируется, но даже не упоминается.

4. Исходя из четко обозначенного в «Слове» отрицательного отношения к дружественной половцам политике чернигово-северских Ольговичей (начиная с родоначальника — Олега Святославича), мы не можем искать автора «Слова» в окружении Игоря или Ярослава Черниговского, несмотря на то, что большинство исследователей в настоящее время склонно искать его именно там.

Сосредоточившись на сильно суженной тематике, мы, безусловно, должны попытаться углубить свой поиск, отыскать в авторе какие-то особые черты, которые выделили бы его из многочисленного киевского боярства второй половины XII века.

Такой чертой, сразу бросающейся в глаза, является блестящее знание истории славянства и Руси, умение обобщать исторические события, отбирать их и оценивать.

Самая первая фраза «Слова» уже содержит предупреждение слушателей речи о том, что без обращения к истории, к «старым словесам» печальных повествований о невзгодах прошлого столетия нам не осознать современных несчастий. Автор заглядывает в такую хронологическую глубину, которая отстоит от него настолько же, насколько мы, люди XX века, отстоим от «полка Игорева»: 370-е годы («время Бусово») — 1185 год — 1980-е годы. И в ту и в другую сторону — восемь веков. Ни один из русских летописцев не проявил такой широкой исторической осведомленности!

В специальном историческом разделе Автором упомянуто полтора десятка реальных исторических лиц *:

Марк Ульпий Траян, 98—117.
Князь антов Бус (Booz), 370-е годы.
Ярослав Мудрый (1054).
Мстислав Черниговский (1036).
Шарукан, 1068—1107.
Всеслав Полоцкий, 1066—1069.
Изяслав Ярославич, 1078.
Святослав Ярославич (намеком), 1068.
Всеволод Ярославич, 1078.
Олег Святославич, 1078—1096 (1115).
Борис Вячеславич, 1078.
Владимир Мономах, 1078—1125.
Ростислав Всеволодич (1093).

* Годы, к которым относится упоминание, даны без скобок; в скобках указаны годы смерти.

ВЫБОРОЧНАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ

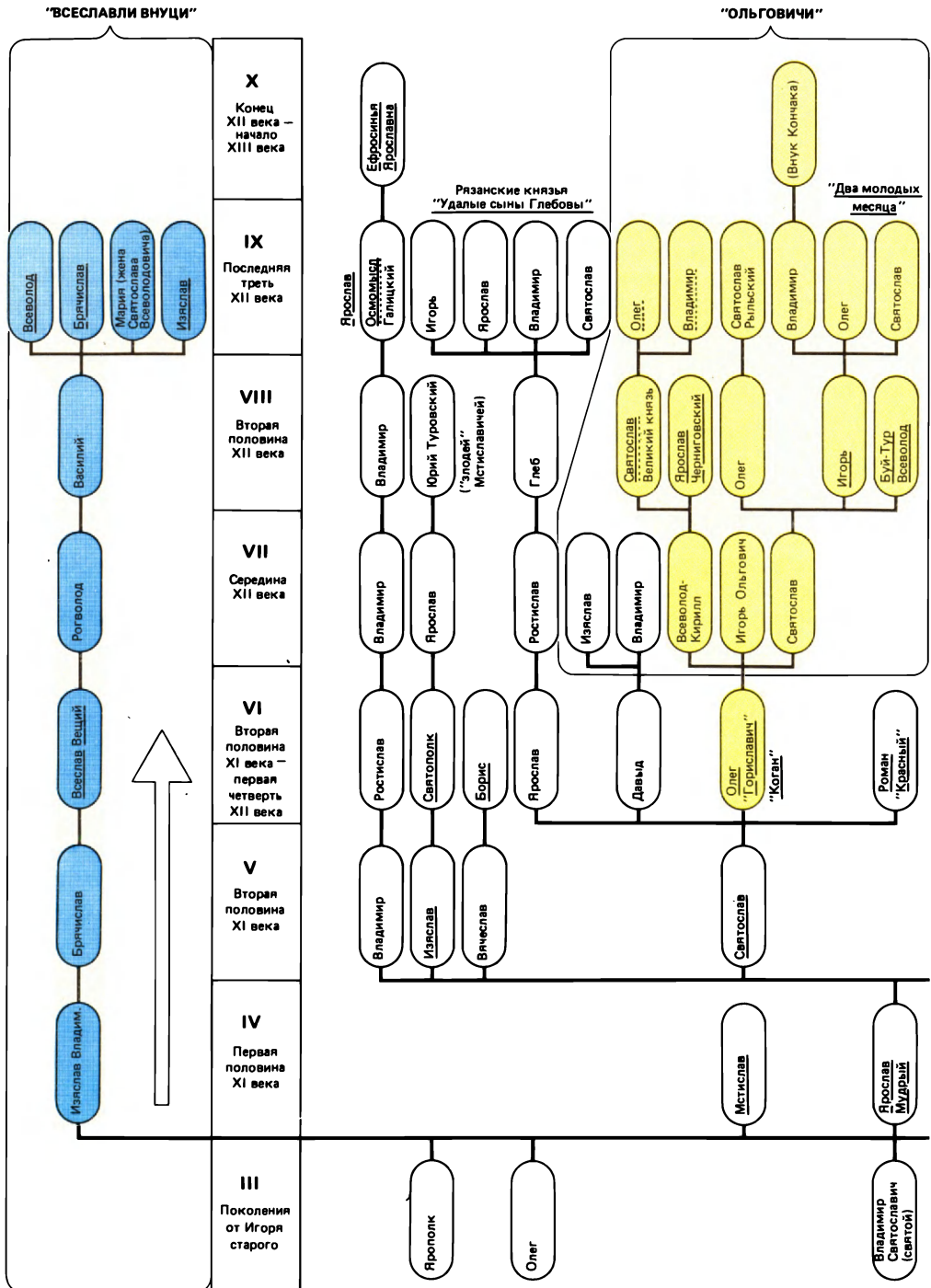
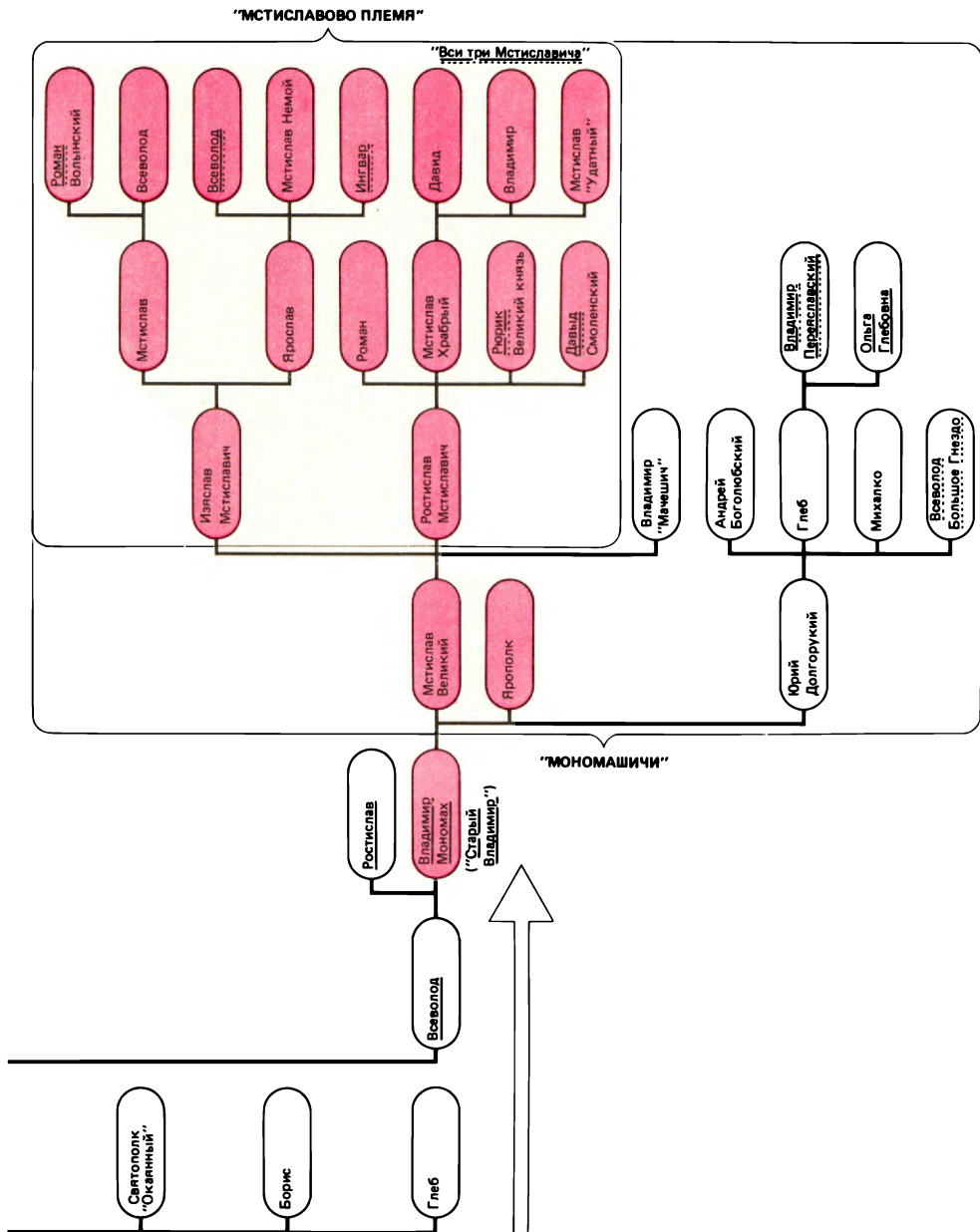

ТАБЛИЦА РУССКИХ КНЯЗЕЙ X—XIII ВВ.

Роман Святославич (1079).
Святополк Изяславич (1078).

Все поименованные исторические лица достоверны; их дела подтверждены летописями. Автор не ввел в свою поэму ни одного вымышленного лица! Добавим к этому еще 26 упомянутых в «Слове» современников Автора, реальность которых тоже не вызывает сомнений. Такая строгая историчность всех действующих лиц великого произведения явно противоречит подходу литературоведов к трудной проблеме жанра. «Мировая литература,— пишет А. Н. Робинсон,— включая русскую, не знает таких поэм, «суть» которых была бы тождественна действительности. Нередкие опыты «реализации» и документализации «Слова», доходящие до признания его «политической речью», «политическим трактатом», «историческим исследованием», независимо от благих намерений творцов подобных определений объективно означают попытки освободить это чудесное произведение от его поэтической природы, а вместе с тем лишить его национального и общечеловеческого значения». Далее этот автор договаривается до очень странных утверждений относительно целесообразности призыва к военно-оборонительному единению князей: «Этот призыв,— продолжает Робинсон,— противоречил социально-политической сущности эпохи феодальной раздробленности...» Не могу согласиться с таким полным и весьма наивным отречением от принципа историзма.

Поразительное знание истории Автором «Слова» приводит к одному существенному недоумению: почему автора поэмы, пронизанной историческим взглядом на события более чем вековой давности, ищут среди князей, конюших, церковников, княжеских слуг и совершенно игнорируют такой разряд книжных людей, профессионально связанных и с историей и с книжностью вообще, как летописцы?

Ведь если бы в длинной веренице игуменов монастырей и простых монахов, почти монополизировавших летописное дело, был обнаружен светский человек, избегавший церковной фразеологии, пренебрегавший церковным счетом времени и живо интересовавшийся военными и политическими делами, то наш поиск был бы сужен до последнего предела и нам оставалось бы только придирчиво сопоставить этого книжника с Автором «Слова».

Самое удивительное, что такой летописец был найден учеными уже более ста лет тому назад, но искатели кандидата в Авторы «Слова о полку Игореве» по непонятным причинам не обратили на него внимания, ограничиваясь преимущественно окружением князей Ольговичей.

Нам известно и имя и отчество этого летописца-мирянина, упомянутого в летописях в 1152—1153 годах и вторично в 1168—1169 годах, то есть в диапазоне 17 лет. Он принадлежал к окружению не Ольговичей, а их врагов и соперников «Мстиславичей», дяди и кузена Рюрика Ростиславича, что уже приближает его к Автору «Слова». Боярин, дипломат, возглавлявший посольство великого князя и венгерского короля, киевский тысяцкий, воевавший с половцами близ днепровских Порогов,— все это еще более сближает его с нашим Автором и требует особого внимания к этому реальному историческому деятелю второй половины XII века. Это — Петр Бориславич, на следы литературного труда которого было обращено внимание К. Н. Бестужевым-Рюминым и И. П. Хрущовым.

Бестужев-Рюмин в 1868 году, анализируя киевский летописный свод 1198 года, выделил в его сложном составе особую часть, посвященную восьми-летнему княжению внука Мономаха: «С 6654 года (1146 год) по 6662 год (1154 год) главным источником свода служило подробное сказание об Изяславе Мстиславиче, написанное его современником и, вероятно, даже соратником... Нельзя ли, однако, считать описание княжения Изяслава частью подробной

летописи, которую вел его соратник и продолжал до семидесятых годов XII века?»

Бестужев-Рюмин не отождествил верно выделенное им сказание с именем упоминаемого в нем Петра Бориславича, но очень прозорливо определил широкие рамки сказания.

В 1878 году И. П. Хрущов скептически отнесся к концепции Бестужева-Рюмина в целом, но высказал очень важную мысль о том, что один из эпизодов княжения Изяслава был описан Петром Бориславичем: «История посольства Петра Бориславича от Изяслава к Володимеру Галицкому есть отрывок мемуара этого самого Бориславича».

Перед нами стоят теперь следующие задачи:

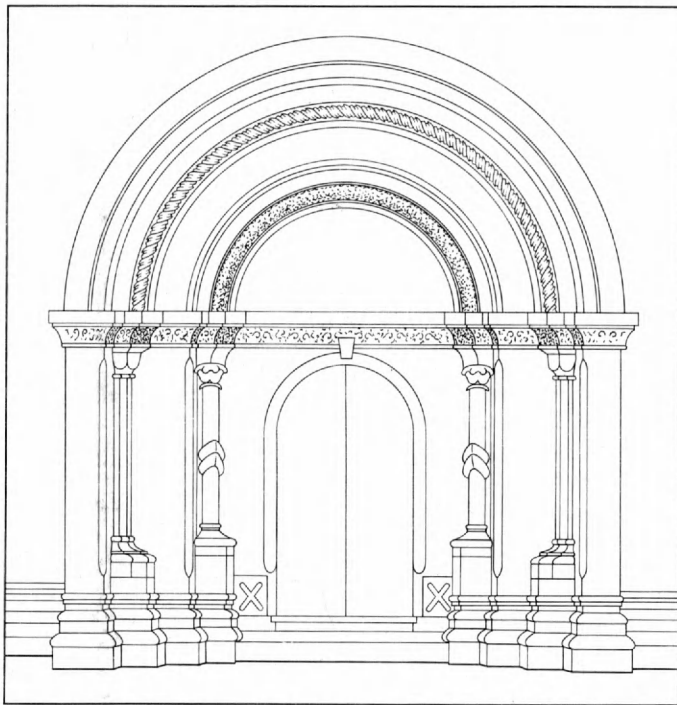
1. Проверка гипотезы об участии Петра Бориславича в летописании. Выявление формальных специфических черт, «почерка» этого летописца.

2. Выявление полного объема всего летописного текста, который можно связывать с именем Петра Бориславича, а тем самым и определение хронологического диапазона его творчества.

3. Определение политических симпатий и антипатий Петра Бориславича.

Выполнению этих задач хотелось бы предпослать ознакомление с тем описанием посольства 1153 года к Владимиру Галицкому, которое послужило основой гипотезы об авторстве Петра Бориславича. Для понимания сути дела понадобится краткая справка.

Весна 1151 года. Продолжается грандиозная усобица, поднятая Юрием Долгоруким, отнявшим Киев у Изяслава Мстиславича, который вынужден довольствоваться своим доменом Владимиром-Волынским. Юрий посылает на Изяслава своего сына — Андрея Боголюбского и союзника — Владимира Галицкого. Рассказ летописи широк и обстоятелен; при описании походов Изяслава постоянно ощущается эффект присутствия летописца (места ночевок, обедов, разные мелкие военные хитрости, допрос пленных и т. п.). Блестящим форсированным маршем Изяслав обошел на пути Андрея и Владимира

Портал церкви святого Пантелеймона в Галиче. XII век.

† 60

а поужь зѣмѣ. и загла въ совокопнѣ въ собратѣ еѣ. пои
 дѣла воладимирковича галнчъ. и прише шюе мѣсто
 рѣблю. здоху мавше бо и ре воладимирковича. и рѣша
 князю сво емѣ. князю еси оумя иудинъ. а жьса по въ
 что со творить. что ма дѣти. по бди князю ктородо
 амы са въ емъ самисой за гла во. а кто ма боуде живъ
 а прѣ въ гмѣ кто бѣ. а тогда са стобойо за творѣ въ горѣ

за гла въ же перѣдѣ кнѣи. чрѣ рекоу. чрѣ ре рѣть и стѣ оутн
 шльнпн. и бы стѣ ча гла. и бы межнѣи ма сма темне.
 не вѣ да хѣ ть ко тварнѣ со ут побѣ днѣи. и за гла въ жина
 шѣ галнчѣ. а галнчѣ и за гла влю дру зь и мѣи сѣи

Галицкого и ворвался в Киев. Юрий, бросив дружину и даже свой княжеский архив, бежал из Киева.

Юрий в союзе с отцом Игоря Святославом Ольговичем пытался вернуть Киев, но был разбит на реке Руте. А в это время Мстислав, сын Изяслава Мстиславича, вел союзных венгров в помощь отцу, но Владимир Галицкий разбил эти войска на пути. Венгерский король Гейза II, женатый на дочери Изяслава Киевского, решил отомстить Владимиру.

1152 год. На реке Сан близ Перемышля происходит торжественная встреча великого князя Изяслава и короля, отмеченная парадом войск.

Владимир Галицкий был разбит и укрылся в Перемышле, откуда посылал послов к королю, подкупая его вельмож и архиепископа.

В летописи сохранилось почти «стенографическое» описание княжеско-королевских съездов, на которых решалась судьба побежденного Владимира Галицкого. Есть запись речей Изяслава Мстиславича, его сына Мстислава, короля. Есть проект письма к Владимиру, и есть его окончательный текст. Разногласия состояли в том, что король настаивал на смягчении условий, а княжич Мстислав был особенно тверд и строг к галицкому князю, изгонявшему его отца из Киева; он «вельми препираше короля». Король и подкупленное Владимиром католическое духовенство победили в споре, и решено было получить от галицкого князя клятвенное обещание вернуть захваченные города.

«И тако отрядиша мужа своего с честным крестом к Володимеру. Изяслав посла Петра Борисовича (Бориславича), а король посла свои мужи...»

«Володимер же на всем на том целова крест, но лежа творися, акы изнемагая ранами, но ран на нем не было».

Последняя фраза дает нам «эффект присутствия».

Конец 1152 года прошел в усобице: Юрий Долгорукий продолжал домогаться Киева, а изнемогавший от ран Володимерко Галицкий нарушил клятву и пошел против великого князя Изяслава, но был отогнан с пути. Весною 1153 года Изяслав повторно послал в Галич того же боярина, который принимал в прошедшем году совместно с венгерскими послами присягу от галицкого князя. Даю рассказ Петра Бориславича в своем переводе.

ПОСОЛЬСТВО ПЕТРА БОРИСЛАВИЧА В ГАЛИЧ В 1153 ГОДУ (Два дня из жизни Петра Бориславича)

1153 год. «...Тогда Изяслав (великий князь Киевский) послал к Владимиру Галицкому с договорными грамотами Петра Бориславича, так как именно он был в Перемышле вместе с королевскими послами и приводил Владимира к присяге. Изяслав писал Владимиру:

«Ты нам с королем целовал крест, что вернешь все русские области, которые ты захватил, но ты ничего этого не выполнил.

Сейчас я всего этого не поминаю, но если ты хочешь соблюдать договор и быть вместе с нами, то верни мне те мои города, относительно которых ты давал мне и королю клятвенное обещание. Если же ты не захочешь их вернуть, то это означает, что ты нарушил договор, скрепленный клятвой на кресте.

Тогда — вот твои крестоцеловальные грамоты, а нам с королем в отношении тебя — как бог даст! (формула объявления войны)».

1153 год. Петр Бориславич и его свита у князя Ярослава Осмомысла Галицкого в первый день его княжения.

И ответил Владимир послу: «Передай: о, брат! Ты изловил меня и короля поднял на меня, но если буду жив, то или голову свою сложу, или отомщу за себя!»

И ответил ему Петр: «Князь! Ты же крест целовал брату (в смысле феодального равенства) своему Изяславу и королю тоже целовал крест, поклявшись, что все договоренное выполнишь и будешь их союзником. Но ведь ты нарушил клятву, в подтверждение которой ты целовал крест».

И ответил Владимир: «Не этот ли маленький крестик?»

И сказал Владимиру Петр: «О, князь! Хотя крест и невелик, но сила его велика, как на небесах, так и на земле, так как бог по своей воле простер на нем свои руки, (а потом) по своей милости бог привел этот крест к святому Стефану (венгерскому), и тебе это было известно, когда ты целовал этот прославленный крест. Если же нарушишь крестоцелование, то жив не будешь (а кроме того, то, что князь сказал, должно быть и без креста твердо и нерушимо!)!» Петр продолжал: «Но от королевского вельможи ты ведь слышал о том кресте?» Владимир ответил: «Я об этом от вас уже досыта наслушался, а теперь уходи вон, поезжай к своему князю!»

Положив князю крестные грамоты, Петр вышел. Ему не дали ни (посольских) коней, ни кормового довольствия; пришлось ему уехать на своих конях.

Едва Петр отъехал с княжеского двора, как Владимир отправился в храм святого Спаса, и когда был на переходах к церкви, то (с их высоты), увидав уезжающего Петра, произнес: «Поехал киевский боярин (в тексте: «муж русский»), захватив все волости!» Сказавши это, он пошел на хоры.

Когда закончилась вечерняя служба и Владимир, возвращаясь из церкви, оказался на том самом месте, на ступенях переходов, где он обругал Петра, то воскликнул: «Ох! Кто-то ударил меня в плечо...» — и не мог сдвинуться с места, падая вниз. Князя подхватили под руки, понесли в горницу и уложили в горячую воду. Одни говорили, что его схватил приступ внутренней болезни («дна» или «дъна»), другие говорили иное и предполагали разное.

Был поздний вечер; Владимир стал совсем изнемогать, и, когда наступило время ложиться спать, Владимир Галицкий скончался.

Петр же, выехав из Галича, к вечеру остановился на ночлег в Болшеве, а к первым (?) петухам к нему прискакал дружинник из Галичской крепости и передал: «Князь тебе говорит — никуда не уезжай, но жди здесь, пока не пошлю за тобой». Петр ничего не знал о смерти князя, и присланный дружинник не оповестил его. Петр был сильно опечален тем, что ему снова придется ехать в город, предполагая, что там будут неприятности хуже прежних. Петр загоревал.

Наутро, еще до обеда, к Петру снова прискакал гонец: «Поезжай! Князь зовет тебя!» Петр поехал в город и прибыл на княжеский двор. Здесь, с галереи второго этажа («сѣнѣй») дворца, навстречу ему сошли княжеские слуги, все в черных плащах. Увидав это, Петр удивился — что это могло бы означать? Когда же он взошел на галерею, то увидел Ярослава (сына умершего князя) сидящим на отцовском троне в черном плаще и черной шапке. Все бояре были также (в черном). Петру поставили «столец», и он сел.

Ярослав же посмотрел на Петра и заплакал. Петр сидит, ничего не понимая, и стал спрашивать: «Что это означает?» Ему ответили, что этой ночью бог взял князя. Петр сказал: «А этой ночью, когда я поехал, князь был вполне здоров». Ему сказали: «Что-то ударило его в плечо, и от этого он начал сильно изнемогать, и бог взял его». «Воля божья,— сказал Петр,— да будет! А всем там быть. Нужно только стремиться к тому, чтобы с хорошими делами и с честью кончить жизнь. Особенно князьям следует быть осмотрительными в своих государственных делах, так как, помимо того, что князья могут сами

ошибаться, как и все люди, но их положение правителей подает дурной пример их подданным. Князья губят много невинных людей и разоряют, забывая, что они должны держать ответ перед богом».

Ярослав сказал Петру: «Мы тебя позвали вот зачем: бог проявил свою волю, как он хотел. Теперь поезжай к отцу моему Изяславу (отец в смысле сюзерена) и от меня ему поклонись, и передашь ему следующее:

«Бог отца моего взял, и теперь ты будешь мне вместо отца. Ты сам знаешь, что между ними было, но то все бог уже рассудил, если он отца моего взял, а меня на его месте оставил (эта фраза обращена к Петру).

Войско отцовское и его дружина вся у меня. Разве только один эскадрон («копье») поставлен (в почетном карауле) у его гроба, но и тот в моих руках.

Теперь, отец, кланяюсь тебе — прими меня (в качестве вассала) как сына своего Мстислава, так и меня — пусть ездит Мстислав подле твоего стремени по одной стороне от тебя, а я по другой стороне возле твоего стремени буду ездить со всеми своими полками».

После этого Петр был отпущен с подобающей честью. Вскоре Ярослав послал к Изяславу своих послов с изложением той же просьбы» (о коммандации, о «приятии» его Изяславом в вассалы). (Ипатьевская летопись, с. 71—73)

Так состоялась первая официальная встреча «изяславля мужа», киевского боярина Петра Бориславича с Ярославом Владимировичем, тогда еще юным княжичем, а впоследствии знаменитым Осмомыслом, воспетым в «Слове о полку Игореве».

В Ипатьевской летописи этот рассказ помещен под 6660 (1152) годом, но дело происходило в феврале или после февраля («...но въже бе к весне»), и поэтому правильной датой будет 1153 год.

В Радзивилловской летописи этой встрече посвящена специальная миниатюра, на которой изображен Ярослав на троне и в короне, герольд, мечник с обнаженным мечом и Петр Бориславич в дорожном платье с небольшой свитой.

Обстоятельность изложения, внимание и к государственным делам, и к множеству житейских мелочей, почти непрерывный эффект присутствия — это те признаки, которые наполняют все летописание Изяслава Мстиславича. Осуждение клятвopеcтyпника Владимира проведено здесь в двух планах — помимо официального осуждения, Петр использует и другой метод; очень впечатляюще исполнение пророчества: «нарушишь — жив не будешь». Владимир нарушил, и бог его убил на том самом месте, где князь подтвердил, что он не собирается выполнять договор. Сын клятвopеcтyпника вполне согласен с божьим судом, то есть он осуждает своего отца.

Неудивительно, что этот интересный и живой рассказ послужил ключом, открывшим нам красочный (хотя подчас и субъективный) мир летописания киевского боярина.

СХЕМА ЛЕТОПИСАНИЯ ПЕТРА БОРИСЛАВИЧА

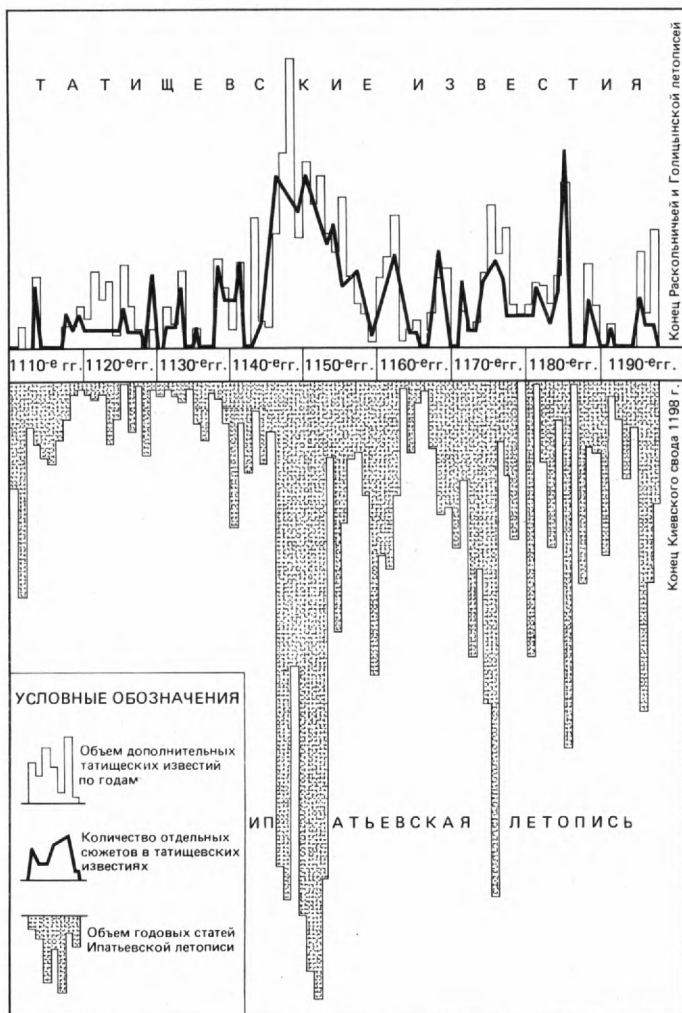
Летописное творчество киевского историка Петра Бориславича дошло до нас как в составе киевского летописного свода 1198 года (Ипатьевская летопись), так и в тексте «Раскольничьего манускрипта», бывшего в руках В. Н. Татищева. К величайшему сожалению, в обоих случаях оригинал этого замечательного сочинения известен нам лишь в извлечениях: игумен Моисей очень широко использовал подробный текст Петра Бориславича для своей сводной работы 1198 года, но он опустил целый ряд подробностей, сократил текст и, очевидно, преднамеренно не включил такой уникальный раздел, как портретные характеристики «цесарей Руси» — великих князей киевских (за 1093—

1180 годы). Выдубицкий игумен был, вероятно, испуган смелостью характеристик, которые его умный соратник Петр дал монархам, побывавшим на киевском престоле. Сократил он и другой очень важный раздел — «речи умных бояр», введенный Петром Бориславичем как своего рода политический трактат, обосновывающий права боярской корпорации и ограничивающий самовластие князей, возросшее к концу XII века.

Гибель «Раскольничьего манускрипта» в пожаре татищевского имения после смерти историка — невообразимая потеря для науки. Можно утешаться лишь тем, что Василий Никитич, по всей вероятности, сделал очень много выписок из этой драгоценной древней (пергаменной!) рукописи. В большинстве случаев это именно то, что Моисей Выдубицкий не включал в свой свод: характеристики великих князей и политические «речи». Моисей, судя по его собственным летописным записям, был очень фактологичен, кругозор его ограничивался великокняжеским двором, и его в большей мере интересовала новорожденная внучка князя, чем рассуждения о политике.

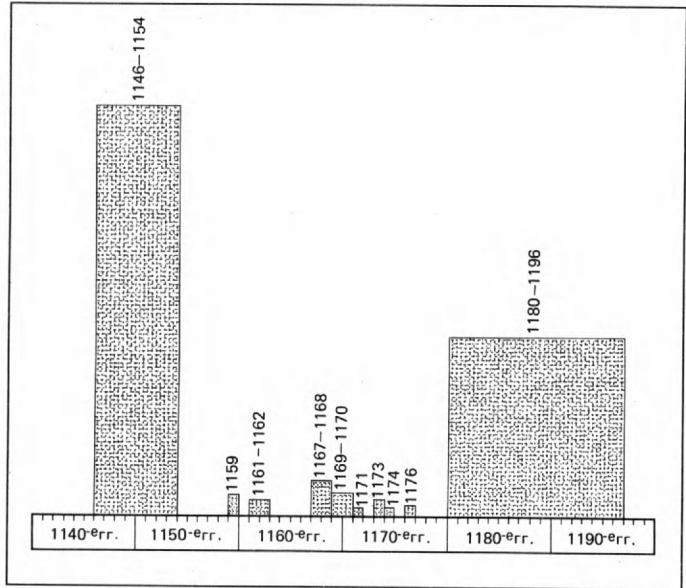
В 1972 году мною была опубликована книга «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», в которой проведена источниковедческая работа по анализу летописей и тех выписок из погибших рукописей, которые успел сделать В. Н. Татищев. Не повторяя всего, порою очень громоздкого разбора летописных материалов, приведу здесь в сильном сокращении то, что потребуется нам для сопоставления облика Автора «Слова» с автором той летописи, которая была уловлена первоначально только лишь как великокняжеское летописание внука Мономаха Изяслава Мстиславича (1146—1154).

Южнорусские (киевские) летописи дошли до нас, как известно, в виде двух монументальных сгустков, двух сводов, объединивших труд многих разных и разновременных летописцев:

1. «Повесть временных лет» Нестора (в редакциях 1116 и 1118 годов). Охватывает период примерно от VI века до начала XII века.
2. «Киевский летописный свод выдубицкого игумена Моисея 1198 года» (название общепринятое, но условное). Включает «Повесть временных лет» и дополняет ее описанием событий 1111—1198 годов.

Нас в большей мере должен интересовать свод 1198 года. Его отличие от «Повести временных лет» заключается в том, что если «Повесть» — серия постепенно наслаивавшихся кратких хроникальных заметок, написанных многими поколениями летописцев, то свод 1198 года особенно интересен тем, что в руках Моисея, летописца Рюрика Ростиславича, сосредоточились не только летописи разных поколений, но и одновременные хроники разных княжеских ветвей. Во время длительного соправительства Рюрика со Святославом Всеволодичем к нему попали и летописи Ольговичей.

У каждого из летописцев, труд которого попадал в огромную книгу государственной летописи (условно называемой нами сводом), сохранялся свой стиль, свои диалектные черты, свои литературные штампы, своя манера записи дат и все свои симпатии и антипатии. Редакторы не вмешивались в эти вопросы и не нивелировали весь текст, что чрезвычайно драгоценно для нас. Первые мои две работы, (1959—1963 годов), посвященные Петру Бориславичу, совершенно не связаны со «Словом о полку Игореве».

Продолжение анализа летописных текстов привело меня к убеждению, что все признаки летописания Петра Бориславича, характерные для 1146—1154 годов (княжение Изяслава Мстиславича), столь же характерны и для 1180-х — первой половины 1190-х годов, что и позволило мне поставить на рассмотрение вопрос о несомненном сходстве, а может быть, и тождестве автора летописи и автора речи-поэмы: к предположению, что автором «Слова» мог быть один из летописцев, меня привел не поиск автора, а детальное ознакомление с летописцами эпохи «Слова о полку Игореве».

ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСНОЙ МАНЕРЫ ПЕТРА БОРИСЛАВИЧА

1. Язык тех разделов летописи, которые могут быть сближены с описанием посольства 1153 года, — литературный язык XII века, киевское «койне»,

Диаграмма летописных записей Петра Бориславича.

может быть, с легким диалектическим налетом галицкого диалекта. Специальное лингвистическое исследование, проведенное В. Ю. Франчук, привело к такому выводу: «Факты языка подтверждают гипотезу Б. А. Рыбакова об активной летописной деятельности Петра Бориславича. Они свидетельствуют,— продолжает исследовательница,— что этому летописцу принадлежит почти половина текстов Киевской летописи».

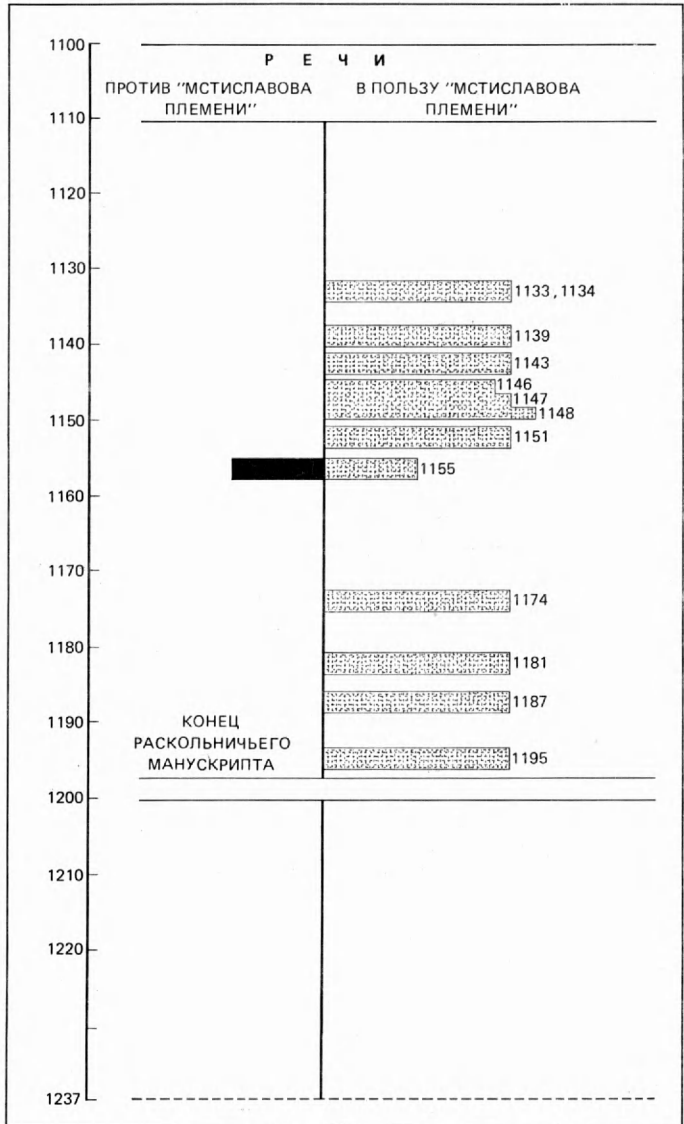
2. Почти полное отсутствие церковной фразеологии, сентенций, церковных и календарных дат, провиденциализма. Крайне ограниченное упоминание слов: «бог», «крест честной».

3. Особенности титулования; упоминание князей только по именам без отчеств.

4. Большое внимание к союзникам торческого происхождения (торкам, ковуям, берендеям и т. п.), которых этот автор всегда называет только собирательным названием — «черный клуб» (каракалпак).

5. Особая композиция годовых статей: обрисовка общеполитической обстановки, обозначение причин конфликтов. Необычайная подробность изложения. То, что иные летописцы упоминали в одной-двух строках, здесь излагается на десятках страниц. Есть годовые статьи объемом в половину нашего печатного листа (свыше 20 тысяч знаков).

6. Усиленное внимание к военным делам: район мобилизации, полководцы, маршруты походов, детальная дислокация полков, ход сражений (зачастую с «эффектом присутствия» летописца).

Политическая ориентация «речей мудрых бояр» в летописи Петра Бориславича.

7. Тщательное и систематическое документирование летописного текста подлинными грамотами из княжеского архива (копии-«отпуски» грамот, посланных кому-либо, и грамоты, от кого-либо полученные).

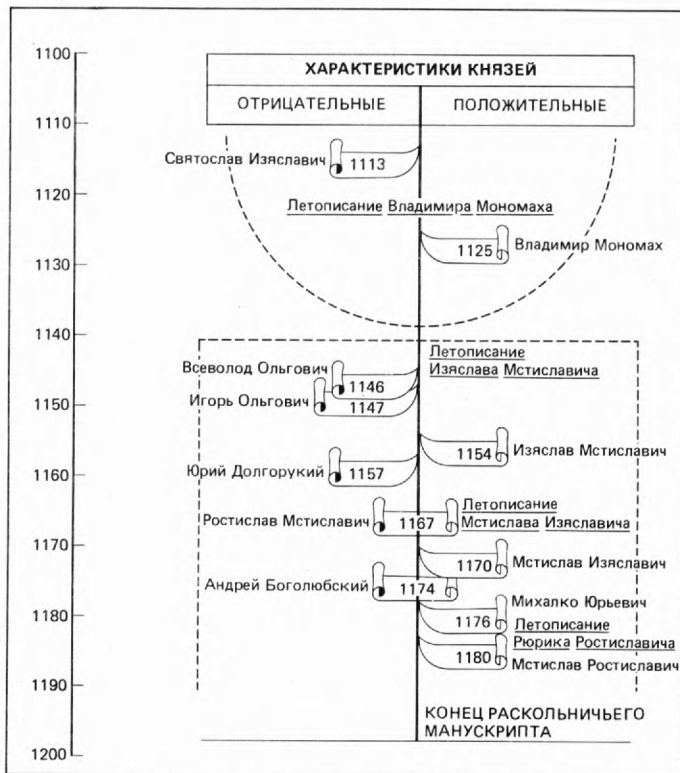
8. Во всех разделах твердо проведена симпатия к боярству как могущественной силе, меняющей князей, одерживающей победы, дающей мудрые советы. В отличие от князей бояре всегда упоминаются с отчетством; иногда даже указывается дед боярина.

9. Неизменны симпатии к потомству Владимира Мономаха (кроме Юрия Долгорукого). Особое внимание обращено на князей «Мстиславова племени», потомков старшего сына Мономаха (кроме «мачешича» Владимира). Неизменна враждебность к половцам и их союзникам князьям Ольговичам (кроме Святослава Всеволодича).

Руководствуясь этими достаточно разнообразными признаками, я сделал попытку восстановить весь полувековой путь Петра Бориславича, единственного светского (не из духовенства) летописца XII века.

На диаграмме мы видим два основных массива летописных статей из великокняжеских летописей — Изяслава Мстиславича (1146—1154) и Рюрика Ростиславича (1176—1196), ведущихся Петром Бориславичем. В промежутке между этими массивами велась еще одна великокняжеская летопись — Мстислава Изяславича и ряд записей частного, негосударственного значения. Изяслав — внук Владимира Мономаха; его сын Мстислав и племянник Рюрик — правнуки прославленного князя-летописца.

Когда был закончен кропотливый труд по вычленению и анализу летописного наследия Петра Бориславича, выяснилось, что оно равняется половине всего объема летописного свода 1198 года за XII век. Выписки из трудов других летописцев (Поликарп, Кузьмище Киянин, летописец Юрия Долгорукого, летописец Святослава Всеволодича и др.) уравниваются одним Петром Бориславичем! Это объясняется как долголетием этого летописца, писавшего не менее полувека, так и превосходным качеством его труда. Широта кругозора, знакомство с главными историческими деятелями, участие в заседаниях княжеской думы, выполнение ответственных дипломатических поручений,

Характеристики князей, написанные Петром Бориславичем.

доступ к великокняжескому архиву, участие в походах и сражениях — все это ставило Петра Бориславича в исключительно благоприятные условия по сравнению с его современниками из духовного сословия, зачастую черпавшими свои сведения из третьих рук и нередко смотревшими на мир из монастырского окна.

Исключительно важной для определения надежности выводов была проверка результатов моего вычленения текстов, отнесенных к авторству Петра Бориславича, произведенная на основе лингвистического анализа В. Ю. Франчук: «Время ведения летописи Петром Бориславичем (1146—1196), — пишет в своей книге исследовательница, — установлено Б. А. Рыбаковым на основании других данных, подтверждается с точностью до одного года».

Схема хорошо опознанного творчества Петра Бориславича такова:

1. Великокняжеская летопись Изяслава Мстиславича от 13 августа 1146 года до 2 сентября 1149 года.

2. Летописные заметки в пользу Изяслава, ведшиеся на Волыни и в походах (до 6 апреля 1151 года).

3. Великокняжеская летопись Изяслава от 6 апреля 1151 года до смерти князя 13 ноября 1154 года.

4. Летописные заметки в пользу сына Изяслава — Мстислава за годы 1159, 1161—1162-й.

5. Великокняжеская летопись Мстислава Изяславича за 1167—1168 годы.

6. Великокняжеская летопись Рюрика Ростиславича: а) 1173—1176 годы, фрагменты; б) 1180—1196 годы.

Сложным является вопрос о начале летописной работы молодым Петром: в 1142—1146 годах. Изяслав находился как бы на подступах к великому киевскому столу в Переяславле Русском, и в киевской летописи оказалось много заметок, говорящих в пользу Изяслава и его прав на Киев. Они могли находиться в свое время в переяславской летописи князя, но могли возникнуть и позднее, уже в Киеве, как ретроспективные заметки о прошлом. Вопрос этот интересен, но не прост, и ему будет посвящен особый раздел.

Первое сомнение в полученной мною схеме неизбежно должно появиться в связи с большим хронологическим диапазоном предполагаемой летописной деятельности Петра Бориславича. Если началом ее была великокняжеская летопись Изяслава, то перед нами ровно полвека работы летописца; если же придется добавить и переяславскую летопись — то 54 года! Произведем расчеты. Эффект присутствия Петра в походе Мстиславичей в Карпаты зафиксирован в 1138 году. Это дает ориентировочную дату его рождения — около 1120 года; в походе при князе Ярополке был восемнадцатилетний боярский сын, то есть полноправный воин, изучавший грамоту по обычаю тех времен с семи лет. В Переяславле (1142—1146) Петру было примерно от 22 до 26 лет, что никак не противоречило началу секретарской работы при князе. Над киевской летописью он работал до 34 лет, когда был уже «средовеком».

Посмотрим на другой конец его жизненного пути, когда он вел подробную летопись Рюрика Ростиславича, поразительно однородную по всем параметрам с летописью Изяслава. Здесь под 1187 годом Петр Бориславич пишет:

«И на ту осень бысть зима зла вельми — тако, иже в нашу память не бывала николиже!»

Так мог сказать только пожилой, проживший много лет и зим человек. По принятым нами ориентировочным расчетам, Петру Бориславичу в 1185—1187 годах могло быть около 65—67 лет. С солидным (но не преклонным) возрастом вполне согласуется и то, что, по моему предположению, именно в это время, готовя большой летописный свод 1190 года, Петр Бориславич привлек к стили-

ному летописному делу более молодого помощника, опознаваемого по церковной фразеологии и по галицким диалектным чертам.

Характерная летописная манера Петра Бориславича внезапно и резко оборвалась на зимних событиях 1196 года, очевидно, в связи со смертью неутомимого и талантливого летописца. По принятой нами условной дате его рождения, старому Бориславичу было в это время около 76 лет; он достиг возраста Ярослава Мудрого. (Конечно, мы должны допустить известные колебания в ту или иную сторону.)

Совершенно особый интерес для нас представляет то, что делом жизни Петра Бориславича, судя по татищевским выпискам, было не только ведение государственной хроники, добротных и подробных погодных, а порою даже дневниковых записей, но и историческое обобщение этой текущей информации, в котором, во-первых, четко и деловито излагалась под видом «речей мудрых бояр» боярская политическая программа, а во-вторых, давались итоговые характеристики почти всех великих князей киевских, от Святополка Изяславича (1093—1113) до Романа Ростиславича (умер в 1180 году). Портретные характеристики «цесарей» Руси уникальны и субъективны; последняя черта позволяет прочно связать их с именем Петра Бориславича, так как каждый существенный элемент характеристики находит обоснование в хроникальной части его труда.

Начало этого исторического труда улавливается не по Ипатьевской летописи (свод 1198 года), а только по татищевским выпискам, которые становятся особенно обильными к концу XI века, то есть к княжению того самого Святополка Изяславича, с которого начинается серия великокняжеских характеристик. Фигуры противоборствующих князей — буйного Олега «Гориславича» и мудрого Мономаха — становятся в обобщенном тексте значительно рельефнее.

(Хронологический рубеж начала подробного повествования в 1070—1090 годах ясно виден на диаграмме распределения татищевских известий.)

Забегая вперед, следует сказать, что общая композиция этого исторического труда, построенного из летописного материала, чрезвычайно напоминает композицию исторического раздела «Слова о полку Игореве»:

1. В «Слове» самые первые строки призывают слушателей вспомнить «старые словеса трудных повестей» конца XI века (времен Бояна, певца Олега). Здесь раздел «трудных повестей» 1093—1111 годов является первым, открывающим все повествование о начале усобиц во время половецкой напасти.

2. В «Слове» предлагается начать со Старого Владимира Мономаха и его побед. Здесь подробно говорится о Мономахе и его победах как над половецкими, так и над мятущимися русскими князьями.

3. И в «Слове» и в труде Петра Бориславича пределом давности для исторического экскурса является беспокойное время «Ярославлих внуков», с которых начинается серия великокняжеских словесных портретов (Святополк, Мономах). И в «Слове», и у Петра Бориславича все симпатии на стороне Мономаха и Мономахичей; Олег же и Ольговичи порицаются.

Выдубицкий игумен Моисей, человек придворного круга, не обладавший такой независимостью и смелостью, как маститый боярин Петр Бориславич, был, по всей вероятности, смущен, когда в его руках оказалась такая необычная рукопись с необычными и порою дерзкими оценками цесарей Руси за целое столетие. Хотя и Петр и Моисей служили своим пером Рюрику Ростиславичу, но в оценках, очевидно, не всегда сходились. Так, посмертная характеристика Ростислава, отца Рюрика, у Петра Бориславича неблагоприятная, а Моисей включил в свой свод 1198 года панегирик, написанный игуменом

Поликарпом. Моисей в этом своде отказался от драгоценных портретов и сильно сократил доставшийся ему материал Петра Бориславича, сохраняя хронику и отбрасывая непривычные для русского летописания оценки и политические рассуждения об участии боярства в управлении. По счастью, Раскольников и Голицынская летописи донесли до Татищева какую-то часть забракованного Моисеем материала.

Вопрос об историко-летописном труде Петра Бориславича настолько важен для нашей темы, что ему будет посвящена специальная глава.

Историческая ситуация, в которой оформился этот интереснейший исторический труд, важный как для биографии Петра Бориславича, так и для истории русской общественной мысли, к счастью, может быть определен с известной степенью точности.

Внутри великокняжеской хроники Рюрика Ростиславича (соправительствовавшего со Святославом Всеволодичем), ведшейся Петром Бориславичем с 1176 (или 1180-го) по 1196 год, явно ощущается **концовка** какой-то определенной части летописи. Она приходится на 1190 год. Летопись того же автора продолжалась и далее еще шесть лет со всеми его характерными приметами, но рубеж — осень 1190 года — в свое время был Петром Бориславичем поставлен как завершение какого-то раздела и вместе с тем как лаконичное подведение итогов:

«Того же лета Святослав со сватом своим с Рюриком утишивша землю Рускую и половци примиривша в волю свою и сдумавша и идоста на ловы по Днепру в лодьях на устии Тясмени и ту ловы деяша и обловишася множеством зверей. И тако наглумистася и во любви пребыста и веселии по вся дни и возвратшася восвояся».

Мажорная концовка с описанием великокняжеской охоты сконпонована полностью в духе Петра, в духе его княжеских портретов: помимо дворцовой забавы, здесь сказано и о важнейших государственных делах: установлении мира на Руси и примирении половцев.

Правильность датировки окончания труда, снабженного характеристиками киевских князей, 1190 годом подтверждается тем, что смерть Святослава, старшего соправителя Рюрика, в 1194 году уже не сопровождается подобной обобщающей характеристикой. Это означает, что летописец Рюрика Петр Бориславич хотя и продолжал вести хронику дел великого князя, но надобность в итоговых характеристиках уже отпала. Этот же признак поможет нам отыскать **раннюю** дату написания того труда, для которого требовались такие обобщенные многогранные и очень индивидуализированные портреты великих князей Киева.

Последним законным великим князем до дуумвирата Рюрика и Святослава (не считая чехарды скороспелых претендентов 1170-х годов) в Киеве был старший брат Рюрика Роман Ростиславич Смоленский. Он княжил в Киеве дважды: в 1171—1173-м и 1175—1176 годах. При нем был составлен важный междукняжеский договор, «романов ряд», на который ссылались вплоть до 1190 года. Роман умер в 1180 году и как князь, дважды бывший цесарем и добровольно уступивший престол Святославу, заслужил подробную портретную характеристику в историческом труде Петра Бориславича. (Т а т и щ е в, т. III, с. 123—124.)

У В. Н. Татищева, по всей вероятности, получилось недоразумение: портрет Романа лишен описания внешности, а часть характеристики оказалась отнесенной к Мстиславу Ростиславичу, который никогда великим князем не был. Татищев допустил здесь и другую погрешность, приняв Мстислава

за внука Юрия Долгорукого. Очевидно, фрагмент характеристики, ошибочно отнесенный к Мстиславу, следует расценивать как часть подробной и восторженной характеристики великого князя Романа.

Таким образом, для времени создания исторического труда, основанного на собственной летописи Петра Бориславича, мы получаем несколько широкую, но достоверную дату: 1180—1190 годы. Это десятилетие отмечено, как мы знаем, следующими новыми и неожиданными событиями:

1. Усиление половецкой агрессии.
2. Отрыв чернигово-северских князей от общерусской обороны и союз их с Кончаком.
3. Небывалый в истории разгром русских войск и пленение четырех князей (Игоря и др.) в 1185 году.
4. «Слово о полку Игореве» как выражение идеи единства князей и реальное осуществление этой политической идеи (1187 год).
5. Дезертирство Ярослава Черниговского (1187 год).
6. Установление ряда межкняжеских союзов: Рюрик, Игорь, Святослав, Всеволод Большое Гнездо (1188—1189 годы).

Исходя из этого перечня разноликих событий, время приурочения исторического труда Петра Бориславича, охватывавшего и период «первых усобиц» XI века, и эпоху Мономаха, и устойчивую дружбу Ольговичей с половцами на протяжении всего XII века, следует, очевидно, отнести ко второй половине 1180-х годов, когда опасность обострилась до уровня трагической угрозы. «Слово о полку Игореве» и исторический труд-летопись Петра Бориславича почти синхронны. Боярин Петр был в это время уже в «серебряной седине»; ему было примерно лет 65—68, и его исторический труд, взятый не только как хроника княжеских дел, а как мудрое осмысление событий, деятелей, задач за целое столетие от «полков Олеговых» до конца 1180-х годов, представляет очень большой интерес.

Установив, насколько возможно, место этого труда в общей схеме летописания Петра Бориславича, вернемся к исходной точке, к началу деятельности молодого боярского сына при Изяславе Мстиславиче в 1140-е годы.

БОЯРИН ПЕТР БОРИСЛАВИЧ ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ

Судя по наличию отчества и тем двукратным ответственнейшим дипломатическим поручениям, которые давались ему великим князем и королем Венгрии, Петр Бориславич принадлежал к кругу высшего киевского боярства. С уверенностью можно говорить о том, что он был сыном киевского боярина Борислава. Это имя в русских исторических источниках уникально. Двор Борислава как общеизвестный топографический ориентир указан в киевской летописи. В конце апреля 1151 года Изяслав Мстиславич, обороняя Киев, разместил полки по внешнему периметру «Ярославова города». Ориентирами для читателей летописи были указаны проездные башни, и только один раз был упомянут боярский двор:

«... А Изяслав Давыдович ста mezi Золотыми вороты и mezi Жидовьскими, противу Бориславлю двору...»

Двор Борислава находился в богатой, аристократической части Киева, в непосредственной близости от Софийского собора и митрополичьего двора.

В древней Руси мальчика в три года сажали на коня («постриги»), в семь начинали учить грамоте, а в двенадцать уже брали в поход. Детство Петра падало на княжение Мстислава Великого (1125—1132), а юность — на княжение его брата Ярополка (1132—1140), при котором велись лютые войны с Ольговичами, призывавшими по примеру своего отца, Олега Гориславича, в помощь себе многотысячные отряды половцев.

Петр Бориславич упоминается впервые в 1152 году уже как боярин, названный по отчеству, который присутствует на «снеме» князей с венгерским королем по поводу судьбы побежденного соперника Изяслава князя Владимира Галицкого и послан к этому князю в Перемышль совместно с венгерскими послами принимать присягу. Владимир, как мы знаем, клятву нарушил, и на следующий год Петр Бориславич вторично был послан (уже в столицу Владимира Галич) объявить ему войну, «бросить ему крестные грамоты».

С этим посольством мы уже знакомы по подробному отчету Петра.

Авторство Петра Бориславича по отношению к отчету, внесенному в летопись, как уже говорилось, предположил И. П. Хрущов в 1878 году, и оно никем из исследователей до 1986 года не оспаривалось. В юбилейном издании «Слово о полку Игореве. 800 лет» в упоминавшейся уже статье А. Н. Робинсона высказано сомнение в грамотности Петра Бориславича: «Если предполагался светский феодал (как автор «Слова»), например, Петр Бориславич, то оставалось недоказанным, умел ли он писать, сочинял ли что-нибудь или пел, был ли он в живых во время похода Игоря и в ближайшее время...» Ответу кратко: если верна гипотеза о том, что летописные статьи определенного духа и стиля принадлежат перу Петра Бориславича, то он был грамотен, писал летопись, был еще жив во время написания «Слова о полку Игореве» и даже пел (до 1141 года) совместно с Игорем Ольговичем, дядей Игоря Святославича: «Сей Игорь Ольгович был муж храбрый и великий охотник к ловле зверей и птиц, читатель книг и в пении церковном учен. Часто мне с ним случалось в церкви петь, когда был он во Владимире (Волынском)...» (Т а т и щ е в, т. II).

Первый раз «эффект присутствия» в летописи Петра Бориславича мы ощущаем в описании похода Ярополка на Болеслава Кривоустого в 1138 году,

расположившегося «за Гличем на луках между болоты и позади его горы». В походе участвовал князь Изяслав Мстиславич.

Только очевидец, непосредственный участник событий мог рассказать о том, что в полночь с гор были видны костры польского лагеря, что на рассвете был услышан шум отдаленного боя, после чего в киевских полках затрубили сигнал атаки. Возможно, что именно тогда 18—20-летний сын боярина Борислава попал в поле зрения Изяслава Мстиславича Волынского, уже прославившего себя блестящей победой над полоцким князем в 1127 году. Во всяком случае, тот пункт, откуда будущий летописец разглядывал огни поляков, где он слушал допрос пленных самими великим князем, был, очевидно, недалеко от главной ставки.

Именно в эти годы молодой Петр Бориславич мог петь

на клиросе совместно с Игорем Ольговичем, приезжавшим из своего Дрогичина во Владимир Волынский, где до 1141 года княжил Изяслав Мстиславич.

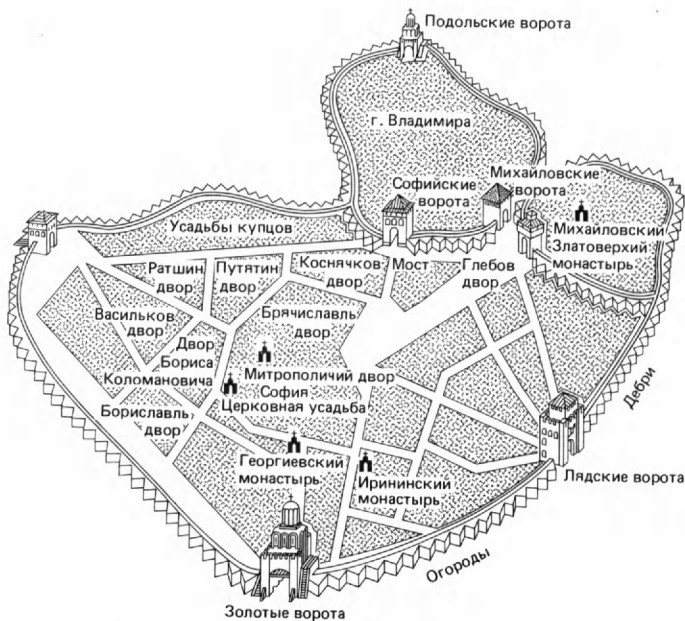
Пропускаю многочисленные примеры личного участия летописца в княжеских съездах, походах и т. п. для того, чтобы упомянуть их в процессе последовательного рассмотрения летописи, в контексте всех событий.

Петр Бориславич вторично (после 1152—1153 годов) упоминается в событиях 1168—1169 годов. Одновременно с ним упомянут его брат Нестор Бориславич. Братья Бориславичи участвовали в общерусском походе 1168 года против половцев, доведенном до Орели и Снепорода (сравнительно недалеко от места гибели Игорева полка в 1185 году).

Следующее упоминание относится к 1169 году и иногда является поводом к объявлению Петра Бориславича предателем и изменником, а тем самым и к отрицанию возможности видеть в нем автора «Слова о полку Игореве».

Дело в том, что Петр Бориславич содействовал входу войск Андрея Боголюбского в Киев.

Петр Бориславич не был придворным ни одного из князей, которым он служил. Он был вассалом, сохранявшим право выбора. В 1149 году он жестко осудил Изяслава Мстиславича за пренебрежение советом боярской думы и счел нужным не умолчать в своей летописи о суровом решении киевского боярства: «...поедита в свои волости!» В 1150 году киевляне вернули Изяслава, прогнав Юрия, а через несколько недель, учитывая новую ситуацию, киевское боярство во второй раз сказало своему любимцу Изяславу: «Поеди, кня-

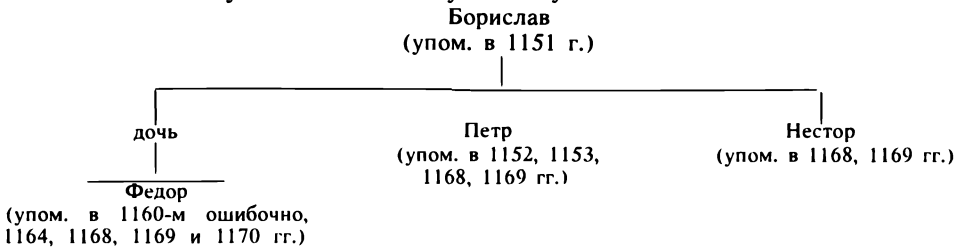
Местоположение усадьбы боярина Борислава в Киеве (по П. П. Толочко).

же, прочь! И то рекше, кияне побегоша от него прочь». Это тоже попало на страницы этой боярской летописи. Ко времени конфликта с Мстиславом Изяславичем, в 1168—1169 годах, боярство и все вассальные князья были резко настроены против великого князя Мстислава.

Петр Бориславич достиг к этому времени самой вершины нетитулованного слоя феодалов — он стал киевским тысяцким, то есть главой столичного боярства, и не изменил Мстиславу, а вместе со многими князьями переменял ориентацию, отошел от него. Феодалы сильно отличались от позднейших. Петр Бориславич не был Андреем Курбским, бежавшим из Руси, он, Петр, содействовал появлению в Киеве другого князя вместо Мстислава, что было желанием многих князей, у которых «сердце их не бе право с ним (с Мстиславом)». Подробнее об этом важном для нашей темы конфликте 1169 года будет сказано в своем месте.

В этом киевском боярском семействе нам известно и третье поколение — «сестричичь» (племянник, сын сестры) Петра Бориславича — Федор, епископ Ростовский.

В целом наши разрозненные сведения и предположения мы можем свести в небольшую генеалогическую схему:

Племянник («сестричичь») Петра Бориславича Федор был яркой и даровитой личностью, известной и в Киеве, и во Владимире, и даже в столице Византийской империи. Жизненный путь он начал постриженником Киево-Печерского монастыря, который ученые справедливо приравнивают к духовной академии; из стен его вышло много епископов и игуменов крупных монастырей. Разобраться в этапах его дальнейшей жизни довольно трудно, так как все наши источники официально-церковного происхождения полны лютой ненависти к Федору из-за его выступлений против киевского митрополита-грека Константина II и из-за соперничества с ним.

Тем интереснее, что даже враждебный лагерь, в конце концов зверски расправившийся с Федором, обрисовывает его как значительного деятеля, наделенного большими достоинствами:

«Бе же сей (Федор) дерзновенен зело безстуден. Не срамляше бо ся сей ни князя, ни боярина. И бе телом крепок зело и язык имея чист и речь велеречиву и мудрование кознено и вси его бояхуся и трепетаху. Никто же бо можаше противо его стояти». (Никоновская летопись, с. 239)

Где-то в середине 1160-х годов Федор попал в поле зрения Андрея Боголюбского и оказался епископом Ростовским. У самого Петра Бориславича, обоснованно не любившего Юрия Долгорукого, были приличные отношения с его сыном Андреем, который впоследствии сам резко конфликтовал с отцом, а в 1155 году защищал патрона Петра, князя Мстислава Изяславича, от враждебных действий со стороны Юрия.

Петр Бориславич вставил в свою летопись подробный рассказ о том, как киевские бояре просили за осиротевших Изяславичей и как Андрей Юрьевич, специально приехав в Киев, просил отца не обижать Мстислава и его бра-

тьев. «Не надейся, отче, на силу твою в неправой войне!» — будто бы говорил Андрей. Именно в это время (как увидим ниже) экземпляр летописи Петра Бориславича, доведенный до 1154 года, оказался во Владимиро-Суздальской земле (дар Андрею?). Из текста летописи Петра Бориславича мы видим явную симпатию к Андрею Боголюбскому, проявившуюся еще в 1150-е годы. Поэтому можно думать, что от Петра Бориславича князь мог получить хорошую рекомендацию его племяннику Федору.

Строя и укрепляя свое княжество в Суздальщине, Андрей Боголюбский добился феодальной автономии от Киева, опираясь на местное боярство, а кроме того, хотел получить и свою обособленную владими́ро-суздальскую церковь. Двух епископов он согнал, построил во Владимире великолепный белокаменный Успенский собор и перенес епископию из Ростова во Владимир. Мечтой Андрея Боголюбского (правда, труднодостижимой) было создание второй митрополии, равноправной Киевской. Князь просил патриарха константинопольского «да благословит град Владимир митрополюю и да поставит в него митрополита». Практически Андрей пока подыскивал такого епископа, который был бы целиком в княжеской, а не в митрополичьей воле. Епископы Нестор и Леонтий были удалены под предлогом того, что они запрещали «мясоядение» в постные дни даже в самые большие православные праздники, которые совпадали с древними языческими празднествами, требовавшими ритуальной мясной пищи. Традиция обязательного употребления ветчины, творога и яиц на пасху и рождество дожила до XIX века. В XII веке шли яростные сражения за право соблюдения прадедовского ритуала. Княжеско-боярские круги резко протестовали против излишней ригористичности церковников. Церковники во главе с митрополитом-греком настаивали на греховности этих обычаев.

Ростовский епископ Леонтий, купивший это место у митрополита, активно боролся с «мясоядением»: «Леонтий же, хотя не был учен, но гордостью надмен, шед в Ростов, начал учить развратная, яко не есть мяса в господские праздники...»

Андрей Боголюбский устроил публичный богословский диспут «предо всеми людьми», на котором Федор победил Леонтия: «упре его владыка Федор», после чего он и стал по воле князя Андрея епископом. За защиту прадедовских обычаев враги называли Федора волхвом.

Глава русской церкви, митрополит, начал наступление на самоволие князей и тех церковников, которые им потакали. Печерский игумен, летописец Поликарп был заключен в темницу.

В 1168 году в Киеве великий князь Мстислав (тогда еще покровительствовавший Петру Бориславичу) созвал церковный собор, на котором присутствовало 150 ученых мужей. Был здесь и Федор Ростовский. Андрей Боголюбский прислал Мстиславу письмо, в котором предлагал «митрополита ссадить и выбрать епископом иного... о чем Федорец паче всех прилежал». (Т а т и щ е в, т. III, с. 88—89).

Присутствовавший на соборе Святослав Всеволодич (герой «Слова о полку Игореве») и епископы смоленский, владими́ро-волинский и галицкий были против запрета «мясоядения», но митрополит выждал время, когда они все разъехались, и провел свои меры. Поликарп был осужден. Святослав выгнал из Чернигова, где он тогда княжил, епископа, осуждавшего «ядение мяса». Федор, не получив, разумеется, благословения от осуждаемого им митрополита, отправился в Константинополь к верховному православному начальству — патриарху и цесарю Византии — просить о постановлении в митрополиты. В результате поездки (или переписки Андрея с патриархом Лукой ХризOVERгом) был получен отрицательный ответ. Патриарх в своем ответе Андрею Боголюбскому на просьбу «поставити в нем (во Владимире) от нас

(от патриархии) митрополита тамо сущаго у благородия твоего (у Андрея) Феодора» ответил так: «Того же убо Феодора отжени от себе!» (Никоновская летопись, с. 222, 223, 228).

Федор вернулся во Владимир епископом Ростовской епархии, но 8 мая 1169 года князь, который «прежде его вельми любил», вынужден был выдать его митрополиту Константину, а тот, обвинив в «тяжкой ереси», отдал его под великокняжеский суд. Великим князем в Киеве был уже не Мстислав Изяславич, который «довольно письма учен был и законы знал», а брат Боголюбского Глеб Юрьевич. Церковники нагромоздили множество чудовищных обвинений и так оклеветали Федора, что судьба его была предreshена. Федор — «волхв» и еретик — был казнен. «И прокляли его собором, а книги, писанные им, на торгу пред народом сожгли».

Значит, в лице племянника Петра Бориславича Русь потеряла не только смелого общественного деятеля, но и писателя, который, очевидно, в его сожженных церковниками книгах обосновывал свои взгляды на спорные вопросы того времени.

Точная дата казни епископа Федора не устанавливается; она колеблется между 1169 и 1170 годом, но, во всяком случае, казнь произошла во время великого княжения в Киеве Глеба Юрьевича и, несомненно, с его санкции. В январе 1171 года Глеб был отравлен киевскими боярами. Была ли какая-либо связь между жестокой казнью защитника старинных боярских обычаев и убийством боярами (Григорием Хотовичем и Олексой Святославичем) князя Глеба, мы не знаем, но, естественно, что эта расправа должна была обострить отношения между киевским боярством и пришлым из Суздальщины князем. В свое время киевляне устранили Юрия Долгорукого, а теперь отравили (летописец смело употребил термин «уморили») его сына Глеба.

ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ

Следы летописной работы Петра Бориславича, как в виде подробнейших описаний событий, так и в виде коротких заметок, незначительных вставок, встречаются не только на протяжении предполагаемого срока его жизни (до 1196 года?), но просматриваются и на протяжении двух с половиной столетий до середины X века в глубь веков, вторгаясь в записи, объединенные Нестором в его «Повести временных лет». Это дает право думать, что Петр был не только хронистом, регистрирующим вчерашний день, но и историком, интересующимся (подчас субъективно) также и отдаленными временами.

Рассматривать эти фрагменты в строгой хронологической последовательности самих событий нецелесообразно, так как мы не знаем, в какой именно момент своей долгой жизни, в какой исторической ситуации наш летописец делал эти ретроспективные вставки. Наметим решение частной задачи: с чего начал Петр Бориславич свою литературно-политическую деятельность? То, что его летопись предназначалась не для того, что «когда-нибудь монах трудолюбивый найдет (сей) труд... и пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет», ясно уже из самого стиля летописи. Подробность изложения, строгая документированность десятками государственных грамот, перечни титулованных участников и свидетелей — все это было рассчитано на публичность летописи, на показ ее в случае многочисленных споров между князьями, на ее юридическую доказательность не тогда, когда на ней накопится

1132. Изяслав Мстиславич едет по распоряжению великого князя в Новгородскую землю собирать дань на реке Печоре. Иллюстрирование этого незначительного эпизода говорит об особом интересе летописца к судьбе молодого князя.

посла по рѹгаго мстислави . пои за слава . вполте
 сисъ . и привені славою . и мже іспавнѣра . стополка
 вполцикѣ . и приведѣд перей славл на гжмвднѣ . го
 члмѣрксн . и шлѣтѣм . и выгнаша стѣпока . а в аснса
 посадиша стѣславнча . в ндѣ в жето мѣрополскѣ . оум
 днса гобрѣю . и дперей славл вачславо . и н за слѣ
 выведѣтѣ смѣжею . по ежкѣ димы . даша н за славоу
 поуровъ . и тннесисъ . ксменьскѣ . то в а шѣтѣ его ш
 сталъ . переднѣ во лостн его : +

лѣ в х . ма . мѣрополскѣ посла . мстислави . н за слава ксѣвѣра
 и кнѣво городѣ . и ддачи перьскнє . и мстолескѣ ддѣрѣ и та ксѣтѣ
 чѣлова . и почалиша тн в а слѣ перей славл . и до шѣго роца во рѣ
 тнслѣ и па ! ~

и пѣтирми поѣти. вѣтиславъ и горова. и мдрѣл. и збо
 лодимѣра. и вѣволокѣ. и згорона. и вѣславъ и горова
 вѣнскѣлаца. пѣ повелѣти и пѣти и зславлю. и вѣ
 воладо и ѡлго вѣ. повелѣти и пѣти и зславлю. и вѣ
 кворнса вѣ. и нѣ вѣволокѣ. пѣ поѣти и зславлю. и вѣ
 и славъ свое и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав

на поѣти. и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав

зславлю и поѣти. и вѣтиславо и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав

вѣтиславо и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав
 пѣлого жѣ и зславлю. и сѣорска. и сѣон поѣти. по слав

пыль веков, а теперь, в современной автору и его собратьям по сословию (или избранному им патрону) политической и военной ситуации.

Была ли великокняжеская летопись Изяслава Мстиславича (1146—1154), с отрывком которой мы уже познакомились, первым опытом молодого летописца?

Ответить на этот вопрос нелегко, так как сведения об Изяславе Мстиславиче, имеющиеся в своде 1198 года и принадлежащие, судя по формальным признакам, руке летописца Петра, могли быть внесены сюда ретроспективно в любое время в рамках XII века. Петр Бориславич за свою долгую жизнь нес вассальную службу летописца только одному княжескому клану — «Мстиславичам», «Мстиславоу племени» — внуку Мономаха Изяславу Мстиславичу и двум правнукам: Мстиславу Изяславичу и его кузену Рюрику Ростиславичу.

В летописных записях 1130—1140-х годов о «Володимеричах» (всех потомках Мономаха) и особо «Мстиславичах» нам и следует искать следы первичной летописной работы молодого Петра. Следы эти есть; одни уходят вглубь до 1127 года, когда тридцатилетний Изяслав впервые прославился в войне с полоцкими князьями; другие связаны с обоснованием (довольно шатким) прав Изяслава на Киев.

Целая повесть о 1127 годе, по всей вероятности, вставлена ретроспективно, а обоснование прав на великое княжение ссылкой на обещание вероломного Всеволода Ольговича Киевского утратило смысл сразу после смерти Всеволода и избрания Изяслава Мстиславича киевским боярством и «всей Русской землей» в 1146 году и тем самым должно быть отнесено к записям первой половины 1140-х годов, когда Изяслав княжил еще только на подступах к Киеву в Переяславле Русском (1142—1146 годы). Летопись при дворе Изяслава здесь велась, и вел ее, судя по всем признакам, Петр Бориславич, тщательно фиксирующий все княжеские владения и все перемещения князей в процессе усобиц и коварной политической игры великого князя Всеволода Ольговича после смерти Ярополка, сына Мономаха.

На год вокняжения Всеволода Ольговича в Киеве — 1139-й — летопись, в присущей Петру Бориславичу манере, подробно рисует расклад межкняжеских отношений*:

О. Киев — Всеволод Ольгович, опирающийся на половцев.

О. Чернигов — Владимир Давыдович, двоюродный брат Всеволода.

В. Переяславль — Андрей, сын Мономаха. Позднее — Вячеслав, брат его.

М. Владимир Волынский — Изяслав Мстиславич (с 1135 года).

М. Смоленск — Ростислав Мстиславич.

О. Новгород Великий — Святослав Ольгович (временно).

О. Новгород-Северский — Святослав Ольгович.

Галич — Владимир Володаревич.

В. Туров — Вячеслав Владимирович.

В. Владимир Суздальский — Юрий Долгорукий.

Как видим, Ольговичи, опиравшиеся на многотысячную помощь

1127. Изяслав Мстиславич берет полоцкий городок Логожск. Поход на Полоцкое княжество осуществлялся несколькими князьями; иллюстратор особо выделил участие одного из младших князей — Изяслава.

* Перед названиями городов поставлены буквы, означающие обобщенную династическую принадлежность: В — «Володимеричи» — потомки Владимира Мономаха; О — «Ольговичи» и «Давыдовичи»; М — «Мстиславичи» (часть младших «Володимеричей»).

союзных половцев, главенствовали. Петр Бориславич крайне неодобрительно описывает агрессивные и коварные действия Всеволода Ольговича, дробившего Русь на мелкие группы городков, которыми он пытался как подачками успокоить разных князей.

В 1142 году Изяслав Мстиславич смело восстал против самоуправства Всеволода Киевского и силой оружия удержал Переяславль за своим «стрыем», беспомощным и суетливым Вячеславом, и «возвратися восвоися с честью великою». В благодарность за поддержку Вячеслав уступил Переяславль племяннику Изяславу Мстиславичу, где тот и княжил с 1142 по 1146 год.

К этому переяславскому периоду, непосредственно предшествующему великому княжению Изяслава в Киеве, относится интереснейший источник, который может пролить свет на неизвестную нам сторону жизни молодого летописца — на его творческое отношение к художникам, к иллюстрированию летописей миниатюрами. Ради такого неожиданного поворота нашего поиска нам придется внимательно присмотреться ко всем источникам, повествующим о событиях, предшествующих вокняжению Изяслава Мстиславича в Киеве.

1. Киевская летопись 1130—1140-х годов, составленная из разных фрагментов при формировании Киевского свода 1198 года (Ипатьевская летопись).

Отражает довольно подробно борьбу Володимеричей и Мстиславичей с Ольговичами, усиленными половцами. Симпатии на стороне таких великих князей, как Мстислав Великий, Ярополк. Много упоминаний об Изяславе и его второстепенных делах и всех перемещениях.

2. Татишевские выписки. Общий дух сходен с Киевским сводом 1198 года, но злодеяния Ольговичей даны подробнее и ярче. Заметны поздние ретроспективные включения (из «исторического труда 1190 года»?) вроде речи Ярополка на снеме 1133 года, снабженной историческими ссылками на события 975 года и на действия «Олега завистливого» (1078—1097 годы); в этой же речи прославляется Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах. К дополнениям, сделанным «издалека», во время подготовки свода 1190 года, следует отнести и анекдот о Прохоре, любовнике жены Мстислава Великого, помещенный под 1131 годом. Через шесть десятков лет можно было упомянуть о мудрости стареющего князя, но в ближайшие годы, при братьях и сыновьях князя, это было бы крайне нетактично.

Судьба Изяслава Мстиславича тоже прослежена очень подробно и шире, чем в своде Моисея.

Большой интерес представляет подробнейший рассказ о походе Володимеричей в 1138 году под Галич против Болеслава Кривоустого, отсутствующий у Моисея. Участие Изяслава в карпатском походе отмечено. Здесь описаны военный совет, речь Андрея Переяславского, военные хитрости Ярополка.

Важно отметить несомненный эффект присутствия летописца при соприкосновении русских и польских полков:

«...Ярополк по отпуске их (знатных пленников) весь день и ночь шел около за-горы со всеми войски.

И о полуночи взошли на горы позади поляк, откуда ему все огни польские были видны...

...И как стало рассветать — услышали шум в войске польском, из которого познали, что Володаревичи бой начали...»

(Т а т и ш е в, т. II, с. 150.)

Военная обстоятельность всей этой статьи 1138 года не противоречит тому, что мы видим в позднейшей летописи Петра, но вполне возможно, что

он был тогда еще только участником похода, свидетелем, но не летописцем. Писалась же статья о событиях 1138 года не в Киеве, а в Переяславе, так как киевские войска великого князя Ярополка названы в ней «заднепровскими». Вероятнее всего, что писал ее молодой Петр Бориславич при дворе своего первого патрона Изяслава Мстиславича в Переяславе между 1142 и 1146 годами.

Эффект присутствия впервые проявился здесь так четко. Боярскому сыну Петру, смотревшему на костры польских воинов, могло быть (как мы условно приняли) около 17—18 лет; ему же, переяславскому летописцу, в 1142 году должно было быть около 22 лет.

К записям переяславского периода, а не к ретроспективным вставкам «издалека» следует отнести подробную передачу переговоров Изяслава Мстиславича со Всеволодом Ольговичем, накануне захвата последним киевского престола после смерти Ярополка. Хитроумный и лживый Всеволод обещал Изяславу, что «по смерти моей Киева мимо тебя ни сыну моему не отдам!».

Однако первым же реальным делом Всеволода по вокняжении в Киеве был поход в 1139 году на Изяслава, владевшего тогда Владимиром Волынским. «Всенародное избрание» Изяслава в 1146 году сделало излишними ссылки на шаткое основание личных переговоров Изяслава со Всеволодом несколько лет тому назад. При написании своего исторического труда 1190 года Петр Бориславич едва ли стал бы вспоминать о наивных расчетах 1130-х годов. Для переяславского же периода (1142—1146), когда были живы все трое Ольговичей, можно было напоминать об обещании одного из них, данном семь лет тому назад.

Одним словом, татищевские выписки говорят о том, что в период переяславского княжения Изяслава не только писалась его летопись, но и делались ретроспективные вставки в текст о 1130-х годах.

3. Радзивилловская (Лаврентьевская) летопись.

Текст северо-восточной летописи за 1130—1140-е годы основан на киевских материалах, сильно сокращенных даже по сравнению со сводом 1198 года. Поэтому особенно рельефно выступают в тексте город Переяславль и князь Изяслав Мстиславич, о котором сообщаются подчас мелкие, не заслуживающие летописного упоминания дела.

Киевские материалы были получены во Владимире Суздальском, по всей вероятности, таким образом: к концу княжения Изяслава Мстиславича в Киеве (1154 год) здесь была уже готова иллюстрированная летопись Петра Бориславича. Сама эта рукопись или ее (тоже иллюстрированная) копия попала в руки Андрея Боголюбского, у которого с Изяславом были отношения более дружественные, чем у его отца Юрия Долгорукого. Порывая с отцом и уезжая в 1155 году в Суздальщину, Андрей взял с собою не только знаменитую икону Владимирской божьей матери и меч святого Бориса, но и рукопись (список) летописи Петра Бориславича, хорошо отозвавшегося потом об Андрее. Об этом можно говорить с полной уверенностью, так как в Радзивилловской летописи есть сокращенный текст Киевской летописи и 57 миниатюр, посвященных Изяславу Мстиславичу. Четыре из них не сопровождаются текстом:

1. 1146 год. Изяслав Мстиславич беседует с пленным племянником Святославом Всеволодичем (героem «Слова о полку Игореве»), лист 170, низ.
2. 1151 год. Дуумвират Изяслава и Вячеслава в Киеве. Лист 189, низ, правая половина.
3. 1152 год. Съезд Изяслава с венгерским королем. Лист 193, оборот, верх.
4. 1153 год. Петр Бориславич передает великокняжеские грамоты га-

лицо к князю Ярославу Осмомыслу (одному из персонажей «Слова о полку Игореве»). Лист 196, оборот, низ.

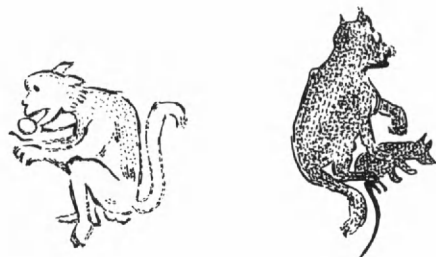
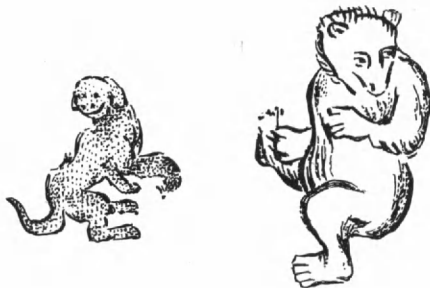
Отсутствие текста, поясняющего эти рисунки во владими́ро-суздальской рукописи, и полное раскрытие содержания этих миниатюр в тексте Киевской летописи говорят о том, что в руках художников Андрея Боголюбского была более полная рукопись, богато иллюстрированная киевскими художниками, давшими даже портрет Петра Бориславича. Во Владимире же сократили текст так, что некоторые миниатюры были скопированы, но остались без текстового сопровождения и опознаются лишь при ознакомлении с киевской летописью Петра Бориславича.

К нашему счастью, Радзивилловская летопись своими миниатюрами очень подробно и интересно освещает переяславский период княжения Изяслава Мстиславича и ретроспективно события 1127, 1130, 1132 и 1135—1140 годов.

Русские летописи, начиная еще со свода 997 года, украшались цветными миниатюрами, сохранившими целый ряд архаичных черт, несмотря на позднейшие копировки: форму мечей, облик особых зданий (Десятинная церковь, Успенская церковь 1073—1089 годов в Печерском монастыре), амфоры-корчаги, шлем Андрея Боголюбского и др. Исследователь радзивилловского миниатюр А. В. Арциховский остроумно назвал эти средневековые рисунки «окнами в исчезнувший мир».

Отбор сюжетов, достойных иллюстрирования, производился, надо полагать, заказчиком или автором летописи, и субъективизм летописных оценок подчеркивался иллюстративным рядом, как своего рода карандашом редактора. Мстислав Великий, по мысли А. А. Шахматова, получил от своего отца Владимира Мономаха около 1117 года задание руководить летописным делом, что выразилось прежде всего в переделке «Повести временных лет» Нестора, а в дальнейшем — в написании повести о шаруканском походе 1111 года (победа над половцами) и в ведении летописи «Володимеричей». Анализ миниатюр блестяще подтвердил гипотезу Шахматова о Мстиславе как руководителе великокняжеского скриптория. Сам венценосный отец князя написал своего рода конспект летописи («Поучение» Мономаха), а Мстислав создал особый стиль летописания и иллюстрирования.

Пририсовки зверей на полях летописи (1111—1127 годы).

Среди радзивилловских миниатюр много рисунков, посвященных лично Мстиславу, его поездкам, победам, избранию его новгородцами и т. п. Художники из скриптория Мстислава (вероятно, не монастырского?) ввели совершенно новый светский элемент в свое искусство: к рисунку, изображающему событие, они стали пририсовывать символическую оценку действующих лиц или сил в виде различных зверей. Принцип символики басен был внесен в государственную летопись и применялся от рубежа «Повести временных лет» до конца княжения Мстислава (1111—1132 годы). Все то новое, что делалось в киевском летописании после Нестора (сторонника соперников Мономаха), теперь оживлялось новым стилем маргинальных пририсовок сатирического характера.

Рассмотрим их по порядку.

1. 1111 год. Общий поход по инициативе Мономаха на средоточие ханских ставок на Северском Донце и Сальнице. Изображено русское конное войско; всадник копьем убивает змею, символизирующую половцев (лист 155, низ, левая половина).

2. Тот же поход. На полях — убегающая собака, символизирующая убегающих половцев («...начали русские одолевать, что половцы видя побежали») (лист 155, низ, правая половина).

3. 1112 год. Сын Святополка победил ятвягов. Пририсован медведь как символ Литовского Полесья (лист 155, оборот, верх).

4. 1118 год. Военный конфликт Мономаха с Ярославом Святополчичем окончился миром. Но ниже миниатюры дано продолжение: «Бежа Ярославец Святополчиць из Володимеря в Ляхи». Может быть, собака — бежавший князь? (Лист 157, низ.)

5. 1120 год. Торки и берендеи бежали из Руси. Пририсована пугливая обезьяна (лист 158, низ).

6. 1127 года. Мстислав послал войска на Полоцк с четырех направлений. Сын его Изяслав пленил князя Брячислава. Пририсован кот, поймавший мышь (лист 161, низ).

7. 1127 год. Полочане выгнали князя Давида, неугодного Мстиславу. Пририсован уходящий медведь, на которого воин замахивается мечом (лист 162, низ).

8. 1132 год. Юрий Долгорукий вероломно захватил Переяславль

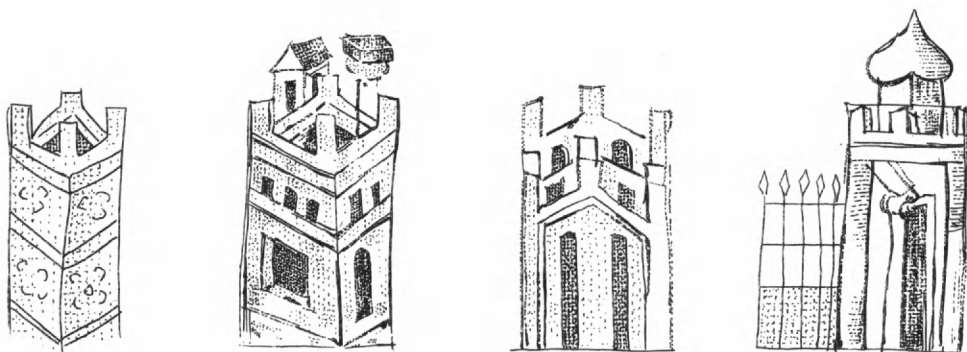

Пририсовки символических фигур в летописи (1135—1139 годы).

«и седе Гюрги дней восемь», после чего Ярополк выгнал его. Пририсован лев, на которого воин замахивается двуругой дубиной-развилкой, употребляемой при ловле зверей живьем (лист 165, верх).

Лев — геральдический символ Юрия и его потомства.

Все пририсовки художников из киевского скриптория Мстислава

Великого говорят в пользу Мономаха и его сыновей, и далеко не всегда безобидно: плененные или изгнанные князья в виде медведей, собак и мышей, геральдический лев суздальского князя, которого грозятся побить,— ясные и довольно дерзкие символы, продолжающие и обостряющие политические суждения автора текста.

Эта серия сатирических маргинальных пририсовок, основанных на эзоповском принципе замены людей животными, доведена до смерти Мстислава Великого в 1132 году. Далее следует новая серия, тематически связанная с Изяславом Мстиславичем и Переяславлем. Одна из первых миниатюр посвящена незначительному событию из жизни Изяслава — он едет в Новгород за получением печерской дани (лист 165, низ).

Особенности миниатюр 1132—1147 годов заключаются в появлении рисунков грамот в руках князей, послов и гонцов (что могло быть связано с манерой Петра Бориславича включать тексты посланий в летопись), в замене звериных символов человеческими фигурами и в особом внимании художников к Переяславлю. Последнее обстоятельство ведет нас тоже к князю Изяславу Мстиславичу, получившему Переяславль первоначально в 1132 году, но окончательно закрепившемуся в этом городе лишь в 1142 году.

Вокняжение Изяслава в Переяславле отмечено двумя совершенно нестандартными миниатюрами. На одной из них (лист 172, оборот, верх) изображен неудачливый князь Вячеслав, только что получивший Переяславль. Город показан не обычным упрощенным рисунком-идеограммой (городок с четырьмя угловыми башенками), а схемой большого города с несколькими концентрическими укреплениями. На следующей миниатюре показан Игорь Ольгович у крепостных ворот Переяславля, пришедший изгонять Вячеслава. Изяслав Мстиславич прискакал с Волыни, отогнал Игоря и в благодарность получил от стрыя Вячеслава Переяславль. В изображении Переяславля вторично видим отступление от стандарта: вместо простенькой «идеограммы»

1 — обычная схема города; 2 — схема Киева; 3 — схема Переяславля; 4 — изображение надвратной церкви святого Федора в Переяславле.

Победа Изяслава над Юрием Долгоруким. Художник изобразил льва — герб побежденного Юрия.

послатороу гаго мстислави . поиза слава . вполте
 сисъ . ипривені сла твою . ииже и стави бря . стополка
 вполоцкѣ . иприведѣ перемі славл на гжъ пздль . по
 чалъ ерксше . ли шлѣть гя . ивыгнаша стпопка . а в асиа
 посадиша стпоглавнча . вудѣ в жето каротполскъ . оум
 дна са собраею . иа перемі славл ваче славо . ии за сла
 выведе ть смѣжею . по еже зимы . даша и за славоу
 поуровъ . ипни сисъ . и смець сисѣ . то ба шеть его и
 сталъ . предне в оло стне го : +

лтѣ с х . ма . каротполскъ посла . мстислави . и за слава саобра
 ии кново городѣ . иа да ии перьскне . ии смолеска даръ ии пайсѣ ть
 чело вѣ . и почалиша тива ма перемі славл . и до шего роуцаво
 тиса ии пѣ ! +

города здесь нарисована башня ворот с надвратной церковью наверху. Мы знаем, что каменные ворота Переяславля действительно были надстроены церковью святого Федора при митрополите Ефреме в 1089 году. Такая «портретность» в изображении городов несвойственна русским средневековым миниатюристам. Исключение, сделано, очевидно, по особым обстоятельствам.

Особое внимание к Переяславлю проявилось и в изображении кафедрального собора святого Михаила: в 1149 году переяславский епископ Евфимий уговаривал Изяслава помириться с Юрием Долгоруким. Дело происходило при выходе из Михайловского собора. На миниатюре (лист 182, оборот, низ) изображен не стандартный условный храм, а здание с аркадами галерей. Таким и должен был быть этот собор, равный по своим габаритам Софии Киевской, обрамленной аркадами.

Особое внимание к Переяславлю и к княжившему в нем с 1142 по 1146 год Изяславу Мстиславичу позволяет предполагать, что в основе летописного текста Киевского свода 1198 года и миниатюр Радзивилловской летописи за эти годы лежит переяславская княжеская летопись Петра Бориславича, продолжавшая традиции скриптория отца Изяслава Мстислава Великого. Судя по ряду признаков, эта летопись молодого Петра имела своим началом ретроспективную часть, углубляющуюся эпизодически до 1127 года (год первой победы Изяслава) и более детально до 1135 года.

В летописи Изяслава исключительный интерес представляет тот ряд маргинальных сатирических пририсовок, который продолжает политическую символику отцовского скриптория, но пользуется не звериными, а человеческими фигурами-символами.

Переяславская летопись Изяслава охватывала период острейшей борьбы Мстиславичей с Ольговичами, когда свары и усобицы перерастали в войны княжеских коалиций, окончательно рушилось единство Киевской Руси и создавались условия для феодального распада.

На фоне событий, влиявших на судьбы целых государств, особый интерес приобретают те, неприметные на первый взгляд, рисунки, которые притаились на краях многофигурных композиций миниатюр летописи молодого боярина, участника этих событий.

Рассмотрим их по порядку.

Княжение Мстислава Великого (1125—1132). На эту хронологическую глубину ретроспективно опущен только один рисунок плачущего голого человека (лист 160, низ). Он дополняет миниатюру, изображающую зверства старшего из Ольговичей — князя Всеволода: «В се же лето (1127) выгна Ольгович Всеволод стрья своего ис Чернигова и дружину его иссече и разграби». 1127 год — год первого успешного выступления Изяслава Мстиславича в полоцкой войне. Возможно, что его личная летопись первоначально начиналась с этого удачного для него года. Первый же маргинальный рисунок подчеркивает разбойничьи действия Всеволода, нашедшие отражение не только в летописи, но и в народных былинах.

Княжение Ярополка Владимировича (1132—1139). 1135 год. К этому году летописцы приурочивают распад Киевской Руси на самостоятельные, враждующие княжества-королевства, междоусобные войны которых облегчали наезды половецких ханов: «и раздраса вся Русская земля...»

Лист 166 (оборот) Радзивилловской летописи открывает собой новую серию маргинальных рисунков, отражающих, во-первых, лютое противо-

1127. Миниатюра иллюстрирует зверства Всеволода Ольговича в Чернигове, захваченном им у своего дяди («дружину его иссече и разграби»). На полях пририсован плачущий голый человек.

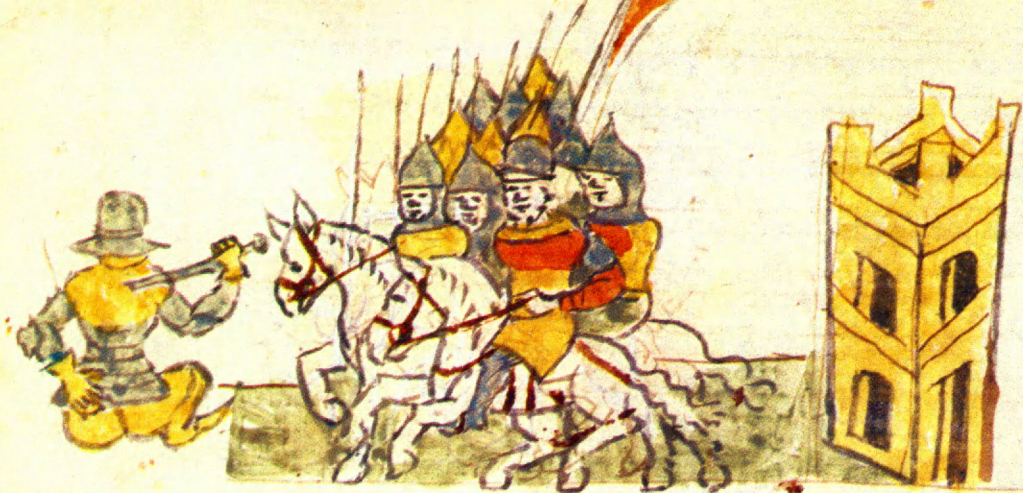
ѿрасль . ѿрополкъ . призвавъ и мѣ въжѣ . и ѿцаго
 помазѡу въ . держнѡ въ год ро жни оу своею . и побѣди
 потамы ѿ . силою чьспаго крѣпа . а ррѡу и нстоташа во
 дѣ . и тако веротиса кнзѣ ѿрополкъ . хвала и слава

бѣ . ѿпаковѣ и помощи и дарѣ бѣжѣ :

лѣ б х л а . постави кнзѣ ѿрополкъ . и гоме мамарка .
 спгой ѿа . егѡ постави и троно и никипа епѣмъ и ре
 ѿславию . и томъ лѣ прѣставѣ и тропо и никипа .
 погѡлѣ попра сиа зема . а вгѡу . а въ л . ѿа мѡ . лѣ б х л а .
 прѣставѣ и сполучѣ мѣшнѣ . брагиславъ . мрѣпа кн .
 а погрѣвѣ и прѣ . е . а лѣ въ гма ѿлговѣ . вѣволодѣ дѣ
 своѣго . ѿрослава и сурнигова . и дрѡу нѡ ѣ нсѣ . и разграбѣ :

о еже зими . придошла ѿ логвѣтис половин . и вѣдѣша
горькѣи нѣ жалитѣ . и селати жгоша . и вароуть по
жгоша . а люде оуидоша . и много поломѣвѣдѣша . сисо
тыи кони . шое еже зими погрѣмѣ . мѣа дѣ . 1 днѣ .

о еже зими согладо поюхъ . войкѣ вѣвѣхъ . а гѣ рѣ гѣи переѣславци .
исѣдѣша и . днѣи кнѣва . и омирѣи рѣ поюхъ . со все ко ломѣи дѣ
переѣславѣи рѣ вѣи вѣрусвоемъ лѣво лѣи рѣи зѣа слѣуми нѣаши .

борство Ольговичей Володимеричам, а во-вторых, четко и полно раскрывает позицию автора летописи, Петра Бориславича, резко порицающего Ольговичей, приводивших на Русь половцев.

Здесь отражена устойчивая ситуация, которая первоначально возникла при Олеге Гориславиче в 1070-е годы, была прервана Мономахом, снова возродилась в 1130—1140-е годы и продолжала существовать в эпоху «Слова о полку Игореве», вызвав к жизни эту поэму-призыв.

Верхняя миниатюра иллюстрирует фразу:

«Тое же зимы (1135) придоша Олговичи с половци и взяша Городок и Нежатин и села пожгоша...»

Ниже помещена еще одна миниатюра, поясняющая продолжение фразы:

«И мног полон взяша — скоты и кони.»

Изображен русский князь, воин с обнаженным мечом и гонимые впереди князя русские пленники со стадами...

Около верхней миниатюры на полях пририсован стоящий на коленях рыцарь в доспехе, пронзающий себя мечом... Самоубийца! Мудрый и многозначительный символ, показывающий, как верно осознавались усобицы с позиций общерусской судьбы XII века.

Нижняя миниатюра 166-го листа иллюстрирует сообщение о распределении княжских столов: Переяславль отдан брату Ярополка Андрею, а племянник Изяслав Мстиславич получил Владимир Волынский.

Здесь впервые на миниатюрах Радзивилловской летописи появляются свитки договорных грамот. Далее они изображаются часто. Мы знаем пристрастие Петра Бориславича к документированию летописи текстами подлинных грамот. Вероятно, и изображения этих документов попали в миниатюру не без участия молодого Петра.

На этой же миниатюре пририсована на полях фигура голого бородастого мужчины со щитом и с желудем (?) или цветком (?) в левой руке. Обнаженная фигура позднее, в XVII веке, была в городском гербе Переяславля. Вполне возможно, что в основе этой загадочной фигуры лежит представление о древнем языческом идоле. Именно так изображен идол под 980 годом (лист 45) — голый, со щитом. Переяславль же являлся древним религиозным центром округи; после принятия христианства Переяславль был некоторое время резиденцией митрополитов всей Руси.

Войны Ярополка с Ольговичами отмечены пририсовками трубачей с фанфарами. Когда Володимеричи побеждают Ольговичей, то трубачи трубят горделиво, подбоченясь, подняв трубу вверх. Если же одолевают Ольговичи, то труба опущена к земле.

1136 год (лист 167, низ). Битва под Переяславлем.

«...и вскоре побегоша половцы (и) Олговичи.»

Трубач трубит победу.

1136 год (лист 168, верх).

«Паки крамола бысть в них (в Ольговичах) не мала. Шедши бо тии же Олговичи с половци, взяша Треполь и Халеп и приидоша Киеву, хотяче битися с Володимиричи и прольяти кровь хрестьянскую, хвалящися в гордости...»

¹ Войны Ярополка с Ольговичами отмечены разными пририсовками на полях.

Ярополк уклонился от боя. Художник тонко осудил его — трубач понуро трубит, опустив трубу.
1138 год (лист 169, верх).

«Оттоле болиши поча воевати Олговичи и приведоша половци множество и взяша Прилук, хотя пойти х Киеву...»

Трубач дудит в землю; рука скорбно поддерживает лицо.

1138 год (лист 169, оборот). Ярополк победил Всеволода Ольговича «и сотвориша мир». Трубач с саблей у пояса торжественно трубит над пирующими князьями.

От рассмотренных выше военных трубачей резко отличается тот, который трубит поход против Всеволода (закончившийся упомянутым выше миром): простолюдин в примитивной одежде трубит в огромный медный рог; войско Ярополка идет к Чернигову (лист 169, низ).

Обращение к тексту раскрывает нам сатирическую сущность маргинального рисунка. Великий князь Ярополк Владимирович собрал огромное войско против коалиции Ольговичи плюс половцы:

- с юга на Чернигов шли переяславцы и 30 тысяч берендеев,
- с юго-запада — кияне, венгры, галичане, волынцы,
- с северо-запада — полочане,
- с севера — смоляне,
- с северо-востока — далекие ростовцы.

Всеволод Ольгович был обложен со всех сторон союзниками Ярополка, как красный зверь на охоте. Художник смело изобразил поход на сына Олега Гориславича как облаву с загонщиками, трубящими не в военные трубы, а в охотничьи рога. После победы, как мы видели, рисуя пир при заключении мира, художник снова вернулся к трубачу рыцарского войска.

Княжение Всеволода Ольговича (1139—1146). Как мы помним, в переяславской летописи Петра Бориславича (татищевские выписки) большое внимание было уделено обоснованию прав Изяслава Мстиславича на киевский престол. Одним из оснований было устное обещание Всеволода Ольговича передать Киев (минуя родных братьев) Изяславу. Обещание было дано в момент борьбы за престол, когда Ярополк уже скончался, а Всеволод искал союзников.

Радзивилловская летопись описывает вокняжение Всеволода крайне сухо, без каких бы то ни было упоминаний о торжествах коронации:

«В лето 1139. Седя Олгович в Киеве. И нача замышляти на Володимиричи и на Мстиславичи, надеяся силе своей и хотя всю землю сам держати».

Первым действием вероломного Ольговича, как уже говорилось, был поход на Изяслава, которому он неделю тому назад обещал Киев. Но на самой границе Волынского княжества, на реке Горыни, «пополошившиеся, бежаша опять (назад, вспять)».

Летописец (или художник?) для освещения дел нового князя выбрал самый конфузный для него момент: войско, посланное против Изяслава Мстиславича, на галопе идет вперед, но видит на пригорке в лесу засаду (воин с копьем), и передний всадник туго натягивает поводья — «бежаша вспять» (лист 170, низ). Отношение к новому великому князю выражено вполне определенно.

1148. Князья пересылаются грамотами. В этом разделе летописи проявлено большое внимание к грамотам.

и младию стго феѳра . и пригѣхавъ иго мнѣ . вѣдѣиаго
 и вѣлѣи . и ипѣмѣи и вѣчѣмѣи . и вѣзникостѣмѣ
 семейноу . и пѣмѣположиша . и пославолодимиръ ко вѣрѣ
 поведамоу вѣи ствои гору вѣ . и пѣтале пѣвѣи гѣ сла
 вѣ . и жало вѣша на кнѣи . и посла гѣ сла вѣ володими
 ра вѣ гору . и порогѣи сла вѣ а по сла ко смоленѣскуу :

лѣ . сѣх . нѣ . прииде гѣ вѣ гѣ оу рѣ вѣнѣ . и сѣо ждала ко
 тѣ рниго вѣ . вѣ по моу а гѣ вѣнѣ . и прѣ бы вѣ вѣ оу мѣи мѣ ко
 ко . прииде на гѣ роу кѣ . и слышавѣи гѣ сла вѣ посла кне
 моу вѣ аксѣ вѣ . и мѣже и вѣщѣа и пѣи и нѣдѣ . и прѣ рѣстра
 пѣмѣ . по слѣ шавѣи рѣ сла вѣ рѣ коу шѣа емоу поидѣ кѣ
 рѣи сла вѣлю хѣ пѣтѣ а лѣо . и по слѣ шавѣи ендѣ кѣ рѣи сла
 вѣлю . вѣ вѣ рѣ гѣ вѣи пѣи оу шѣи а мѣо . мѣтѣи слау ле жѣ а шѣ
 е шѣ . и дрѣ оу мѣе . и пригѣ вѣ шѣи стѣ роу жѣ вѣ . и рѣ ко емо
 кнѣ жѣ гѣ вѣ при шѣи а пѣ . и мѣжѣ вѣ рѣ . и сѣ вѣ рѣ а
 кнѣ моу дрѣ оу мѣи нѣсколькѣ . и вѣы стѣи прѣти вѣ емоу
 и гѣ а гѣ рѣ а . и стѣи а гѣ вѣ вѣ дозѣ вѣ вѣ трѣ ко . и вѣ рѣтѣи
 сѣ и пѣ а пѣ : . .

В 1142 году престарелый Вячеслав получил Переяславль, «враг же хрестьяньскому роду — дьявол — разжеде сердце Игореву Ольговичу: восхоте внити в Переяславль». Два месяца Игорь «творил пакости» вокруг: жег села, палил жито в полях. Изяслав Мстиславич с войсками пришел с Волыни в помощь дяде и стал князем в Переяславле.

Две миниатюры посвящены этому событию. На одной, как уже говорилось, Переяславль показан небывалым городом со сложной крепостной архитектурой (лист 172, оборот, верх), а на другой (лист 172, оборот, низ) изображена воротная башня Переяславля с надвратной церковью святого Федора. Эти два заметных отступления от стандарта очень убедительно говорят о переяславском происхождении части миниатюр летописи Изяслава Мстиславича.

С описания двухмесячной войны с Игорем Ольговичем начинается хроника переяславской жизни Изяслава; все предшествовавшие заметки о нем и сопровождающие их миниатюры и маргинальные пририсовки на полях следует считать ретроспективными, сделанными в те годы, когда Изяслав княжил в Переяславле. Княжение Изяслава на Волыни никак не отражено ни в тексте, ни в рисунках.

Переяславская летопись Изяслава по всем перечисленным выше признакам велась Петром Бориславичем, так как ее фрагменты в своде 1198 года неотличимы от великокняжеской летописи Изяслава 1146—1154 годов. Петр Бориславич подробно пишет о делах своего князя: поездка в Суздаль, поездка в Новгород, свадьба дочери и полоцкого князя Рогволода Борисовича. Как киевлянин он продолжает интересоваться тем, что происходит за Днепром, «в Киевской сторони»: то «знамение в образе змья великаго», то «снег велик — коневи до черева на велик день (на пасху)», то «в Киеве погоре половину Подолия». Продолжаются и пририсовки к основным миниатюрам. Иллюстрируя поход 12 князей (в том числе и Изяслава Переяславского) на Владимира Галицкого в 1144 году, художник использует придуманный им ранее остроумный прием охотничьего рога (лист 173, оборот, низ) — снова как бы загонная охота.

В походе 1144 года, как и в походе 1138-го, мы явно ощущаем эффект присутствия и полное знание всех деталей сражений:

«...и ста Всеволод (Ольгович) по сей стороне града (Звенигорода), а Володимир ста об ону сторону, сшед с горы. А между ими река Белка. И повеле Всеволод чинити гати, комуждо своему полку.

И заутра переидоша реку и взяша горы за Володимером... (который) ста, исполчивъся перед городом на болоньи. Сим же бяше полком нелзе битися с ними, тесноты ради, зане бяху болота пришли, но оли на подъгоры. Тем же взидоша рустии (киевские) полци на горы и заидоша от Перемышля и от Галича».

Владимир Галицкий запросил мира и уплатил контрибуцию серебряными слитками (лист 174, оборот).

Молодой боярин Петр при церемонии заключения мира, вероятно, впервые увидел своевольного галицкого князя, с которым судьба столкнет его в 1152—1153 годах.

Переяславская летопись Петра Бориславича свидетельствует о нем как о сложившемся княжеском рыцаре-летописце, участнике походов и знатоке

1136. Трубач трубит победу над половцами, приглашенными Ольговичами.

оѣзими. ииша мовгороци. срословци. мажьнигорь.
иповьдншаростовци. мовгороцевъ. иповишамможе
спшой. ивратниа рв стовци сповьдою великою:

лѣѣ х. мѣ. приведѣю ро полкъ. брасвое ацарьтѣа. и
зволдмирѣа. ипереславлю ксѣи жипѣ. втом же лѣѣ.
пачаша ипачѣ иго вчн. ратѣвъ зѣи заги. инаша
воевати сѣла. и города. посоульѣ. иприидоша кперѣи

славлю. имноги пакос ти сотвориша. иоустне поачѣ
ша. ииждоша. исташа на соупой:

зѣдоша проти воимъ. волдмирчн. ибывшию сѣю
пленнѣю ибѣтѣма полкома. ибвиша крѣпко. ивскорѣповѣ
гоша аловци илгодѣи. погнаша атеги волдмирѣа дрѣ

дворцовых интриг. Иллюстративная часть летописи не могла создаваться без его ведома и тем самым вводит нас еще в одну сферу его деятельности: художественно-сатирическую. Простой отбор сюжетов для иллюстрирования уже говорит о симпатиях и антипатиях автора. Здесь полная ясность: летописец симпатизирует Володимеричам и Мстиславам, а из числа последних особенно внимателен к Изяславу Мстиславичу.

Пририсовки же на полях вводят нас в особую зону княжеско-дворцового быта, и все направлены против Ольговичей с их непременными союзниками — половцами. Только широко исторически мысливший летописец мог дать такой замечательный эпиграф к целой эпохе свар, крамол, усобиц и больших войн, как фигура воина-самоубийцы на полях хроники, говорящей о бесчинствах Ольговичей на русской земле!

Восприняв басенный принцип иносказаний от мастеров из великокняжеского скриптория Мономаха — Мстислава, Петр Бориславич был более осторожен, но не менее язвительен, заменив медведей, львов и обезьян людьми. Его герольды-трубачи очень тонко говорили о победах и поражениях, а охотничий рог, примененный в качестве символа, выражал идею успешности соединенных слаженных действий полководцев-охотников, травящих зверя. Красным зверем в одном случае был Всеволод Ольгович, а в другом — Владимир Галицкий.

Переход Изяслава в Переяславль отмечен вниманием к этому городу и его архитектуре, но сатирические пририсовки на полях миниатюр даны главным образом для ретроспективной части этой летописи, в которой описывалось противоборство Володимеричей и Ольговичей, затихшее к 1144 году, когда Изяслав и его брат Ростислав участвовали в походе Всеволода на Галич. Отсюда может быть сделан вывод, что летопись Петра велась в первые годы княжения Изяслава в Переяславле (1142—1144) как продолжение летописной работы времен его отца Мстислава и в этой части содержала оценки тех событий, которые были связаны прежде всего с Ольговичами и половцами.

После того как Изяслав в кутерьме междоусобиц закрепился в Переяславле, острота взаимоотношений со Всеволодом уменьшилась. Сатирические пририсовки, характерные для 1127—1139 годов, изменили направленность. Когда же Изяслав в 1146 году стал великим князем, то они и вовсе исчезли: очевидно, великокняжеская летопись как государственная документация событий и взаимоотношений не допускала политических острот. Единственная пририсовка (связывающая киевский период с переяславским) — это изображение вешегого жезла на миниатюре, иллюстрирующей вече в Киеве по поводу судьбы Игоря Ольговича 19 сентября 1147 года (лист 178).

По общей сумме данных переяславская летопись Петра Бориславича, известная нам по ее фрагментам в своде 1198 года, по татишевским обильным выпискам и по миниатюрам владими́ро-суздальской Радзивилловской летописи, рисует нам ее автора и составителя, киевского боярского сына Петра ярким, разносторонним и умным деятелем. Петр Бориславич был еще молод (что сказало́сь и в шутливых маргиналиях), но знатность происхождения и близость к великокняжескому окружению, участие в походах и совещаниях рано ввели его в курс общерусских дел и княжеских взаимоотношений.

1138. Война великого князя Ярополка с Ольговичами.

В е р х — Ольговичи побеждают — трубач понуро опускает трубу к земле. Н и з — Ярополк организует общий поход с разных сторон на Всеволода Ольговича, который привел «половци множество». На рисунке изображен не войсковой трубач, а егерь-загонщик, трубящий в рог, — поход на Ольговичей приравнен к охоте на зверя.

полѣ гаша и лговѣи · стоголава · быжачи и зповагоро ·
 и прииде вѣсть к ои рополюкѣ · ѿполе болши почаво
 евалти · ѿ лговичи · и приведоша половецкыи многы кство
 и в заша прилокъ · хопта поити · хикнево · ѿ же и ропо
 лкъ до спѣлъ собратѣю своею · и идоша ѿ пѣк и рнго вх ·

рополкѣ совокопнвшю много е мѣсто цво цвои · роста
 вци · полочане · смолчане · и оугре · и тилитане · и бе
 рендгеве вѣ · л · твѣса · и кнѣи · и перей славци · и боло
 димирци · и то рощи · и вѣ много е мно жество цвои ·
 и поиде к черниговоу ·

а о е черниговци в стнша · ковс е володо · тыма дѣ
 еши быжачи в половеци · а воласть свою погѣбиши ·

и чмѣга ѿ пѣворотниши. лѹте погой ста мнѣвысокох
 мнѣ своето. и проси мира. мы бо въ мы мнѣ дѣтѣ ро
 полте. ꙗко си рѹетъ кро во проли пѣю. но бѣ радиво
 хоще мира. то нѣ бо бѣ ею мнѣ пѣю. со блюде тѣ въсю
 роу кою землю. всеволо же послышавъ. ꙗко смысл
 пѣ сын. и нде въ смѣ рѣ. лѹте е смѣ рѣ тѣ бѣ радн. и по
 сласто коренне ко ꙗро полкѣ. и и проси мира. и цело
 вавши чѣпны и крѣпъ. и сотвориша миръ. и разидо
 ша сѣ разо слава ще бѣ: ~

и все пакн сотвориша миръ. ꙗро полкѣ всеволо
 до ѿлговичѣ. и дары многи межн со бою даша хѹпть.
 и и до ста разо во своѣ ти. и ꙗко по днѣ мо бы знаме
 нне на гѣти. то е ѿ сѣни прѣ ставн сла бѣ ѿлговичѣ.
 о е же знымы прѣ ставн бѣлговѣ рны и кнѣ ꙗро полкѣ.
 владн мнрнчѣ. фѣ. нѣ. положемъ бы оу стѣ ѿ дѣтѣ
 и въ ндѣ вра его вачѣ сла въ. и кнѣ въ. и ꙗко мѣ смн про
 поли то сѣтѣ пѣше и посадиша на столѣ прѣ да свое
 ꙗро слава. фѣ. кѣ. и приидѣ ѿлговн съ въ ше гороуцѣ
 пристро и вѣа со брѣ ею своею. и при сыла ꙗ кѣ а гла

Переместившись вслед за своим князем Изяславом (когда князь стал патроном Петра, выяснить не удастся) в Переяславль, Петр Бориславич оказался в крупном культурном центре, епископы которого долго именовались митрополитами. Здесь велось свое летописание, по соседству с Переяславлем находился Зарубский монастырь на высоком берегу Днепра, на месте древнего языческого комплекса. Здесь монах Георгий писал в XII веке поучение против язычества, в котором ополчался против «созваний» и «веселья блудского» с участием скрипачей, флейтистов и скomoroxов.

В Зарубском монастыре в те годы находился схимник Климент Смолятич, «киевлянин родом». «И бысть книжник и философъ, так яко же в Руской земли не бяшеть» («и многие книги к научению народа написав»). До нас дошло только «Слово о любви Климовой» и «Послание написано Климентом митрополитом Руским к Фоме прозвитору Смоленскому», где Климент отстаивает свое право ссылаться на сочинения Гомера, Платона и Аристотеля.

Первый исследователь сочинений Климента Н. Никольский полагает, что вокруг Изяслава Мстиславича создался кружок книжников, который занимался научно-литературными (философскими) вопросами.

Когда Изяслав княжил в Переяславле, «философ» Климент находился в непосредственном соседстве и был, очевидно, хорошо знаком князю, что и позволило Изяславу назначить Климента митрополитом в 1147 году. Вся дальнейшая судьба Климента и Петра Бориславича была связана с судьбой князя Изяслава; оба были в Киеве, когда князь княжил там, они уезжали во Владимир-Волынский, когда боярство Киева не хотело видеть Изяслава на «отнем золотом столе». Врагами всех троих — князя, митрополита и летописца — были прежде всего Ольговичи, всегда находившиеся поблизости от Киева, в Чернигове, и даже предпринимавшие попытки достать Изяслава и в его Владимире-Волынском. Главой Ольговичей был старший из братьев — Всеволод, давно уже прославившийся как своим жестоким нападением на родного дядю в 1127 году (см. выше рис. 1 в перечне символических пририсовок в летописи Петра), так и постоянным союзничеством с половецкими ханами.

Одновременно со своеобразно иллюстрированной летописью молодого Петра, по поводу тех же самых событий и тех же лиц в киевских кругах середины XII века сложился небольшой цикл былин, представляющих для нас значительный интерес.

Это былины о Чуриле Пленковиче и Дюке Степановиче. Они относятся к жанру былин-новелл, скорее дворцового, чем народного происхождения; куртуазный характер преобразил реальные события, военное противостояние заменилось состязанием в щегольстве или в конском ристании, но сохранилось слишком много деталей исторической действительности 1140-х годов, чтобы пренебречь разбором этих былин в связи с нашей темой.

Сопоставим реалии былин с летописными данными.

1. Кто таков сам «Чурило Пленкович»? Чурило (иногда Чюрило) — народное произношение имени Кирилл. Из всех русских князей только один Всеволод Ольгович носил крестное имя Кирилл. Его отец назван: Пленко Сурожанин, что вполне соответствует Олегу Тмутараканскому, так как соседний Сурож — Судак вполне мог входить в это приморское княжество и, во всяком случае, намекал на Причерноморье.

2. Двор Чурилы в былине указан под Киевом, «на Почай-реке», «за

1138. Ярополк принудил Всеволода Ольговича заключить мир. Пририсованный на полях трубач трубит победу.

Малым Киевцем» (древней горой Кия). Двор князя Кирилла-Всеволода действительно находился под Киевом на Почайне, за «Замковой горой» Кия, где вдова Всеволода (сестра Изяслава Мстиславича) построила Кирилловскую церковь и основала монастырь; церковь существует и поныне (в ней, кроме древних фресок, есть роспись М. Врубеля).

3. В былине молодой Чурила приглашен на службу «чашником» или «стольником» к князю Владимиру, а реальный Кирилл-Всеволод сразу же после смерти отца становится в 1116 году вассалом Владимира Мономаха.

4. Чурила заглядывается на великую княгиню, а Кирилл женится на княжне, дочери великого князя Мстислава.

5. Чурила появляется под Киевом как предводитель богатой и разбойной дружины, которая сначала обобрала все охотничьи угодья, а потом бесчинствовала в самом городе. Дружинники Чурилы в шапках с золотым верхом и в голубых кафтанах «молодых молодич во сором де довели, красных девиц опозорили». Всеволод-Кирилл в 1127 году лютовал в Чернигове, пленив, а потом выгнав своего дядю Ярослава Святославича, «а дружину его исече и разграби». В 1134 году Всеволод с половцами «поидоша воююче села и города Переяславской власти и люди секуще, даже и до Киева придоша и Городецъ зажгоша... люди емлюще, а другия секуще ... и плениша же и скота бесчисленное множество». В 1139 году Всеволод из Вышгорода подошел к Киеву «и нача зажигати двory, иже суть пред городом». Реальных оснований для былинных слов было достаточно.

*«Да молодцы на конях бив свечи-де горят
А кони под нима бив соколы-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,
Да стали по Киеву уродствовати...
...Да ехали-приехали на Почай на реку
Да сила-та (дружина) ушла по своим теремам...»*

Двор Всеволода Ольговича находился на северной окраине Киева, именно у дороги из Вышгорода. А дружинники князя размещались (судя по раскопкам дворца в Любече) действительно в верхней части дворца, в «теремах». Князь Владимир, увидав хоромы старого Пленка Сурожанина (Олега Святославича), был поражен богатством двора, дворцовых построек, теремов, светлиц и гридниц.

Былины, очевидно, отражают начальный этап взаимоотношений Всеволода-Кирилла с Киевом.

6. Былинный Чурило владеет Черниговом и Киевом; князь Всеволод был князем Черниговским, а потом Киевским.

7. «Дюк Степанович» — тоже вполне реальный персонаж. Это венгерский герцог («дюк», «dux») Стефан, родной брат короля Венгрии Гейзы II. Гейза был женат на сестре Изяслава Мстиславича и неоднократно посылал свои полки против Всеволода и других (неупомянутых) врагов Изяслава.

8. В былинах все упрощено и сокращено, но основное осталось: Дюк Степанович, выезжающий из города Волынца (или Галича), — это олицетворение сил, борющихся против Чурилы, а Чурила — местный киевский персонаж, несомненный Ольгович.

9. Дела Изяслава Мстиславича отразились в том, что у Дюка-венгра

1139. Всеволод Ольгович послал войско на Изяслава Мстиславича. На реке Горыни (граница между Киевским и Волинским княжествами) возникла ложная тревога, которую художник воплотил в виде одинокой фигуры с копьем и щитом.

и ре. и днн з города зобрама. и иже ни хота кров про
лити. и не быти сани. и мирни митрополитъ. и оу
твердиа крѣпимъ тѣмъ. и и дѣи тѣа кѣробо. аки
болѣмъ кнѣвъ. мѣа. г. алуи рни гове посади дѣдо
внча володимира: + "

лѣтъ х. мз седмилго вѣки кнѣве. и плача мышла
ти. на володимири. и на мѣти слави. на дѣтѣа сани
своеи. и хота в сию землю сдѣржати. на дѣтѣа со
бравею своею. и к сншѣ по рости славо смоленска. а тѣи

за славо володимира. и поглави на хуа глава река
и днн з володимира. и до шешѣ горны полоши шѣбѣ шайтѣа: +

а грав се волю. привѣбра к сѣбрьска. с тослава. и и ре

лѣтъ х. ѿ. вниде въ славъ. вперей славъ. акторо
 во иде стославъ всеволодичъ. драгъ христьянскоу
 родоу дьяволъ. расже сердце. и горе виюлговичю. въ
 хоти въити вперей славъ. и прише ста потра
 кви. и много пакости сотвориша. селаско жтоша.
 жита погалиша. и стоиаша два мѣа :+

прииде вачулавъ. и зволодимира. впомощи еу
 славоу. рости славъ. и сосмолнамы. в заволостини
 д. горо. и шыша в же и дошл шпирей славъ. и в а с л
 вопроши сѧ. советоломъ. и даша пирей славъ. и
 за с л у м и т н с л а в н ю . а с а м ѡ н к т ѡ р о в ѡ . в н и н з а с л а
 в н е р е й с л а в ѣ г ѣ . а . а в с е в о л о п о с л а н ѧ с в о е к в о л о м и
 р ю с т о с л а в а :+

вдруг оказываются новгородские стрелы, а в число его владений входит «Корела упрямая». Все объясняется тем, что, обороняясь от Ольговичей, Изяслав привлек в 1148 году на свою сторону Новгород и полуподвластную ему Корелу. Сказители былин упомянули то, что было скрыто в хартиях, покрытых пылью веков.

10. Первый поход венгерских войск против Всеволода (еще не в защиту Изяслава) состоялся в 1144 году. Король Гейза II не участвовал в походе сам, а только послал войска, которые, по всей вероятности, возглавлял его брат Стефан. Иначе очень трудно представить себе возникновение русского былинного образа Дюка Степановича, прямо указывающего на королевского брата, герцога Стефана.

Летопись предельно лаконично говорит об участии венгров: «угры приведше ему себе в помощь».

11. Отъезд Дюка Степановича из родной стороны сопровождался предостережениями родимой матушки, которая говорила о «трех заставах великих» на его пути. Первая застава — «горы толкучие», которые раздвигаются, как Сцилла и Харибда, и могут задавить Дюка. Главное сражение Владимира со Всеволодом в 1144 году происходило на «голых горах». Вторая застава — «две птицы клевучие» — не поддается расшифровке. Зато третья застава может порадовать нас:

*«Третья застава великая:
Лежит Змеище да Горынище
О двенадцати змия о хоботах
И тая змия тебя с конем сожрет!»*

Летописная статья 1144 года, того самого года, когда венгерские войска в первый раз отправились на Русь, открывается следующей заметкой:

«В лето 6652. Бысть знамение за Днепром, в Киевской волости: летящу по небеси до земли, яко кругу огнену и остася по следу его знамение в образе змья великаго и стоя по небу с час дневный и разидеся». (Ипатьевская летопись)

Эта запись сделана Петром в его переяславской летописи. Возможно, что здесь описана (но не очень точно определена хронологически) знаменитая комета Галлея, проходившая в 1140-е годы. Для него, временного жителя Переяславля, Киев действительно был «за Днепром». Небесный змей, замеченный в начале года, предшествовал походу Стефана через «горы толкучие».

12. Соперничество Чурилы с приезжим Дюком Степановичем выразилось в богатстве и в пышности одежды, но в ряде былин есть и эпизод состязания в конских скачках: «а который из нас перескочит через Пучай-реку». Чурило проиграл: «О полу-реки Чурило в воду вверзился!»

Конские ристания в Киеве сразу напоминают нам турнир, устроенный венграми, союзными Изяславу, в Киеве в 1151 году:

*«Тогда же угре (венгры) на фарех (скакунах) и на скоках
играхуґь на Ярославли дворе... Кияне же дивяхутся угром мно-
жеству и кметьства их (их рыцарству) и комонем их».*

1141. Обе миниатюры посвящены соперничеству Изяслава Мстиславича и Игоря Ольговича из-за Переяславля.

Верх — Переяславль дан как город с двумя концентрическими укреплениями.

Низ — Игорь Ольгович, которому дьявол «разжег сердце» против Изяслава, нападает на Переяславль. Изображена надвратная церковь, фундаменты которой обнаружены раскопками археолога Р. А. Юры.

а ѿнамо же выпашн възмоу. и по ча во лодн мнр' сла
 ти. и со горе вн. река ѿ жемл'с братвоу мнр' шь. то по
 его смрти помогоути. кки е воу. тибъ же прельсти кн' гора.
 и гора на молни. ко все во лоду. молкою и гн' в' аи са ре
 не хощеши мн добра. почто ѿ бр'исл'в мн' еси кн' е в'. а при
 и теле в' мн' ед' а си при м' аши. и по слоша е все во лод. в' о
 м' же д' ии со творн мнр'. к в' еч' е р' о в' ы е х' а во лодн мнр'. ко
 все во лоду. все во лод со в' сею б' ра ею. оу г' пр' и в' ти еи. и ло в' а ш' а
 са и ра х' и до ша с' а р' а з' но:

двѣдн мнр' в' се во лоду. ты с' а г' р' и в' е с' е р' в' а. и ра в' е ст' е. тибъ

бо и в' ш' е оу мо ли л' а. и в' з' в' о р' о тн' е м' о в' се во лод. оу ш' и ц' и
 и мн' со б' о л' и. е х' а г' а. и ты и в' е д' е м' б' р' а ю с' во ю. ко ч' е н' з' ѿ ста
 реи ш' и и д' о м' е ш' ии. и ѿ то ле ра х' и ш' а с' а в' о с' во ю с' и.

Былина причудливо сплела воедино память о противоборстве Кирилла-Всеволода с Изяславом и его союзником венгерским королем (или его репрезентантом Стефаном) с воспоминанием о рыцарском турнире и разных *conscours hippiques* после победы Изяслава, когда Чурилы уже пять лет как не было в живых.

13. Последнее сопоставление былины с летописью Петра, пожалуй, наиболее интересно. Чурила-Всеволод в былинах всегда показан как любитель и любимец женщин, соблазнитель чужих жен. Такова же характеристика Всеволода Ольговича в той части татищевских выписок, которая наиболее надежно может быть связана с именем Петра Бориславича, — в его словесных портретах великих князей.

Былины

*«Ай же ты Чурилушка Пленкович!
А пусть ты князем Владимиром упро-
шенный
А киевскими бабами уплаканый
А живи ты во граде в Киеве
В Киеве во граде между бабами!»*

Летопись

Всеволод Ольгович.
*«...Много наложниц имел и более в ве-
селиах, нежели расправах (правосу-
дии) упражнялся.
Чрез сие киевляном тягость от него
была великая.
И как умер, то едва кто по нем, кроме
баб любимых заплакал, а более были
ради». (Татищев, т. II, с. 162)*

Совпадение татищевской выписки, относящейся к 1146 году (смерть Всеволода), с былиной о Чуриле Пленковиче весьма красноречиво. Редкое для летописи слово «бабы» может говорить об устной традиции. Возможна такая реконструкция: в эпоху княжения Всеволода-Чурилы о нем были сложены киевлянами неблагоприятные для него новеллы, внешне сходные с богатырскими былинами. Петру Бориславичу, современнику и недоброжелателю Чурилы, они, безусловно, должны были быть известны, и он включил в свою итоговую характеристику этого великого князя расхожее определение Всеволода-Чурилы как женолюба, пренебрегавшего государственными делами и предпочитавшего им «веселия с киевскими бабами».

Такая черта тоже должна войти в характеристику молодого летописца, как и остроумные символические пририсовки на полях миниатюр его хроники.

Из отрывков разных летописей, которыми позднейшие сводчики заполнили историю княжений Ярополка Владимировича и его врага Всеволода Ольговича, на основании текстов, что с той или иной степенью вероятности могут быть приписаны молодому Петру, мы можем дать такой набросок его биографии за эти годы:

1. Родился примерно около 1120 года в Киеве.
2. Восемнадцати лет, в 1138 году, был в походе на Галич при великом князе Ярополке. Здесь мог быть замечен Изяславом Мстиславичем.
3. Следов пребывания Петра на Волыни в домене Изяслава в летописи нет (1135—1142).
4. Есть основания считать, что летопись Изяслава была начата Петром после 1142 года в Переяславле, когда ему было около 22—26 лет. Лето-

1144. Владимир Галицкий (отец Ярослава Осмомысла) уплатил контрибуцию великому князю в размере 1200 гривен. Художник изобразил денежные слитки XII века.

пись, по-видимому, была не только хроникой совершившихся событий, но содержала и ретроспективную часть, углубленную до 1127 года (?).

Нельзя исключать того, что некоторые вставки (о княгине Христине и Прохоре, об Изяславе-«сверчке» под 1141 годом) сделаны автором много позднее.

5. Летопись Изяслава, доведенная до 1146 года, была направлена на защиту Мстиславичей и против Ольговичей и Владимира Галицкого.

6. Автор (Петр?) писал хорошим языком, вводил много жизненных деталей, знал взаимоотношения князей. Свои симпатии и антипатии подчеркивал миниатюрами и специальными символическими рисунками. Автор, очевидно, знал сатирический фольклор, создававшийся в эти годы.

ГЛАВА 7. ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА (1146—1154)

Летопись великого князя киевского (иногда называемого в ней «царем») Изяслава Мстиславича, внука Владимира Мономаха,— замечательное явление в истории русской общественной мысли средневековья.

Полная жизненных подробностей, явных следов участия самого летописца в военных походах, в заседаниях боярской думы, в посольствах к суверенным князьям, эта летопись особенно интересна широтой политического кругозора (все русские княжества, Новгород, Половецкая земля, «Алыберское царство» берендеев, Польша, Венгрия, Карелия, Византия) и, что исключительно важно, тем, что содержит в себе целый трактат, обосновывающий политическую программу русского боярства XII века, эпохи начала феодальной раздробленности.

Здесь, в этой книге, нет надобности в пересказе многих сотен событий, зафиксированных и оцененных летописцем, которого для этого периода можно называть Петром Бориславичем со значительной долей уверенности. Такой пересказ превратился бы в историю Киевского, Черниговского, Галицкого и Смоленского княжеств за несколько десятков лет.

Нет надобности и в повторении всего детального и громоздкого историко-ведческого анализа летописей и татищевских выписок, сделанного мною в 1972 году в книге об авторе «Слова о полку Игореве».

Главной нашей задачей будет рассмотрение самого автора, его отношения к событиям и историческим деятелям, его литературных приемов, выяснение его личного участия в событиях, степени его осведомленности, определение принадлежности его к той или иной общественной группировке.

Великокняжеская летопись Изяслава Мстиславича как широкое предприятие с большим географическим и хронологическим диапазоном началась, по всей вероятности, не ранее чем в зиму 1146/47, а может быть, и к концу 1147 года. Ей могли предшествовать предварительные хроникальные заметки, но оформление летописи как целостного произведения, вероятнее всего, произошло после такого решающего события, как устранение Изяславом своего предшественника — великого князя Игоря Ольговича 19 сентября 1147 года.

О событиях середины XII столетия мы узнаем благодаря выдубицкому игумену Моисею, из двух подробно написанных источников: летописи Изяслава Мстиславича и одновременной ей летописи Святослава Ольговича (отца Игоря), соперника и врага Изяслава.

Составляя свой Киевский летописный свод в 1198 году, Моисей располагал полными экземплярами этих интереснейших хроник, но каждую из них сократил, опуская некоторые политические рассуждения первого автора (Петра Бориславича) и неумеренные панегирики второго (игумена Поликарпа). К счастью, мы по другим материалам можем частично восстановить облик отброшенного при редактировании свода Моисеем — историки XVI века располагали более подробной летописью Поликарпа, а в руках Татищева был древний пергаменный список первоначальной летописи Петра Бориславича. Поэтому события середины XII века известны нам с позиций двух враждующих лагерей, что придает особую ценность своду Моисея 1198 года.

События эти следующие:

1. Смерть великого князя Всеволода Ольговича (1 августа 1146 года).
2. Двухнедельное княжение его брата Игоря.
3. Изяслав Мстиславич овладевает киевским престолом (13 августа).
4. Размежевание главных князей-сюзеренов на два лагеря. В один ла-

герь входили: Изяслав Киевский, его брат Ростислав Смоленский, черниговские Давыдовичи (неустойчиво) и иногда Новгород Великий.

В другом лагере были: Святослав Ольгович Северский, иногда Давыдовичи, половецкие ханы Осолуковичи, Токсобичи и Кулебичи (дядья Святослава по матери), а в дальнейшем — Юрий Долгорукий. Наступление на Святослава начал Изяслав Киевский.

5. Избрание митрополита Климента Смолятича (27 июля 1147 года).

6. Убийство свергнутого князя Игоря Ольговича (19 сентября 1147 года).

7. Война коалиции Изяслава с Юрием Долгоруким. Изяслав вовлекает Новгород в эту войну и доходит до Верхней Волги (1149 год).

8. Юрий Долгорукий со Святославом Ольговичем дошел до Переяславля, предлагал мир Изяславу, а когда тот отказался, разбил Изяслава и двинулся к Киеву (23 августа 1149 года).

9. Боярство Киева предложило Изяславу покинуть город; князь уехал во Владимир-Волынский.

10. Юрий Долгорукий стал великим князем киевским (1 сентября 1149 года).

11. Где-то в середине лета 1150 года Изяслав на короткий срок овладел Киевом, но снова был изгнан Юрием.

12. Примерно в марте 1151 года Изяслав окончательно овладел Киевом и княжил до своей смерти — 13 ноября 1154 года.

Две княжеские коалиции делились не столько по признаку династической принадлежности, сколько по принципу дружественных связей с половцами. Для киевского боярства и князей, которые княжили в столице по воле этого боярства, важнее всего была оборона лесостепных земель от половцев и организация постоянного заслона на юге, который и был создан в виде поселения «своих поганых» (черных клобуков, берендеев) в обширном Перепетовом Поле, ограниченном с юга лесами Поросья.

Отношения с половецкими ханами обострялись тогда, когда кочевники «пакостили» на днепровском торговом пути (у Порогов и в устье).

Чернигово-Северские Ольговичи, сыновья Олега Гориславича и матери-половчанки, имели широкую общую границу со степью и постоянно пользовались поддержкой половецких орд днепровского Левобережья. В союз с половцами время от времени входили и Давыдовичи (сыновья брата Олега), которых, очевидно, по этой причине называли иной раз тоже Ольговичами.

Сыновья Олега Гориславича были прочно связаны с Половецкой землей. Поэтому союз его внука Игоря Святославича с Кончаком в 1180 году не должен нас удивлять — это была вековая семейная традиция Ольговичей.

Военный захват киевского престола Всеволодом Ольговичем в 1139 году был не только осуществлением личных планов хитроумного и бесцеремонного князя.

Происходило нечто несравненно более значительное — Русь, только что, в эти 1130-е годы, окончательно утратившая свое единство, могла расколоться на две части: разрозненные княжества северо-запада и мощное русско-половецкое государство под руководством племянника половецких ханов Всеволода Киевского.

1146. Вокняжение Изяслава Мстиславича в Киеве.
В е р х — киевляне торжественно встречают избранного ими «цесаря».

Н и з — Изяслав принимает половецкое посольство.

ЧЕТЫРЕ ДНЕ ПРИВЕСИ ИГОРА . ЕМШЕ ВЪ БОЛОТѢ , И ПО СЛАН

В МОАСТЫ РЪ МАВЫ ДО ВЪНЧЬ . А ИТОУ ДЬ К ПЕРЕ М С Л А В Л Ю .
 И В С А Д И Ш А И Ц К О Р О В Ъ . В МОАСТЫ РИ ОУ С П И Ч О С Т И Ъ . И П Р И
 С Т А В И Ш А И М О С Т О Р О В Ч И . И П А К О К С А Ч А Б Л И Г О Р Е В А . А
 Б Р А Г О ОУ ВЪ Ж Е . К Н О В О Г О Р О Д О . С П О С Л А В Ъ . С М А Л О М Д Р А
 М Ъ . И С Л Ы Ш А В Ш Е П О Л О В Е Ц К Ы Е К Н Ъ . С Т В О Р И В Ш Е И Г О Р Ю .

И ПРИ С Л А Ш А П О С Л Ы К О Н Ч А С Л А В О М И Р А П Р О С А Ч И :

А Ч Е С Л А В Н Е С Л Ы Ш А ВЪ С Е . Н А ДЪ Г А С А П А С Т А Р Е Ш И Т Ъ С П О
 П О С Л О Ш А ВЪ В О Т А Р Ъ В С О И . И Р А С Т И Н Е Т Р И М О Ж И ВЪ Ч У П И
 К О И Ч А С Л А В О . И И Г О Р О Д Ы . И П А Т Ъ . И КЪ В А Ш Е П Ъ И М Е
 И Г А Л Ъ В С Е В О Л О . Н Е П О К М О Ж Е Т О . Н О И В О Л О Д И М И Р А Ч А М .

Близкая к этой ситуация могла возникнуть и во время «Слова о полку Игореве»: прочный союз Черниговского княжества (Ярослав) и Северского (Игорь) с восточной «Черной Куманией» Кончака мог привести к сложению устойчивой коалиции — Ольговичи плюс Шаруканиды; территория такого союзного объединения была бы огромна: на западе она начиналась в 70 километрах от Киева (Моровийск — Козелец) и у водораздела Днепра и Дона; на востоке доходила до притоков Волги, а на севере достигала бы подмосковного Звенигорода. От Звенигорода она простиралась на юг до Керченского пролива и древней Тмутаракани. Иными словами, мы должны приплюсовать к обширным чернигово-северским владениям (с их Вятичами) всю огромную «Незнаемую землю», так красочно описанную в «Слове».

Прообразом такого опасного для Руси союза было княжение самого Олега Гориславича, владевшего чернигово-северскими землями и Тмутараканью, распоряжавшегося половецкими войсками и протягивавшего руку к далекому суздальскому краю. Недаром в летописи Петра Бориславича нет-нет да мелькнут упреки в адрес родоначальника Ольговичей: «Где Олега завистливого имене и слава?» (Татищев, 1133 год); отец Ольговичей — «злодей» (Татищев, 1148 год).

События, которые происходили как во время великого княжения Всеволода Ольговича, так и после его смерти, могли влиять на будущие судьбы Руси, и в силу этого летописи тех лет становились не простой хроникой, а важным политическим документом, фиксирующим юридическую сторону событий. В этом отношении великокняжеская летопись Петра Бориславича стоит на первом месте.

Летопись Петра Бориславича за те бурные годы, на которые приходится первое княжение Изяслава Мстиславича (от 13 августа 1146 года до 23 августа 1149 года), производит впечатление зрелого, обдуманного сочинения, подкрепленного 22 дипломатическими документами и большим количеством публично произнесенных (то есть допускающих проверку современниками) речей.

Всю летопись Петра Бориславича можно было бы озаглавить так: «Киевское боярство и великий князь Изяслав». Полное представление об этом замечательном сочинении дает только сочетание Киевского летописного свода 1198 года (Ипатьевская летопись) и татищевских выписок.

Это не бесхитростная хроника, а умно составленный государственный документ, автора которого хочется назвать не летописцем, а, пожалуй, канцлером Киевского княжества.

Вокняжение Изяслава Мстиславича на киевском «золотом столе» Петр Бориславич сумел показать не только как результат зародившегося еще при Всеволоде боярского заговора, а как всеобщее, всенародное избрание киевлянами, всей Киевской землей и всем Черным Клобуком.

Кияне. *«И не узоден бысть кияном Игорь. И послашася к Перьяславлю к Изяславу, рекуче: «Пойди, княже, к нам. Хотем тебе!»*

Черные Клобуки и жители Поросья. *«Рекоша ему: «Ты — наш князь, а Ольговичь не хотим. А поеди вборзе, а мы с тобою!»*

Изяслав с полками направился к Киеву, и у городка Дернового к нему пришли белгородцы и василевцы (со Стугны):

«Пойди! Ты — наш князь, а Ольговичевь не хотим!»

Когда Изяслав, фактом своего похода на Киев, показал, что он принял приглашение киевлян, киевляне прислали своих бояр:

«Ты — наш князь, поеди!» (к Ольговичам не хотим переходить как по наследству.) Где узрим стяг твой — ту и мы с тобою готови есмь».

Изяслав, собрав на поле русских и «черных клобуков», произнес речь, в которой заявил, что со Всеволодом он еще мирился как со старшим (по возрасту) и зятем по сестре, а с этими (подразумеваются Игорь и Святослав Ольговичи) готов воевать и получить «стол деда своего и отца своего».

В это время в Киеве окончательно оформился заговор против Игоря. Заговорщиками (поименованными Поликарпом) оказались крупнейшие бояре:

Улеб — тысяцкий Всеволода Ольговича,
Иван Войтишич — из бояр Всеволода Ольговича,
Лазарь Саковский — из бояр Всеволода Ольговича,
Василь Полочанин — из бояр Святослава Ольговича,
Мирослав — Хилич внук — из бояр Святослава Ольговича.

Бояре сговорились с киевской дружиной, что когда Изяслав с войсками подойдет к Киеву, то они перейдут на его сторону. Так они и сделали; возглавил их тысяцкий Изяслава со стягом.

Переход Улеба и Ивана Войтишича на сторону Изяслава совершился у тех городских ворот, близ которых стоял двор Борислава, отца летописца. Все было кончено. Великий князь угряз в болоте, Святослав бежал в Чернигов, а их племянник Святослав Всеволодич (будущий герой «Слова») укрылся в Ирининском монастыре.

Петр Бориславич описал торжественный въезд Изяслава Мстиславича в Киев 13 августа 1146 года:

«Изяслав же възрев на небо и похвали бога и силу животворящего креста (единственная церковная формула, применявшаяся Петром) о таковой помощи его, с великою славою и честью въеха в Киев. И выидоша противу ему множество народа: игумены с черноризьци и попове всего города Киева в ризах. И приеха к святой Софьи и поклонися святой богородици и седе на столе деда своего и отца своего...»

Отношение Петра Бориславича к Изяславу видно из посмертной характеристики князя.

Святослав Всеволодич был принят новым великим князем как вассал; поименованы бояре, взятые в плен (Данил Великий, Юрий Прокопьевич, Ивор Георгиевич, Мирославль внук и др.). Князь Игорь, извлеченный из болота через четыре дня, был закован в кандалы и послан в Переяславль.

Междукняжеская обстановка определилась так: черниговские Давыдовичи, предавая Ольговичей, начали «играть душою», как они сами о себе говорили, и склонялись к союзу с новым великим князем. Святослав Ольгович Северский по давней традиции попросил помощи у половцев и обратился также к Юрию Долгорукому. Началась широко разлившаяся междоусобная война, во время которой жгли поля, села, города, тщательно сосчитанные летописцем Поликарпом. Князья заключали союзы и тут же нарушали крестное целование.

Изяслав опирался на Киевскую землю и на военный массив Черных Клобуков; ему подчинялась Волынь, брат его Ростислав владел Смоленском. Дружественные связи были с Новгородом: новгородцы говорили Мстиславу: «Ты — наш Владимир (Мономах), ты — наш Мстислав!»

Врагами Изяслава были: Святослав Ольгович Северский (отец Игоря), его родичи половецкие ханы и Юрий Долгорукий, тоже широко использовавший половцев. Недаром Петр вписал в свою летопись, что «Гюрги (Георгий — Юрий) силен и половцы дикие с ним, а тых золотом узводит».

вы. и дѣже володими рковъ полки. не мѣшкаѣтѣ пои
 даша к нимъ. володими рко же ѡдася лѡ оу горьскѡю.
 побѣже прѣтими. бѣ жацоу емоу трѣ ртисѡ. ѡ вынѣн
 ша и ии рѡу саманѣ гои аша. адрѡу знѣи стопоша.

прѣтѣгшию емоу вѣрѣми шль. мача слати кѡ ролеви.
 мѣра прѡса. а быи за славь не при та глѡ. кѡ ролеви.
 бѣтѣ бои за славь слыше вѣ. кѡ рола по шѡ оу жѣнскѣ
 ва. на володими рка. прѣтшию жѣн за славь дѡ борзе кѡ
 ролеви. собѣ рѣдѣи. а полки сѡи ѡ стави на заде.
 собратомъ сѡи мѣ стополкомъ.

Коллеблющуюся позицию занимали черниговские Давыдовичи, двоюродные братья Ольговичей.

На другом конце Руси, в непосредственном соседстве с домениальными владениями Изяслава, враждебные действия предпринимал Владимир Володаревич Галицкий (дед Ярославны «Слова о полку Игореве»). Против него Изяслав действовал в союзе с венгерским королем Гейзой II, женатым на дочери Изяслава.

Как видим, в раздоры и войны была вовлечена огромная территория, от Среднего Дуная до Волги и от Финского залива до Азовского моря.

Разобраться в сложном переплетении событий и интересов, союзов и предательств, успехов и поражений было далеко не просто. Но Петр Бориславич во всем этом разобрался, дал общую картину хода дел, обрисовал главные исторические фигуры, насытил хронику живыми и драматическими подробностями, услышанными переговорами, увиденными картинами походов, осады городов, великокняжеского суда над провинившимся вассалом (например, над Ростиславом, сыном Долгорукого), бурных заседаний боярской думы. Драгоценные подробности не заслоняли общей картины, а наполняли ее.

Острая, накаленная обстановка потребовала от Изяслава и его «канцлера»-летописца особых приемов документации изменчивых событий, неустойчивых крестоцелований, неожиданных поворотов политики друзей и врагов.

Можно думать, что Изяслав Мстиславич, отцу которого было поручено в свое время (в 1117 году) Мономахом редактирование «Повести временных лет», ознакомил молодого Петра с тем фондом хроникальных и юридических материалов, который накопился за первую треть XII века. Это и конспект летописи за 1068—1117 годы, составленный лично Владимиром Мономахом («Поучение»), доведенный до того самого года, когда «Старый Владимир» передавал сыну летописное дело. Это и специальные «трудные повести», заказанные Мономахом некоему Василию, повести, подробно, с документальной точностью передающие кровавые события 1097—1100 годов, нарушившие гуманные решения Любечского съезда 1097 года.

Эти тщательно документированные материалы, а также знаменитое личное письмо Мономаха Олегу (1096 год), включенное в летопись, могли быть для Петра Бориславича образцом того, как следует летописцу подкреплять свой хроникальный материал.

О том, что Петр Бориславич не только знал материалы Мстиславова скриптория, но и сознательно подражал им, с непреложностью свидетельствуют разобранные выше символические маргинальные пририсовки на миниатюрах.

Усвоив принципы документирования, преподанные летописанием деда и отца его князя-сюзерена, Петр Бориславич широко использовал их в своей летописи. Он включает в великокняжескую летопись копии полученных его князем грамот и «отпуски» (копии) грамот, посланных от Изяслава. Всего за восемь лет княжения Изяслава (включая и время вынужденных отъездов) Петр использовал полный текст 62 грамот.

Приведены тексты писем великого князя Изяслава черниговским Давыдовичам, Святославу Ольговичу, Юрию Долгорукому, Владимиру Галицкому,

1152. Совещание великого князя киевского Изяслава с венгерским королем Гейзой II по поводу судьбы побежденного Владимира Галицкого. Знак власти (скипетр-булава) находится в руках сына великого князя — Мстислава Изяславича, которому летописец симпатизировал.

зятю — венгерскому королю Гейзе II, брату Ростиславу Смоленскому, сыну Мстиславу, киевскому боярству («кияном»).

Изяславу писали: Давыдовичи, Ольговичи, король Гейза II, Глеб Юрьевич, братья Владимир и Ростислав, дядя Вячеслав Владимирович и Юрий Долгорукий.

Кроме того, Петром Бориславичем был, как говорилось выше, использован трофейный архив Юрия, доставшийся Изяславу весной 1151 года.

Впервые в русское летописание вторгается такой полновесный и яркий материал, как дипломатическая и информативная переписка суверенных монархов. Петр Бориславич, как выученик летописной школы Мономаха — Мстислава, применял этот прием вплоть до последнего периода своей жизни. В 1190-е годы, когда резко обострились отношения между Рюриком Ростиславичем Киевским (внуком Мстислава) и Всеволодом Большое Гнездо (сыном Юрия Долгорукого), киевская летопись снова наполнилась копиями подлинной переписки князей.

Если Нестор-летописец был историком, заботившимся о потомках, то Петр Бориславич был прежде всего политиком и дипломатом, но при этом прекрасно знавшим историю и постоянно приводившим исторические примеры то в укор современникам, то как образец для подражания. Примером обращения к истории является эпизод, описанный в летописи Петра Бориславича под 25 декабря 1146 года. Владимир и Изяслав Давыдовичи, захватывая (по согласию с великим князем) владения Ольговичей, подошли к Путивлю и предложили жителям сдаться. Но старейшины Путивля отказались:

«Княже, господине! Мы князю нашему крест целовали и оного преступить ни для чего не хотим. Вы же преступаете роту (клятву) брату вашему данную, единственно надеясь на силу, не бояся суда божия и не думаете о том, как бог за то других самих или детей их наказывает.

Видите сами, колико Олег Святославич, не храня данной роты, воевавсья со братиею, приводя половцев, государство разорял и колико тысяч христиан в плен оным неверным предал.

И хотя он много собрал, но сам по смерть покоя не имел и всегда от всех быв ненавидим, боялся.

Но ныне видите что с детьми его делается — не мстит ли бог на них неправды отцовы?...»

Давыдовичи, устыдясь, отвечали:

«Мы не ищем ничего чужого, ни хотим братию изгонять, но токмо хотим о владениях со Святославом развестись, что отец их (Олег «Гориславич») и они у нас насильно взяли...»
(Т а т и щ е в, т. II, с. 168)

Как это близко к «Слову о полку Игореве», где Олег Святославич попицается и за междоусобные войны, и за бедствия простых крестьян — ратаев, и за общее разорение Русского государства! Со времени последних «полков Олеговых» прошло уже столетия, но Петр Бориславич считает свои исторические напоминания вполне уместными. Еще были живы сподвижники грозного Гориславича вроде старого боярина Петра Ильича, начавшего службу во время первых полков «Олеговых» (он родился в 1057 году), когда Русь впервые увидела половецкие полчища, возглавленные русским князем. В 1147 году он сопровождал Святослава, сына Олега, в его поездке в Москву в качестве гостя Юрия Долгорукого.

Продолжала существовать и ситуация, складывавшаяся из усобиц, клятвопреступлений, найма половцев и всеобщей вражды. Обращение Петра Бориславича к истории было не уходом от современности, а мудрым осмыслением хода истории, познанием не событий, а явлений и показ истоков этих явлений.

Кончился 1146 год, принесший две смены великих князей на цесарском престоле Киева. Со времени смерти Всеволода Ольговича прошло пять месяцев, история которых могла бы быть изложена иным летописцем на двух-трех страницах. Но перед нами большой труд Петра Бориславича, полный подробностей, документальных данных и прямо или косвенно высказанных оценок ряда суверенных монархов тех времен.

Петр Бориславич сумел возвысить киевское княжеское летописание на общегосударственный уровень. Он как бы поднимал читателя на большую высоту, с которой становились видны разные русские княжества и соседние земли — Польша, Венгрия, Чехия, отчасти Византия и, разумеется, Половецкая степь.

Оставлены сатирические пририсовки, допускавшиеся в хронике переяславского князя, но не приличествующие летописи великого князя, задача которой понималась (очевидно, и князем и летописцем) как фиксация не только самих событий, но и степени их юридической безупречности.

Благодаря Петру Бориславичу мы присутствуем при приеме посольств, слушаем речи на заседаниях боярской думы, читаем переписку князей. И во всем этом мы можем увидеть и облик самого летописца: подбор материала, степень подробности, симпатии и антипатии, и умело завуалированные обоснования своего отношения.

Летопись Петра Бориславича уже на этом небольшом отрезке времени стереоскопична; она дает оценки событиям во всех четырех измерениях, неоднократно ссылаясь на исторические прецеденты.

В этом многогранном труде, превосходно написанном литературно, четко и однозначно вырисовывается облик самого Петра Бориславича: боярин, киевский боярин, выразитель корпоративного мнения «смысленной» старой знати.

Нам предстоит рассмотреть (пропуская изобилие фактов) три основные темы, которые подробно изложены Петром Бориславичем на отрезке 1147—1149 годов. Это — убийство киевлянами по приговору киевского веча великого князя Игоря Ольговича, во-первых, война с Юрием Долгоруким, во-вторых, и отношение киевской знати к Изяславу Мстиславичу во время усобицы с Юрием, в-третьих.

1147 год открывается разгромом обширного Северского княжества Ольговичей; военные действия идут в глубине вятических лесов у Корачева и Дедославля (близ Тулы) в 700 километрах от Киева.

Летописец Петр почти несомненно сопровождал своего князя в походе: он знает, что разбитого Изяслава Давыдовича «долго не бы; оли полудни приеха к ним», знает, что князь «тот день весь идоша оли до ночи Корачеву и сташа не дошедши Корачева и бысть вягомо и приде им весть...». Степень подробности и редчайшее слово «вягомо» («в то время, когда ложатся спать») сразу воскрешают в нашей памяти отчет боярина Петра Бориславича (1153 года), где есть это слово «вягомо».

Вообще, интерес автора к военным делам, к дислокации войск, данным разведки и географическим деталям говорит о том, что в поход Петр Бориславич поехал прежде всего как боярин, то есть полководец, воевода, а уже во вторую очередь как летописец, секретарь великого князя, фиксирующий не

только личные впечатления, но и важные государственные дела. К таким делам относится, например, договоренность с черниговскими князьями Давыдовичами, двоюродными братьями Ольговичей, которые все время колебались между Святославом Ольговичем и Изяславом Киевским. Им самим надоело «душою играти».

После победы над Святославом Изяслав Мстиславич осуществил полный передел владений Ольговичей, а Петр Бориславич не преминул внести решение великого князя в свою государственную летопись:

«Чего еста хотела волости — есмь изискал: ото Новгород (Северский) и что Святославле волости, а то — вама (братьям Давыдовичам).

Что же будеть Игорева в той волости, челядь-ли, товар-ли, то мое. А что будеть Святославле челяди и товара — то разделим на части».

Только год тому назад трое братьев Ольговичей владели чуть ли не половиной Руси с Киевом во главе. Теперь старший брат умер и похоронен в Кирилловской церкви близ своего дворца в Киеве; средний брат — Игорь — стал пленником Изяслава, а младший — Святослав — терпел поражения в «непроезжих» вятических лесах, теряя права даже на свои домениальные волости и имущество.

Но не случайно Святослав Ольгович уходил не к родственным половцам, к которым не так давно пытался убежать его старший брат, а шел на Корачев «понеже к Вятичам Юрий близко и пересылаться с ним способно». Напомним, что в 1185 году, организуя общерусский поход на Кончака, племянник и тезка Святослава Ольговича — Святослав Всеволодич тоже направился в Корачев, от которого было два дня пути до суздальских владений сына Юрия — Всеволода Большое Гнездо.

Юрий Долгорукий действительно стал союзником Святослава Ольговича в его войне с Изяславом Киевским в 1147 году.

Одержанная почти полная победа превращалась в затяжную войну с новым противником, тоже привлекавшим половцев и как союзников, и как наемников (Юрий половцев «золотом узводит»).

Новые союзники начали с того, что постарались обезопасить свои тылы: Юрий повоевал новгородские земли (Новый Торг, река Мста), а Святослав — смоленские владения Ростислава Мстиславича («люди Голядь» на Протве). После этого состоялась встреча князей, очевидно, для выработки дальнейшего стратегического плана. Эти дела, творившиеся во враждебном великому князю лагере, описал не Петр Бориславич, а летописец Поликарп, служивший Святославу Ольговичу. Местом встречи был выбран пограничный замок боярина Степана Кучки — «Москов» (Москва), с которым Петр Бориславич свяжет ряд неблагоприятных действий Юрия Владимировича, рисуящих князя не как могущественного монарха, сына Мономаха, а как грязноватую, вызывающую неодобрительные усмешки фигуру сластолюбца.

Поликарп же преподнес встречу союзников, начавших большую кампанию, как «обед силён» и обмен подарками: Юрий заранее послал Святославу «дары многы паволокою и скорою (шелками и мехами) и жене его и дружину его одари повелику». Святослав приехал в «Москов» с дарами, выслав вперед своего сына Олега (старшего брата Игоря, героя «Слова») с драгоценным подарком Юрию — «пардусом» (леопардом или барсом).

После встречи в Москве Святослав двинулся завоевывать Вятичей. К нему пришли «половци мнози, уеви (братья матери) его». Началась война широким фронтом; посадники черниговских Давыдовичей, только что появив-

шиеся во вновь подаренных их князьям владениях Ольговичей, бежали из этих городов.

В Киеве в это время происходил ряд крупных событий, связанных с подготовкой Изяслава к неожиданному продолжению войны. Одним из таких событий было избрание нового митрополита.

27 июля Изяслав предпринимает важный государственный шаг: он предлагает русским епископам самим, без волеизъявления цареградского патриарха, выбрать митрополита всея Руси. Избран был Климент Смолятич, монах-схимник Зарубского монастыря близ Переяславля, которого Изяслав мог знать еще в годы своего переяславского княжения.

«И бысть книжник и философ, так, якоже в Руской земли не бяшесть», — пишет о нем Петр, тоже, очевидно, знавший его по Переяславлю.

Для посвящения в митрополиты нужна была какая-либо общехристианская святыня; такая святыня нашлась — глава святого Климента, папы римского, взятая в свое время Владимиром Святым в Херсонесе. Избрание нового митрополита состоялось 27 июля 1147 года, в день именин князя Изяслава — Пантелеймона.

Другим событием было пострижение князя-пленника Игоря Ольговича в монахи. Петр Бориславич приводит текст письма Игоря из Переяславля к новому великому князю:

«Брат! Се болен есмь вельми. А прошю у тебе пострижения. Была бо ми мысль на пострижение еще в княженьи своем, ныне же у нужи (теперь же поневоле) се и болен есмь вельми и не чаю себе живота».

Ответ Изяслава Мстиславича был миролюбив:

«Аще была ти мысль на пострижение — в том еси волен. Но яз тя и бес таче (но я тебя и так) выпускаю, болести дея твоей». И тогда, послав, повеле над ним поруб (здание-сруб без дверей) розъимати. И тако выяша ис поруба вельми больного и несоша у келью...»

Переяславский епископ Ефимий постриг Игоря в монахи, и его привезли в Киев, поместив в монастыре святого Федора. Здесь Игорь принял самый суровый вид монашеского пострига — схиму. Великий князь Изяслав показан здесь милостивым и благородным, он освобождает из заключения своего противника и выполняет его желание принять схиму.

Следует сказать, что Игорь даже в куколе схимника представлял опасность для нового великого князя. Полвека спустя племянник Изяслава Мстиславича — Рюрик Ростиславич был пострижен в монахи своим зятем (внуком Изяслава), но при повороте судьбы расстригся и снова стал князем. Игорь прошел все коронационные формальности при вокняжении и даже заключил «ряд» с киевлянами, но резкая нелюбовь к нему всех слоев киевского населения видна как из летописи, так и из иных материалов.

Кияне вообще не любили Ольговичей, причиной чего были, несомненно, жадные и неуправляемые половецкие отряды и многотысячные армии, приводимые Ольговичами.

Бесчинства Всеволода, сжигавшего киевские посады в 1139 году, были памятны и через семь лет. К моменту смерти Всеволода дружины всех троих Ольговичей были в Киеве, что существенно влияло на споры о престолонаследии. Третий раз в истории Киева (1068, 1113, 1146 годы) созывалось вече для выбора князя. Татищевские выписки рисуют картину бурлящего, недоверчивого города, предъявляющего свои требования к Игорю Ольговичу и его ад-

министрации. Это выясняется из сообщения Святослава, передающего брату условия, которые кияне ставили новому князю:

«Аз, брате, целовал крест на том кыяном, яко быти тебе князем в правду, а людем, кому до кого будет обида, ино ти их судити в правду самому или мне (Святославу), а тиуном их не судити, ни продавати...»

(Московский летописный свод, с. 37)

Дважды киевляне верхом на конях собирались тогда на вече; первый раз их позвал Игорь на старый Ярославль двор, а затем киевляне (уже присягнувшие новому князю) пригласили самого князя на торговый Подол, и здесь киевские бояре («лутшие мужи»), «сседше с коней», приняли присягу Игорю «на всей их воли».

За несколько дней великого княжения Игоря (между 1 и 13 августа) была изготовлена свинцовая печать, отразившая эту короткую пору киевской конституционной монархии: на одной стороне изображен святой Георгий, патрон Игоря, а на другой — святая София, покровительница Киева.

Однако, несмотря на обилие юридических предосторожностей и необычную общую печать города и князя, «не угоден бысть кияном Игорь».

Петр Бориславич подробно описал детали заключения «ряда» князя с киянами с двойкой целью: во-первых, это был яркий пример ограничения княжеской власти волей «лучших мужей», а во-вторых, здесь был показан пример народной мести плохим княжеским управителям: ведь сразу после присяги и согласия Игоря на все условия народ, несмотря на это, «устремишася на Ратьшин двор грабить и на мечьники». Княжеские дружины «едва утиши» это восстание 1146 года. Теперь, год спустя, когда Игорь был монахом киевского монастыря, а из «Залесской» суздальской стороны двигались войска его брата и более могущественного Юрия Долгорукого, положение пленника сильно осложнилось. Венчанный на «царство» великий князь сохранял, как мы видели, возможность снять черные одежды. По мере приближения войск возрастала опасность реставрации Ольговичей на киевском престоле, что не могло радовать ни киевских бояр, ни киевских посадских людей, опасавшихся тиунов и мечников этой беспокойной княжеской ветви.

Первым делом Изяслава Мстиславича по приходе вестей о победном движении противника было получение согласия киевской знати на новую войну; вторым делом — судьба венценосного пленника. Петр Бориславич не забывает подробно изложить весь церемониал принятия решений по вопросам войны и мира:

Изяслав созывает боярскую думу и «всю дружину свою, кияне». На собрании думы Изяслав излагает свой замысел идти войной на Юрия и Ольговичей, указывая, что брат его Ростислав и войска Новгорода Великого будут помогать.

Кияне. «Княже! Не ходи с Ростиславом на стрья своего (Юрия). Лепле ся с ним улади! Ольговичем (в данном случае Давыдовичам, кузенам Ольговичей) веры не ими, ни с ними ходи в путь (в поход)».

Изяслав. «Целовали ко мне крест (Давыдовичи), а думу есми с ними думал. А всяко, сего пути не хочу отложить! А вы — доспевайте!»

Кияне. «Княже! Ты ся на нас не гневай — не можем на Володимире племя руки възняти. Олня же на Ольгович — хотя и с детми!»

Изяслав. «А тот добр, кто по мне поидет!» (Ипатьевская летопись, с. 31)

Перед нами почти протокол заседания великокняжеской боярской думы, который не вызывает особых сомнений в достоверности, так как сущ-

ность его могла быть проконтролирована современниками, и из которого мы можем сделать ряд выводов о соотношении княжеской воли и воли боярской:

1. Князь не мог просто повелеть киевским боярам идти в поход.
2. В боярской думе князь, замышляющий поход и приглашающий местное боярство, должен был изложить обстановку и цели войны.
3. Боярство имело право отказаться от участия в походе, но не могло удержать князя от самостоятельных действий силами его дружин.
4. Князь, не получивший общего согласия, имел право пригласить к участию в войне отдельных бояр, выразивших согласие с князем.

«Протокол» заседания боярской думы приведен Петром Бориславичем не для того, чтобы только отразить словопрения князя и бояр, а с той целью, чтобы закрепить в летописи как боярские права, так и боярскую позицию. А позиция, или, точнее, программа, такова:

1. Мир лучше войны.
2. Не следует доверять черниговским князьям, родичам Ольговичей.
3. Не следует воевать с потомками Мономаха (Юрий Долгорукий — сын Мономаха).
4. Ольговичи (всегда приводящие половцев) заслуживают военного вмешательства.

Из этого мы делаем еще один вывод: Петр Бориславич — летописец Изяслава Мстиславича не только потому, что он лично близок к великому князю, а и потому, что этот великий князь был год тому назад **обдуманно приглашен верхами киевского боярства**, корпоративные интересы которого Петр Бориславич и отстаивает.

Объявив о своем стремлении воевать, Изяслав Мстиславич должен был убедиться в верности своих ненадежных союзников — Давыдовичей; в Чернигов посылается тайная разведка и открытое посольство, возглавленное, как полагают исследователи, Петром Бориславичем. Живость изложения и эффект присутствия подкрепляют эту догадку.

Изяслав Мстиславич писал Владимиру и Изяславу Давыдовичам: «...Тако ми вошло во уши, оже мя ведете лъстью, а ко Святославу есте хрест целовали к Олговичю, яко на сем пути (во время намеченного совместного похода) вам любо мя яти, любо убити в Игоря место. А есть ли то братья тако или не тако?»

Давыдовичи. «Они же, — пишет в летописи Петр Бориславич, — ничтоже могоша отвещати, толико съзрешася (переглянувшись между собой) и долго молчавше...

И рече Володимир послу Изяславу: «Поиди вон, поседи — опять тя взовем!»

Давыдовичи упрекнули Изяслава в том, что он держит их брата (кузена) схимника Игоря.

Теперь, когда Давыдовичи перешли во враждебный лагерь, положение обострилось, и Изяслав, очевидно, решил возложить решение сложного вопроса на широкие народные массы, активно не любившие, как мы видели, и умершего Всеволода, и помещенного в монастырь Игоря. Общая нелюбовь к Ольговичам была подтверждена только что, когда Изяслав собирал боярскую думу: «...Если же на Олгович — то готовы идти хотя и с детьми!»

Изяслав (уже выступивший в поход) отошел от черниговских земель на юг, на Супой, а в Киев послал к своему сводному брату, юному Владимиру, к тысяцкому и к новому митрополиту Клименту Смолятичу «двух знатных мужей Добрынку и Рагуила» (Татищев, т. II, с. 175) сказать: «Созовите кияны на двор к святей Софьи, ать мой посол молвить речь мою к ним и скажетъ лъсть Черниговских князий».

Вече созвал оставленный в Киеве в качестве представителя княжеской власти пятнадцатилетний сводный брат Изяслава княжич Владимир.

Петр Бориславич подробно описывает церемониал обращения великокняжеских посланцев к всенародному вече Киева:

Владимир. «Се суть присланные два мужа от брата моего Изяслава. А с чем — о том они сами вам возвестят».

Добрыня и Рагуило. (Владимиру) «Поздравляет тебя брат твой великий князь Изяслав».

«Також, поворотясь к митрополиту, равномерно поздравили». Та же к тысяцкому: «Князь великий жалует вас всех киевлян и поздравляет!»

Тысяцкий Лазарь благодарил великого князя за милость от всего Киева и предоставил слово посланцам.

Добрыня прочитал послание Изяслава.

Грамота великого князя, зачитанная на вече и приведенная в летописи, ничего нового для нас не содержит (она была нова для киевлян); она кратко пересказывает уже описанные в летописи донесения и переговоры последних дней. Кончается она повторным призывом к киевлянам подняться в поход на Чернигов:

«...Ныне же, братье-кияне, чего есте хотели, чим ми ся есте обещали — поидите по мне к Чернигову на Ольговичь, доспевайте (снаряжайтесь) от мала и до велика! Кто имеет конь, кто-ли не имеет коня, а в лодьи — ти (Давыдовичи) бо суть не мене одиного хотели убити, но и вас искоренити». (Ипатьевская летопись, с. 32—33)

Киевляне подтвердили свое прежнее обещание идти на Ольговичей «и с детьми».

В грамоте Изяслава сознательно не было сказано ни слова об Игоре, но «един человек» на вече, оставшийся неизвестным, напомнил, что в 1068 году освобождение Всеслава Полоцкого из поруба злыми людьми принесло несчастье киевлянам.

«...А се Игорь — ворог нашего князя и наш не в порубе, но в святем Федоре. А убивше того (Игоря) Чернигову поидем по своем князи! Кончаимы же ся с ними! То же слышавше народ отголе поидоша на Игоря в святой Федор». (Ипатьевская летопись, с. 33)

Вероятно, это и есть то решение киевского вече, которое ожидалось Изяславом. Было ли оно инспирировано княжескими кругами, мы не знаем. Прямых данных у нас нет. Петр Бориславич, много раз на страницах своей летописи выражавший отрицательное отношение к Ольговичам и их родоначальнику «завистливому Олегу», приложил усилия к тому, чтобы алиби Изяслава было документировано:

1. Брат Изяслава Владимир сказал народу: «Того вам брат мой не велел!» Отвечая княжичу, народ кричал: «Мы ведаем, что Изяслав убить не велел, но с сим коварным и злостным племянем добрым порядком не управиться!» (Т а т и щ е в, т. II, с. 175)
2. «Митрополит же възбраняше им и Лазорь тысяцкой и Рагуило Володимирь тысяцкой яко быша не убили Игоря».

Далее приведен, очевидно, допрос свидетелей, так как некоторые эпизоды повторены дважды:

А. Владимир соскочил с коня, укрыв Игоря плащом.

«Братье моя! Не можете сего створити зла, не убивайте Игоря!»

Княжич вомчал Игоря во двор своей матери (вдовы Мстислава Великого) и запер ворота.

Б. «И пригна Володимир Мьстиславичь и скочи с коня паде на Игоря и тако Игорь въста и вниде в двор Мьстиславль. И тако людье яша Володимира и хотеша убити про Игоря». Народ выломал ворота.

В свалке досталось и Владимиру, и его тысяцкому, Игоря захватили во дворце Мстислава Великого. Народ притащил Игоря оттуда на княжий двор «и ту прикончиша й».

Очевидно, разъяренные массы, громившие год тому назад дворы администрации Ольговичей, были теперь, 19 сентября 1147 года, совершенно неуправляемы. Именно в этот момент, когда Игорь просил попа для причастия, народ кричал ему: «Когда вы с братом Всеволодом жен и дочерей наших брали на постели и дома грабили — тогда попа не спрашивали!» Если бы такое всенародное убийство было организовано окружением Изяслава, то в высшей степени неосмотрительно было бы добивать Игоря именно на дворе великого князя.

В летописи Петра Бориславича подробно описано, как Изяслав принял известие об убийстве Игоря Ольговича:

«И рече Изяслав своей дружине: «То мне есть порока всякого от людей не уйти. Тем (людям) есть речи — Изяслав велел убити! Но тому бог послух, яко не повелел, не научил...» (Ипатьевская летопись, с. 35)

Петр Бориславич не преминул дать в своей летописи отклик далекой окраины на происшедшее событие. В Курске, где только недавно княжил сын Изяслава Мстислав, покинувший курян, «с честью простясь с ними», собрались силы, противостоящие великому князю: Святослав Ольгович и присланные Юрием Долгоруким войска с двумя его сыновьями. Когда Святослав потребовал от курян готовности к походу, «старейшины курские... по довольном всенародном рассуждении» ответили последнему Ольговичу так:

«Понеже киевляне давно Изяславу объявили и обшенародноу ротоу (клятвой) утвердили ему на Ольговичев и Давидовичев всею их возможностью помогать, а на племя Владимирово руки поднять не хотят, да и все государство Руское имеет детей и внучат Владимировых в великом почтении.

Того ради вам советуем оставить войну противо роду Владимирово, рассудя то, что брата твоего Игоря не Изяслав убил, но Давыдовичи своею превратностью и непристойным противо Изяслава и киевлян предприятием...» (Т а т и щ е в, т. II, с. 177)

Такая твердая произяславовская позиция курян, вероятно, объясняется тем, что в Курске когда-то княжил сам Изяслав, а в этом году там княжил его сын Мстислав, оставивший, вероятно, каких-нибудь «приятелей», действовавших в его пользу и извещавших его о курских делах.

Новая обстановка была такова: из Ольговичей остался в живых только один младший, Святослав (князь Северский), и его племянник, сын Всеволода — Святослав, будущий герой «Слова о полку Игореве», пока еще не игравший самостоятельной роли; черниговские Давыдовичи перекинулись к Святославу, так как за его спиной стоял могущественный Юрий и, разумеется, половецкие ханы («Токсобичи» и др.).

Петр Бориславич отвел в своей летописи много страниц отрицательной характеристике Юрия Владимировича Долгорукого, как бы предостерегая ту часть киевского боярства (вроде боярина Жирослава), которая склонялась в сторону этого далекого и мало еще известного в Киеве сына Владимира Мономаха, на которого в какой-то мере падал отблеск славы его отца.

1148 год.

Год прошел в широких стратегических приготовлениях к предстоящей войне с Юрием Долгоруким, хорошо освещенных Петром Бориславичем в его летописи. Первоначально Изяслав Мстиславич решил усмирить Давыдовичей и Ольговича, колебавшихся между Киевом и Суздаем. Сущность событий хорошо и сжато изложена великим князем в личном письме к брату Ростиславу в Смоленск:

«Брате! Являю ти: на Олговичи есм к Чернигову ходил и на Олгове Поли есм стоял и много есмь им зла учинил, землю их повоевал есмь и ту ко мне не възмогша выйти битися полком. И отгуду идохом к Любчю и ту к нам приехаша (войска Ольговичей) и разъиде нам с ними река и нельзе бе нам взыти тою рекою к полком их; и на ту ночь бысть дождь велик и бе на Днепре лед лих и того деяя пойдохом на ону сторону (на киевский берег). И тако бог и святая богородица и сила животворящего хреста приведе ны в здоровьи в Киев. И тебе, брате, прашаю — в здоровьи ли еси и што ти тамо (в Смоленске) бог помогаеть?»

Петр Бориславич (почти, несомненно, участник похода), поместив в летописи это письмо, дополнил его целым рядом подробностей. Вызвать Ольговичей на генеральное сражение не удалось, но, не поддержанные Юрием, они согласились заключить мир с Киевом. Неожиданно осенью 1148 года от Юрия ушел его старший сын Ростислав, якобы обиженный отцом и просивший Изяслава принять его в вассалы: «За Рускую землю хочю страдати и подле тебе ездити!»

Великий князь, полностью поверив Юрьевичу, взял его с собою на снем (княжеский съезд) в Остерский Городец, куда прибыли из Чернигова Давыдовичи. Святослав Ольгович не явился, хотя и присягал ранее Изяславу «быти всим за один брат».

Городецкий снем решил поздней осенью по ледоставу совершить поход на Юрия с северо-запада, со стороны Великого Новгорода, на владения которого Юрий нападал еще в прошлом году (пир в Москве со Святославом Ольговичем).

Ростислав Юрьевич неосмотрительно был оставлен в Киевском княжестве («а ты постережи земле Руской...»). Оказалось, что всю зиму 1148/49 года этот «троянский конь» потратил на то, что «подмолвил на тя (Изяслава) люди, берендиче и кияны: толико бы бог отцю его помогл и оному (Ростиславу) было въехавши в Киев и дом твой взяти и брата твоего яти и жену твою и сына твоего...».

Не предполагая таких хитроумных козней Юрия, Изяслав направился в Новгород, где более двух десятков лет княжил его отец Мстислав Великий. Изяслав Мстиславич родился в Новгороде, некоторое время княжил там, имел домениальные владения: в 1134 году он пожертвовал земли Пантелеймонову монастырю в Новгороде, а святой Пантелеймон — патрон этого князя. Благодаря подробной летописи Петра Бориславича мы знаем, что у Изяслава «на шеломе над челом написан святой мученик Пантелемон злат». Под 1133 годом в Радзивилловской летописи краткое упоминание о поездке Изяслава в Новго-

род снабжено особой миниатюрой (лист 165, низ.). Новгород символизирован городком с необычным двойным романским зарешеченным окном. Новгород, враждебный Юрию, был важным звеном в стратегических расчетах Изяслава.

Благодаря Петру Бориславичу мы получаем живую и красочную картину пребывания киевлян в северном городе.

Новгородцы «взрадовашася радостью великою» и встретили великого князя за три дня пути от города. «И тако в Новъгород приде с великою честью». Отслушана обедня в Софийском соборе, разосланы бирючи и подвойские «по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала до велика».

Наутро Изяслав повелел «звонить вече» на Ярославовом дворе. Изяслав сказал в своей речи, что пришел сюда по просьбе новгородцев, которых обижает Юрий Долгорукий. Речь кончалась вопросом: «А гадайте на нь, братье... а любо с ним (Юрием) мир възмем, паки ли с ним ратью кончаимы?» Новгородцы восторженно отвечали Изяславу:

*«Ты — нашъ Володимир (Мономах), ты — нашъ Мьстислав!
Ради с тобою идем своих деля обид!»*

(Владимир — Мономах, а Мстислав — отец Изяслава, долго княживший в Новгороде по желанию новгородцев.)

В поход против Юрия пошли новгородцы, псковичи, корела (попавшая в былины о Дюке и Чуриле) и даже «чудь заволочская» (коми-зыряне). Войско дошло по Волге от Медведицы до Углича. Юрий не выступил против Изяслава и новгородцев. Сюда пришла весть о союзниках Давыдовичах, которые стояли в своих Вятчах «ожидаюча и зряча (глядя), что ся тамо (на Волге) учинить межю Гюргем и Изяславом, а к нима не идоста», хотя заранее условились сойтись вместе на устье Медведицы. Давыдовичи продолжали «играть душею».

Не дождавшись черниговских союзников, Изяслав распустил войска. На реках уже таял лед; была весна 1149 года.

Возвращение в Киев показало результаты тайной деятельности Ростислава Юрьевича — ему удалось склонить какую-то часть киевлян на сторону Юрия. Изяслав устроил своеобразный суд над Юрьевичем: Изяслав находился на днепровском острове под Киевом у Выдубицкого Михайловского монастыря. Ростислава в насаде перевезли на остров и поместили в особом шатре. Петр Бориславич по своему обычаю привел диалог между двоюродными братьями, который велся через послов. Суд кончился тем, что Ростислав Юрьевич был посажен в ладью с четырьмя отроками и отправлен к отцу; дружина его была арестована, а имущество конфисковано.

Война возобновилась. Юрий двинул войска. Петр Бориславич подробно описывает торопливую дипломатическую пересылку Изяслава со своими ненадежными союзниками, ожидавшими прихода Юрия с половцами. 1 августа 1149 года Юрий был уже под Переяславлем. С ним были Святослав Ольгович, Святослав Всеволодич и половецкая помощь. Изяслав обращается к киевскому боярству:

Изяслав.

«...Оже бы пришел (Юрий) толико с детьми — то которая ему волость люба, ту же и взял. Но оже на мя половци привел и Олговиче, то хочу ся бити!»

«Кияном же не хотящим, глаголющим: «Мирися, княже! Мы не идем».

Изяслав. «Поидите со мною, ать ми ся добро с ними от силы мирити? «Кияне поидоша по Изяславе». (Ипатьевская летопись)

Войска Изяслава и Ростислава Мстиславичей и Изяслава Давыдовича дошли до Витечевского брода и перешли на переяславский берег. В полдень получили весть, что половцы уже у Переяславля. Их удалось отогнать. Описание хода дел полно точных мелочей; летописец здесь, в войсках, он знает, что делается на заре, что вечером, что в полночь, какой полк стоит у зверинца, какой у рощи...

В одну из ночей Юрий прислал письмо Изяславу с предложением мира при условии отдачи Переяславля одному из Юрьевичей. Изяслав не ответил, а утром вывел войска из крепости на оболонье. Когда Изяслав, отслушав обедню в соборе святого Михаила, выходил из церкви, епископ Ефимьян со слезами упрашивал князя не начинать сражения.

Епископ Ефимьян.

«Княже! Умирися со стрьем своим!.. землю свою избавиши от великия беды».

Изяслав («он же не восхоте, надеясь на множество вои»).

*«Добыл есмь головою своею Киева и Переяславля!»
(«И поиде противу Дюргеви».)*

Возможно, что эти фразы взяты не из летописи Петра, употреблявшего форму «Гюрги», «Гюрьги» — Юрий. Здесь дана другая форма — «Дюрги».

Изяслав созывает думу, в которой участвуют братья Ростислав и Владимир, сыновья Мстислав и Ярополк, свои бояре и вся дружина.

Изяслав предлагает форсировать Трубеж и напасть на Юрия.

«Мужи» (те, кого в XI веке называли «смысленными»).

«Княже! Не езди по нем (на Юрия Долгорукого). Отъяти перешел земли, а трудился. А сде, пришед не успел ничтоже, а то уже поворотился прочь, а на ночь отъидет... А ты, княже, не езди по нем!»

Мужи («друзии», очевидно «несмысленные»).

«Поеди, княже! Привел ти бог, не упустим его прочь!»

«Изяслав же то слышав от обоих, излюбил поехать по них». День прошел в перестрелке стрельцов-лучников.

Вечером Юрий ушел в свой лагерь. Князья советовали Изяславу: «Не езди по них, пусти е в товары своя, уже ти есть верно!» Другие считали, что Юрий уже бежит: «Изяславу же то любо бысть и поиде по них».

Ночь прошла. «Яко солнцю въсходящю ступишася и бысть сеча зла меж ими». Первым побежал Владимир с поршанами, затем Изяслав Черниговский и потом киевляне... Великий князь пробился сквозь полки Святослава и Юрия и, оказавшись в их тылу, разглядел разгром своих полков: «полци вси побегли и многы избиша, а другыя руками изоимаша...»

Изяслав перешел Днепр и «толко сам-третий» доскакал до Канева. Это произошло 23 августа 1149 года.

В Киеве Изяслав с Ростиславом снова созвали киевлян.

Изяслав.

«Се стрый (брат отца, Юрий) наю пришел. А ве (мы двое с Ростиславом) вам являеве: можете ли ся за наю бити?»

Кияне.

«Господина наю князя! Не погубита нас до конца! Се ныне отци наши и братья наша и сынови наша на полку ови (одни)

изоимани, а друзии избьени и оружие снято.

А ныне, ать не возмутъ нас на полон — поедита (поезжайте оба) в свои волости! А вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити. Аже по сих дних где узрим стяги ваю (вас обоих) — ту мы, готовы ваю есмы!»

Второго сентября 1149 года Юрий Долгорукий въехал в Киев. Ростислав Мстиславич уехал в свой Смоленск, Изяслав Мстиславич — во Владимир-Волынский; с ним уехал и новый митрополит Руси Климент Смолятич. Можно добавить на основании рассмотрения последующих летописных материалов, что Петр Бориславич тоже не покинул своего князя, но этот раздел своей яркой, многогранной летописи он завершил как бы от имени всего киевского боярства строгим, но справедливым поучением бывшему великому князю, которого летописец все время оберегал от возможных наветов:

«Тако познал Изяслав високоумие свое, сколько вредно презирать советы старых, а последовать умам молодых и неискусных в воинстве людей, которые более умеют о богатом убранстве, яко жены и лакомой пище и питии рассуждать, нежели о войне. Они бо (молодые и неискусные) не видя неприятеля и не смея к нему приблизиться, побеждают и добычи делят (то есть только мечтают о победах). И таковые у нерассудных князей боле милости и чести, нежели храбрые и мудрые воины получают. Но когда беда приключится, тогда в них ни ума, ни верности нет. Страхом объгаты, яко трость, ветром колеблема, не знают, где сами деваться и учиня худа, на невинных свою вину и безумство возлагая, паче оскорбляют». (Т а т и щ е в, т. II, с. 192—193)

Горькие слова и упреки в этом своеобразном «поучении Изяславу» продиктованы не враждебностью к нему, а сожалением, что столь достойный князь («царь» по выражению Юрия Долгорукого), который «о добром правлении и правосудии прилежал», пренебрег советом мудрых и в нетерпении мести («не мог обиды чести своей терпеть») предпочел торопливые суждения «несмысленных». Петр Бориславич не придворный льстец, одобряющий любое действие князя, но и не враг; он — соратник князя, сокрушающийся о том, что Изяслав увлекся речами недостойных людей.

Вместе с тем в этой концовке киевского отрезка летописи как бы слышен голос будущего тысяцкого Киева, главы сплоченной киевской аристократии, боярина Петра Бориславича, выражавшего общебоярские требования к князю, которые сводились к тому, что каждый князь может управлять, только советуясь «с мужи своими» и выполняя их советы.

Когда Изяслав Мстиславич по воле киевского боярства, считавшего, что мир лучше рати, уехал из Киева в свой домениальный Владимир-Волынский, то летописец Петр Бориславич, по всей вероятности, поехал вместе с князем. В этом убеждает сохранение в летописи всего сформировавшегося за 1142—1149 годы стиля хроники, круга интересов, политических (династических) симпатий и антипатий, постоянное ощущение эффекта присутствия, рыцарские интересы к военной технике и торжественным церемониям.

Переезд на Волынь не означал разрыва с Киевом. Теперь летопись Петра Бориславича наполняется сведениями, полученными из покинутой столицы, о делах киевского боярства при княжении Юрия Долгорукого.

«Некоторые благоразсудные киевляне, познав хитрости Юрие-вы, писали ко Изяславу, чтоб он, если уведает о Юрьевом лас-

кательстве, никак тому не верил, но прилежал войском себя защищать или честным договором примириться и всегда в своем владении быть осторожну». (Татищев, т. III, с. 9)

Были и более подробные сведения о киевских делах:

«Но Юрий не токмо волость по Горыню отдать Изяславу не хотел, но возгордяся сказал присланному: «Когда Изяслав не уляжется во Владимире, то я ему дам такую же область, какову он дал Игорю (Ольговичу)». Сие слышав киевляне, что Юрий намерен Изяслава погубить, многие о том плакали (сожалели) и все, как знатные, так подлые Юрия наипаче не взлюбили и тайно стали стараться, чтоб Изяслава паки на Киеве иметь. Но явно учинить ничего не могли, токмо тайно некоторые устроили для Юрия различные увеселения и пиры со многим питием, чтоб его от намерения к войне тем отвратить и его войска праздностию в слабость привести. Другие тайно черниговским (Давыдовичам) опасность от Юрьева властолюбия и ненависть вкореняли, по всем градам Юриеву злобу и свирепость разсевали, понося его беспорядочное житие и правление. И со Изяславом имели пересылку, но все так тайно происходило, что Юрий, упражняясь в своих веселиях, ничего уведать не мог». (Татищев, т. II, с. 20)

Вторую половину 1149-го, весь бурный 1150-й и весну 1151 года Изяслав Мстиславич провел в борьбе за Киев. Война велась с Юрием Долгоруким, Святославом Ольговичем, половецкими ханами, Владимиром Галицким.

Появились новые союзники: польский король Болеслав Кривоустый, дочь которого Агнеса стала женой Мстислава Изяславича, венгерский король, женившийся на дочери Изяслава, Новгород Великий, чешский король Андрей, Владислав, князь Силезский.

В середине 1150 года Изяславу удалось на короткий срок овладеть Киевом, но галицкий князь Владимир (тот, к которому ездил потом Петр Бориславич) оттеснил Изяслава от «золотого престола».

Киев был отвоеван только весной 1151 года. Петр Бориславич все время проявлял на страницах своей хроники живой интерес к военному делу (в стратегическом и в тактическом масштабе) и к позиции боярства в сложной ситуации непрерывной войны.

В описании всех событий ощутим эффект присутствия летописца: точнейшая топографическая обстановка, точное время действий («по зорям», «до солнца», «дожда ночи»), боевые порядки полков, донесения «языков». Он с удовлетворением описывает военные новинки, введенные Изяславом:

«исхитрил Изяслав лодьи дивно — беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити; бяхуть бо лодьи покрыти досками и борци (воины, готовые к абордажу) стояще горе (на палубе) в бронях и стреляюще. А кормьника (рулевых) два беста — един на носе, а другый на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающе лодий».

Петр Бориславич верен себе: как воин и полководец он не упускает ни одной военной детали; как дипломат перечисляет все пересылки с князьями, королями и ханами дружественных торков; как политический деятель, отстаивающий интересы киевского боярства, он фиксирует все совещания, все противоречия, возникающие при обсуждении дел князем и боярством. Таковы три ипостаси этого интереснейшего русского человека XII столетия. И во всех слу-

чаях мы ощущаем живое участие автора летописных страниц (у него счет идет уже не на строки) в этих важных государственных делах.

Иной раз автор сошлется не на документ (что он последовательно делал), а на живую речь князя, на тот или иной афоризм, произнесенный Изяславом:

«И рече слово то, якоже и переже слышахом: «Не идет место к голове, но голова к месту».

В острых положениях, когда обычный летописец мог бы умолчать, не упоминать событий, конфузящих его князя, наш боярин на первое место ставит интересы «киян» и смело излагает то, чего князь, быть может, и не хотел бы видеть в своей хронике. Вот эпизод из военных событий 1150 года, когда на Перепетово Поле галицкий князь привел значительные войска, а к Изяславу еще не пришли полки Вячеслава. Черные Клобуки, на земле которых находились оба войска, испугались:

«И начаша Чернии Клобуци молвити Изяславу: «Княже! Сила его (Владимира Галицкого) велика, а у тебя мало дружины. Да же не перейдет на ны через реку. Не погуби нас, ни сам не погыни (не погибни)!

Но ты — наш князь; коли силен будещи, а мы — с тобою, а ныне не твое время, поеди прочь».

Изяслав же рече им: «Луче, братье, измрем сде (здесь), неже ли сей сором възмем на ся!»

Кияне же начаша стужати ему, рекуче: «Поеди, княже, прочь!» И то рекше кияне побегоша от него прочь...» (Ипатьевская летопись, с. 51)

Изяслав, убедившись в том, что действительно «не его есть время», тоже «побеже прочь».

Придворный хронист, по всей вероятности, умолчал бы об обидных подробностях, но Петр Бориславич написал и о рыцарственной позиции Изяслава, и о циничном предложении как воинов «Алыберского царства», так и родных киевлян. Подобная объективность внушает доверие и уважение к такому деятелю, как Петр Бориславич.

Образцом делового и подробного отчета является включенный в летопись журнал похода на Киев из Владимира-Волынского. Приведу его почти полностью, чтобы показать отличие летописи Петра Бориславича от современных ему церковных хроник.

В марте 1151 года Изяслав двинулся из своей Волыни на Киев, взял городок Заречск близ Пересопницы, но оказался между двух огней: впереди — войска Юрия, а с правого фланга надвигался Владимир Галицкий. Боярская дума, излагая ситуацию, предостерегала князя: «а трудно ны вельми». Изяслав отвечал в рыцарском духе:

«Вы есте по мне из Русские земли вышли, своих сел и своих жизний (угодий) лишився, а яз паки своя дедины и отчины не могу перезрети — но любо голову свою сложу, паки — ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь!»

Начало фразы прямо относилось к тем киевлянам, которые, подобно Петру Бориславичу, пошли за Изяславом на Волынь из своих киевских волостей.

Летописцы старой школы могли бы описать этот поход примерно такой фразой:

[В лето 6658. Паки поиде Изяслав ко Киеву вборзе, поим с собою угры, еже прислал король; Гюрьги же, не стерпе стояти, бежа за Днепр в Городец.]

В летописи же Петра Бориславича мы видим живой, красочный рассказ очевидца, скакавшего вместе с князем в этом стремительном кавалерийском рейде, и летописная статья выглядит у него как журнал военных действий, как дневник похода, который вел его участник.

Рассмотрим этот журнал по пунктам.

1. Исходная точка — Владимир Волынский.

2. Пограничный пункт — Дорогобуж на Горыни. Приведена речь Изяслава, успокаивающая дорогобужцев в связи с прохождением венгерских войск. Отсюда начинается точный расчет дней и ночей марша.

3. Остановка на реке Хотрии.

4. Коречьск. «Корчане вышедше с радостью и поклонишася ему. Изяслав же поминя город, подале города и ста на рече не дошед (реки) Случи». Разведка донесла, что Владимир Галицкий и Андрей Боголюбский соединились в тылу Изяслава и стремятся догнать арьергард Изяслава.

5. Река Случь. Войска Изяслава перешли реку «и оттоле поиде через Чертов лес к Ушьску».

6. Ушьск на реке Уше. Перешли реку Ушу под Ушком. Во время перехода Уши легкая конница Владимира Галицкого и Андрея Юрьевича («стрельцы») завязала бой со стрельцами Изяслава на обоих берегах реки. Изяслав построил основные полки в боевой порядок («исполчи»). Взят в плен муж-галичанин. Допрос пленного.

Изяслав.

«Князь твой где?»

Галичанин.

«Ото — за городом первый лес! Ту перея весть на тя (здесь получил вести о тебе) ту же и ста, не дерзну пойти сквозе лес, но тако рече: «Оже поидем сквозе лес, то побийуться с нами, а сила наша (главные силы) за нами далече. А ту ся сождем».

Изяслав (брату Владимиру и сыну Мстиславу).

«Поедем на нь опять!»

Дружина (Изяславу).

«Княже! Нельзе ти пойти на нь — се перед тобою река, но еще зла (лед еще не прошел).

Како на нь (Владимира Галицкого) хочеши поехати? А еще стоить (противник) заложивъся лесом.

Ныне же того, княже, не прави, но поеди Киеву к своей дружине. Аже ны (нас) Володимер где постигнетъ — а ту с ним ся биемы.

А како ны (нам) у Заречьска рекл: «Аче ны Гюрги усрячать (встретит), а с тем ся бием».

Ныне же, княже, не стряпай (не медли), но поеди!

Аче ти будешь на Тетереви (до реки Тетерева около 100 километров), а ту к тебе дружина твоя вси приедуть.

Аче ти бог дасть и до Белагорода дойдеши перед ним, а боле дружины к тебе приедеть — а болши ти сила!»

Изяслав принял разумный совет боярской думы.

7. Святослава Креница. Галицкие войска и волынские разделены рекою Ушью (современный Уж).

«И тако стояху межи собою, ако же Изяславлим сторожем

зрети бяшетъ на галичьскии огне, а галичьским сторожем зрети бяше на Изяславли огни».

После этой великолепной картины ночных огней двух армий Петр Бориславич описывает военную хитрость Изяслава, тоже одобренную советом дружины:

«И угада Изяслав с дружиною своею пойти через ночь к Мичьску (на Тетереве). И нача велети всим воем своим огни великыи класти. И тако накладъше огни, а сами пойдоша через ночь к Мичьску».

Мичьск на Тетереве.

«И ту усретоша ѿ дружина многое множество, иже седяхуть по Тетереви и ту поклонишася Изяславу и мичане с ними, рекуче: «Ты — нашъ князь!»

Читая эти строки, мы сразу вспоминаем описанное Петром Бориславичем приглашение Изяслава в 1146 году. Далее идет простой бытовой рассказ о походной жизни:

«Изяслав же отголе перешед за Тетерев и ту съседе (спешились) конем опочивати. Обедав же ту и конем опочив, поиде к Въздвигдени» (до Киева оставалось 80 километров).

Воздвиженье на Ирпени.

«Ту же пришед к Въздвигдени и ста до вечера. И всед на конь позва брата к собе Володимера и сына своего Мъстислава и Бориса Городеньского и угорским мужем, пришедшим на думу и рече им:

(Речь Изяслава.)

«Се Володимер по нас идеть, а мы сде стоимы. Аз, братъе, молвлю вам: сде-ли хочем стояти, чи-ли быхом и еще своего труда не правяче (или же, не пожалев предстоящего труда) — сее ночи поехати?»

Паку ли хочем сде перестояти, а се Володимер за нами; а мало ли ны (нас) тот постигнетъ, а се другая рать перед нами — Гюрги. То же того съждем (если же мы этого дождемся), то нам, братъе, будетъ трудно! Но оже хочем, то възряче на бога, своего труда не правяче, поедем! Оже ны будетъ лзе (возможно) на Белъгород въехати, то Гюрги готов перед нами бегати, а мы поедем в свой Киев и в сильный полк в киевский. Аже въедем в не, то аз веде — ти ся за мя биють (киевляне будут биться за меня).

Паку ны нелзе будетъ поехати на Белъгород, а в Черныи Клобуку въедем.

Аже уже в Черныи Клобуку въедем и с ними ся скупим (соединимся)... то не боимъся Гюргя, ни Володимера».

Венгры ответили согласиём на ночной марш:

«Мы гости есме твои... а комони под нами!..»

Изяслав дает распоряжение брату:

«Поеди ты на Белъгород передом, а мы вси пуцаем с тобою дружину свою молоджьшюю... а мы по тебе идем. Оже приедеши к Белугороду, а почнуть ся с тобою бити, ты же к нам вестъ

пошли, а сам бийся завтра и до обеда.

Ать аз паки любо на Обрамль мост перееду, любо другой (мост), де въеду же в Черныя Клобуки. А скупяся паки с Черными Клобуки поеду же на Гюргя Киеву.

Паки ли (если) изъедеши Бельгород, а с тем к нам пошли (весть), а мы к тебе поедем».

Белгород под Киевом. Владимир Мстиславич быстро доскакал до Белгорода. Сын Юрия Борис пировал с дружиной и попами белгородскими на галерее; увидав и услышав войско, трубящее в трубы, Борис бежал в Киев, на «Красный двор», и крикнул отцу:

«Осе рать!» Юрий, «всед у насад, бежа на ону сторону» (на другой берег Днепра).

Торжественный въезд Изяслава в Киев завершился пиром и турниром венгерских рыцарей на великом Ярославском дворе. Киевляне

«дивяхутся угром множеству и кметьства их (рыцарству их) и комоном их».

Обилие деталей, варианты распоряжений князя-полководца, ход действий — все это вносилось Петром Бориславичем ради того, чтобы показать правильность стратегических расчетов, отличное знание обстановки и предусмотрительность Изяслава, руководившего этой стремительно проходившей кампанией.

В третий раз (и уже до конца своих дней) Изяслав Мстиславич стал цесарем Руси. Летописец, который писал о делах и трудах этого князя, видел его жизнь не из окна монастырской кельи, не из светлицы княжеского дворца. Он, Петр Бориславич, сопровождал князя в походах, записывал его приказы полководцам, вел протоколы военных советов и боярской думы, фиксировал допросы пленных, писал дневник похода, отмечая маршрут, дневки, ночные марши, где давался «опочив конем».

Описание княжеских дел становилось одновременно и частью биографии самого Петра Бориславича. Он своими глазами видел огни вражеских костров на берегу Ужа, он слышал ответ пленного галичанина, что его князь стоит «вот за этим лесом», он слышал горькие слова киевлян, сказанные великому князю, проигравшему сражение, начатое вопреки воле мудрых бояр. Петр Бориславич вел переписку князя и даже использовал для документированности ее брошенный убегающим за Днепр Юрием Долгоруким его княжеский архив.

Характер летописи Петра Бориславича нам уже ясен по первым ее разделам: переяславскому 1142—1146 годов с ретроспективными вставками за 1127—1142 годы и киевскому 1146—1149 годов. Далее идет волынский раздел, наполненный оживленнейшей дипломатической перепиской и организацией нового похода на Киев, в котором Петр принимал непосредственное участие, о чем свидетельствует обилие мелких и незначительных деталей походного быта (весна 1151 года).

У нас нет надобности разбирать с такой же подробностью последующие фрагменты летописи Петра Бориславича; можно сосредоточить внимание только на том, как его хроника отражала его собственную биографию.

Весь 1151 год ушел на борьбу с Юрием Долгоруким. Юрий с приглашенными половцами и со своим постоянным союзником Святославом Ольговичем двинулся на Киев. Святослав так торопился помочь Юрию, что «не дожда велика дня (пасхи), но поиде в понедельник святой (страстной?) неделе, а во вторник (3 апреля) родися у него сын и нарекоша имя ему в святом крещеньи

Георгий, а мирьский — Игорь» (летопись Поликарпа). Как символично, что печально известный «герой» «Слова о полку Игореве» родился в самый разгар княжеских усобиц, когда половцы уже готовились громить киевские села и города с согласия русских князей! Родился еще один Ольгович, продолжатель семейных традиций Олега Гориславича.

Война с Юрием Долгоруком завершилась его поражением: он был вынужден уйти в Суздальщину, половцы ушли в степь, Святослав Ольгович «бе тяжек телом и трудился бежа» в свой Новгород Северский.

Как только завершилась война с Долгоруком, возобновились действия против Владимира Галицкого. Изяслав отправил своего сына Мстислава в Венгрию сопутствовать королевским войскам, идущим в помощь Киеву против галицкого князя. Во главе венгерских войск был сам король Гейза II, зять Изяслава.

Изяслав выступил навстречу союзнику. Петр Бориславич вспоминает, что по дороге, ведущей из Владимира Волынского к реке Сану, когда-то (в 1123 году) уже проходил венгерский король. Для человека, жившего ранее на Волыни и певшего на клиросе в соборе Владимира Волынского, это вполне естественно.

Далее следует описание церемониала встречи венгерского короля с цесарем Руси Изяславом Мстиславичем. Попутно сообщается, что король по воскресеньям не воевал. Миниатюра Радзивилловской летописи (которая в этом разделе, до 1154 года, копирует киевскую летопись Петра) изображает воскресный отдых короля: юный, пышноволосяй Гейза, сидя в кресле, принимает из рук слуги книгу (лист 193). Не исключено, что с Мстиславом в Венгрию ездил и Петр Бориславич — уж очень много в татищевских извлечениях сведений о венгерском королевском дворе X—XII веков, отсутствующих во всех других летописях.

1152—1153 годы заполнены уже отчасти известными нам дипломатическими делами Изяслава и венгерского короля, с одной стороны, и их врага Владимира Галицкого — с другой. Пересылки, совещания, поездки Петра Бориславича (не предполагаемого, а реального, упомянутого в летописи), крестные грамоты, нарушение крестоцелования — здесь есть все, что наполняло тогдашние усобицы. Завершилось все это, как мы знаем, внезапной смертью Владимира Володаревича и вокняжением Ярослава Осмомысла, дела которого описаны Петром Бориславичем (реальным) от первого дня вокняжения и (предполагаемым) до его торжественного некролога в 1187 году.

Описывая споры на сменах с участием короля и католического духовенства, Петр Бориславич (предполагаемый) дает понять читателю, что наиболее прав в них молодой Мстислав: «Мьстислав же Изяславичь велми препираше короля, наипаче отца своего (еще более, чем его отец) Изяслава всеми винами Володимерими...»

Петр Бориславич и венгерские вельможи были отправлены к Владимиру Галицкому, которому в дипломатической документации было сделано большое снисхождение ввиду того, что он писал победителям о том, что он тяжело ранен. Посол, возвратясь, доложил, что Владимир целовал крест «лежа, творясь, акы изменяя от ран, но ран на нем не было», добавляет очевидец крестоцелования изворотливого князя.

К летописным описаниям посольских дел Петра Бориславича мы должны присоединить и неоднократное упоминание включения в летопись текста подлинной дипломатической переписки великого князя с союзниками и противниками с сохранением стиля, языка и даже орфографии оригиналов. Автор такой государственной великокняжеской («цесарской») летописи вполне может быть обозначен как канцлер Киевского княжества XII века.

Великий князь Изяслав Мстиславич скончался в Киеве в ночь с 13 на 14 ноября 1154 года, «...и плакался по нем вся Руская земля и вси Чернии Клобуци, яко по цари и господине своем...». Оборвалась великокняжеская летопись Петра Бориславича; далее пошли надолго его заметки более частного характера и значительно менее подробные.

Такой всеобъемлющей, блистательной и прекрасно документированной летописи не было ни у одного великого князя, даже у Владимира Мономаха. В ней сочетался широкий географический охват (от Силезии до Волжской Болгарии и от Абхазии до «упрямой Корелы») с хронологической глубиной и вместе с тем с вниманием к незначительным деталям: герольдам-бирючам, созывающим новгородцев на обед к князю, посвящению в рыцари сыновей русских бояр королем Болеславом Кривоустым, горячей ванне для заболевшего князя...

Замечательна летопись Петра Бориславича и тем, что это — чисто светская, военно-дипломатическая летопись, полностью лишенная христианского провиденциализма и всегда несколько слащавой церковной фразеологии. Добавим к этому, что рукопись была украшена большим количеством многоцветных миниатюр, дополнявших своим подбором словесные характеристики.

ГЛАВА 8. КИЕВСКИЙ ТЫСЯЦКИЙ

До 1168 года мы судили о Петре Бориславиче по данным его великокняжеской летописи и его неофициальных записок, а за короткий отрезок времени 1168—1169 годов должны судить по резко враждебным ему записям какого-то киевского церковника. В этих записях он назван киевским тысяцким, то есть главой всего киевского боярства, официальным вождем этой могущественной политической силы.

После 1169—1170 годов мы снова видим в киевском своде 1198 года руку Петра Бориславича вплоть до 1196 года. Поэтому естественно рассмотреть весь этот период по частям.

В звании тысяцкого Петр Бориславич упомянут в короткую пору великого княжения Мстислава Изяславича, отцу которого боярин Петр служил мечом и пером с 1140-х годов.

К княжичу Мстиславу (примерно своему ровеснику) Петр Бориславич был очень внимателен на протяжении всей своей летописи, начиная с 1146 года. С 1147 года записи о Мстиславе учащаются и порою дают эффект присутствия летописца.

В конце 1147 года Мстислав стал княжить в Переяславле. Сюда на него пришли половцы, нанятые Глебом Юрьевичем: «Свитаючи же дни, Мстиславу же лежащу и дружине его, пригнавше сторожеве, рекоша ему: «Не лежи, княже! Глеб ти пришел на тя вборзе...» Мстислав отогнал Глеба и гнал его до Носова на Руде...

(В Никоновской летописи к этому эпизоду присоединена легенда (или былина) о богатыре Демьяне Куденевице. Возможно, что это отголоски действительного знаменитого торческого хана Кунтувдея.)

На следующий, 1148 год Глеб Юрьевич снова хотел лихим наездом взять Переяславль.

«Но Мстислав хотя млад был, но довольно осторожен, всегда имел на путех стражи и вестником (гонцам) платил нескудно». Мстислав, своевременно узнав о походе Глеба, «в лесу на пути стал в сокровенном месте».

«...Мстислав, с тылу напав на неустроенное глебово войско, стал рубить, колоть, стрелять». Глеб побегал. Мстислав казнил главного глебова советника боярина Станиславича «и голову его ко Глебу послал, приказав при том, что она (голова) много зла делала, а ныне смущать и ссорить братию не будет, а понеже он (казненный боярин) за многие дары более Ольговичам, нежели тебе радел.

Того ради пошли оную (голову Станиславича) к ним (к Ольговичам) за награждение их убытков».

Петр Бориславич вплоть до 1170 года будет следить за судьбой Мстислава и заносить в летопись его государственные и рыцарские дела.

Примером большой заинтересованности Петра Бориславича в фиксации рыцарских дел молодого Мстислава является описание битвы под Перемышлем в 1152 году с Владимиром Галицким. В жестокой сече венгры и киевляне рубились с галицкими войсками на неудобных для боя участках без явного перевеса той или иной стороны.

«Мстислав же Изяславич, видя короля в печали, взяв меч в руку и со всеми своими людьми бросился в полки галицкие,

сказав королю: «Ты за нас ныне терпишь, а мне стыдно напрасно стоять!»

Король же, сожалея Мстислава, сам со всем двором своим за ним наступил и въехав в галичан и болгар, стали рубить яко лес.

Владимир же хотя видел своих на левом крыле от Изяслава смятых, но яко муж весьма храбрый, ища над венграми свою храбрость показать, въезжал сам с лучшими своими людьми в венгерские полки и в черных клобуков, где весьма много побил, доколе при нем уже весьма мало осталось... ибо болгары и сербы со многим потеряннем храбрых людей отступили за болота».

«Мстислава же Изяславича как король, так все венгры за его храбрость вельми благодарили и выхваляли...» (Т а т и щ е в, т. III, с. 38)

Недаром в историю этот князь вошел как Мстислав Храбрый.

В 1153 году Петр Бориславич отметил в летописи самостоятельный поход княжича Мстислава из Переяславля на днепровских половцев:

«...Приде ему (великому князю) весть от сына от Мьстислава, оже бог ему помогл половци победити на Угле (Орели) и на Самаре.

И полон мног взял ... и множество душ христианских отпологи ... (и) отпусти в рожение свое».

В эти же самые места, где половцы оседлали Днепр — «Гречник», магистральный путь в Византию, этот же Мстислав, но уже не княжич, а великий князь, организует общерусский поход 15 лет спустя, в 1168 году, а еще через 16 лет «великий и грозный» Святослав разгромит здесь хана Кобяка.

Примерно в эти годы (1151—1152?) Мстислав женился на Агнесе, дочери польского короля Болеслава Кривоустого, но в дошедших до нас отрывках летописи Петра это не отражено.

Все 13 лет, прошедшие от смерти его отца в 1154 году до собственного вокняжения, Мстислав Изяславич продолжал борьбу за киевский престол. Петр Бориславич внимательно следил за делами Мстислава и любовно фиксировал их в своих хроникальных частных заметках.

Великий князь (дядя Мстислава по отцу) Ростислав Мстиславич скончался 14 марта 1167 года. Киевская великокняжеская летопись сразу переходит от Поликарпа снова к Петру Бориславичу. Снова мы видим точные перечни князей — участников событий, состав полков, маршруты, списки убитых бояр, точные топографические ориентиры. Мстислава на великое княжение пригласила его «братия», киевское боярство и Черный Клобук. Однако сразу же обнаружился сговор части князей, хотевших потребовать от будущего цесаря тех или иных земельных выгод. Поэтому приглашенный Мстислав, как в 1146 году его отец, шел к приглашавшим с большим русско-торческим войском, с польским войском тестя Болеслава и с пятью полками Ярослава Осмомысла (вспомним «Слово о полку Игореве»: «Отворяеши врата Киеву»).

15 мая 1167 года Мстислав Изяславич после небольших боев сел на престол в Киеве. Великое княжение началось с ликвидации заговора Владимира «мачешича» против Мстислава. В кельях Печерского монастыря начался разбор: очные ставки, допрос «послухов». Участвовали в этом князь и бояре и мелкие люди вроде никому не известного дьячка Имормыжа. Вина Владимира не была доказана, и все кончилось миром.

Участие (присутствие) Петра Бориславича явствует из обилия подробностей, записанных речей.

Вскоре Владимир Мстиславич нарушил клятву, и Петр Бориславич без злорадства описал его злоключения: Берендеи пригласили Владимира, и он согласился, не посоветовавшись со своими боярами.

Боярин Бориславич дал здесь в летописи урок князьям:
Бояре.

«О собе еси: княже, замыслил! А не едем по тебе — мы того не ведали».

Владимир Мстиславич («възрев на децскы»).

«А се — будутъ мои бояре!»

Берендеи на Роси, увидав Владимира без союзников (предполагались Давыд Ростиславич, Владимир Дорогобужский и др.), обругали Владимира, пустили в него стрелы, избили «детских» вокруг него и заставили неудачливого заговорщика бежать в Суздаль и оттуда в Рязань.

Эту измену присяге и боярам Петр Бориславич помянул четыре года спустя, когда «мачешич» скончался, прокняжив в Киеве 53 дня (с 15 февраля по 10 мая 1171 года).

«Се же много подъя беды, бегая передо Мъстиславом: ово в Галичь, ово в Угры (он был женат на знатной венгерке), ово в Рязань, ово в Половцих — за свою вину занеже не устояше в крестном целованьи» (данном в мае 1167 года в келье монастырского эконома).

ПОХОД МСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА 1168 ГОДА И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В летописной деятельности Петра Бориславича в связи с тем, что Мстислав Изяславич стал великим князем киевским, произошел серьезный поворот. До смерти Изяслава в 1154 году он вел, как мы видели, великокняжескую царскую летопись, щедро украшенную 76 полихромными миниатюрами только за восемь лет царствования этого князя. Этот экземпляр был увезен Андреем Юрьевичем во Владимир Суздальский и сохранил для нас основы исторических иллюстраций в перерисовке XV века.

Тринадцать лет Петр Бориславич находился в Киеве, как местный боярин, не попадавший в непосредственное окружение менявшихся великих князей, но ведший краткие личные записи, часть которых была использована при составлении Свода 1198 года.

Во всех этих записях проявлен живой интерес к делам Мстислава Изяславича Волынского, здесь всегда отмечаются его положительные качества; по мере его приближения к Киеву записи становятся подробнее, достигая порой полноты прежней государственной летописи 1146—1154 годов.

Примером обычных (не связанных с Мстиславом) записей может служить краткая летописная статья 1167 года о походе, собранном Ростиславом для охраны и эскортирования купеческих караванов на Днепре. Судя по подробному перечню 13 князей с указанием столиц их княжеств, заметка вполне могла быть написана Петром Бориславичем, но все же это всего лишь заметка, лишенная жизненной полноты:

(1167 год.) «Посла Ростислав к братъи своей и к сыном своим, веля им всим съвѣкупитися у себе с всими полкы своими... (далее следует перечень князей).

И стояше у Канева долго веремя, дондежв взиде Гречник и Залозник и отголе възвратишася въсвояси».

Совершенно иное мы видим в описании похода, организованного Мстиславом через девять месяцев после своего утверждения на киевском престоле. Половцы к этому времени значительно усилились. Уже появились фигуры Кобяка и Кончака, объединителей половецких племен в «Белую Куманию» (Днепр) и «Черную Куманию» (Дон). Половцы, несмотря на ежегодные мирь,

сопровождаясь откупной данью, нападали на русские купеческие караваны на международных «гостинцах» — магистральных путях. Поход Мстислава 1168 года открывал целую серию подобных походов, завершившуюся знаменитым разгромом Кобяка в 1184 году, воспетым в «Слове о полку Игореве». Половина Европы пела тогда славу русскому полководцу, обезопасившему важный путь, входивший в систему межконтинентальных магистралей.

Поход, организованный Мстиславом, преодолевшим разлад князей и их нелюбовь к нему, описан, несомненно, Петром Бориславичем, со всеми признаками его «дипломатически-штабного» стиля (подробный перечень участников, маршрут похода, утечка информации, потери среди бояр и т. п.). По району действий поход 1168 года совпадал с походом 1184 года: путь по Днепру, реке Орель («Угол»), реке Самара («Снепород»). В 1168 году половцев, маневрировавших вокруг русских войск, захвативших половецкие вежи и обозы, гнали на севере до Ворсклы («Въскол» — ошибочно вместо «Въроскол»).

Эффект присутствия летописца ощущается в том, что он знает такие мелочи, как то, что утечка информации произошла от «кощея» (слуги) боярина Гавриила Иславича, что во время преследования половцев князь оставил Ярослава Всеволодича (будущего черниговского князя, помогавшего Игорю) в тылу у обоза или что убит был конюх Ярослава Луцкого...

Результатом похода была богатая добыча, отмеченная даже новгородским летописцем, обычно не упоминавшим южных событий:

«И приведе (Мстислав) полон в Русьску землю толь сильно, яко и числа не бяше!» (Новгородская I летопись, с. 32—33)

Петру Бориславичу до сих пор приходилось описывать лишь войны междоусобного характера: с Ольговичами, с Юрием Долгоруким, с Владимиром Галицким. Теперь впервые появилась возможность описать и единение русских князей, и блестящую победу над полчищами «Белой Кумани», оседлавшими Днепр.

Мстиславу Изяславичу удалось в 1168 году то, что оказалось не под силу самому «великому и грозному» Святославу в 1184 и 1185 годах, — поднять в общерусский поход левобережных чернигово-северских князей, «ведя им быти всим у себе: бяху бо тогда Олговичи в мьстиславли воли». (Ипатьевская летопись, с. 368)

В походе, возглавленном Мстиславом, приняли участие 14 князей, поименованных в летописи «и инии мнози». Район мобилизации охватывал Вольтынь, Пинское княжество, Смоленское, Переяславское, Киевское, Черниговское,

Золотая корона княгини Агнессы Болеславны, жены великого князя Мстислава Изяславича. XII век (река Рось).

Северское и земли «Черного Клобука» — «Олыберское царство» русских былин. В широтном направлении эти земли охватывали около 1000 километров.

Небывалый (за последние полвека после Мономаха) по замыслу, по осуществлению и по результатам поход, совершенный в напряженной для Мстислава внутренней обстановке, требовал особой формы выражения, отличной от обыкновенных хроникальных записей. И здесь в летописи Петра Бориславича наряду с присущей ему обстоятельностью мы явно ощущаем определенную приподнятость, торжественность повествования о победоносном походе. Быть может, сказалось то, что победители возвратились в Киев на первый день пасхи, 24 марта 1168 года, и были встречены пасхальным звоном киевских колоколов, как 17 лет спустя встретят победителя Романа Нездилевича, о чем Автор «Слова» написал: «Звенит слава в Киеве!»

Прежде чем строить те или иные предположения, мы должны тщательно рассмотреть все элементы этого редкого для стиля Петра Бориславича рыцарственного ораторского красноречия.

Приподнятость и отклонение от строгой деловитости изложения встречаются у Петра Бориславича и в предыдущих разделах. Так, он очень хотел убедить читателей в том, что Новгород, где Мстислав Великий княжил два десятка лет, всегда был верен племени Мономаха.

1149 год. Изяслав Мстиславич ведет войну с Юрием Долгоруким и, прибыв в Новгород, произносит речь:

«Се братье, сын мой и вы прислалися есте ко мне, оже вы (вас) обидить стрый мой Гюрги. На нь (на него) есмь пришел семо, оставя Рускую землю, вас деля (ради вас) и ваших деля обид! А гадайте, братье, како на нь поити — а любо с ним мир възмем, пакы ли с ним ратью кончаимы? Они же рекоша: «Ты — наш князь! Ты — наш Володимир (Мономах), ты — наш Мьстислав! Ради с тобою идем своих деля обид!» (Ипатьевская летопись, с. 259)

Описание похода 1168 года подправлялось разными летописцами. В основу положен текст Киевского свода 1198 года (Ипатьевская летопись), очищенный от церковных вставок, сделанных каким-то редактором середины XII века (Поликарпом?).

Дополнения даны по Татищеву (строки 8—9) и по летописному своду 1475 года (вторая половина строки 6 и строки 10—12).

При сведении воедино фраз из разновременных списков сказывается различие языка XII века (основной текст), XV века (свод 1479 года) и XVIII века (Татищев), что ослабляет общее впечатление и должно быть учтено читателем. Деление на строки условно. Выделены места, напоминающие «Слово о полку Игореве».

ПРИЗЫВ К ПОХОДУ 1168 ГОДА

- 1 Мстислав «...съзва братью свою и нача думати с ними тако:
- 2 *«Братье! Пожалтеги о Руской земли и своей отчине и дедине*
- 3 *Яко половци несутъ хрестьяны на всяко лето у вежи свои,*
- 4 *А с нами роту взимаюче, всегда переступаюче!*
- 5 *А уже у нас и Гречьский путь изъотимають и Соляный и Залозный.*
- 6 *А лепо ны было братье, отложивше всю неправду и усобице*
- 7 *Поискати отецъ своих и дед своих пути и своей чести!*
- 8 *И когда вы согласны мне — приходите с войски ко Киеву*
- 9 *А я с моим готов буду наперед!»*
- 10 *И угодна бысть речь его всеи братьи и мужем их:*

11 *«Аще ти (тебе), брате, бог вложил сию мысль в сердце,
12 То мы ради за христианы и за Русскую землю главы свои
положити!»*

Результат победы

*«И толико взяша полона множество, якоже всим руским воем
наполнитися до изобилья: и колодники и чагами и детьм их и
челядью и скоты и конми...»* (Ипатьевская летопись, с. 369)

Ответ бояр на призыв ко второму походу

*«И люба бысть речь (Мстислава) всее братье. И рекоша ему
братья: «Тако буди! То есть нам на честь и всее Рускей земли!»
(Ипатьевская летопись, с. 370)*

Сочетание в летописи деловитой обстоятельности с непривычной ораторской поэтичностью и рыцарственностью наводит на мысль, что здесь, в летописном тексте, сознательно соединены два разных жанра: речь-призыв (может быть, сочиненная самим летописцем) и хроникальная запись о ходе событий. События первого, основного мартовского похода описаны в Киевской летописи подробно, а второго — фрагментарно.

Второй поход 1168 года происходил после церковного собора, и описание его оборвано в Киевской летописи на том, что князья «шедше сташа у Канева...». Непосредственно после этого говорится о том, что «Глеб же възва Мстислава на обед к собе и многы дары дав ему, отпусти и с любовью». Эта фраза писана со стороны летописца не Мстислава, а Глеба: не Мстислав поехал к Глебу, а Глеб позвал Мстислава. О несомненной цезуре говорит и грамматическая несогласованность: «... шедше сташа у Канева, Глеб же...» О Глебе Юрьевиче Переяславском не было речи впереди. Пропуск восполняется Никоновской летописью, давшей описание второго похода по другим источникам:

«Того же лета (1168) идоша половци ратью в Русь. Князь великий же Киевский Мстислав Изяславичь изыде противу им и сошедшимся полком бысть бой крепок зело и сеча зла и паде на обою страну множество мертвых. В конец же одоле князь великий Киевский Мстислав Изяславичь и возвратися с победою в Киев». (Никоновская летопись, с. 236)

Пасхальная неделя в Киеве и перепутье в Переяславле после второго похода (с пиროванием у князя Глеба) — вот те возможные обстоятельства, когда тысяцкий Петр Бориславич мог выступить со словом о полку Мстиславле, краткие отголоски которого могли быть потом включены им самим в свою летопись.

Так, возможно, и создалась эта своеобразная амальгама двух жанров.

В 1972 году по поводу начала описания похода 1168 года я писал: «Если исключить все несуразные дополнения (сделанные рукой редактора-церковника), то перед нами будет превосходный зачин летописного повествования о далеком и успешном походе, напоминающий зачин «Слова о полку Игореве».

Сближению со «Словом о полку Игореве» содействуют и такие редкие слова, как «кощей» — «раб», «седельник» и «чага» — «женщина», «пленница»,

1169. Андрей Боголюбский в союзе с князьями, рассорившимися с великим князем Мстиславом Изяславичем, направил войска на Киев. Столица была взята, Мстислав ушел на Волынь. Миниатюра изображает пленение великой княгини (жены Мстислава) Агнессы Болеславны.

пкой города . не ставише оу города . гдн . и в зашли си
е ов . его не бы мико гда же . и мстиславъ и за слави бже
сврато и не кне ва . кволод мнрю . смало мздрюмы
акматиню его и хой маша . и славо и дрю жно в за ша .

и в сь кне вь по грабнша . и цркви и монастыри . заг .
днн . и и сопы пойма ша . и книги и ризы :

еже хуа са за грехи . в то в о время за прети вь колн

карта . и гоумнати черьскаго . прогыски и гра хники
не вела емоу и сти . масланн молока . вь гьскыи пра
хникъ . в срь . и в гакы . помога шеть емоу черниговь
скни е птъ . а пто ни . и смъю черниговьскомо многа
ны . браша шемъ и сти . вь гьскыи пра хникы . и смъю
же сто славо не хощоу . ии звер же ии зь е птъ . да
внимаймо собъ твою бжю . и не протнвнмъ бжю за
комо . мы же на прелъ жаше вь зра тнмъ . мстисла
в же адртвевн . посади в кне ве стравн свое . глбва .
а смъ вь зра тнмъ . кволод мнрю . с дрю жно ю своею :

встречаемые в «Слове» и в летописи только в разделах, написанных Петром Бориславичем.

После второго похода 1168 года произошел какой-то конфликт между Петром Бориславичем и великим князем, который был непомерно раздут окружением митрополита Константина II, казнившего племянника Бориславичей епископа Федора. Церковники использовали общее недовольство князей Мстиславом после первого похода:

«Братья же вси пожаловаша на Мъстислава, оже утаивъся их, пусти на ворон седельники свое и кощее, ночи заложивъся. И сердце их не бе право с ним».

Бояре Бориславичи, холопы которых будто бы перетаврили Мстиславовых коней, действовали в русле общего недовольства, и, конечно, одно это не могло быть причиной разрыва давней дружбы князя с боярином, служившим его отцу и ему самому на протяжении четырех десятков лет.

Обвинение же в том, что наученные злокозненным дьяволом Бориславичи клеветали Давыду на Мстислава, как мы знаем, ничем не подтвердилось. Не являлось ли это инспирацией Глеба Юрьевича, желавшего рассорить Ростиславичей с Мстиславом и одновременно отстранить влиятельных Бориславичей, родичей «звероядивого Федорца»? Глеб, как мы знаем, недолго усидел в боярском Киеве и, учитывая обстановку, мог искать поддержки у митрополичьей кафедры.

Государственная летопись Мстислава ушла в чужие руки; автор ее продолжал писать частным образом доброжелательные заметки о Мстиславе, но без той приподнятости, которая окрашивала оценки этого князя в 1150—1160-е годы.

Былинный эпос «поганых толковинов».

С летописью князей Мстиславова племени перекликаются былины 1160—1190-х годов, сложенные на русском языке, но воспевающие торческих ханов русской службы, названных в «Слове о полку Игореве» «погаными толковинами», то есть союзными язычниками.

Князь Изяслав Мстиславич, начиная с дней борьбы за великокняжеский стол в 1146 году, опирался на «Черных Клобуков», как собирательно называли различные племена торков, поселенных на окраине Руси для защиты от половцев: «ольберов», «ковуев», «берендеев» и др. Сын его Мстислав и племянник Рюрик Ростиславич продолжали опираться на этих частично христианизированных степняков; торческая знать вошла в какой-то мере в киевское боярство — одним из сподвижников Петра Бориславича в 1169 году был Яков Дигеневич, очевидно, крещеный торк. Тюркские слова есть и в «Слове о полку Игореве», и в летописи Петра Бориславича. По имени ольберов земли, предоставленные Черному Клобуку, в былинном эпосе иногда именовались «Олыберским (Алыберским) царством», с которым связаны былины, родившиеся в смешанной русско-торческой военной среде южного пограничья.

Былина «Саур Ванидович» касается событий 1153, 1168, 1184—1185 годов и описывает сражения с половцами в районе днепровского предпорожья (реки Самара, Орель-Угол, Ворскла), где и происходили бои в указанные годы. Полководцем в первых двух случаях был Мстислав Изяславич. В былине наша отражение невробаллистическая артиллерия Кончака — стрелявшие не стрелами, а рогатинами огромные луки-катапульти, отбитые у половцев в марте 1185 года шеститысячным корпусом торческого хана Кунтувдея. Днепр назван в былине «Днепром Слаутичем».

С именем Кунтувдея связаны, по всей вероятности, упоминания о богатыре Демьяне Куденевиче (под 1147—1148 годами) и широко распространен-

ная былина о Сухане (может быть, от Су-хан, то есть хан реки?), отразившая опалу великого князя Святослава Всеволодича на Кунтувдея в 1190 году. Тогда Рюрик Ростиславич, сюзерен Петра Бориславича, пригласил Кунтувдея в свой домен на реке Роси, а сам Петр Бориславич посвятил оклеветанному хану, «мужу надобному в Руси», ряд теплых, сочувственных строк.

Русско-торческий былинный эпос эпохи «Слова о полку Игореве» интересен для нас тем, что летопись киевского тысяцкого полностью созвучна ему.

«В СЕРЕБРЯНОЙ СЕДИНЕ»

После смерти Мстислава Изяславича в 1170 году Петр Бориславич продолжает вести в Киеве летописные записи, но они носят характер частных заметок в пользу Ростиславичей, правнуков Мономаха. В тексте летописного свода 1198 года они использованы фрагментарно, перемешаны с другими материалами, бывшими в распоряжении игумена Моисея, тоже сторонника Ростиславичей. Более систематично записи Петра Бориславича используются с 1176 года, с того года, когда Давыд Ростиславич опоздал отразить половецкий набег «на русальной неделе» на Поросье. Подоспевший Рюрик не смог выправить положение. Об этой оплошности Давыда, стоившей разорения шести русско-торческих городов, напомнил Автор «Слова о полку Игореве», но напомнил так тонко, что наши литературоведы подчас понимают это как похвалу храбрым дружинам. Сопоставим тексты.

Летопись Петра Бориславича 1176 года.

*«Половци же взяша 6 городов
...Давыд же бяше не притягъ
и бывше распре межи братью... И
половци оборотившися победиша
полкы руськее и много бояр изымаша,
а князе възбегоша в Ростовецъ...»*

«Слово» о тех же событиях 1176 года.

*«Ты, буй-Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вои значеными
шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкають, акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемеѣ»*

«Слово» о событиях 1185 года.

*«Сего бо нынѣ: сташа стязи Рюриковы
А друзии — Давидовы,
Нѣ розно ся имѣ хоботы (бунчуки)
пашутѣ (развеваются), копия поютѣ!»*

В эти годы киевского междуцарствия записи Петра Бориславича (которому было уже за пятьдесят) посвящены юридической стороне междукняжеских отношений. Он фиксирует «романов ряд», то есть договор князей с великим князем Романом Ростиславичем, великокняжеская летопись которого не сохранилась. Петр Бориславич вспоминает об этом договоре спустя полтора десятка лет, в 1190 году. «Романов ряд» выражен очень лаконично:

«Ряд наш так есть: Оже ся князь извинить (будет виноват) — то в волость. А мужь — у голову. А Давыд виноват!»

Эти слова принадлежат Святославу Всеволодичу, выдвинувшемуся к этому времени на видное место. За годы 1174—1180-й Святослав четыре раза становился великим князем, правда, то на 12 дней, то на два месяца... Естественно, что киевское боярство внимательно присматривалось к черниговскому князю, так стремившемуся к цесарскому престолу.

В июле 1176 года «кияне», то есть киевское боярство, и Черный Клобук пригласили Святослава в Киев на отчий стол. Ростиславичи вооружились «и побеже Святослав черес Днепр, устье Лыбеди и потопоша людьє мнози». Казалось бы, что все кончено, игра проиграна, но Петр Бориславич пишет далее: «Ростиславичи же не хотяче губити Руской земли... сгадавше, даша Киев Святославу». «Сгадавше» — значит, обсудив с братьею и боярской думой, с теми же «киянами», которые только что приглашали Святослава. Очевидно, им импонировала твердая юридическая позиция Святослава Всеволодича в вопросе об ответственности князей за оборону от половцев («А Давыд виноват!»).

Бежавший князь становится победителем. Но полновластия у Святослава не было: на юг от Киева в Белгороде (1 час скачки) сидел Рюрик Ростиславич, а на таком же расстоянии на север, в Вышгороде, находился его брат Давыд.

Святослав в 1180 году начал войну против Давыда Ростиславича (которого, судя по ряду данных, не любил и Петр Бориславич) и, опасаясь всех Ростиславичей, снова бежал за Днепр.

Святослав, как старший в клане Ольговичей, предпринял грандиозную усобицу, в которую втянулись и все Ольговичи (в том числе Игорь и Буй-Тур Всеволод), половцы, новгородцы.

Сначала Святослав хотел свести счеты со Всеволодом Большое Гнездо. Эта кампания описана Святославовым летописцем. А вот то, как Игорь, только что ставший самостоятельным северским князем, в союзе с Кончаком и Кобяком вторгся в далекое от него Полоцкое княжество — это написано рукой Петра Бориславича, который с присущей ему обстоятельностью описывает поход Ольговичей от Новгорода Великого и Полоцкой земли (Друцк) на Киев.

Теперь в летописи Петра Бориславича уже выведены на историческую сцену все основные герои «Слова о полку Игореве» в их междоусобном противоборстве, с их неожиданными союзами с крупнейшими половецкими ханами, с их не всегда уловимой зависимостью от воли могущественного киевского боярства.

Весной 1181 года многочисленные и разноплеменные войска Святослава, ведшие с собой 2 тысячи русских пленных, подступили к Киеву. Святослав беспрепятственно вошел в город; Рюрик, находясь в Белгороде, организует противодействие Игорю и половцам, которыми командует Игорь. Здесь Петр Бориславич вводит в летопись подробнейший рассказ о том, как киевские бояре-воеводы (без князей!) победили Игоря, Кобяка и Кончака. Перечисляются поименно бояре, отмечаются, как всегда, тактические детали.

Чрезвычайно интересна речь тысяцкого Лазаря, произнесенная тогда, когда князь Мстислав Трепольский по ложной тревоге бежал с поля боя:

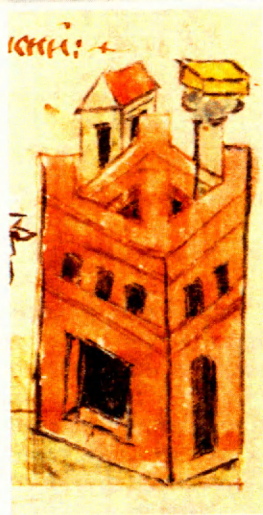
«Стыд нам великой есть, не видя неприятеля и не отведав счастья бежать!»

Киев, как древний исторический центр, привлекал князей и был объектом междоусобных войн. Художник выделил Киев, изобразив древнюю святыню — античную колонну. Она была привезена Владимиром Святым из Херсонеса и сохранилась до наших дней.

недлимъптого . творити :

рогались в образи моти . собратъею . могъ быти са
сними . но погоне сотвори . бѣсѣмъ бога въ . новѣми
рнса сними , иидаша и пакс чернигову . погѣльта
престави . епѣ всемирнѣ . владимирь

лѣ . с . х . мѣ . оставиша епѣ маюна . скопца . кмо
леньско . по по дорога скопца к володимирю епѣмъ
феѣдора . лѣ . с . х . мѣ . спнглави . в сѣволо . впоу
владимирь . его жено в гороци выпаша и кѣ . и нѣ
же прииде к сѣмъ в сѣвоемъ кнѣ во . коѣ рополю
идаемоу выше горо . и сѣдѣи по льто еднмо . и приидо
ша по нѣ . пѣскокчи . сѣдѣи шено в гороци . к сѣтаги

Что же князь ушел, то нам ущерб невелик, понеже его (княжеские) руки немного-б неприятелей побили, как то «всегда не княжие, но наши руки побивают».

Далее следует ряд точных и дельных распоряжений полководца:

«...И еще ночь темна, когда мы на них (половцев и Игоря) нападение учиним, то, конечно, они, не ведая сколько нас, в смятение придут.

Да хотя бы нам и силы их совсем збить не стало,— нам тыл не загорожен.

Токмо прошу вас не разбиваться розно и не метаться (не набрасываться) на пожитки, но держаться вкупе, крепко и смотреть на воевод ваших...» (Татищев, т. III, с. 126)

Победа бояр-воевод была полная: из десяти тысячного войска половцев «не спаслося ни трети». Были убиты: брат Кончака и двое ханов, сыновья Кончака взяты в плен. «Игорь же видел Половцев побежены, и тако с Кончаком вьскочивша в лодью, бежа на Городець». Святослав Всеволодич «получа сию печальную ведомость, так убоялся, что хотел уже бежать из Киева».

И здесь снова повторяется то, что кажется невероятным: побежденный получает престол. Петр Бориславич облек это в форму братолюбия Рюрика, не желающего «разбойничества, еже силою другаго, нападши грабить и убивать». Дело было не в этом, а в том, что Рюрик поступил так «размыслив с мужи своими», то есть приняв во внимание желание боярства. Киевское боярство одержало не только военную победу, но и крупную политическую победу, возродив тот дуумвират, который был изобретен боярством еще в 1150-е годы, но был прерван суздальским завоеванием.

«Святослав, получа такое нечаянное посольство, вельми обрадовался и беспрекословно с Рюриком мир учинил, удержав Киев со старейшинством, а Рюрику уступил Белгород со всею областью Рускою по сей стране Днепра». (Татищев, т. III, с. 126—127)

Такое соправительство двух старших представителей соперничающих или враждующих могущественных княжеских кланов приводило к значительному смягчению усобиц.

В данном случае дуумвират и относительное спокойствие сохранялись на протяжении 15 лет, до самой смерти Святослава в 1194 году.

Петр Бориславич становится летописцем Рюрика Ростиславича, старейшего представителя Мстиславичей.

Нам нужно настроить себя на особое восприятие летописных данных — это не просто сообщения из монастырской кельи, записанные с чужих слов, человеком, не принимающим участия в самих событиях, а записи одного из деятелей, видного представителя (а может быть, исходя из возраста и опыта — лидера) киевской боярской корпорации, одержавшей столько побед над княжеской жадностью и драчливостью.

В киевском своде 1198 года сосуществуют выписки как из летописи Петра Бориславича (до 1196 года), так и из летописи другого дуумвира — Святослава Всеволодича, ведшейся каким-то церковником. Это уже не Поликарп, скончавшийся в сане Печерского игумена в 1183 году.

Около 1190 года Петр Бориславич подвел итоги своей полувековой летописной работы, составив обширное историческое сочинение, построенное по новому принципу, с включением большого количества подлинных дипломатических документов, литературно оформленных «речей мудрых бояр» и драгоценнейших посмертных характеристик киевских цесарей за три четверти XII

столетия, от Святополка Изяславича (умер в 1113 году) до Михалки Юрьевича (умер в 1176 году) и Романа Ростиславича (умер в 1180 году). Кроме двух первых князей, Святополка и Владимира Мономаха, Петр Бориславич лично знал всех остальных великих князей Киева, а с некоторыми из них даже пел на клиросе (Игорь Ольгович, умер в 1147 году). Отсутствие словесного портрета Святослава Всеволодича объясняется, очевидно, тем, что Святослав скончался уже после того, как сочинение было скомпоновано, а далее шла дополнением простая хроника.

В сочинение 1190 года вошла и особая повесть о «полку Игореве» и отражении нашествия Кончака. Работа над общим сочинением, которое могло включать и «Повесть временных лет», требовала много времени и сил; возможно, поэтому Петр Бориславич привлек к созданию сводной повести какого-то помощника с галицкими диалектными чертами в языке. Этот «галичанин» создал около 1190 года из записей Петра Бориславича («летописи Рюрика») и летописи Святослава Всеволодича целостное произведение, снабдив его церковными сентенциями и смягчив несколько упреки Игорю (сделанные путем показа всех фактов), так как к тому времени Игорь уже оторвался от пятилетнего союза с Кончаком и вошел в содружество русских князей, к которому призывало «Слово о полку Игореве». Повесть говорит о жестокости Игоря.

Для конца 1180-х годов в тексте Киевского свода 1198 года помещено много галицких сведений, возможно записанных тем же «галичанином».

В 1190-е годы вспыхивают конфликты между киевскими дуумвирами (в частности, и из-за Кунтувдея), а затем очень обостряются отношения между Киевом и Всеволодом Большое Гнездо, особенно ухудшившиеся после того, как Рюрик по смерти соправителя стал во главе «державы самовластной... не токмо в русских концех ведомой, но и сущим в море далече» (выражение игумена Моисея).

И сразу же, как только обозначилась активная враждебность Всеволода Суздальского, киевскую великокняжескую летопись берет полностью в свои руки опытный дипломат, старый боярин «в серебряной седине» — Петр Бориславич.

Сразу государственная летопись, как и при отцах враждующих князей — Изяславе и Юрии Долгоруком, — наполняется копиями грамот (18 документов за два года!), описанием переговоров и клятвopеступлений, историческими ссылками на договор Ярослава Мудрого с Мстиславом Тмутараканским в 1024 году, обзорами межкняжеских отношений от Западной Двины до Волги, от Волыни до владений по-прежнему беспокойных Ольговичей.

Петр Бориславич охватывает своим взором огромную территорию Руси, Половецкой степи, Польши. Снова летопись наполняется напоминаниями о том, что князья приступают к действиям, лишь обсудив ситуацию со своей боярской думой:

1195 год. Всеволод требует у Рюрика земель в Киевском княжестве: «... мне еси части не учинил в Руской земле».

«Рюрик же поча думати с мужи своими». Решили дать Всеволоду почти все «Алыберское царство»: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев.

Окончательное решение было принято при участии князей-вассалов: «Рюрик же сдума с братею и с мужи своими».

1195 год. Роман, зять Рюрика, подговаривает Ольговичей на Рюрика, «поча думати с мужи своими».

1195 год. Рюрик прощает Романа, «сгадав с мужи своими», и посылает к нему посла, «сдума с мужи своими».

1195 год. Рюрик хочет примирить Ярослава Черниговского со Всеволодом Суздальским, «сдума с мужи своими».

1196 год. Рюрик, «сдума с мужи своими», приглашает Всеволода «возвести на конь».

Боярин-летописец верен себе и постоянно подчеркивает обязательность совместных решений князя и боярства. При обычном объективном тоне, Петр Бориславич явно сочувствует Рюрику Ростиславичу и обороняет его репутацию в сложнейших и переменчивых обстоятельствах середины 1190-х годов. Рюрик, как и прежние сюзерены Бориславича, предоставил Петру всю свою княжескую переписку. Отношение Петра Бориславича к Давыду было по-прежнему сдержанно-недоброжелательным. Он не забывает упомянуть, что «смолянны... недобре с Давыдом» или что «Давыд же не любяшеть мира». Отношение к другим князьям определялось позицией Рюрика.

Военные действия описываются уже издалека, в меру поступления вестей в Киев. Эффекта присутствия уже нет... Возраст сказывается во всем. Еще в 1187 году летописец отметил, что «бысть зима зла вельми, тако, иже в нашу память не бывала неколиже». Так мог сказать только человек, проживший долгую жизнь. Петру Бориславичу, по нашему счету, должно было быть в это время уже под семьдесят.

Летопись Петра Бориславича обрывается на событиях осени 1196 года. В дальнейшем летописании нам уже не встретится ни характерная для нашего летописца подробность, ни обширное собрание дипломатической переписки, ни детальное знание тактики и стратегии военных действий, ни настойчивое напоминание о значимости и политической весомости боярского сословия.

Рукопись Петра Бориславича (может быть, «Расколничий манускрипт» Татищева?) перешла в руки выдубицкого игумена Моисея, служившего тому же Рюрику, и поэтому была использована дружеской рукой при составлении Киевского летописного свода 1198 года. Составитель свода отбросил все нестандартное, все несшее отпечаток субъективных взглядов такой сильной личности, как Петр Бориславич («речи мудрых бояр», некоторые легенды-памфлеты, словесные портреты великих князей), но сохранил значительную часть его замечательного исторического труда, давшего очень много нового для нас как о времени «полков Олеговых» XI века, так и много ценного для середины и конца XII века, где боярин и тысяцкий Петр Бориславич был не только хронистом, но и активным участником крупнейших событий.

Литературно обработанная подробнейшая летопись не является все же биографией летописца в прямом смысле слова, но в данном случае, когда автор не только пишет историю, но в какой-то мере и участвует в исторических событиях, мы получаем сквозь хроникальную канву контуры этой незаурядной личности.

Угадываемая биография Петра Бориславича выглядит примерно так.

Около 1120 года родился в Киеве в знатной боярской семье в конце княжения Владимира Мономаха. По боярско-княжескому бытовому укладу Петр в трехлетнем возрасте был посажен на коня («постриги»), а в семилетнем начал учиться грамоте. В 12 лет князья (а возможно, и бояре) брали своих сыновей в походы. В этом случае нужно предполагать, что в отроческом возрасте Петр сразу познал сущность будущих усобиц — в 1133—1135 годах. Юрий Долгорукий на одну неделю овладел Переяславлем, Вячеслав дважды выгонял Изяслава Мстиславича из его владений, а Ольговичи привели половцев и, пользуясь ледоходом, «ездяху по оной стороне Днепра люди емлюще, а другая секуще»... Вполне возможно, что эти отроческие впечатления внесены по памяти много лет спустя, при оформлении летописи, так как эти подробные рассказы дублируют чью-то краткую хронику.

1138 год. Первый «эффект присутствия». Юный Петр в войске великого князя Ярополка, участвует в войне в Карпатах, находясь в окружении князя.

1142—1146 годы. Петр при Изяславе Мстиславиче в Переяславле. Соз-

дает здесь иллюстрированную летопись с ретроспективной частью, доведенной вглубь до 1127 года (поход на Полоцк).

1146—1154 годы. Петр Бориславич — великокняжеский летописец Изяслава. В 1149 году сопровождал князя при его отъезде на Волынь. В 1151-м участвовал в походе на Киев; в 1152—1153 годах выполнял важное дипломатическое поручение к Владимиру Галицкому. Интересуется княжичем Мстиславом. За эти годы создает подробную «цесарскую» летопись Изяслава (с миниатюрами), позднее увезенную Андреем Боголюбским во Владимир Суздальский.

1155—1167 годы. Петр Бориславич, находясь в Киеве, пишет заметки, в которых уделяется много внимания Мстиславу Изяславичу.

1167—1169 годы. Петр Бориславич становится киевским тысяцким. В 1168-м воспевает в особой манере общерусский поход с участием Ольговичей на половцев.

Неподтвердившийся донос церковных кругов на братьев Бориславичей, вызванный конфликтом их племянника епископа Федора с митрополитом. Переход Бориславичей к группе князей, враждебных Мстиславу.

1170—1180 годы. Снова только отдельные летописные заметки.

1181 год. Петр Бориславич до конца своих дней становится летописцем одного из киевских дуумвиров — Рюрика Ростиславича.

1185 год. Петр Бориславич создает «Слово о полку Игореве» (?).

Около 1190 года создает особый исторический труд, включающий и «Повесть временных лет», и его собственную летопись за XII век. Включает сюда и особую повесть о походе Игоря (1185 года), написанную «галичанином».

1195—1196 годы. В связи с резким обострением взаимоотношений между Рюриком и Всеволодом Большое Гнездо ведет (как и в 1146—1154 годах) подробнейшую летопись с включением большого количества дипломатических документов.

1196 год. Последняя запись, которая может быть приписана Петру Бориславичу, датируется осенью 1196 года.

ГЛАВА 9. ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД О КИЕВСКИХ КНЯЗЬЯХ ОТ «СТАРОГО ВЛАДИМИРА»

До сих пор мы рассматривали обширную летопись Петра Бориславича только лишь как материал для воссоздания его биографии и получили много сведений о жизни этого интереснейшего деятеля XII века.

Теперь, приближаясь к итоговому сопоставлению облика Петра Бориславича с обликом автора «Слова о полку Игореве», мы должны взглянуть на летопись, ведущуюся около полувека, как на литературное произведение, отражающее мастерство боярина-летописца, его писательскую палитру, его политические воззрения, личные симпатии и антипатии. Готовясь к последующему сопоставлению со «Словом», мы должны твердо помнить о существенном жанровом различии летописи и речи-поэмы.

Первый встающий перед нами вопрос — это вопрос о характере произведения Петра Бориславича в целом: является ли оно простой, бесхитростной хроникой, нарастающей из года в год по мере накопления событий, или же эта хроника как-то обрабатывалась, дополнялась в тот или иной момент долгой жизни летописца?

Если остаться только в рамках Ипатьевской летописи, то есть в рамках Киевского свода 1198 года игумена Моисея Выдубицкого, то, пожалуй, мы признаем произведение Петра Бориславича прежде всего летописью. Блестящей, подробной, хорошо документированной, красочно изложенной, но все же летописью-хроникой, фиксирующей события, но не имеющей единого историко-графического стержня.

Впрочем, такова и была задача редактора, придворного ритора Моисея, кругозор которого был несравненно уже всеобъемлющего взгляда Петра, охватывавшего всю Русь, Польшу и Венгрию, владения Фридриха Барбароссы и Византию, Волгу и Яик, Новгород и Карелию, половецкую Дешт-и-Кыпчак и Волжскую Болгарию. Когда Моисей как летописец продолжал киевскую хронику Петра Бориславича, то все сузилось до столовой палаты великокняжеского дворца, и вместо князей, королей, императоров, султанов, посадников и крестоносцев летописец сосредоточил внимание на годовалой внучке своего князя...

Как редактор Моисей проявил бережное отношение к стилю своего старшего сотоварища (оба они служили Рюрику Ростиславичу) Петра Бориславича, но систематически изъясил из его рукописи все, что возвышалось над средним уровнем летописи-хроники: программные «речи мудрых бояр», старые дворцовые анекдоты и драгоценные словесные портреты великих князей киевских от Святополка Изяславича (1093—1113) до Романа Ростиславича (умер в 1180 году).

Поэтому судить о всей летописной деятельности Петра Бориславича можно только тогда, когда мы воссоединим разрозненные Моисеем части первоначальной летописи Петра — вычлененные из Ипатьевской летописи части, принадлежащие Петру Бориславичу и продолжающие их выписки Татищева, сделанные историком достаточно подробно.

После такого воссоединения перед нами сразу встанет не простая летопись-хроника, а пространный исторический труд с единой концепцией, интереснейшими оценками и не менее интересной политической программой. Хронологические рамки этого труда определяются, во-первых, диаграммой хронологического распределения татищевских дополнений вообще.

Первое более или менее пространное дополнение мы находим у Татищева под 1076 годом; оно касается похода Владимира Мономаха и Олега в Чехию. Вторая группа дополнений относится к 1096 году и тоже связана с

Владимиром и его войной с Олегом накануне Любечского съезда. Эти дополнения включены Петром Бориславичем в переписанную им «Повесть временных лет» Нестора. Для последующего времени татищевских выписок очень много до конца Раскольниковского манускрипта (1197 года). Начало пополнений старой летописи Нестора падает на время «трудных повестей» об усобицах, поражениях и победах в эпоху Мономаха и Олега Святославича. Поздний хронологический рубеж обозначен мною (см. выше) как 1190 год, год завершения летописного свода.

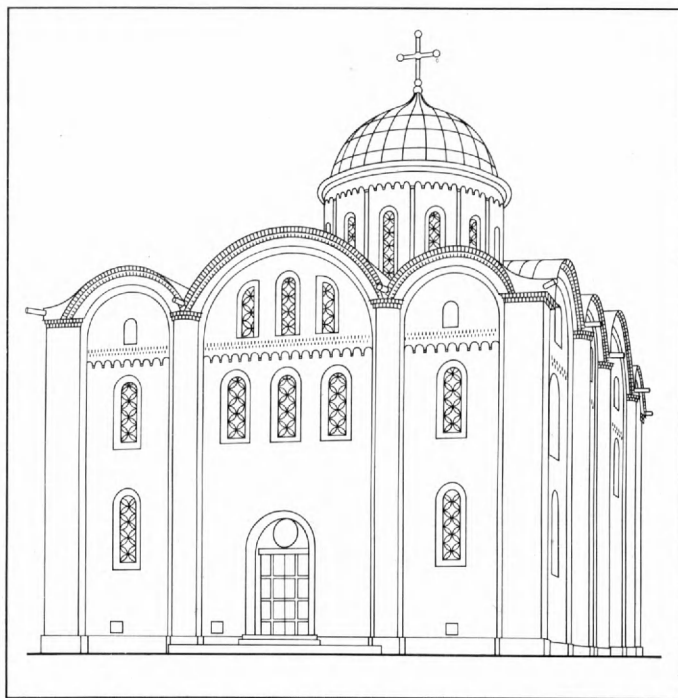
Дополнительные изыскания подтвердили эту дату, но наименование «летописного свода» мало подходит к этому необычному произведению; труд Петра Бориславича в его окончательном виде (до редактирования Моисеем) шире такой простой формулы. Портретные характеристики великих князей (посмертные) дают нам такой же хронологический диапазон этого исторического труда:

Святополк
Изяславич княжил в
Киеве в 1093—1113
годы.

Роман Ростиславич — 1171—1173 годы. Вторично — 1175—1176 годы.
Умер в Смоленске в 1180 году.

Уточнением может быть некролог Ярослава Осмомысла (1187 год), который не был великим князем киевским, но получил характеристику, по всем параметрам схожую с великокняжескими. Учитывая, что Петр Бориславич знал княжича Ярослава с первого дня его вокняжения в Галиче (1153) и что помощником боярина в эти годы был галичанин (Тимофей?), можно вполне понять Петра Бориславича, оказавшего Ярославу великокняжескую честь.

Дата завершения исторического труда со словесными портретами сужается до отрезка 1187—1190 годов. Последним целостным произведением в нем была летописная «Повесть о полку Игореве», составленная около 1188 года. В пользу приведенной даты (1188—1190) говорит и отсутствие словесного портрета великого князя Святослава Всеволодича, умершего в 1194 году. Он умер тогда, когда Петр Бориславич, оформив свой исторический труд, еще продолжал вести великокняжескую летопись Рюрика Ростиславича (шла долгая тяжба со Всеволодом Большое Гнездо), но труд, требовавший посмертных ха-

Собор, построенный князем Мстиславом Изяславичем во Владимире-Волынском.

рактистик, был уже завершен, а для обычной хроники такие портреты, очевидно, не предназначались.

Исторический труд, созданный Петром Бориславичем уже в «серебряной седине», содержит следующие конструктивные элементы, которые должны быть рассмотрены нами.

1. «Трудные повести» 1076—1111 годов о временах Старого Владимира.
2. Хроника событий 1142—1189 годов (и ретроспективно до 1127 года). Дневники походов.
3. Постоянное использование княжеского дипломатического архива.
4. Протоколы княжеских «снемов» и боярской думы.
5. «Речи мудрых бояр» и политическая программа боярства.
6. Черный Клубук; устойчивый интерес к «своим поганым» Поросья.
7. Знакомство с русским и русско-горческим былинным эпосом.
8. Церковные события (только связанные с митрополитом Климентом Смолятичем и епископом Федором).
9. Дворцовые анекдоты прежних лет (1131—1152).
10. Политические портреты 13 цесарей Руси (1093—1180).

Уже один простой перечень этих разделов говорит о широте охвата, о разносторонности интересов Автора. Первые четыре позиции, связанные с хроникой, уже достаточно рассмотрены нами при ознакомлении с летописью Петра Бориславича. Это те ее особенности, которые делали хронику событий официальным государственным документом, юридически пригодным при рассмотрении тех или иных межкняжеских споров.

«Речи мудрых бояр» могли быть действительно произнесены в думе и записаны автором, но чаще они производят впечатление сочиненных самим автором в духе настроений киевского боярства. Их хочется отнести не к хроникальной части произведения Петра Бориславича, а к итоговой, обобщающей.

Сюда же, вероятно, следует отнести и ряд старых дворцовых анекдотов, утративших за давностью времени свою остроту, но помещенных под годами жизни героев. Под 1131 годом, то есть как бы еще при жизни Мстислава Великого (к которому автор относится с большим пиететом), вставлен анекдот о беседе князя о любовнике своей жены. В государственной, юридически безупречно оформленной хронике таким сюжетам не место. Если же считать, что анекдот, слышанный летописцем в юности, был припомнен им в 1180-е годы, то это только подтвердит мысль о формировании нового, иного по замыслу труда в эти годы.

Новый труд создавался в эпоху дуумвирата великих князей — Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича. Концовка труда, как уже говорилось, содержит указание на то, что оба князя к 1190 году «утишивъша землю Рускую и половци примирища в волю свою». Так был выражен итог многих десятилетий княжеских усобиц и половецких наездов.

Целое столетие русской истории, от борьбы Мономаха с Олегом Святославичем в конце XI века до трагического похода внука Олега Игоря в 1185 году, было охвачено в этом интереснейшем труде Петра Бориславича, летописца Рюрика, правнука Мономаха.

Цементирующим материалом, связывающим хроникальные записи 1090—1180-х годов, являются уникальные посмертные характеристики великих князей киевских 1093—1180 годов. Это не стандартные некрологи со стереотипными восхвалениями, какие писал, например, игумен Моисей, а умные и смелые оценки князей как государственных деятелей.

В ряде случаев к ним применен тот же принцип, что и к старым дворцовым анекдотам: они не предназначались для рассмотрения современниками,

то есть содержали порой острые и субъективные суждения автора, писавшего издалека, из другой эпохи.

Даже самый отбор имен для этой замечательной серии словесных портретов несколько субъективен. В число великих князей, удостоенных подобной характеристики, не включены:

Изяслав Давыдович (из Ольговичей), умер в 1161 году.

Глеб Юрьевич, сын Долгорукого (1169—1171 годы).

Владимир Мстиславич «Мачешич» (1171 год).

Ярослав Изяславич (1175 год).

С точки зрения Петра Бориславича, насколько мы знаем его настроение, почти каждое из этих имен должно было возбуждать у него антипатию, что и подтверждено текстом летописи.

Изяслав Давыдович несколько раз княжил в Киеве (1154, 1157—1159 годы), но современники упрекали его в нарушении династического старшинства.

Смерть Изяслава Давыдовича в бою под Белгородом 13 марта 1161 года и поражение его союзников вызвали у Петра Бориславича следующую сентенцию:

«...Сия есть мзда неуголимой злобы и властолюбия; сие есть воздаяние за клятвопреступство от бога...» (Татищев, т. III, с. 75).

Но было и чисто юридическое основание: Изяслав Давыдович умер не как владетельный князь, а как князь-изгой, без княжества.

Вторым в списке пропущенных стоит Глеб Юрьевич, много воевавший с Мстиславом Изяславичем. У Петра Бориславича, как мы помним, были особые счеты с этим князем, давшим санкцию на зверскую казнь его «сестричича» епископа Федора.

Формальным основанием было то, что современники считали настоящим князем Киева самого Андрея Боголюбского, словесный портрет которого в труде Бориславича есть. У Татищева (т. II, с. 96) есть очень краткий некролог, написанный рукой церковника: Глеб показан здесь как князь «кроткий и всяким благонаравием украшен».

Третий пропущенный — Владимир Мстиславич, сводный брат Изяслава Мстиславича. Анекдот о Прохоре, любовнике княгини Мстислава Великого, косвенно намекает на сомнительное происхождение этого князя, родившегося в 1130 году. Петр Бориславич не дал «Мачешичу» обычной разносторонней характеристики, но снабдил в своей летописи запись о его смерти такой эпитафией:

«Се же много подъя беды, бегая передо Мьстиславом: ово в Галичь, ово в Угры, ово в Рязань, ово в Половцях за свою вину — занеже не устояше в крестном целованьи, всегда же и того гоняше (нарушая)». (Ипатьевская летопись)

Дипломат, часто приводивший князей к кресту, верен себе: он порицает тех, кто, подобно Давыдовичам, мог «душею играти».

Что касается последнего в списке пропущенных Петром великих князей киевских — Ярослава Изяславича (родного брата Мстислава, которому служил в свое время летописец), то здесь степень утвержденной законности на «отнем златом престоле» весьма сомнительна. Ярослав оказался в Киеве зимою 1173/74 года после отражения войск Андрея Боголюбского по воле Ростиславичей. Святослав Всеволодич сомневался в законности пребывания Ярослава Изяславича на киевском столе: «...ныне же ты сел еси (в Киеве) право-ли, криво-ли — надели же мене...» Ярослав бежал из Киева, его соперник Святослав Всеволодич захватил киевский престол, пленил княгиню и «поимал имение Ярославлe бес числа» и уехал к себе в Чернигов.

«Ярослав же, слышав, яко стоить Киев без князя, пограблен Олгови-чи» явился в Киев и заставил киевлян выкупать его княгиню и сыновей: «попрода весь Киев: игумены и попы и черныце и чернице, латину (западных купцов) и госте и затвори все кыяны».

Вполне естественно, что этого мимолетного князя, «продавшего весь Киев» и, вероятно, не узаконенного киянами, Петр Бориславич не удостоил подробной характеристики. Как видим, все четыре исключения обоснованы не только неприязнью киевского боярина, но и формальными причинами.

Остается 13 цесарей Руси, которых Петр Бориславич не просто описал, а оценил как полководцев, как правителей, как личности. Двоих из них — Святополка Изяславича (умер в 1113 году) и Владимира Мономаха (умер в 1125 году) — он едва ли знал лично (хотя последнего и мог видеть в детстве), но вполне мог восполнить пробел впечатлениями и воспоминаниями людей поколения своего отца или старших братьев.

Остальных же 11 великих князей он знал лично, видел их, беседовал с ними как киевский боярин, и его сведениям вполне можно доверять с поправкой на субъективное отношение к каждому из них.

Серия обобщенных характеристик «цесарей Руси» начинается в полном согласии с общим объемом исторического труда 1180-х годов (от «трудных повестей» XI века) со Святополка Изяславича (1093—1113), внука Ярослава Мудрого, при котором особенно проявились и тяготы половецкого нашествия, и горечь содружества русских князей с половецкими ханами, и распри князей между собой. Доводится эта серия до 1180-х годов.

Обращаясь к фразеологии «Слова о полку Игореве», этот итоговый труд Петра Бориславича, основанный на его летописи, но скрепленный разными обобщающими сюжетами (вроде рассматриваемых портретов), можно было бы условно назвать «Повестью о Русской земле от Старого Владимира до нынешнего Игоря». К сожалению, этот труд, сохраненный благодаря выпискам Моисея и выпискам Татищева, дошел до нас, вероятно, не в полном виде.

Приступим к ознакомлению с характеристиками князей в труде Петра Бориславича. (В скобках указано время великого княжения в Киеве.)

1. Святополк Изяславич (1093—1113)

«Сей князь великий ростом был высок, сух, волосы черноваты (рыжеваты) и прямы, борода долгая, зрение острое. Читатель был книг и вельми памятен, за многая бо лета бывшее мог сказать, яко написанное. Болезней же ради мало ел и весьма редко и то по нужде для других упился.

К войне не был охотник и хотя на кого скоро осердился, но скоро и запамятовал.

При том был вельми сребролюбив и скуп, для котораго жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесл лишились.

Наложницу свою поял в жену и так ее любил, что без слез на малое время разлучиться не мог, и, много ея слушая, от князей терпел поношение, а часто и вред с сожалением. И ежели бы Владимир его не охранял, то б давно Киева Святославичами лишен был» (Т а т и щ е в, т. II, с. 128).

Характеристика крайне неблагоприятная и явно идущая из окружения Владимира Мономаха, который два десятка лет соперничал со Святополком и стремился показать, что он, Мономах, значительно лучше правил бы державой, чем этот трусоватый и сребролюбивый «читатель книг».

На миниатюрах Радзивилловской летописи, рисовавшихся в скрип-

тории Мономаха, Святополк по случаю Любечского съезда 1097 года изображен рядом с небольшим дьяволенком, подающим великому князю свои дьявольские советы (лист 138, оборот).

Приписать эту характеристику и последующую (Владимира Мономаха) непременно руке Петра Бориславича, может быть, было бы и неосторожно — это могли быть заготовки для биографии Мономаха (как и его «Поучение»), не оформленные своевременно, но доступные деятелям «Мстиславова племени», однако **вовлечение** этих портретов-характеристик в большой исторический труд вполне могло быть делом Петра, постоянного почитателя Мономаха. Впрочем, Петр, родившийся, по-видимому, в конце княжения Владимира, вполне мог составить свой очерк о нем по рассказам старших современников. В пользу этого говорит одна ссылка в этом тексте: «сказуют же...», то есть прямое указание на пользование рассказами иных лиц.

Следующая характеристика — самая обширная и как бы повествовательная во всей серии; она в 4—5 раз больше среднего размера по объему и многогранней по содержанию.

2. Владимир Всеволодич Мономах (1113—1125)

«...Великий князь Владимир, нареченный Мономах, украшенный добродетельным нравом, прославленный в победах, которого слава всюду разпространилась. Был страшен и любим у всех окрестных и подвластных его. Он не был горд, ниже возносился во своих благополучиях, но паче славы и чести за вся победы воздавал богу, на него единого надеялся, и за то ему бог престол мимо старейших даровал и многих противных покорил.

Он весьма ко всем был милостив и щедр даянием, в правосудии законы хранил, и хотя винных наказывал, но более со уменьшением и прощением.

Лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен.

В воинстве вельми храбр и хитр ко устройению войск. Многих врагов своих победил и покорил, сам же единою у Триполя побежден был, о чем никогда упоминать не мог, частию от жалости по утопшем тогда брате Ростиславе, которого вельми любил, частию от стыда, что непорядком Святополковым к тому приведен.

Владел Русиею 13, а всего жил 73 года. Преставился на Альте у любезной ему церкви, которую великим изжидвлением и трудом построил и богато украсил. По смерти собрались сыны его и бояре, перенесли тело в Киев и положили подле отца его в церкви святой Софии.

По нем остались сыны его: Мстислав, наследник великаго княжения, Ярополк Переяславский, Вячеслав в Турове, Роман в Смоленске, Юрий в Ростове и Суздали, Андрей во Владимире Волынском.

Сей князь великий всех русских князей себе покорил, так что во время его владения ни единой не смел на другого воевать или ему возпротивиться, но все яко отца почитали, а половцы не смели ни одново нападения в пределы русские учинить, ни от Донца приблизиться.

Сказуют же, что он Мономахом назван от того, когда он был с войском в Херсонской земли у града Кафы и, устроя

полки, к бою против войска греческого приготовился, тогда воевода херсонский, выступя против Владимира с великим войском и прислал к Володимеру говорить, чтоб общим боем напрасно людей не терять: «Лучше биться мне со Владимиром, яко главным в войсках, на поединке, и кто кого победит, тот как победитель во всем требуемом право и власть получит». Владимир, слыша то, послал обратно к воеводе, чтоб выехал в поле на средину между обоими войски, каждой имея при себе копие и саблю. И вскоре Владимир, вооружась, выехал на место назначенное. И как скоро воевода в тяжких его бронях и богато убранстве приблизился, Владимир, тотчас наехав, так его крепко в бок ударил копьем, что воевода с лошади упал. Владимир же, не хотя его падшего умертвить, взяв жива со всею бронию, привел его к своим полкам и, сняв с него цепь златую драгоценную и пояс, на себя взложил» (Татищев, т. II, с. 137).

Такой панегирик «Старому Владимиру» вполне подходил к положению начальной статьи, открывающей повествование о сложных судьбах «Володимирова племени». Предшествующий рассказ о княжении Святополка был нужен не ради самого Святополка, а ради того же Мономаха, который именно в Святополково княжение проявил себя истинным защитником Руси от половцев. Владимир организовывал походы, понуждал инертного Святополка, выявлял зачинщиков усобиц, заставил Олега Святославича явиться на примирительный Любечский съезд, принимал крутые меры к тому, чтобы половецкие ханы не нарушали клятву.

Даже знаменитый разгром Владимиром Донецкого гнезда ханских зимовий (шаруканский поход 1111 года) происходил при Святополке. Поэтому княжение этого князя, будто бы сохранившего престол по милости Мономаха, было лишь своего рода «обстоятельством времени», необходимым автору для показа патриотических действий самого Владимира в 1092—1113 годы.

Любопытно, что здесь, как и в «Слове о полку Игореве», уделено особое внимание эпизоду 1093 года, когда брат Мономаха, молодой княжич Ростислав, утонул в Стугне под Треполем, как здесь говорится, «непорядком Святополковым».

С большой исторической точностью здесь упомянут (намеком) шаруканский крестовый поход 1111 года: «половцы не смели ни одново нападения в пределы русские учинить, ни от Донца приблизиться». Слава о победоносном походе на Северский Донец (в районе современного Харькова) дошла «ко всем странам далним, рекуце: к Греком и Угром и Ляхом и Чехом, дондеже и до Рима проиде...»

Легенда о поединке относится, очевидно, к 1095 году, когда Владимир совместно с Давыдом Игоревичем и Ярославом Ярополчицем воевал у Херсонеса и у Феодосии. Она могла существовать в форме былины, подобной былине о Глебе Володьевиче (морской поход 1076 года).

3. Мстислав Владимирович Великий (1125—1132)

«Мстислав, великий князь, владел государством русским 6, а всех лет жития его было 56. Он был великий правосудец, в воинстве храбр и доброразпорядочен, всем соседем его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен.

Во время его все князи русские жили в совершенной тишине и не смел един другаго обидеть. Сего ради его вси имяновали Мстислав Великий.

*Подати при нем хотя были велики, но всем уравни-
тельны, и для того вси приносили без тягости.*

*Пред кончиною же определил по себе на великое кня-
жение брата своего Ярополка и ему детей своих поручил.
А детям оставил: Всеволоду Переяславское, Изяславу По-
лоцкое, Ростиславу Смоленское княжение, Святополка в Нове-
граде, а Владимира, яко младенца, с матерью в Киеве на
содержание Ярополче оставил» (Татищев, т. II, с. 143).*

Характеристика краткая, но выразительная и весьма благоприятная. Историк назвал Мстислава Великим за умиротворение усобиц. То, что князь был «великим правосудцем» и что при нем были справедливо распределены подати, возможно, указывает на время создания последнего юридического кодекса Киевской Руси — «Пространной Русской Правды».

К предпоследнему году жизни Мстислава историк присоединил дворцовый анекдот.

*«Пришедши же Мстислав в Киев, прилежал о разпорядке го-
сударства. Единою на вечер, беседуя он с вельможи своими
и был весел. Тогда един от его евнух, приступя ему, сказал
тихо: «Княже, се ты, ходя, земли чужия воюешь и неприятелей
всюду побеждаешь, когда же в доме то или в суде и о разправе
(управлении) государства трудишься, а иногда с приятели
твоими, веселясь, время препровождаешь, но не ведаешь,
что у княгини твоей делается, Прохор бо Васильевич часто
со княгинею наедине бывает; если ныне пойдешь, то можешь
сам увидеть, яко правду вам доношу». Мстислав, выслушав,
усмехнулся и сказал: «Рабе, не помниши ли, как княгиня
Крестина вельми меня любила и мы жили в совершенной
любви. И хотя я тогда, как молодой человек, не скупо чужих
жен посещал, но она, ведая то, нимало не оскорблялась и тех
жен любовно принимала, показуя им, якобы ничего не знала,
и тем наиболее меня к ея любви и почтению обязывала. Ныне
же я состарелся, и многие труды и попечения о государ-
стве уже мне о том думать не позволяют, а княгиня, как чело-
век молодой, хочет веселиться и может при том учинить что
и непристойное. Мне устеречь уже неудобно, но довольно
того, когда о том никто не ведает и не говорят, для того и тебе
лучше молчать, если не хочешь безумным быть. И впредь
никому о том не говори, чтоб княгиня не уведала и тебя не
погубила». И хотя Мстислав тогда ничего противного не
показал, но поворотил в безумную евнуху продерзость. Но по
некоем времени тиуна Прохора велел судить за то, якобы в
судах не по законам поступал и людей грабил, за что его
сослал в Полоцк, где вскоре в заточении умер».*

Анекдот не так наивен, как может показаться на первый взгляд. И направлен он не в сторону Мстислава, заслужившего такую хорошую оценку в качестве правосудца. Взглянем на семейную жизнь этого князя: он родился в 1076 году; в конце XI века женился на шведской принцессе Христине, которая умерла в 1121 году, одарив мужа четырьмя сыновьями и шестью дочерьми.

В 1122 году Мстислав женился на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидовича. У второй жены ребенок родился только после 10 лет брака, в последний год жизни самого Мстислава. Этим ребенком был Влади-

мир «Мачешич», который впоследствии люто враждовал со своим сводным братом Изяславом.

Анекдот прямо говорил о Христине, но косвенно бросал тень и на десятилетний бездетный период жизни новой княжеской четы, как бы наводя на мысль: а не был ли запоздалый «Мачешич» каким-нибудь «прохоровичем»? Мы помним, какой едкой эпитафией сопровождал Петр Бориславич смерть Владимира в 1171 году.

4. Ярополк Владимирович (1132—1139)

«...Преставися благоверный великий князь Ярополк Владимирович, пожив 56, а на великом княжении был 7 лет. Был великою правосудец и миролюбец, ко всем милостив и веселога взора, охотно со всеми говорил и о всяких делах советовал, для того всеми, яко отец, любим был» (Т а т и щ е в, т. II, с. 151).

Это одна из самых кратких посмертных характеристик, но она хорошо вписывается в общую систему оценок князей Володимеричей. Удивляет отсутствие описания внешности. Ведь мы помним, что «эффект присутствия» юного Петра впервые отражен именно при Ярополке в 1138 году, когда боярский сын так подробно описывал костры воинских бивуаков в Карпатах.

Возможно, что слова: «ко всем милостив... охотно со всеми говорил...» автобиографичны?

5. Всеволод (Кирилл) Ольгович (1139—1146)

«Был на великом княжении 6 лет и 7 месяцев. По нем остались сынове его Святослав и Ярослав.

Сей великий князь муж был ростом велик и вельми голст, волос мало на главе имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий. Мудр был в советех и судех, для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить.

Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах (управлении), упражнялся. Чрез сие киевляном тягость от него была великая. И как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых, заплакал, а более были ради. Но при том более еще тягости от Игоря, ведая его нрав свирепый и гордый, опасались» (Т а т и щ е в, т. II, с. 162).

Красочная, резко отрицательная характеристика Всеволода Ольговича, постоянного союзника половецких ханов, дана в полном согласии с подробной летописью Петра Бориславича, обстоятельно показавшего его хитроумные дела, нарушение им своих обещаний и постоянное стремление (особенно в первые годы княжения) ущемить Мстиславичей, осиротевших после смерти Ярополка.

Всеволод-Кирилл под народным именем Чурилы вошел в поздний (не богатырский!) былинный эпос, где этот князь обрисован как предводитель разбойной дружины, образ жизни которого возмущал киевлян, а смерть вызвала плач киевских баб.

6. Игорь Ольгович (с 1 по 13 августа 1146 года)

«Сей Игорь Ольгович был муж храбрый и великий охотник к ловле зверей и птиц, читатель книг и в пении церковном учен. Часто мне с ним случалось в церкви петь, когда был он во Владимире. Чин священнический мало почитал и постов не хранил, того ради у народа мало любим был. Ростом был средний и сух, смугл лицом, волосы над обычаем, как поп, носил

долги, брада же уска и мала. Егда же в монастыри был под стражею, тогда прилежно уставы иноческие хранил, но при творно ли себя показуя или совершенно в покаяние пришед, сего не вем, но что бог паче вестъ совести человек» (Татищев, т. II, с. 176).

Здесь со всей определенностью показано, что автор словесных портретов — человек из высшего круга, так как иначе трудно допустить, чтобы он мог часто петь на клиросе с князем в княжеской церкви Владимира-Волынского.

Хронологически это могло относиться к 1135—1142 годам, когда Изяслав владел Волынью, а Игорь — второстепенными городками рядом с Волынью.

На этом не кончается личное общение молодого Петра с князем Игорем: судя по замечанию о пребывании князя в Федоровском монастыре, можно думать, что наш Автор общался с Игорем и в 1147 году.

Игорь Ольгович был личным, персональным врагом Изяслава Мстиславича, нападавшим на него еще тогда, когда Изяслав княжил в Переяславле. По этому случаю Петром Бориславичем введен старый дворцовый анекдот, относящийся к событиям 1141 года.

Игорь и Святослав Ольговичи решили незадачливого князя-неумеху Вячеслава Владимировича выгнать из Переяславля. Изяслав с Волыни пошел на помощь дяде и предложил Игорю не нарушать договоренность.

«Игорь же в гордости, презирая Владимировичев, рекл: «Скажи, чтоб он не шумел, за печью сидя как сверчок, а шел бы сюда. Если же он сюда идти не хочет, то я его сыщу и во Владимире (Волынском)!»

Изяслав, услышав такие поносительные слова и угрозы, не ожидая брата, ту ночь чрез Днепр переправился и на разсвете напал на полки Игоревы.

И хотя Ольговичи трикрат более войска имели, но храбростию Изяслава так побеждены, что лучших людей и большую часть войска потеряв, со стыдом к Чернигову ушли.

От чего пословица прошла: «Сверчок тьму таракан победил» (Татищев, т. II, с. 155).

Тюркское слово «таракан» в старых русских источниках не встречается, так как нигде нет речи об этом насекомом, но Петр Бориславич, придававший большое значение Черному Клобуку, знал язык торков и вводил в свою летопись тюркские слова («Таракан» — от чувашского «tag-agan» — «беглец»).

«Сверчок» было, вероятно, прозвищем Изяслава у его многочисленных врагов, так как князь был «возрастом мал» (см. ниже), а приведенная поговорка основана на неплохой для него игре слов:

1. «Тьму таракан победил» — уничтожил десять тысяч тараканов.

2. «Тьмутаракан победил» — победил двоих князей, отец которых, Олег, был князем Чернигова и Тьмутаракани.

Победа над Ольговичами — «тараканами» — была закреплена переходом «Сверчка» в соседний с Киевом Переяславль. В дворцовых кругах поговорка явно работала на Изяслава Мстиславича.

Посмертная обрисовка Игоря Ольговича дана значительно более сдержанно, чем рассыпанные в летописи суждения. При описании августовской победы Изяслава и взятия им Киева в 1147 году сказано:

«Сим вся Игорева власть на великом княжении через тринадцать дней, и то во всяком беспокойстве и беспорядке продолженная кончилась, с погубелью многих невинных людей...» (Т а т и щ е в, т. II, с. 164.)

Еще резче очерчен Игорь при описании его убийства киевлянами 19 сентября 1147 года.

«Игорь, видя, что его хотят убить, просил, чтоб дали ему священника исповедоваться. Но народ кричал на Игоря: «Когда вы с братом Всеволодом жен и дочерей наших брали на постели и дома грабили, тогда пона не спрашивали. И ныне поп не надобен!» (Т а т и щ е в, т. II, с. 176.)

Народная расправа с Игорем могла навлечь подозрение на великого князя Изяслава, которому смерть этого Ольговича (уже коронованного на киевский престол) была выгодна. Поэтому в эпитафии Игоря Петр Бориславич не выражал никаких эмоций и ограничился деталями.

7. Изяслав Мстиславич (1146—1154)

«Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости;

возрастом мал, но лицом леп, власы краткие кудрявы и брада малая круглая;

милостив ко всем, не сребролюбец и служащих ему верно пребогато награждал; о добром правлении и правосудии прилежал; был же любочестен и не мог обиды чести своей терпеть.

Владел 8 лет и 3 месяца, всех лет жил 58. По нем остались три сына: Мстислав в Переяславли, Ярослав во Владимире и Ярополк при матери» (Т а т и щ е в, т. III, с. 48).

Словесный портрет немногословен, но весьма благожелателен к этому князю, призванному киевским боярством и руководимому им. Петр Бориславич в своей обстоятельнейшей летописи великого княжения Изяслава Мстиславича много раз приводил примеры смелости, настойчивости этого князя, обоснованности и мудрости его действий. К числу благих дел Изяслава отнесено постоянное участие Черного Клобука в военной и политической жизни Руси, а также избрание по его инициативе Климента Смолятича митрополитом без обращения к византийскому патриархату.

Но попутно Петр Бориславич освещал и разногласия князя с боярством, происходившие из-за нетерпеливости князя. Протоколы заседаний боярской думы приводились для того, чтобы подчеркнуть миролюбие и осторожность киевского боярства, не желавшего, например, втягиваться в длительную войну с Ольговичами и половцами.

Горькими словами проводил Изяслава Петр Бориславич в 1149 году, когда князь не послушал бояр и в результате вынужден был покинуть Киев:

«Такое познал Изяслав высокоумие свое — сколь вредно презирать советы старых, а последовать умам молодых и неискусных в воинстве людей...» (Т а т и щ е в, т. II, с. 192—193.)

В посмертной характеристике эти коллизии с боярством отмечены лишь легким намеком: «Был же любочестен и не мог обиды чести своей терпеть».

Краткость характеристики объясняется тем, что очень много было

написано Петром Бориславичем и во время пребывания в Переяславле (1142—1146), и за годы великого княжения (1146—1154). Чаше, чем других князей, Петр называл в своей летописи Изяслава «царем».

8. Юрий Владимирович Долгорукий (1149—1151; 1154—1157)

«Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не вельми великии, нос долгий и накривленный, брада малая.

Великий любитель жен, сладких пиц и пития; более о веселиах, нежели о разправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев.

И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но большее дети и князи союзные, для того весьма худое счастье имел и три раз от оплошности своей Киева изгнан был.

По смерти отца своего Владимира Мономаха получил в удел Белую Русь, а по смерти Изяслава взошел на престол всея Руси и в Киеве скончался. Имел от двух жен 11 сынов: Ростислав умре прежде отца, Андрей и Святослав остались в Белой Руси, Иван умре прежде, Борис в Турове, Глеб в Переяславли, Мстислав в Новеграде, Василько в Поросье; Ярослав, Михалко и Всеволод остались малы при матери. Был на великом княжении всей Руси 3 года» (Т а т и щ е в, т. III, с. 60).

Враждебность историка-киевлянина к Юрию Долгорукому сказалась не только в упреке по поводу пристрастия к женам и питию, но и в том, что автор не включил полтора года (сентябрь 1149-го — весна 1151-го) княжения Юрия в Киеве в число лет его великого княжения.

Петр Бориславич был представителем той части киевского боярства, которая упорно боролась с Юрием и не хотела допускать его до киевского престола.

По поводу образа действий Юрия у Петра Бориславича много дополнительных материалов, включенных в его труд сверх хроники событий. Это и «речи мудрых бояр», и дворцовые анекдоты, и переписка Петра с киевлянами, информировавшими его во время вынужденного отъезда на Волынь (1150 год) о киевских делах.

Содержащий несколько неточностей анекдот о делах князя далекой «Залесской» Суздальской земли помещен под 1147 годом, когда состоялась встреча Юрия со Святославом Ольговичем в Москве.

«Юрий хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен подданных часто навещал и с ними более, нежели со княгинею, веселился, ночи, сквозь на скомонех проигрывая и пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младыя, последуя более своему уму, нежели благочестному старейших наставлению, в том ему советом и делом служили.

Междо всеми полюбовницами жена тысяцкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ея хотению делал. Когда же Юрий пошел к Торжку, Кучко, не могиши поношения от людей терпеть, ни на оных Юрию жаловаться, ведая, что правду говорили, более же княгинею возмущен, не пошел со Юрием и отъехал в свое село, взяв жену с собою, где ее посадя в заключение, намерялся уйти ко Изяславу в Киев.

Юрий, узнав о том, что Кучко жену посадил в заточение, оставя войско без всякого определения, сам с великою яростию наскоро ехал с малыми людьми на реку Москву, где Кучко жил. И, пришед, не испытуйа ни о чем, Кучка тотчас убил, а дочь его выдал за сына своего Андрея. Полюбя же вельми место то, заложил град и пребыл тут строя, доколе брак Андреев совершил» (Т а т и щ е в, т. II, с. 170—171).

Неточности касаются женитьбы Андрея и постройки Москвы (1156 год), что может быть объяснено тем, что вспомнился этот рассказ о сластолюбивом князе и ревнивом вельможе спустя сорок лет после событий и через 15 лет после смерти Андрея. Но для красочности освещения отрицательной оценки Юрия он вполне годился:

1. Князь не слушает старейших вельмож.
2. Князь опирается на младшую дружину.
3. Князь развратен.
4. Князь бросил войско на походе (он воевал с Новгородом).
5. Князь убил своего тысяцкого Кучка и завладел его вотчиной

Москвой.

Интереснейшая «речь мудрого боярина» вставлена Петром Бориславичем под 1148 годом, когда Юрий, стоя во главе большой коалиции князей, решил отвоевать себе великое княжение киевское. Ни киевскому боярству не хотелось пускать к себе нового хозяина, ни владими́ро-суздальскому боярству не хотелось подниматься в тяжелый тысячеверстный поход, полный опасности и неопределенности. Мы знаем случай, когда Андрей Боголюбский, отправляясь в поход на Волжскую Болгарию, напрасно продал своих бояр на назначенном месте сбора: «А бояре идучи не идяху...»

Возможно, что речь боярина Громилы, воспитанника Владимира Мономаха, написана Петром Бориславичем именно тогда, в 1147—1148 годах, когда конфронтация еще не достигла апогея. Прообразом этой действительно мудрой речи могли быть обсуждения в боярской думе как Изяслава, так и Юрия; и там и здесь боярство более пеклось «о строе земельном», чем о рати.

Послы Ольговичей и Давыдовичей прибыли к Юрию в Ростов, приглашая его в поход на Изяслава и соблазняя Киевом как дедовским наследием. «Юрий же вельми сим прельстяся ... уповая в Киеве большия веселия иметь».

Созвана боярская дума. Многие поддерживают идею похода, «но старейшие, почитай, все молчали». На трехкратное приглашение Юрия боярин Громила ответил пространной речью:

«Княже! Младые ваши вельможи и советники, надеяся на вашу к ним милость, говорят, не ожидая старейших, мя, что они от матерей всю мудрость приобрели, и их слова утверждають, яко непоколебимое. И когда они на войну советуют, то я как могу сказать, что в дому сидеть. Ты ведаеш сам, что я при отце твоём вырос и, на войне состаревся, благодарю бога, что никогда в том порока себе не нанес. Ныне же состарелся и на войну иди не могу, для того и совет мой вам может будет неприятен.

Но ежели совершенно хочешь от меня ведать, что из того полезно или вредительно, то тебе истинное мое мнение скажу. Во-первых, о великом княжении и на Киеве быть по твоему достоинству весьма бы честно и полезно, если б оно было в том состоянии, как было при Ярославе, отце твоём Владимире и брате Мстиславе, которые сами государ-

ством, а не ими люди владели, их князи местные боялись и, яко отца, чтили.

Но потом брат ваш Ярополк и Всеволод так упустили, что все князи равны ему быть хотят, не слушают и не почитают, но, на него востая, воюют, области отбирают и разоряют, то и тебе никакой чести не прибудет.

И хотя тебя ныне Ольговичи за старейшего почитают и отцем называют, то сие токмо льстя, чтоб их от Изяслава избавить. Когда же сядешь в Киеве, то увидишь, что оные не лучше тебе, как Изяславу, будут. Если мыслишь тамо великое владение приобрести, то напрасно трудиться о том, чтоб пустых и разоренных войнами земель искать, где уже мало и людей остается и впредь еще меньше будет, а без людей земля есть бесполезная пустыня.

Се же имеешь во своем владении поль и лесов изобильно, а людей мало. Ты весьма изрядно разсудил, что начал города строить и людей населять. И в твое малое время сколько оные князи войнами своих земель опустошили, столько тебе, в покое бывшему, они своими людьми земель населили.

Понеже к тебе, слыша тишину и благоденствие, и паче правосудие в земле твоей, идут люди не токмо от Чернигова и Смоленска, но колико тысяч, из-за Днепра и от Волги пришед, поселились, и людей, следственно всяких доходов и обилий кождогодно умножается, и затем еще поль и лесов много.

Того ради советую тебе оставить их, самому прилежать дома о устройении земли. И узришь вскоре плоды сих трудов твоих, что у тебя будет более градов и сел, нежели у них. А когда людей будешь иметь довольно, не потребна тебе вся оная Русь, ты будешь всем страшен и от всех почитаем.

Коли же хочешь сыну коему в Руси владение достать, то пошли с любовью ко Изяславу просить, и чаю, что дать, как прежде Глебу обещал, не отречется. Не худо же и зоваться, когда потребно, но при том хранить твердо, чтоб своего не потерять более, нежели приобрести можно; войну бо начать есть в нашей воли, когда хотим, а мир, как неприятель даст.

Ежели тебе хотя в войне счастье будет и Киев со всею Русью обладаешь, но не угадаешь, когда и как примирисься, а наипаче, ведая черниговских князей коварные превратности, что они никому далее, как их польза требует, надежны быть не могут. Польза же их в том зависит, чтоб племя Владимирово как можно утеснить и обезсилить. И тако они никогда не допустят тебе с пользою мир учинить, а когда мира не будет, твоя земля всемерно людьми не умножится, но оскудеет.

К тому же, оставя дома без довольнаго войска, надобно опасаться, чтоб болгары и печенеги, уведав о твоём дальнем отлучении, землю твою не опустошили. Если же тебе приключится в войне несчастье, то уже, конечно, чужие войска приведешь в свою землю и погубишь более, нежели искать хочешь. И недобро тогда у сильного и счастливого

неприятеля мир просить. И сие я вам сказал, сколько разумел» (Татищев, т. II, с. 182—183).

Как видим, программа киевского боярина для суздальского князя была вполне разумна; основные ее пункты:

1. Князь должен советоваться со старейшими вельможами.
2. Историком XII века уловлен переход к феодальной раздробленности: до 1132 года Киев возглавлял единую Русь, а с 1132—1146 годов «местные князи» отпали на него.
3. Ольговичи — неверные союзники.
4. Киевские земли разорены наездами, а Суздальская — процветает.
5. Одобрена политика Юрия: строить города, привлекать издалека колонистов.
6. Воевать с Изяславом Киевским не следует.

После принятия предложений Громилы с Изяславом был заключен общий мир, «установлено быть всем за едино и не приглашать половцев» (Татищев, т. II, с. 185).

9. Ростислав Мстиславич (1159—1167)

«По нем остались сынове его Роман, Рюрик, Святослав, Давид и Мстислав.

Сей князь ростом был средний, лице широко и брада круглая, широкая. Прилежал о церкви святой и, едва когда минул пенне, чин святительский чтил и многу милостину священником, вдовицам и сирым давал.

О воинстве и судех не радел, того ради в воинстве мало счастья имел и в судех тиуны его мздою богателись, и было от их убогим утеснение». (Татищев, т. II, с. 83.)

Характеристика Ростислава, родного брата Изяслава Мстиславича, при котором Петр Бориславич стал летописцем, и отца Рюрика Ростиславича, при котором старый летописец кончал свои дни, состоит как бы из двух частей — церковной и гражданской. Церковная стандартная похвала могла принадлежать Поликарпу, находившемуся при умирающем князе, или же вставлена позднее Моисеем, внимательным к этой княжеской ветви.

Гражданская же часть резко отрицательна; князь Ростислав ни о войске не заботился, ни в дела управления не вникал.

Это объяснялось тем, что из троих «Мстиславичей» — Изяслава, его сына Мстислава и племянника Рюрика — наибольшее внимание было уделено Петром Бориславичем Мстиславу. А Ростислав дважды серьезно обидел племянника.

Первая ссора произошла вскоре после смерти Изяслава в 1154 году, когда Ростислав, воюя с черниговским князем и проигрывая битву, «поча даяти ему под собою Киев, а подо Мьстиславом — Переяславль».

Мстислав был крайне обижен: «Да ни мне будеть Переяславля, ни тебе Киева!» И повороти конь Мьстислав под собою с дружиною своею от стрья своего».

Конфликт продолжался, так как Ростислав был против пребывания Климента Смолятича на посту митрополита.

В 1162 году сын Ростислава Давид (отрицательный герой «Слова о полку Игореве») начал хозяйничать во владениях Мстислава на реке Роси (город Торческ), и Мстислав Изяславич «поеха ис Киева, розьгневавься на стрья своего на Ростислава и много речи вьста межи ими...». На следующий год мир, правда, был восстановлен, и Мстислав получил обратно Торческ, Белгород и Канев, свой домен в Поднепровье.

В 1167 году Мстислав стал после смерти Ростислава великим князем, но память о вероломном дяде, как видим, у его летописца осталась.

10. Мстислав Изяславич (1167—1169)

«По нем остались сынове его, Роман храбрый, Святослав и Ярополк.

Сей князь роста был не вельми великаго, но широк плечима и крепок, яко лук его едва кто натянуть мог. Лицем красен, власы кудрявы и краткие носил. Мужествен был во брани, любитель правды. Его храбрости ради все князи его боялись и почитали. Хотя часто с женами и дружиною веселился, ни жены, ни вино им не обладало. Он всегда к росправе (управлению) и разпорядку был готов, для того мало сыпал, но много книг читал, и в советех о росправе земской с вельможи упражнялся, и детей своих прилежно тому наставлял, казуя им, что честь и польза князя состоит в правосудии, росправе и храбрости» (Т а т и щ е в, т. III, с. 95—96).

Краткая, но восторженная оценка Мстислава Изяславича подкреплена огромным количеством похвал, рассеянных по всей летописи Петра Бориславича, следившего за судьбой Мстислава с 1146-го, а особенно внимательно с 1152 года. Здесь и эпизоды походной жизни, и упоминания о былинном богатыре Демьяне Куденевиче (Кунтувдее?), и постоянное подчеркивание твердости, личной храбрости, рыцарственности князя и неизменного уважения к нему со стороны князей и королей.

Очень важно отметить, что никаких перемен в отношении летописца к этому князю не произошло после красочного описания чужой рукой ссоры Мстислава с Бориславичами в 1168—1169 годах. Очевидно, некоторая временная размолвка (если она и была) не сказалась на отношении к Мстиславу ни в тексте хроники, ни в этом обобщающем труде. Напомню, что киевский митрополит и поддерживавший его великий князь Глеб Юрьевич жестоко преследовали племянника Бориславичей по сестре — епископа Федора, а это могло наставить церковного летописца, редактировавшего экземпляр летописи Петра Бориславича, попавший в его руки в 1169 году, на путь клеветы на знатных и влиятельных родичей преследуемого епископа.

Словесным портретом Мстислава Изяславича завершается стройная серия характеристик великих князей киевских, в которой был пропущен (очевидно, как князь-изгой) только один Изяслав Давыдович Черниговский, княживший в Киеве менее одного года (с 19 мая 1158-го по 12 апреля 1159 года).

Далее четкий принцип описания только великих князей на первый взгляд нарушается: появляется Андрей Боголюбский, не сидевший на киевском престоле, его брат Михалко, числившийся великим князем пять недель, но зато отсутствует Глеб Юрьевич, Владимир «Мачешич» и Ярослав Изяславич. Отбор характеризуемых князей начинает казаться нам произвольным, но знакомство с характеристиками и выявление симпатий и антипатий самого Петра Бориславича убедят нас в том, что юридическо-династийный принцип здесь выдержан полностью, но он сопряжен и с личными взглядами Петра.

Эти поздние характеристики, в основном второй половины 1170-х годов, представляют для нас особый интерес, так как явно связаны не с хроникальной последовательностью княжений, а с особыми соображениями их автора.

11. Андрей Юрьевич Боголюбский (вместо Глеба Юрьевича, 1169—1171)

«Сей благоверный и христоролюбивый государь от младости возлюбил бога и душу свою всеми добродетели украсил, подобен был Соломону. Яко той созда храм господу богу, тако сей богоматери созда, паче всех церквей украсив множеством злата, серебра и камением драгоценным. Много же других узорочей во оную внес, яко всем приходящим было смотреть со удивлением».

«Град же Владимир разшири и умножи, всяких в нем жителей, яко купцов, хитрых рукодельников и ремесленников разных населил. В воинстве был храбр, и мало кто из князей подобный ему находился, но мир паче, нежели войну, и правду паче великаго приобретения любил. Ростом был невелик, но широк и силен вельми, власы чермные, (рыжие), кудрявы, лоб высокий, очи велики и светлы. Жил 63 года». (Татищев, т. III, с. 104—105)

Посмертная характеристика Андрея Боголюбского резко распадается на две части, которые, очевидно, и возникали самостоятельно, в разных местах, слившись воедино, может быть, только под пером В. Н. Татищева.

Первая часть написана в духе Кузьмищи Киянина, которому принадлежит повесть об убиении Андрея, а вторая — типична для Петра Бориславича: внешний вид, характер, качества правителя страны и полководца.

Однако Андрей не был, судя по дошедшим до нас летописям, киевским князем, не жил в Киеве и даже в походе своих войск на Киев в 1169 году сам не участвовал. Почему же Петр Бориславич сделал для него исключение и поставил его в один ряд с великими князьями?

Во-первых, у нашего историка должны были остаться хорошие воспоминания об Андрее с тех далеких времен, когда Андрей, еще княжич без княжества, стремился примирить Юрия Долгорукого с Изяславом:

1150 год. Андрей:

«Не слушай, отче, совета Ярославичева (врага Изяслава) кровопролития в Руской земле разорения желающего, но прими в любовь сыновца твоего Изяслава, государство войною напрасно не разоряй!» (Татищев, т. III, с. 14.)

Примирение состоялось. Изяслав «в великом убранстве» прибыл в Пересопницу к Юрию и Вячеславу, где был скреплен недолговечный мир, нарушенный жадностью Юрия.

Дружественные отношения Петра Бориславича с Андреем Юрьевичем, быть может, объясняют появление киевской летописи с миниатюрами во Владимире Суздальском, по которой был изготовлен оригинал Радзивилловской летописи.

Во-вторых, мы должны учесть, что вокняжившийся в Киеве после победы 1169 года князь Глеб Юрьевич в глазах современников был поставлен там Андреем: «Бог посадил тя и князь Андрей на отчье своей и на дедине в Киеве».

Взятие Киева «рукою царскою» Андрея, очевидно, расценивалось как получение им самим прерогатив великого князя. Тон обращений Андрея к южнорусским князьям в эти годы становится императивным.

Все это и позволило Петру Бориславичу не включать в почетный список киевских великих князей Глеба Юрьевича, вынесшего смертный приговор его племяннику Федору, а поставить в список Андрея Боголюбского, в свое время этому Федору покровительствовавшего.

Впрочем, летописец-дипломат был точен и осторожен и не связал имя Андрея с Киевом, а сказал лишь о том, что этот князь содействовал расцвету города Владимира Суздальского.

Такое же выборочное (но юридически неоспоримое) отношение мы видим и на примере третьего брата — Михаила Юрьевича. Нет характеристики враждебного по отношению к Мстиславу Изяславичу «Мачешича» (есть только суровая эпитафия), нет «попродавшего весь Киев» Ярослава Изяславича, но зато есть Михалко Юрьевич, мужественно оборонявший Киевскую землю от половцев. Летописи начала 1170-х годов очень сумбурны и отрывочны; мы не можем по ним даже установить точные даты княжения Михалки в Киеве, но Петр Бориславич дал очень интересную оценку позднейшей деятельности князя уже во Владимиро-Суздальской земле. Историк как бы продолжал свою старую мысль, облеченную в форму речи мудрого боярина, о возможности благоденствия князей Северо-Восточной Руси без притязаний на Киев.

12. Михаил Юрьевич (≈1173)

«Михалко Юриевич, великий князь, внук Владимира Мономаха, как был чрез несколько времени уже скорбен, однако ж о управлении земском крайне прилежал, для сего часто, как ему возможность допускала, ездил по городам, хотя ведать, везде ли люди право судятся и нет ли где от управителей обид, якоже и по селам проезжая, земледельцев прилежно спрашивал, и всем приходящим к нему двери были не заперты.

Такова ж ради ведения поехал в города к Волге. И как приехал в Городец на Волге, тяжко заболел и 20-го июня (1176 года) в субботу на заходе солнца скончался. Тело же его немедленно свезли во Владимир и положили в церкви святыя Богородицы златоверхие. Был на великом княжении один год и 5 дней. Ростом был мал и сух, брада уска и долга, власы долгие и кудрявы, нос нагнутый, вельми изучен был писанию, с греки и латины говорил их языки, яко руским, но о вере никогда прения иметь не хотел и не любил, поставляя, что все прения от гордости или невежества духовных происходят, а закон божий всем един есть» (Татищев, т. III, с. 115).

Такая подробная и благожелательная характеристика дана князю, проводшему на киевском престоле всего 370 дней, очевидно, для того, чтобы на его примере показать идеального князя.

Князь ездит по городам, беседует с крестьянами, разбирает жалобы... Князь ни с кем не воюет. Князь широко образован, знает древние языки. Церковных споров избегал...

Знакомство с идеалом косвенно раскрывает нам облик самого историка.

13. Роман Ростиславич (1171—1173; 1175—1176)

«Он был вельми учен всяких наук, и как он сам честь, славу и богатство презирал, неправды тяжко ненавидел и хотя многу во младости храбрость изъявил, и вельми силен был, но войны ненавидел, разве принужден был. Так он часто беседами братьев своих и вельмож к тому поучал и к учению младых людей понуждал, устроив на то училища, и учителей греков и латинистов своею казною содержал, и не хотел иметь священников не ученых И так на оное имение свое истощил,

что на погребение его принуждены были смольяне серебро и куны давать по изволению каждого. И как народом все его любили, то собрали такое множество, что более было, нежели в год князю приходило» (Т а т и щ е в, т. III, с. 123—124).

Роман — брат Рюрика Ростиславича, при котором состоял Петр Бориславич в годы написания своего труда. Собственная великокняжеская летопись Романа не сохранилась. Князь, покинувший Киев в 1176 году и умерший в Смоленске в 1180 году, по всей вероятности, увез ее в свой город, и она не попала в библиотеку разных летописей, которая была в распоряжении Моисея в Киеве.

Как видим, идеал князя, с точки зрения летописца (ученый, миролюбивый князь), подкреплен еще одним примером. То, что уцелело в летописях о Романе Ростиславиче, не противоречит этой благожелательной оценке.

Последняя характеристика (см. ниже) относится не к великому князю, но по своему месту в системе русских княжеств и соседних европейских королевств и империй Галицкое княжество было равнозначно Киевскому конца XII века. Петр Бориславич был прав, завершая свой исторический труд обрисовкой того князя, которого знал с первого дня его вокняжения (1153 год).

14. Ярослав Владимирович Осмомысл (1153—1187)

«Сей князь был честен и славен во всех землях. Сам на войну не ходил, но войска его посылал в помощь другим, яко венгром, поляком и руским князем с воеводами.

Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане (так как) воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогая, искусны в воинстве и храбры в битве были.

Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему приходили и грады населяли, которыми обогащалась земля Галицкая во всем.

По Дунаю грады укрепил, купцами населил, торгующим чрез море во Греки и ремесла устрояющим от своих имений помогал.

Он щедр был, милостив и правосуден, того ради множество иноземцов ему служило.

Изучен был языком, многие книги читал, в церковном чине многое исправлял и, клирос устроая и наставляя, зловерия искоренял, а мудрости и правой вере наставлял и учить понуждал. Монахов же и их доходы к научению детей определил» (Т а т и щ е в, т. III, с. 143).

В «Слове о полку Игореве» воспеты отец и дочь — князь Галицкий Ярослав Осмомысл и знаменитая Ярославна, жена Игоря. Характеристика Ярослава составлялась Петром Бориславичем вскоре после появления «Слова» — Ярослав умер 1 октября 1187 года.

Исторический обзор русской жизни за целое столетие, предпринятый Петром Бориславичем, завершился словесным портретом князя, правившего большим и цветущим государством, близким и к левантийскому Востоку и к Центральной Европе и к тому дунайскому перепутью, где сходились дороги венецианских купцов, крестonosцев, русских гостей, торговавших с Византией, и разбойных половцев, прикочевывавших от Днепра в Лукоморье и становившихся здесь «дунайцами».

Петр Бориславич, лично знавший Ярослава Владимировича, мог наблюдать его жизнь и образ правления на протяжении трех десятков лет. Прозвище Ярослава в «Слове о полку Игореве» — «Осмомысл» — расценивается исследователями как синоним мудрого, рассудительного. Приведенная выписка вполне подтверждает это. Но Петру Бориславичу, подвизавшему в 1188—1190 годах итог своему историко-политическому труду, хотелось, очевидно, как можно полнее использовать благоприятный пример «идеального князя», и он вводит в летопись интереснейшую предсмертную речь умирающего князя. Тяжко заболев, Ярослав «послал по всем градам владения своего и созвал всех бояр и знатных правителей» и духовенство. Усадив собравшихся, князь произнес речь:

«Отцы, братия и сынове! Се уже отхожу суетного света сего. Ведаем бо, яко бог нас поставил князей владеть людьми и управлять, но я довольно искусился, что не столько нашей власти, сколько тяжчайшего служения людем. Я должне был доднесь всем служить, кождодневно в суде и разправе упражняся, нужным помогать, обидимыя оборонять, винных смирать и наказывать, да не большее зло безстрашием возрастет, паче же всего от клеветников и вернейших мне охраняться, дабы кого невинно не оклеветали и недостойнаго не выхваляли, от которых многой государству вред приключается.

Войско устроить так, чтобы земля и подданные без опасности от неприятелей были, но оные так содержать, дабы, в мире будучи, должности своей не забывали и народу тягости и обид не чинили; да и то хранить, чтоб всяк хлеб службою или купечеством, ремеслом или работою иметь мог, а никто празден не был.

Подати так разпределить, дабы на всякую потребу не оскудевало, а дающие без плача и стенания приносили.

И сие, сколько мне возможно было, прилежно хранил, смугителей и наветников не слушал, а клеветников пред всеми или для их заслуг тайно, наедине, обличал, и впредь то делать запрещал.

Но я, как человек, многие пороки во мне имел и над желание мое все управить не мог. Бог же, яко сердцевидец, весть, что я желал, но слабости ради не исполнил. Вас же прошу от всех прощения, ежели кого обидел, нет бо мне времени каждого удовольствовать, однако ж, если кто что на меня имеет, объявите, да либо могу что зделать» (Татищев, т. III, с. 143).

Если в своем некрологе Петр Бориславич оценивал Ярослава Осмомысла с точки зрения результатов его долгого княжения, подробно говорил о расцвете государства благодаря разумному правлению этого князя, то речь Ярослава написана с позиций самого князя и дополняет образ «идеального князя» показом отношения правителя к судебным заседаниям, рассмотрению жалоб, организации войска, к устройству торговых, экономических дел и налоговому обложению.

Здесь, как и в характеристике Михалки Юрьевича, проявлен интерес к простому народу, к ремесленникам. Отношение к духовенству в обоих случаях сдержанно-недоброжелательное: духовных лиц следует учить, искоренять зловерие, устранять бессмысленные споры, происходящие «от гордости или невежества».

Представляет большой интерес, что Осмомысл «монахов и их доходы к научению детей определил». Как последователен был Петр Бориславич в своем отношении к церковности на всем протяжении своей многолетней летописи!

Подробная и восторженная некрологическая оценка Ярослава Осмомысла в историческом труде Петра Бориславича 1188—1190 годов полностью совпадает с восторженной и самой обстоятельной и разносторонней оценкой в «Слове о полку Игореве». Сопоставим их.

«Слово о полку Игореве»

«...Грозы твои по землям
текут...»

«...Затворив Дунаю ворота...»

«...Суды рядя до Дуная...»

«...Меча бремены чрез
облаки...»

(торговля через Карпатские
перевалы).

«...Отворяеши Киеву враги»

«Стреляеши с отня злата
стола салтани за землями...»

«Подпер горы Угорскыи своими железны-
ми плъки, заступив королеви (венгер-
скому) путь...»

Летопись Петра Бориславича

«И тако всем соседем был страшен...»

«По Дунаю грады укрепил...»

Дунайские города «купцами населил».

Дважды галицкие полки помогали
взять Киев (1159 и 1167 годы).

Участие галицких войск (без самого
князя, остававшегося на «отнем столе») в
разгроме Кобяка и пленении половецких
князей — «салтанов» в 1184 году.

Войны с Саладином начались позже,
и о них было бы сказано «за морями».
Венгерский король Бела III с 1186 года
начал наступление на русские земли.

Галицкие войска сдерживали натиск.

После смерти Ярослава венгры взяли
Галич.

Оформление Петром Бориславичем большого исторического труда, основанного на его же летописи-хронике, происходило в 1188—1190 годы, почти одновременно с появлением на свет «Слова о полку Игореве» (1185 год). Некрологическая запись о Ярославе Осмомысле, сделанная после 1 октября 1187 года, неминуемо входит в число тех летописных сведений, которые должны рассматриваться в единой системе с великой поэмой.

Гипотеза о Петре Бориславиче как об авторе «Слова о полку Игореве» представляет собой, по существу, соединение двух гипотез: во-первых, допущения, что боярину Петру Бориславичу, упоминаемому в киевских летописях под 1152—1153 и 1168—1169 годами, принадлежит значительная часть летописи за XII век, а во-вторых, что ему же, киевскому тысяцкому, принадлежит и авторство «Слова о полку Игореве».

Рождалась эта гипотеза не при рассмотрении великого «Слова», когда естественно возникает желание знать его творца (и его ищут среди всех упомянутых в источниках людей XII века независимо даже от степени их грамотности), а при анализе летописного материала той эпохи, выявившем созвучие идеям и симпатиям автора «Слова» у одного из светских летописцев середины и конца XII века.

Плодотворные мысли К. Н. Бестужева-Рюмина о летописи Изяслава Мстиславича (1868 год) и И. П. Хруцова об авторстве Петра Бориславича применительно к посольству 1153 года (1878 год) открыли возможность дальнейшего более широкого раскрытия творчества Петра. В 1959 году я опубликовал посвященную ему статью «Боярин-летописец XII века»; в 1963-м опубликован мой анализ дипломатической переписки, включенной Петром Бориславичем в летопись. Анализ оказался незавершенным. Дальнейший поиск и тщательный разбор выписок В. Н. Татищева показали более широкий диапазон участия Петра Бориславича в киевском летописании XII века вплоть до 1181—1196 годов.

Хронологический разрыв со «Словом о полку Игореве» был устранен. Вот тогда-то и возникла мысль о тождестве гениального историка-летописца с гениальным трибуном-поэтом, постоянно обращавшимся к историческим сопоставлениям разных эпох, от императора Траяна до Владимира Мономаха.

Гипотеза получила поддержку со стороны лингвистов: в 1976 году появилась статья В. Ю. Франчук «Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»?». Ответ был утвердительным. В 1978 году О. В. Творогов в подробном обзоре новейшей литературы о «Слове» очень лестно отозвался о моей гипотезе:

«В 1972 году вышло в свет фундаментальное исследование Б. А. Рыбакова, в котором, проанализировав огромный материал, автор высказывает (при этом в весьма осторожной форме) предположение, что «Слово» могло быть написано киевским тысяцким летописцем Петром Бориславичем. Эта гипотеза отличается от иных догадок об авторе «Слова» тем неоспоримым преимуществом, что мы имеем в этом случае возможность сравнить реальные тексты — текст «Слова» с текстом летописных статей, автором которых считается Петр Бориславич, то есть можем судить о сходстве политической ориентации и мировоззренческой позиции авторов обоих произведений, а также о литературных приемах и языковой манере летописца и на основании результатов такого сравнения решать вопрос о вероятности тождества его с автором «Слова о полку Игореве». Ведь, оставив в стороне собственно литературное мастерство предлагаемого автора «Слова», мы, сами того не замечая, совершенно дискредитируем «Слово» как художественное произведение, ибо оказывается, что для создания этого выдающегося памятника было бы достаточно простой осведомленности об обстоятельствах Игоревы похода.

Но и в последнем случае на пути к окончательному решению вопроса остаются немалые трудности, о которых откровенно пишет сам Б. А. Рыбаков:

«Нельзя доказать непреложно, что «Слово о полку Игореве» и летописец «Мстиславова племени» действительно написаны одним человеком. Еще труднее подтвердить то, что этим лицом был именно киевский тысяцкий Петр Бориславич. Здесь мы, вероятно, навсегда останемся в области гипотезы». «Но,— продолжает исследователь,— поразительное сходство, переходящее порою в тождество, почти всех черт обоих произведений (с учетом жанрового различия) не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений».

В 1983 году вышло второе издание «Текстологии» Д. С. Лихачева, где в главе VII («Исследование авторского текста». Атрибуция) дана тоже положительная оценка моих построений:

«Показательна попытка Б. А. Рыбакова установить автора «Слова о полку Игореве». Все прежние предположения об авторе «Слова» (Митус, Беловод Просович, Ольстин Олексич, княгиня Агафья Ростиславовна и под.), по существу, не имели никаких оснований, кроме примитивного допущения, что современник событий мог написать о «былинах» своего времени. Литературный талант и широкая историческая осведомленность автора «Слова» в этом случае совершенно произвольно приписываются тому или иному лицу. Б. А. Рыбаков строит свою гипотезу на фактическом материале — на возможности сопоставления реально существующих текстов — летописного текста, приписываемого Петру Бориславичу, и текста «Слова». Именно сравнение текстов позволяет Б. А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений: указать на «единство времени и места жизни» летописца и автора «Слова», на одинаковые симпатии и антипатии их, на сходство в оценках конкретных князей и их деяний, на «удивительное единодушие» в оценке политической структуры Руси XII в. Летописный текст позволяет судить о наличии у Петра Бориславича литературного таланта. Обнаружен и ряд прямых лексических совпадений между «Словом» и летописным текстом, на которые указала В. Ю. Франчук. И хотя Б. А. Рыбаков формулирует свою гипотезу весьма осторожно («поразительное сходство, переходящее порою в тождество, почти всех черт обоих произведений... не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений»), важно принципиальное отличие этой гипотезы от упомянутых догадок об авторе «Слова» — перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах».

Более подробно критического рассмотрения книги в 38 печатных листов, к сожалению, не было. Восьмисотлетний юбилей «Слова о полку Игореве» в 1985 году вызвал огромный поток новых переводов, книг, статей, догадок, предположений, гипотез. Значительно пополнился и список новых исторических лиц, предлагаемых в авторы «Слова о полку Игореве».

К сожалению, очень часто это было проявлением «игры без правил», привлечением тех или иных персонажей без проверки исторической возможности их авторства. Диапазон колебаний очень широк — от отказа вообще от поиска автора («гений без имени») до признания автором самого князя Игоря Святославича.

Во многих случаях ошибочность пути поиска происходила от недостаточного внимания к реальной исторической ситуации 1180-х годов, чем обычно грешили филологи.

Как историк я считал своим долгом прийти на помощь филологам в этом специальном вопросе, исходя из чего и посвятил первую половину данной книги историческому осмыслению «Слова» от широких общеевропейских вопросов до незначительных мелочей ратного быта и топографических деталей.

Д. С. Лихачев в майском номере «Огонька» за 1986 год тоже обратился к проблеме поиска автора поэмы. «Скорее всего,— пишет Лихачев,— это был «хоть» (любимец) Игоря. И не только потому, что он почти как свидетель знал

все о походе Игоря, но и потому еще, что он, как мне представляется, был летописцем Игоря, изложившим поход Игоря в его (Игоря?) летописи, выразившим в этом описании заветные думы Игоря — его исповедь...»

Самой слабой стороной и этой журнальной статьи, и вышедшей в 1985 году книги Д. С. Лихачева, на которую статья опирается, является допущение, что киевский свод 1198 года, составленный игуменом Моисеем при дворе Рюрика Ростиславича, будто бы составлен в Чернигове для Игоря в первый год его княжения в этом городе.

При этом Д. С. Лихачев не обращает внимания на то, что летописный свод, составленный из самых разнородных материалов, сохранил в себе множество враждебных Игорю сведений (например, бегство с Кончаком в одной лодке), говорящих о союзе с половцами, о постоянном отказе Игоря и Ярослава Черниговского от общих русских походов против половцев и т. п. Объявлять сепаратиста Игоря благородным борцом за Русь, а киевскую летопись — трудом его придворного певца в Чернигове очень смело. Тем более что в книге Лихачева нет ни анализа, ни доказательств, о чем говорит и сам автор, сообщаящий, что он не навязывает свою точку зрения: «...снова и снова предупреждаю читателей, что я ничего не могу и не собираюсь доказывать. Воображаемая ситуация, и только» (выделено мною. — Б. Р.).

Согласимся в этом с автором. Тем более что в самом конце 1986 года вышла в свет книга В. Ю. Франчук «Киевская летопись», всей своей постановкой опровергающая чернигово-игоревскую концепцию Лихачева.

Книга В. Ю. Франчук, имеющая подзаголовок «Состав (киевской летописи) и источники в лингвистическом освещении», по существу, является первой серьезной проверкой моей «двуединой» гипотезы, так как здесь рассматривается, с точки зрения лингвиста, степень правильности выделения мною тех частей, которые написаны Петром Бориславичем, и, кроме того, исследовательницей лингвистически проверяется возможность написания «Слова о полку Игореве» тем же Петром Бориславичем.

В первой главе исследовательница в полном согласии с моими выводами, но на несравненно более широком материале и с большей убедительностью рассматривает язык и стиль редактора — составителя киевского свода — Моисея Выдубицкого и проследживает пределы его авторского и редакторского участия. Свод, несомненно, киевский и до самого последнего дня (24 сентября 1198 года) находился в руках образованного и талантливого киевлянина, служившего, как и Петр Бориславич, правнуку Мономаха великому князю киевскому Рюрику Ростиславичу. Никаких признаков формирования его в Чернигове при дворе только что, в 1198 году, попавшего в Чернигов Игоря, нет. Свод завершается текстом торжественной кантаты Моисея в честь единовластно правящего в Киеве Рюрика, укрепившего на обрыве Днепра выдубицкий храм, построенный прапрадедом Рюрика.

Для того чтобы покончить с таким недоразумением, как «черниговский общерусский свод Игоря», приведу дополнительно два описания одинаковых событий, почерпнутых из свода 1198 года (игумена Моисея).

Вокняжение Игоря в Чернигове в 1198 году.

«В лето 6706 (1198). Преставися черниговский князь Ярослав Всеволодичь... и того ради седе на столе его благоверный князь Игорь Святъславличь» (Ипатьевская летопись, с. 474).

Если бы свод составлялся в Чернигове, то черниговец не стал бы пояснять, что Ярослав, 17 лет бывший великим князем Чернигова, — «черниговский князь».

А Игорь упомянут здесь как второстепенный персонаж — «того ради...».

Вокняжение Рюрика в Киеве (по смерти его соправителя Святослава).

«В лето 6702 (1194) ... И поеха Рюрик Киеву. Изидоша противу ему со кресты: митрополит, игумени вси и кияни вси от мала до велика с радостью великою.

Рюрик же вшед во святую Софью и поклонися святому Спасу и святей богородице и седе на столе деда своего и отцу своего, славою и с честью великою.

И обрадовися вся Руская земля о княженьи Рюрикове: кыяне и крестьяни (христиане) и погании (язычники), зане всех приимаше к себе с любовью и крестьяны и поганыя и не отгоняше никого же» (Ипатьевская летопись, с. 457—458).

Текст, несомненно, принадлежит Петру Бориславичу. Концовка, восхваляющая Рюрика за то, что он не отгоняет от себя ни христиан, ни язычников, прямо связана с событиями 1190—1192 годов, когда Святослав «отогнал» во вред Руси знаменитого Кунтувдея, а Рюрик пригрозил этого «Сухана» и дал ему город в Русской земле. Учитывая, что Святослав был только что похоронен, старый боярин, друг торков, допустил очень смелый намек.

Рюрик, уже княживший в Руси (но не единолично) полтора десятка лет, преподнесен в своде Моисея очень торжественно, в стиле описаний вокняжения его брата Изяслава и племянника Мстислава (см. выше), а Игорь упомянут лишь проходя, в связи со смертью Ярослава Черниговского.

Первый раздел 2-й главы книги В. Ю. Франчук называется «Лингвистические доказательства существования летописи Мстиславова племени». Особую важность для нашей темы представляет вывод исследовательницы о том, что специфические для Петра Бориславича обороты речи встречены на всем протяжении выделенных мною фрагментов ведшейся им «летописи Мстиславова племени», как в 1140—1150-е, так и в 1180—1190-е годы. «Время ведения летописи Петром Бориславичем (1146—1196), — пишет Франчук, — установленное Б. А. Рыбаковым на основании других данных, подтверждается с точностью до одного года».

Второй раздел этой главы посвящен проверке основной части моей гипотезы — предположению, что, историк и политик, Петр Бориславич был создателем «Слова о полку Игореве». Он назван так: «Гипотеза об авторстве летописи «Мстиславова племени» и «Слова о полку Игореве» по данным лексического и синтаксического строя памятников».

Предостерегая от случайных совпадений, В. Ю. Франчук пишет: «Сравнение может быть результативным лишь при условии, что и в «Слове», и в сочинении Петра Бориславича удастся выявить такие слова, обороты и грамматические конструкции, которые или совсем не встречаются в других частях Киевской летописи второй половины XII века, или же малохарактерны для языка летописцев — его современников».

Далее следует перечень совпадающих слов и устойчивых индивидуальных речевых штампов в двух сопоставляемых источниках.

«Веселье». «Пребыти в любви и веселии». По поводу этого словосочетания, встречающегося у Петра Бориславича 17 раз, В. Ю. Франчук напоминает суждение Н. П. Сидорова об авторе «Слова»: «Если вы возьмете «Слово» в самых интимных симпатиях его автора, вы увидите, что оно полно величайшего жизнелюбия... его привлекает прежде всего самая радость, веселие...»

«Нелюбие». «Гроза». «Потоптати». Этот военный термин встречен восемь раз в летописи Петра Бориславича. Есть он и в великолепной аллитерации «Слова о полку Игореве».

«Шоломя». «Для древнерусского периода известно только пять слу-

чаев его употребления: три из них — Петр Бориславич, два других отмечены в «Слове о полку Игореве».

«Кощей». «...Представлено в древнерусской письменности всего двумя примерами» — летопись Петра Бориславича под 1168 годом и «Слово».

«Чага». «Полк» — в особом значении «стан», «лагерь», «стоянка» только у Петра Бориславича и в «Слове».

«Кое» в значении «где». «Кметь». «Котора». «Комонь», «Чи ли» в значении «или» — редчайшая форма. «Ти» — частица в усилительном значении.

«Ниже рассмотрим те соотносительные выражения из летописи «Мстиславова племени» (Петра Бориславича) и «Слова о полку Игореве», которые позволяют предполагать одно лицо в качестве автора этих произведений».

«Доспети», «доспевати на брань».

«Обида».

«Сила» в значении «войско», «воинство».

Здесь приведена только часть материалов, разработанных В. Ю. Франчук. Результат своих сопоставлений она выразила так: «Все случаи лексической и синтаксической близости «Слова о полку Игореве» и предполагаемого произведения Петра Бориславича в нашей работе не исчерпаны. Тем не менее приведенные доказательства, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в той части Киевской летописи, которая может быть приписана этому автору, сконцентрирована большая часть общей со «Словом о полку Игореве» лексики и сходных грамматических конструкций».

Итог всей своей книги В. Ю. Франчук выразила так: «Факты языка подтверждают гипотезу Б. А. Рыбакова об активной летописной деятельности Петра Бориславича. Они свидетельствуют, что этому летописцу принадлежит почти половина текстов Киевской летописи. Сопоставление их языка с языком «Слова о полку Игореве» позволяет установить, что специфическая лексика и характерные синтаксические конструкции «Слова о полку Игореве» находят соответствие преимущественно в тех ее фрагментах, которые соотносятся с именем Петра Бориславича».

Вычленение летописи Петра Бориславича из сводной летописи 1198 года было сделано мною по нескольким рядам признаков: во-первых, по формальным особенностям (календарные обозначения, титулатура князей, способ обозначения княжеских кланов и т. п.), во-вторых, по стилю, по сочетанию широких, европейского размаха общих картин с бытовыми деталями походов, сражений, заседаний боярской думы, посольских поездок. Третьим и очень важным принципом вычленения были симпатии и антипатии летописца к разным княжеским коалициям. Теперь, в результате лингвистического анализа В. Ю. Франчук, добавился такой исключительно важный признак, как язык.

Очень важно, что лингвистическая проверка подтвердила как вычленение летописи Петра Бориславича из состава Киевского свода, так и сходство ее со «Словом».

Для последней темы существенно добавить, что как в «летописи Мстиславова племени», так и в «Слове о полку Игореве» явно проглядывает знание автором тюркского языка, языка тех «черных клобуков», с которыми были прочно связаны все те три поколения «Мстиславова племени», хроннику дел которых вел на протяжении полувека Петр Бориславич: Изяслава и Ростислава Мстиславичей, Мстислава Изяславича, Рюрика Ростиславича и (в последние годы) юного Ростислава Рюриковича, владевшего Торческом.

Сопоставим по пунктам два авторских портрета, получаемых при рассмотрении двух великих произведений XII века — летописи Петра Бориславича, писавшейся на протяжении ряда десятилетий, и «Слова о полку Игореве»,

созданного в 1185 году, то есть тогда, когда Петру Бориславичу было около 65 лет и этот стареющий боярин был уже, как и князь Святослав Всеволодич, «в серебряной седине».

Сопоставляя, мы должны учитывать разницу жанров: с одной стороны — «слово», речь на съезде князей, образец ораторского искусства, а с другой — постепенно создававшееся отражение реальных событий в хронике с неизбежным нагромождением подробностей. Для сравнения достаточно вспомнить два произведения Пушкина на одну тему: тяжеловесную «Историю Петра Великого» и ослепительную «Полтаву». Впрочем, как будет показано далее, Петр Бориславич, формируя законченную к 1190 году хронику, внес в нее обобщающие элементы («портреты» киевских цесарей), поднимающие ее до уровня «Слова».

Происхождение, социальная среда. Петр Бориславич — знатный киевский боярин, достигший звания тысяцкого, то есть главы киевской боярской корпорации. Племянник его Федор был епископом. Все построения летописи Петра Бориславича, подбор фактов, поименное перечисление многих бояр (киевских, черниговских, суздальских), многочисленные литературные вставки с «речами мудрых бояр», передача прений в княжеской думе, где боярство всегда оказывается правым и иной раз вежливо, но твердо изгоняет им же, боярством, приглашенного князя, — все это не оставляет сомнений в том, что автор летописи не только боярин по происхождению и по положению, но и в известной мере идеолог и вождь киевского боярства.

Автор «Слова», по признанию большинства исследователей, тоже боярин, член старшей дружины. Недаром сопротивление Кончаку приписано инициативе бояр, преодолевающих своим призывом мрачные предсказания вещего сна Святослава:

«И рекоша бояре князю...

Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу!»

Поучающий, а порою и повелительный тон Автора «Слова» часто приводит исследователей к мысли о княжеском происхождении Автора, но это встречает резкий протест лингвистов: «Летописи XI — XII веков не засвидетельствовали ни одного случая употребления слова «князь» при обращении самих князей друг к другу». «Языковые данные не подтверждают предположения ряда исследователей, настаивающих на принадлежности автора «Слова о полку Игореве» к княжеской среде».

Образованность. И летопись и речь на съезде — это не те жанры, в которых образованность автора проявляется в полной мере. В обоих интересующих нас произведениях мы ощущаем уровень автора по безукоризненности речи, по широкой географической осведомленности, по хорошей ориентированности в делах русских княжеств и западных королевств. Важно отметить, что ни там, ни здесь мы не находим следов специально церковной выучки. Не только в «Слове», но и в летописи нет выписок из церковной литературы.

Отношение к церкви. Его можно охарактеризовать как безразличное невнимание. В летописи не приводятся даты по дням святых, как у большинства летописцев. Герои обоих произведений не берут благословения перед походом, не крестятся перед боем, не возносят благодарственных молитв в случае победы. В летописи церковная терминология ограничена минимумом дипломатического обихода: целование «животворящего креста» как форма скрепления клятвы, договора. Пренебрегая православным календарем, летопись иной раз определяет дату языческой «русальной неделей».

«Слово» неоднократно прибегает к языческой романтике, воскрешая (как это делают потом поэты Ренессанса, возродившие античный Олимп) славянских языческих богов (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса). Такую

вольность мог допустить только очень могущественный и смелый человек.

Летопись Петра Бориславича была единственной за весь XII век южнорусской летописью, написанной не церковником, а светским человеком.

Военно-дружинная среда. В обоих интересующих нас произведениях мы видим прекрасное знание военного дела, видов оружия и доспеха («Слово»), боевых порядков и тактики боя (летопись). В летописи, естественно, значительно больше военно-бытовых подробностей: есть дневники походов, записи допроса пленных, донесения разведки. «Эффект присутствия» позволяет считать летописца участником ряда походов. Это не относится к походу Игоря в 1185 году, описанного, очевидно, по рассказам разных участников сражения.

Глубокое знание тонкостей военного дела показано в «Слове» ночной скачкой «телег» со всех концов степи: телеги — повозки для доспехов и стрел — были нужны для окружения «полка Игорева» и создания преимущества в средствах поражения.

Обращение к истории. Летопись полна ссылок на исторические примеры княжеских усобиц, раздоров, тягостных последствий «крамол». В ранней части автор приводит имена Ярополка Святославича (977 год) и Святополка Окаянного (1015 год), а в более поздней части укрепляются ссылки на Олега Святославича, родоначальника Ольговичей, деда Игоря, который, «не храня данной роты, воевався со братиею приводя половцев, государство разорял и колико тысяч христиан в плен оным неверным предал... Но ныне видите, что с детьми его делается — не мстит ли бог на них неправды отцовы...?» (Т а т и щ е в, т. II, с. 168.) Здесь через 30 лет после смерти Олега и за 40 лет до «Слова» уже высказана та мысль, которая так ярко и четко определена в «Слове» при описании Олега «Гориславича».

Исторические экскурсы не входили в задачу великокняжеской «цесарской» летописи, так как в процессе ведения хроники они не должны были отвлекать читателей от жарких дел воинственной современности, а при завершении летописи как целостного произведения (около 1190 года) ей были предпосланы все «трудные повести» об «Олеговых полках». «Слово» же могло себе позволить словесно лаконичный, но хронологически широкий размах углубления в историю. И мы видим здесь такое глубокое знание древней истории славянства, которое превосходит познания Нестора.

Траян, готы у Азовского моря, антский князь Бус... Филологи напрасно разорвали этот единый комплекс на разрозненные, не связанные с событиями 1185 года части. «Троян» — не славянское божество, как утверждает Д. С. Лихачев, а римский император, обожествленный, как и все другие цесари: «Троян бьяше царь (цесарь?) в «Риме». Это — Марк Ульпий Траян (98—117 годы нашей эры), придвинувший границы империи вплотную к землям славян, возобновивший оживленную торговлю со славянскими племенами; это отразилось в огромном количестве кладов римских монет II — VI веков на славянских землях и дало право говорить о «трояновых веках» благоденствия, от которых в «Слове» отсчитывались семь веков до вступления Всеслава Полоцкого на киевский престол: 1068—375=693 года.

«Тропа Трояна» — «Tropeum Trajani» — огромный монумент в память победы над Дакией в низовьях Дуная, мимо которого двигались на Балканы славянские дружины в VI — VII веках.

Радостное для древних готов, но трагическое для славян «время Бусово» (около 375 года) известно нам по сочинению готского историка Иордана, где говорится о казни славянского князя Буса (Booz), побежденного готами. Готов теснили с востока гунны, «хинова», новые тюркоязычные хозяева европейских степей, именем которых в «Слове» названы и половцы («хиновьская стрелка»).

Эти несколько строк о временах, отдаленных от Автора на 8—10 сто-

летий, свидетельствуют о его знаниях, почерпнутых или из славянского эпоса (Боян?), или из византийской литературы, с которой его могли познакомиться такие высокообразованные люди, как, например, митрополит Климент, знавший Гомера, Аристотеля и Платона. Климент входил в окружение князей «Мстислава племени», симпатии к которым видны и в летописи, и в «Слове».

В летописи не было надобности отрываться от современности и углубляться к истокам славяно-тюркских отношений, но прошлое на хронологическом уровне дедов сегодняшних князей, на уровне «трудных повестей» XI века, когда на историческую сцену выступил Олег «Гориславич», — это прошлое часто вспоминалось летописцем, и здесь мы видим полное единодушие и летописи, и «Слова». Многочисленные примеры приведены выше.

В «Слове» семисотлетний промежуток времени от конца «тройных веков» (IV век нашей эры) до княжения Ярослава Мудрого обрамлен двумя трагическими эпизодами, из которых один — казнь князя Буса, а другой — «полки Олеговы», войны родоначальника Ольговичей, деда Игоря.

«Трудные повести» в «Слове» лишь упомянуты намеком (но с них начинается вся речь-поэма), а в летописи они представлены в натуре, как подробные, хорошо иллюстрированные произведения, полный текст которых сохранился в выписках Татищева, а миниатюры — в Радзивилловской летописи. Событиям 1096—1099 годов, борьбе Мономаха (еще не ставшего великим князем) за единство Руси посвящено несколько десятков миниатюр, изображающих «труды» и беды времен Любечского съезда (1097 год), решения которого почти точно цитируются в «Слове».

Рукопись с полным (еще не редактированным) изложением «трудных повестей» конца XI века была изготовлена в киевском скриптории Мстислава Великого, родоначальника «Мстислава племени», и, конечно, была известна знатным киевлянам во времена «Слова о полку Игореве», не говоря уж о летописце, продолжавшем хронику этой княжеской ветви, который в конце своей жизни подключил ранние материалы X—XI веков к своей хронике XII века.

Единство позиций летописи и «Слова» в отношении к истокам русских крамол несомненно. Презрение к зачинателям усобиц выразилось даже в том, что в «Слове» не назван по имени отец Олега — Святослав Ярославич, победивший Шарукана в 1068 году. О победе сказано, но только намеком, что ольберы и татраны черниговского князя в 1184—1185 годах могли бы вспомнить прадедную славу... Прадедом Ярослава был этот Святослав. Напомню, что летопись XI века говорит о нем так: «Святослав же бе начало выгнанию братню, желая большая власти...» Прадед, как зачинатель усобиц, наказан в «Слове» безымянностью.

Исторический раздел «Слова о полку Игореве» целиком построен на принципах Любечского съезда 1097 года, созванного Момахом («Старым Владимиром» «Слова»). Тяжелая война с Олегом «Гориславичем», предшествовавшая съезду, и последующая трехлетняя усобица, завершившаяся Витичевским съездом, — вот главная часть тех «старых словес», тех «трудных повестей» о сварах и войнах, облегчавших победы поганым, с которых Автор начал свою призывную и назидательную речь.

Современность 1180-х годов. И в рассматриваемой нами летописи, и в «Слове» оценки современной ситуации и отдельных лиц совершенно однозначны. И там и здесь мы видим отрицательное отношение и к половцам, и к тем русским князьям, которые союзничали с ханами (Ярослав Черниговский, Игорь). Среди князей и там и здесь на первом месте поставлен Святослав Всеволодич («Ольгович» и «Мстиславич» по крови), дважды отторгнутый киевским боярством от левобережных чернигово-северских Ольговичей и поставленный в Киеве в соправительство с Рюриком Ростиславичем, дважды побеждавшим его. Очевидно, учитывая эту сложность взаимоотношений (впослед-

ствии переходивших во временные ссоры), и летопись, и «Слово» несколько как бы приглушают значение Рюрика и приподнимают авторитет Святослава, который вовсе не был «бессильным патриархом», как считают филологи, и, побывав в свое время в плену у половцев, знал им цену и организовал несколько походов в степь. Некоторая панегиричность боярских оценок (и в летописи, и в «Слове») сознательно, чтобы избежать придворной лъстивости, не уравновешена восхвалением Рюрика. Но мы уже видели, что, как только Святослав умер, летописец-боярин дает Рюрику восторженную характеристику, возвышая его над умершим соправителем.

Летопись подробно говорит о князьях «Мстиславова племени», называя их врагов «злодеями» (Юрий, князь Туровский); «Слово» обращается с призывом к походу только к князьям «Мстиславова племени» (даже к юным княжичам, «троим Мстиславичам»); есть только два исключения: Всеволод Большое Гнездо, обещавший Святославу Киевскому свою помощь (1183 год), и Ярослав Осмомысл, с которым летописец установил дружеские отношения с самого первого дня его княжения в 1153 году. Войска Ярослава помогали Киеву в разгроме Кобяка в 1184 году («из Галича от Ярослава помощь»).

Давид, брат Рюрика, обвинен и в летописи, и в «Слове» за то, что «не притягъл» встретить набег половцев в 1176 году.

Упоминание в «Слове» полоцких князей, не принимавших участия в русско-половецких войнах, уравновешивается постоянным интересом киевской летописи к полоцким делам. Это, быть может, объясняется тем, что великая княгиня Мария Васильевна, жена Святослава, была полоцкой княжной, сестрой тех Васильковичей, о которых речь идет и в летописи, и в «Слове». Возможно, что интерес летописца Петра к Полоцку возник много раньше, когда он служил Изяславу Мстиславичу, начавшему свою военную карьеру победой на Полоцкой земле (1127 год). Тогда же, еще при Изяславе, он ввел в хронику ретроспективную легенду о Рогнеде, Владимире I и княжиче Изяславе Владимировиче, ставшем родоначальником полоцкой княжеской ветви.

Новгород Великий этих лет не представлен ни в летописи, ни в «Слове», кроме ретроспективного упоминания о давнем Всеславе Полоцком, «разбившем славу» Ярослава Мудрого в 1066 году.

Как видим, расхождений между летописью Петра Бориславича и «Словом» в оценке своих современников нет. Оба произведения смотрят на события и их участников глазами «Мстиславова племени» (Рюрика Ростиславича, Романа Мстиславича и других) и киевского боярства.

Два синхронных великих произведения. «Слово о полку Игоре» написано киевским боярином в 1185 году и произносилось перед князьями и боярами в Киеве во время приезда сюда Игоря Северского, освободившегося из плена (август 1185 года?).

Летописная повесть о походе Игоря, написанная, судя по языку, церковником галицкого происхождения около 1189—1190 годов с широким использованием киевских летописей обоих соправителей, написанных по свежим следам события, была включена в предполагаемый летописный свод Петра Бориславича, заверченный им к осени 1190 года. Возможно, что эта «Повесть» была написана по заданию боярина Петра для его свода с учетом смягчения отношений между Рюриком и Игорем: осенью 1188 года «отда Рюрик дочь свою Ярославну за Игоревича за Святослава в Новгород Северский».

По Киевскому своду 1198 года, включавшему в себя только часть материалов, имевшихся у составителя, мы не можем судить о полном объеме обобщающего труда Петра Бориславича, красивая концовка которого уцелела все же в своде Моисея под 1190 годом. Только приобщение татищевских выписок помогает нам понять всю грандиозность и необычность этого исторического труда, написанного с большим блеском, в совершенно новой манере.

Если мы задались целью проверить, не являлся ли Петр Бориславич и безымянный Автор «Слова о полку Игореве» одним и тем же лицом, то мы должны сопоставлять и сравнивать «Слово» не только с самой хроникой, не только с суммой погодных записей, из которых мы до сих пор извлекали сведения о самом авторе этой хроники, а с тем целостным (до редактирования 1198 года) трудом, который включал не только хронику событий, пополненную дневниками походов, княжеской перепиской, описанием хода заседаний боярской думы или военного совета, но включал и ряд специальных разделов, написанных при конечном оформлении этого труда в 1190 году:

1. Словесные портреты-характеристики великих князей.
2. Памфлеты.
3. «Речи мудрых бояр».
4. Некрологи-трактаты об идеальном князе.

Вставные «речи», памфлеты и эпитафии могли включаться в летопись по ходу дела, по мере ведения погодных записей, но портретные характеристики великих князей представляют собой целостную систему, которая позволяет определить время создания большого исторического труда Петра Бориславича.

Первые «портреты» обрисовывают нам двух князей-соперников — Святополка Изяславича (1093—1113) и «Старого Владимира» Мономаха (1113—1125). Это — время «трудных повестей» об усобицах Олега Святославича. В татищевских выписках эти повести даны в более полном виде. По всей вероятности, дополнения почерпнуты из Раскольничьего манускрипта, содержащего более полный (первоначальный?) вариант труда Петра Бориславича. Ссылки на Раскольничий манускрипт (не считая мелкой вставки о *ius primaе postis*) доходят вглубь до 1065 года, когда упомянуто венгерское происхождение жены Ростислава Тмутараканского, и именно с этого времени появляется ряд дополнений к «трудным повестям» в духе летописца «Мстиславова племени».

Княжеские характеристики появляются в историческом труде Петра Бориславича там, где кончается труд Нестора «Повесть временных лет». Новый историк подчеркнул своими княжескими портретами, что здесь начинается новый труд, построенный по новым принципам.

Выше мы уже ознакомились с княжескими характеристиками разных цесарей Руси XII века. Восторженно оценен «Старый Владимир». Резко отрицательно «Ольговичи» (Олег, Всеволод, Игорь), Юрий Долгорукий. Хвалебные строки посвящены Мстиславу Великому, его сыну Изяславу и внуку Мстиславу. Но некоторых князей Петр Бориславич не удостоил своего разностороннего отзыва. Таков Владимир «Мачешич», враг Мстислава (ему посвящена только нелестная эпитафия); полным молчанием обойден Глеб Юрьевич, позволивший казнить племянника Бориславичей. Петр Бориславич дал характеристику (и неплохую) Андрею Боголюбскому, «посадившему» Глеба в Киеве, а самого Глеба как бы вычеркнул из списка великих князей.

Не попал в этот список и Ярослав Изяславич, ненадолго оказавшийся в Киеве в ноябре 1173 года. Его упрекали в том, что он сел «право ли, криво ли». Боярский идеолог не посчитал его полноправным законным цесарем, присоединившись к тем, кто полагал, что этот князь сел «криво».

Последний некролог, подробно обрисовывающий боярский идеал князя, посвящен, как мы видим, Ярославу Осмомыслу (умер в 1187 году).

С 1176 года, а более основательно с 1181-го, в Киеве княжили Святослав и Рюрик. К моменту составления исторического труда Петром Бориславичем оба они были живы, и давать им итоговые оценки было еще рано. А когда скончался Святослав Всеволодич (1194 год), исторический труд был уже завершен.

Время составления огромного исторического труда Петра Бориславича определяется второй половиной 1180-х годов, а завершение его — 1188—1190 годами (после смерти Ярослава Осмомысла 1 октября 1187 года). Состав этого труда, по-видимому, был таков:

1. «Повесть временных лет» Нестора. Почти без дополнений.
2. Более полные, чем у Нестора, «трудные повести» о «полках Олеговых» и других усобицах XI века.
3. Повести о победах Владимира Мономаха начала XII века.
4. Ретроспективные записки о делах Изяслава Мстиславича (1127 год) по чужим материалам. Легенда о Рогнеде и Владимире I.
5. Переяславская летопись Изяслава 1142—1146 годов, написанная Петром Бориславичем, с ретроспективными авторскими припоминаниями с 1138 года и остроумными маргинальными символическими рисунками.
6. Великокняжеская киевская летопись Изяслава 1146—1154 года.
7. Отдельные заметки о Юрии Долгоруком и о Мстиславе Изяславиче.
8. Великокняжеская летопись Мстислава 1167—1169 годов.
9. Отдельные заметки 1169—1176 годов.
10. Великокняжеская летопись Рюрика Ростиславича 1176—1190 годов. В 1188—1190 годах оформление единого исторического труда.
11. Продолжение летописи Рюрика 1190—1196 годов.

Таким образом, сопоставляя «Слово о полку Игореве» с историческим трудом Петра Бориславича, мы получаем два почти одновременных и чрезвычайно сходных по духу и направленности произведения.

Оба они начинаются с «трудных повестей» XI века (ретроспективная часть летописи Петра), оба прославляют Старого Владимира Мономаха, порицают родоначальника Ольговичей Олега «Гориславича», и оба с разной степенью определенности обвиняют Игоря в нечестном сепаратном походе 1185 года («Слово» — намеками, летопись — фактами).

Остается лишь различие жанра, проявляющееся в форме, в образной системе, в степени эмоциональности.

Благодаря построчному рассмотрению «Слова о полку Игореве» в первой части этой книги, мы представляем себе его Автора как человека, прекрасно знающего жизнь во всех ее проявлениях, от безвременно пожелтевшего листа на дереве, от свиста испуганного суслика до движения многотысячных масс конницы, от которого растаптываются мелкие ручьи, а вода больших рек становится мутной, и до событий европейского масштаба, подготавливавших третий крестовый поход.

Таков же и Автор летописи, то поднимающийся на высоту и предваряющий описание событий обстоятельной обрисовкой ситуации в десятках княжеств и королевств, то записывающий допрос пленного или фиксирующий название деревни, где обедали или ночевали в походе.

Летописец Петр Бориславич обладал большим литературным талантом, умело, драматургически располагая материал, используя и повторы, и прием ретардации. Он часто вводит живую речь, не говоря уже о литературно оформленных «речах» мудрых бояр. Петр не торопится изложить результат события; он проводит своих героев через все промежуточные этапы, возбуждая интерес у тех будущих читателей, которым неизвестны детали. Боярин-дипломат хорошо владеет литературной композицией и продуманно строит годовые статьи своей хроники. Но обладал ли он тем художественным талантом, тем мастерством предельно насыщенного намека, той тонкостью краткого иносказания, которые так дороги нам в непревзойденном «Слове»?

В тексте летописи мы мало встретим таких художественных приемов. Фантазия вредна для летописца, намеки опасны для дипломата... Но

иносказания есть, и они обладают огромной впечатляющей силой. Вспомним юношескую хроникку Петра, писанную в Переяславле, когда он впервые приобщился к летописному делу в обстановке жесточайших схваток Ольговичей (плюс неизменные половцы) с Мстиславичами. У молодого боярина (или еще боярского сына) был образец обогащения хроникальных записей символическими рисунками. В скриптории самого Мстислава (примерно с 1117 по 1132 год) был, как мы помним, художник, который к обычным миниатюрам-иллюстрациям пририсовывал то медведя, символизирующего лес, то льва (герб Юрия Долгорукого), которого бьют дубиной, то кота с мышью, что означало победу в 1127 году Изяслава над полоцким князем. Петр в иллюстрировании своей первой летописи пошел дальше этого басенного приема и от зверей перешел в своих указаниях художнику к человеческим фигурам глубокого символического значения.

Нельзя себе представить, что художник, рисующий миниатюры в княжеской летописи, действует в подборе сюжетов вне воли самого летописца. Руководящая роль, несомненно, должна была принадлежать автору летописи, и особенно в тех случаях, когда летописцем является не подневольный монах, а рыцарь, боярин, называемый не только по имени, но и по отчеству и, судя по месту усадьбы его отца в Киеве (близ Золотых Ворот и Софийского собора), принадлежащий к верхам киевского боярства.

Миниатюры, к которым делались символические пририсовки, изображали бурные и кровавые события конца 1120-х и 1130-х годов. Ольговичи под знаменами старшего из сыновей Олега «Гориславича» — Всеволода — «Чурилы» (родного дяди Игоря) во главе многотысячных армий половецких всадников отвоевывают сначала Чернигов, а затем и Киев, попутно осаждая Переяславль и разоряя всю сердцевину среднеднепровской Руси. Ярополк, сын Мономаха, не мог уже оборонить и сохранить державу своего отца и брата; князья обособливались, отпадали, а Ольговичи, действовавшие в союзе с половецкими ханами, становились хищными и судорожно-беспокойными хозяевами Руси.

Этапы борьбы с Ольговичами отражены в тексте и в миниатюрах летописи Петра Бориславича. Это было переломное, трагическое время, когда на месте могучего государства «Старого Владимира», воспетого и в «Слове о погибели», и в «Слове о полку Игореве», появилось полтора десятка княжеств, враждовавших между собой и пасовавших перед снова возросшей половецкой опасностью.

Далекое новгородские наблюдатели южных раздоров и крамол с горечью констатировали:

1135 год. *«Сильно бо възмялася вся земля Русьская...» «И раздърася вся земля Русьская!..»* (Новгородская I летопись, стр. 23).

К событиям 1127 года, когда Всеволод Ольгович напал на родного дядю в Чернигове и «дружину его исече и разъграби», в летописи Петра Бориславича (в ее ретроспективной части) дана миниатюра, изображающая бесчинства былинного Чурилы Пленковича, а на полях (как уже говорилось выше) пририсован ограбленный голый плачущий человек.

Самый замечательный из всех символических маргинальных рисунков — тот, который относится к тому же 1135 году, что и приведенное горестное восклицание о распаде Руси, когда «придоша Олговичи с половци... и села пожгоша... и мног полон взяша». На миниатюре изображен русский князь (Всеволод), гонящий пленных, а на полях нарисован воин в шлеме, вонзающий себе в грудь кинжал или меч.

Рыцарь-самоубийца в год кульминации крамол и усобиц, в год явного обозначения феодальной раздробленности — это и великолепный показатель верного политического осмысления большого исторического явления, и прек-

расный художественный образ, лаконичный и выразительный. Это эпитафия к описанию новой исторической эпохи.

Очень неплох и язвителен другой рисунок: загонщик трубит в охотничий рог, как при облаве на красного зверя,— это «многое множество вой» Ярополка с нескольких сторон идут на Всеволода Ольговича. Облава. Каждая победа над Ольговичами с их половцами отмечена маргинальным рисунком трубача-герольда, трубящего победу.

За два-три года до того, как Петр Бориславич стал вести в Киеве царскую летопись Изяслава Мстиславича, он в иллюстрировании ретроспективной переяславской летописи этого князя проявил хорошую художественную интуицию и то самое умение выразить в иносказательной форме важную, общественно значимую мысль, которое позднее мы видим в «Слове о полку Игореве», продолжаящее давнее обличение Ольговичей, постоянно друживших с половцами и использовавших их против русских городов и сел.

Вторым отклонением Петра Бориславича от строго делового тона официальной летописи было несомненное знакомство с современным ему, складывавшимся по поводу описываемых им событий народным былинным эпосом.

При характеристике разгульного Всеволода Ольговича Петром использован былинный сказ о Чуриле Пленковиче, развратнике и насильнике, «киевскими бабами уплаканном».

В цикле былин о Чуриле (Кирилле) и Дюке Степановиче отразились события и детали событий, описанных в летописи Петра. Ряд русско-торческих былин отразил события 1160—1190 годов.

В двух указанных случаях мы можем отметить стремление Петра Бориславича ввести в свою хронику элементы богатырского эпоса и былин-новелл («Демьян» и «Чурила»).

Мы сопоставили два интереснейших произведения русской общественной мысли конца XII века, разных по форме, по степени подробности, но чрезвычайно близких по духу, по своей патриотической направленности, по симпатиям и антипатиям к историческим деятелям. Оба произведения созданы в одной социальной среде — среде киевского боярства, политическое credo которого содержало ряд объективно прогрессивных положений: князь должен управлять землей не самочинно, а в согласии со «смысленными» людьми, с представителями нового, недавно еще родившегося класса феодалов, пока еще прогрессивного класса. Князь должен заботиться о народе, о его нуждах (см. характеристику Михалки Юрьевича и строки «Слова» о ратаях), о правосудии, оберегать людей от произвола княжеских тиунов и рядовичей. Князь должен заботиться о развитии ремесел и торговли, оберегать торговые пути. Это повседневность.

В особо важных государственных делах войны и мира князь обязан советоваться с боярской думой; пренебрежение может грозить изгнанием.

Князь не должен никаких усобиц затевать и начинать военных действий против князей Русской земли. Но князь должен быть хорошим полководцем, организатором войска, стратегом и тактиком, обязан защищать русскую землю от половцев и не входить с ними в наступательный союз. Ни в «Слове», ни в летописи 1190 года нет возражений против существования суверенных княжеств.

Эта программа была прогрессивна и вполне отвечала требованиям исторического момента второй половины XII века. Все основные звенья этой программы есть и в «Слове», и в летописи Петра Бориславича.

Все оценки исторических лиц и событий как в далекие времена дедов и прадедов, так и в современности 1180-х годов одинаковы в обоих произведе-

дениях. Идеалом князя является «Старый Владимир» Мономах, а отрицательными героями — князя вроде Святослава Ярославича, его сына Олега «Гориславича» и трусливого Давыда Ростиславича.

Игорь, печальный «герой» поэмы-речи, показан и там и здесь двойственно, что полностью соответствовало ситуации 1180—1185 годов, когда Игоря нужно было, с одной стороны, справедливо, с полным основанием обвинить в дружбе с Кончаком, в отрыве от Руси, в отказе от общерусских превентивных походов, а с другой стороны, оторвать от Кончака, предотвратить чудовищную по своим последствиям опасность создания русско-половецкой коалиции в составе Черниговского и Северского княжеств и «Черной Кумани» Шаруканида Кончака.

Язык обоих произведений, как показали исследования лингвистов, одинаков даже по специфическим редчайшим оборотам и словам. Добавлю, что и там и здесь явно видно знание тюркского языка «своих поганых», с которыми на протяжении многих десятилетий были тесно связаны князья Мстиславова племени.

Все изложенное выше позволяет высказать предположение, что автор «Слова о полку Игореве» 1185 года и современный ему автор летописного труда 1190 года одно лицо — киевский боярин Петр Бориславич. Эта гипотеза, как уже говорилось, была высказана мною в 1972 году, когда я писал:

«Летопись Петра Бориславича оказалась, по существу, первым русским политическим трактатом необычайной литературной яркости, посвященным выяснению главных задач русских княжеских домов в пору строительства более прогрессивной политической формы — суверенных феодальных княжеств-земель...

Два важнейших политических принципа пронизывают и летопись, ведущуюся на протяжении многих лет, и поэму, созданную автором «в серебряной седине»: мирное без усобиц и свар строение князьями своих земель и совместная борьба с половецкими наездами. С большой высоты своего соколиного полета над всей Русью не от имени только одних киевских «лепших мужей», а от имени всего русского народа, всех воев и ратаев-пахарей обращается наш автор к князьям русской земли. Без униженности, без упования на божье милосердие, но эпически спокойно в летописной прозе и взволнованно-величаво в своей речи он обращается к могущественным князьям, то повествуя, то порицая, то призывая, но всегда ставя на первое место не династические интересы, не выгоду отдельных лиц, как бы высоко они ни стояли, а интересы всей Руси, всего русского народа XII столетия.

Нельзя доказать непреложно, что «Слово о полку Игореве» и летопись «Мстиславова племени» действительно написаны одним человеком. Еще труднее подтвердить то, что этим лицом был именно киевский тысяцкий Петр Бориславич. Здесь мы, вероятно, навсегда останемся в области гипотез. Но поразительное сходство, переходящее порою в тождество, почти всех черт обоих произведений (с учетом жанрового различия) не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений».

Теперь, после появления книги В. Ю. Франчук о киевской летописи, несколько неуверенный тон по поводу авторства Петра Бориславича в отношении киевской летописи 1190 года (плюс татищевские выписки, которыми лингвисты и не должны заниматься) можно убрать.

Последнее, чем мне хочется завершить эту книгу, являющуюся кратким итогом дальнейших изысканий и размышлений над этими двумя гениальными произведениями, — еще один взгляд на события 1168 года, в описании которых в летописи Петра Бориславича есть фраза, прямо ведущая к первой строке «Слова о полку Игореве». В очищенном от дополнений в церковном стиле,

сделанных рукой непрошеного редактора (после конфликта с князем), эта фраза выглядит так:

«А лепо ны было, братье, поискати отец своих и дед своих пути и своей чести!»

Поход 1168 года в те самые места, где в 1184 году Святослав и Рюрик (оба — участники похода 1168 года) разгромили Кобяка, был удачным:

«и толико взяша полона множество, якоже всим руским воем наполнитися до избыльа и колодники и чагами и детми их и челядью и скоты и конми. Хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу вси». (Ипатьевская летопись)

Победа была омрачена жадностью князя Мстислава,

«оже угаивъся их, пусти на вороп (за добычей) седельники свое и кошее ночь(ю) заложивъся, отай. И сердце их (всех князей) не бе право с ним».

Вот здесь-то, при гостеванье у Глеба (сына Юрия Долгорукого), враждебного и великому князю Мстиславу, и боярам Бориславичам, и возник тонко подстроенный конфликт, организованный как князьями, сердца которых были «не право» с великим князем, так, очевидно, и церковниками, недовольными самостоятельностью епископа Федора, племянника Бориславичей.

Бориславичей обвинили в том, что их холопы поставили клейма («пятна») своих бояр на трофейных конях, только что «отай» захваченных людьми великого князя. Мстислав «отпустил от себя» служивших ему, очевидно, на вассальных правах Петра и Нестора Бориславичей. Одна из задач врагов Мстислава Изяславича была решена — его тысяцкий Петр Бориславич перестал быть его союзником. Как увидим в дальнейшем — ненадолго.

Далее рукою церковника, к которому попала в какое-то время летопись Петра Бориславича, написано, что по наущению дьявола братья Бориславичи сообщили Давыду Ростиславичу «злые речи» на великого князя Мстислава: если Мстислав будет звать обоих Ростиславичей, Давыда и Рюрика, на обед, то именно там, на пиру, братья Ростиславичи и будут схвачены.

Ростиславичи передали суть доноса (не называя имен) Мстиславу; тот созвал боярскую думу, заявил о лживости доноса. Бояре подтвердили правоту Мстислава:

«Тобе без нас того нелзе было замыслити, ни створити, а мы вси ведаем твою истинную любовь к всей братье».

Бояре посоветовали Мстиславу повторить крестоцелование и потребовать от Давыда (Рюрик не очень поверил своему брату Давыду) выдачи тех, «кто ны сваживаеть». Давыд отказался назвать имена.

Таким образом, вина Бориславичей в том, что они будто бы «молвили» Давыду, осталась недоказанной ни юридически, ни источниковедчески. Перед лицом всех князей, бояр и духовенства великий князь целовал крест Ростиславичам, а Ростиславичи ему в верности прежней договоренности «обаче сердце их, — повторно пишет летописец, — не бе право с ним». Здесь снова мы ощущаем руку Петра Бориславича, опирающегося на корпоративность киевского боярства и обвиняющего в конфликтной ситуации не Мстислава, который «лиха не замышлял», а тех князей, которые искали повода (захват коней) или причины (замысел ареста князей) для ссоры и войны с Мстиславом. И война через три-четыре месяца состоялась по инициативе тех самых князей, которые осенью 1168 года принесли ложную присягу Мстиславу. При штурме Киева войсками этих князей (при поддержке Андрея Боголюбского) в начале

марта 1169 года «окаяннии бояре (Бориславичи) и к сим мнози злии человеци и демонстии советници» снова были обвинены в том, что помогали врагам Мстислава.

(Петр и Нестор Бориславичи и неизвестный ранее торк Яков Дигеневич были обвинены в том, что носились с войсками Андрея Боголюбского и будто бы указали им слабые места киевской крепости.

Киевское боярство могло, конечно, перейти на сторону большинства князей, которое образовало стан врагов Мстислава, но Петр Бориславич никогда не таил выступления бояр против князя, не должен был таить их и в этом случае. Тем более что он сам написал о неправоте Мстислава в вопросе о трофеях.

Смушает церковная напористость в обвинении Бориславичей, совпавшая с травлей Федора. Есть это известие только в Никоновской летописи XVI века.)

Рука церковника в этих вставках видна явно. А мы должны помнить, что в летописях непосредственно за этим сообщением о Бориславичах следует подробный рассказ о мнимых злодеяниях их племянника епископа Федора, который пошел против воли митрополита Константина, самовольно ездил в Византию к патриарху и был облит потоком невероятных чудовищных обвинений (пытал людей, четверговал, разрубал пополам, женщин варил в котлах...). Вскоре после изгнания Мстислава из Киева епископ Федор, внук Борислава, был зверски казнен митрополитом на Песьем острове под Киевом.

В дошедшем до нас киевском своде 1198 года рассказ о событиях 1168—1169 годов выглядит явно двойственным: благожелательная к Мстиславу боярская летопись (Петра Бориславича) велась до весны 1169 года. Конфликт, поднятый Давыдом, описан той же дружеской по отношению к Мстиславу рукой. После ухода Мстислава из Киева (8 марта 1169 года) та же дружеская рука Петра Бориславича описывает в отдельных заметках несчастья Мстислава, измену Черного Клобука и следит за всеми его делами.

Но на время смены князей в Киеве (Глеб Юрьевич вместо Мстислава Изяславича) великокняжеская летопись Петра Бориславича вполне могла попасть в руки его врагов, и какой-либо монах или священник из митрополичьего окружения прилепил к тексту Петра Бориславича и злокозненного дьявола и демонских советчиков, а в государственную, новую великокняжескую летопись Глеба попали особые повести о еретике Федорце и о делах благочестивого и благоверного князя Андрея.

Если в руки человека из окружения нового князя Глеба, ставшего князем Киева (или наместником цесаря Андрея?) при помощи всех князей, о которых Петр Бориславич дважды сказал, что они недовольны Мстиславом, что «сердце их не бе право с ним», и объяснил первопричину недовольства — поспешный захват великим князем половецких табунов, попала летопись Петра Бориславича с этими сведениями, то новому продолжателю летописи ничего не стоило только на основе этого текста сочинить и конфликт из-за коней, и мнимый заговор против Ростиславичей.

«Злокозненный дьявол» мог подсказать эту мысль Давыду, которого Петр Бориславич не любил (как и Автор «Слова»), и не без удовольствия вписал в летопись итог событий 1176 года: «А Давыд виноват!» Вторично Петр Бориславич подробно описал бегство Давыда с театра военных действий в 1185 году, в самый острый момент отражения Кончака.

Реальный конфликт между князем и боярами мог, разумеется, возникнуть, но искусственная гиперболизация его в момент грязной борьбы с Федором была делом литературным, полемическим — Петр Бориславич (как и Автор «Слова») не жаловал церковность.

Подробный разбор трансформации летописи Петра Бориславича важен

для нас не только для очищения его имени от явных поклепов, но и для последнего эпизода сопоставления летописи и «Слова о полку Игоре» в связи с походом 1168 года.

Два превентивных похода на половцев в Предпорожье Днепра в 1168 и в 1184 годах были чрезвычайно схожи по месту действий, по широте района мобилизации, по своей победоносности. Но у них было одно и весьма для 1180-х годов существенное различие: в первом походе 1168 года в числе 12 князей были и Ольговичи (Олег и Буй-Тур Всеволод, братья Игоря).

«Бяху бо тогда Ольговичи в Мьстиславли воли».

В 1184 году в поход, так торжественно, как общеевропейское событие, воспетый в «Слове о полку Игоре», Ольговичи не пошли, призыв Святослава отвергли, а Игорь крайне цинично пригласил своих родичей воспользоваться уходом половецких всадников из своих кочевий на битву под знаменами Кобяка и ударить на беззащитные вежи по приграничной речке Мерлу.

Осенью 1185 года, когда на съезде князей по поводу приезда Игоря в Киев за помощью Автора «Слова» призывал помочь ему, собрать все русские силы от Дуная до Волги, не было лучшего исторического примера единения всех русских князей, в том числе и Ольговичей, чем пример победоносного похода 1168 года. Ведь среди слушателей пламенного «Слова» было, по крайней мере, трое участников этого похода.

Почему же умолчал Автор «Слова» о таком близком и убедительном примере единства и победы?

Очевидно, потому, что здесь была чисто личная причина, что он, Автор «Слова о полку Игоре», и был тем тысяцким Петром Бориславичем, которого оклеветали сразу после похода 1168 года. Весь комплекс событий, последовавших за этим походом (клевета церковников, разгром Киева русскими князьями, казнь епископа Федора, отравление киевскими боярами великого князя Глеба), был настолько трагичен и тяжел, что автор — Петр не захотел о нем напоминать.

Как Кобяка победили без Ольговичей, так через год и Кончака одолели без них, а на будущее призыв «Слова» обеспечил единство всех русских сил в противостоянии воинственному Полю Половецкому (единство 1187 года).

Петр Бориславич теперь мог не поминать черные времена, а порадоваться достигнутому согласию:

*«Страны ради, гради весели!..
...Здрави князи и дружина,
Побарая за христьяны на поганья полки!»*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА О «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

- Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I—II. М., 1887.
- Перетц В. «Слово о полку Игоревѣ». Київ, 1926.
- Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». М., 1938.
- «Слово о полку Игоревом» /Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Перевод и комментарии Д. С. Лихачева. М—Л., 1950.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Сб. М—Л., 1966.
- Кузьмина В. Д., Рыбаков Б. А., Филин Ф. П. Старые мысли, устарелые методы.— «Вопросы литературы», 1967, № 3.
- Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. М—Л., 1966.
- Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв.
- Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве». М., 1965. Издание ценно тем, что здесь пронумерованы строки.
- Плетнева С. А. Половецкая земля.— В сб.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Плетнева С. А. Донские половцы.— В сб.: «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ (1185—1985 ГОДЫ)

- «Слово о полку Игореве. 800 лет». М., «Сов. писатель», 1986.
- «Слово о полку Игореве». М., «Современник», 1986.
- «Слово о полку Игореве» /Домнин А., Комлев А. П., Творогов О. В./ . Свердловск, 1985.
- Исследования «Слова о полку Игореве». Сб. Л., 1985.
- Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве». Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1989.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Ипатьевская летопись.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. II. М., 1962. В составе этой летописи находится Киевский летописный свод 1198 года, на данных которого построена эта книга.
- Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, т. I, М., 1962.
- Татищев В. Н. История Российская, т. II. М—Л., 1963; т. III. М—Л., 1964.
- Никоновская летопись.— ПСРЛ, т. X. М., 1968.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

- Творогов О. В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве».— «Русская литература», 1977, № 4.
- Дмитриев Л. А. 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». Некоторые итоги и задачи изучения «Слова».— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976.

- Кудряшов К. В. Про Игоря Северского, про землю Русскую. М., 1959.
- Робинсон А. Н. «История всемирной литературы», т. II.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
- Лихачев Д. С. Об авторе «Слова».— «Огонек», 1986, № 20, с. 16—17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Д м и т р и е в Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — «Русская литература», 1986, № 4.
- Ф р а н ч у к В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976.
- Ф р а н ч у к В. Ю. Киевская летопись. Киев, 1986.

ОБОСНОВАНИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ Б. А. РЫБАКОВА НА СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДАНО В СЛЕДУЮЩИХ ЕГО КНИГАХ И СТАТЬЯХ:

Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.

- а) «Троян», готы и Бус в «Слове».
- б) Былинный эпос о Всеславе Полоцком и о Шарукане.
- в) Княжеская переписка в составе летописи.

Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. — ТОДРЛ, т. 24. Л., 1969.

«Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

- а) Жизнь поэмы в XI—XVI веках.
- б) Герои событий 1180-х годов.
- в) Летописные источники о походе 1185 года.
- г) География похода. Местоположение р. Каялы (с картами).

В. Н. Татищев и летописи XII в. — «История СССР», 1971, № 1.

Анализ достоверности татищевских выписок из не дошедших до нас рукописей. Выяснено, что всем сведениям Татищева можно вполне доверять.

Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972

- а) Анализ Киевского летописного свода 1198 года.
- б) Анализ татищевских выписок в сопоставлении с летописными статьями.
- в) Выявление летописи боярина Петра Бориславича (1146—1196 года).
- г) Автор «Слова» по данным поэмы.
- д) Предположение: Петр Бориславич мог быть автором «Слова о полку Игореве».

Историческое осмысление «Слова о полку Игореве». — «Коммунист», 1985, № 10.

«Перепутанные страницы» (с первоначальной конструкции «Слова»). — В сб.: «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.

(В этой статье мною допущен существенный недосмотр, исправленный в публикуемой книге: раздел «Старых словес» о «трудных повестях» не перенесен мною в самое начало повествования, как этого требует автор «Слова».)

Историческая канва «Слова о полку Игореве». — «Наука и жизнь», 1986, № 9 и 10.

«Слово о полку Игореве» в веках и современности». (Речь в Большом театре 26 сентября 1986 г.). — «Вестник АН СССР», 1987, № 1.

«Боричев Увоз» в «Слове о полку Игореве». — «Русская речь», 1987, № 2.

Рыбаков Б. А.

Р 93 Петр Бориславич : Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М.: Мол. гвардия, 1991, — 286 [2] с., ил.

ISBN 5-235-00500-7

Об эпохе создания «Слова о полку Игореве», историческом осмыслении этого выдающегося памятника древнерусской литературы, о поиске его автора рассказывает академик Б. А. Рыбаков.

Р $\frac{0503020000-092}{078(02)-91}$ **КБ—019—003—90**

ББК 83.3Р1+ 63.3(2)41

ИБ № 5894

Борис Александрович Рыбаков

ПЕТР БОРИСЛАВИЧ

Заведующий редакцией В. Щербаков

Редактор Л. Антонюк

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Т. Кулагина

Корректоры Т. Контиевская, Е. Самолетова,

Н. Овсяникова, В. Назарова, Н. Самойлова

Сдано в набор 26.02.90. Подписано в печать 04.03.91. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 23,4. Условн. кр.-отт. 94,2. Учетно-изд. л. 24,9. Тираж 30 000 экз. Цена 10 руб. Заказ 1050.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00500-7

10 руб

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Б.А. Рыбаков Поиск автора «Слова о полку Игореве»